

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ

Том 2

Волгоград
«Парадигма»
2005

ББК 81.0 + 81.432.1

А 21

Научные редакторы -

доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик,
доктор филологических наук, профессор И.А. Стернин.

Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика,
И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма,
2005. – 356 С.

А 21

ISBN 5-89395-236-X

Антология концептов представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале русского, английского, немецкого, французского и китайского языков.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы когнитивной лингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации.

ББК 81.0 + 81.432.1

© Редактирование. В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2005.

© Коллектив авторов, 2005.

ISBN 5-89395-236-X

СОДЕРЖАНИЕ

Концепты

Америка	О.А. Урусова (Кемерово)
Вода	А.В. Костин (Иваново)
Встреча, приветствие, прощание, расставание	В.А. Шемарова, Р.М. Гайсина (Уфа)
Грех	Н.О. Козина (Иваново)
Деньги	Н.Э. Агаркова (Иркутск)
Домовой и русалка	О.В. Абыякая (Санкт-Петербург)
Дорога	О.О. Ипполитов (Воронеж)
Дурак	Е.В. Бусурина (Санкт-Петербург)
Женщина	Н.А. Паскова (Иркутск)
Жизнь	О.А. Ипанова (Санкт-Петербург)
Купля / продажа	А.Г. Осипова (Санкт-Петербург)
Наказание	А.А. Контримович (Иркутск)
Оскорбление	Г.В. Кусов (Краснодар)
Преступление	Ю.Г. Евтушок (Иркутск)
Пространственная ориентация	Е.Н. Евтушенко (Волгоград)
Путешествие	Лю Цзюань (Волгоград – Чанчунь, КНР)
Риск	Н.Н. Ефимова (Иркутск)
Россия	О.Г. Орлова (Кемерово)
Собственность	Е.В. Бабаева (Волгоград)
Торг	Ю.Н. Петелина (Астрахань)
Труд	Т.В. Гоннова (Волгоград)
Труд	О.Е. Чернова (Екатеринбург)
Умение жить	Э.В. Грабарова (Волгоград)

Концепты

О.А. Урусова (Кемерово)

АМЕРИКА

Проблема концептуализации языком окружающей человека действительности остается чрезвычайно актуальной. В рамках когнитивной лингвистики предполагается изучение различных структур знания, лежащих в основе языкового функционирования, первостепенной задачей становится выявление концептов, анализ их структуры и содержания.

Целью данной статьи является обобщающее описание языковых способов и средств объективации концепта АМЕРИКА, а также выявление структуры исследуемого концепта. Делается попытка определить специфику ментального объекта, стоящего за именем АМЕРИКА и его синонимами.

Поиск различных лингвистических методик для исследования концептов обусловлен сложностью концептуальных структур. Ведущими методами признаются концептуальный анализ и фреймовый анализ. Ключевым термином фреймового анализа является термин «фрейм»; наряду с «образами», «прототипами», «схемами» и др., фреймы представляют собой разного рода связанные конструкции, в виде которых в памяти человека хранятся знания об окружающем мире (Кобозева 2000: 65). Разработка подобных когнитивных структур связана, в первую очередь, с работами Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа, М. Минского. Фреймы, когнитивные структуры, стоящие за значением слова и обеспечивающие его понимание, образуют иерархически упорядоченные элементы – субфреймы, а также слоты, более мелкие единицы, составляющие какой-либо аспект, часть фрейма.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, «структура и содержание различных концептов выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» (Болдырев 2004: 26). Первоначально анализ концепта предполагает определение его репрезентантов, для каждого из которых приводятся словарные дефиниции. Описание концепта АМЕРИКА представляется как выявление максимально полного набора признаков, свойственных данному концепту. Выделяемые признаки, а также слоты, субфреймы и фреймы как раз и формируют структуру концепта. На основе собранного фактического материала формируются фреймы АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО, АМЕРИКА – СТРАНА/ ТЕРРИТОРИЯ, АМЕРИКА –

ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, АМЕРИКА – ЧЕЛОВЕК, АМЕРИКА – ЖИВОТНОЕ, АМЕРИКА – ПРЕДМЕТ. Кроме этого, выявляются субфреймы и слоты, составляющие тот или иной фрейм. Параллельно описываются языковые способы (метафора, метонимия) и языковые средства (типы конструкций), используемые для вербализации концепта АМЕРИКА в публицистических текстах.

В первую очередь, АМЕРИКА связывается в общественном сознании с конкретной страной, и это понимание отражено в значениях соответствующих лексем в толковых словарях русского языка. В «Большом толковом словаре русского языка» лексема Америка определяется следующим образом:

1. Часть света, образованная двумя материками – Северной Америкой и Южной Америкой.

2. разг. Соединенные Штаты Америки (государство в Северной Америке) (БТСРЯ 1998: 37).

Следует отметить, что в российской прессе встречаются несколько способов объективации концепта АМЕРИКА (ср: обозначения Советского Союза: СССР, Советская страна, страна советов, советская земля; см. в: Купина 1995: 54). Во-первых, это официальное название государства – Соединенные Штаты Америки. Во-вторых, употребляется разговорный вариант – Америка. И, наконец, встречаются сокращенные формы официального названия – Соединенные Штаты (случай так называемого эллипсиса, т.е. пропуска слова или его части), Штаты и аббревиатура США. Кроме вышеперечисленных наименований, в значении «Америка» могут выступать некоторые перифразы. Как отмечает А.Б. Новиков, «перифразы служат средством, помогающим избежать повторов в тексте, одновременно они характеризуют вторично называемый объект, раскрывая какой-то его признак» (Новиков 1999: 3).

«Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения» приводит перифразу дядя (дядюшка) Сэм с пометой «ироническое» в значении «Соединенные Штаты Америки, правительство США» (предполагается, что это выражение возникло как шутливая расшифровка буквенного сокращения USA – United States of America – Uncle SAm). Другая перифраза – Новый Свет – приводится в словаре также со значением «Америка». Более представительным в прессе оказывается типизированный прием обозначения страны по названию ее столицы. Лексема Вашингтон (во втором значении) обозначает «Соединенные Штаты Америки, правительство США», например: «*В понедельник Вашингтон обрушился с беспрецедентными по резкости обвинениями на соседнюю с Ираком Сирию*» (КП №69. 2003). Как правило, лексема

Вашингтон употребляется в случаях описания политической жизни государства, официальных действий его руководства.

Под словом Запад объединяются «страны Западной Европы и Америки, противопоставляемые Восточной Европе и Востоку» (КСПЯ 2002: 96). Однако, как отмечают социологи, «... “Запад” в качестве глобальной угрозы и НАТО с ее предполагаемыми агрессивными и гегемонистскими устремлениями отождествляется прежде всего с Америкой, а Западная Европа в целом, и тем более отдельные западноевропейские страны, рассматриваются в качестве «носителей угрозы» только в связке с США и НАТО и теряют такое качество, если эта связка выводится за рамки обсуждаемой проблемы» (Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001: 213). Как показывают опросы Фонда общественного мнения, образы США и “Запада” (НАТО) в восприятии россиян во многом совпадают. Употребление лексемы Запад свидетельствует о союзнических отношениях Америки со странами Западной Европы, их общих интересах и действиях, например: *«Запад, и прежде всего США, претендуют на то, чтобы объединить и подчинить себе действия мирового сообщества, только теперь уже не под лозунгом глобализации, а под лозунгом новой многолетней холодной войны с новым мировым злом»* (Изв. №223. 2001).

Некоторые контексты содержат реалии, характерные именно для американской действительности: *«На Западе в «гарлеме» обычно живут расовые меньшинства...»* (КП №5. 2002).

В российской публицистике Америка может обозначаться предложно-падежной конструкцией за океаном, в этом случае подчеркивается пространственная характеристика. «Словарь синонимов русского языка» приводит прилагательное заокеанский в качестве синонима слову американский (ССРЯ 1968: 25).

Лексема сверхдержава в значении «мощное в политическом, экономическом и военном отношении государство» (КСПЯ 2002: 249) также в первую очередь ассоциируется с Америкой, например: *«...став единственной сверхдержавой, Соединенные Штаты начали формировать «под себя» модель всего мироустройства»* (КП №12. 2003).

Признаки, характеризующие концепт АМЕРИКА, могут выражаться с помощью атрибутива. БАС приводит три основных значения прилагательного американский:

1. «Относящийся к Америке, американцам, принадлежащий им».

2. «Свойственный американцам; такой, как у американцев».

3. Американские горы. Сооружение для развлечений в виде крутых спусков и подъемов с рельсами, по которым двигаются санки или тележки (БАС: 153-154).

Наиболее частотными способами, с помощью которых вербализуется концепт АМЕРИКА, являются США (57%) и Америка (32%). Остальные способы вербализации исследуемого концепта – Штаты (4%), Вашингтон (3%), Соединенные Штаты (2%), Запад (1,6%), за океаном (0,3%), дядюшка Сэм (0,2%), супердержава (0,2%), Новый свет (0,1%) – являются нечастотными в публицистических текстах.

Специфику результатов восприятия и понимания того или иного явления выражает внутренняя форма номинативной единицы. «Признак, положенный в основу названия, указывает на то, что стало для языкового сознания наиболее существенным, на тот аспект в структуре явления, посредством которого возможно его целостное понимание» (Токарев 2003: 73). Этимология лексемы Америка как географического названия описывается в «Кратком топонимическом словаре» (Никонов 1966: 23): «Немецкий ученый Вальдземюллер в 1507 г. предложил название Америки по имени Америго Веспуччи (Америго переделано в Америку по аналогии с Африкой)». Как известно, итальянский мореплаватель Америго Веспуччи первым предположил, что открытые в Западном полушарии земли являются Новой частью света. Метонимический перенос имени человека-первооткрывателя на объект открытия, положенный в основу наименования этой страны, отличает Америку от названий некоторых других стран, которые произошли от наименования населения, занимающего ту или иную территорию (ср. англы → Англия, франки → Франция).

Особенностью представления концепта АМЕРИКА в текстах печатных СМИ является персонификация. По замечанию О.Н. Лагуты, «на основе метонимических связей происходит уподобление общества человеку, что отражает древнее социальное устройство, в котором отдельные члены общества выделялись только по определенным ролям, а человек был, прежде всего, «частью» рода, племени» (Лагута 2003: 118). Общество раньше воспринималось как единый организм, другими словами, как «большой человек» (или «внешний человек», по определению О.Н. Лагуты). «Этот антропоморфный облик любой общественной группы сохраняется до сих пор» (там же). Так, АМЕРИКА (как общественное образование) уподобляется человеку, на что указывают различные антропоморфные признаки, а также частотность употребления лексемы *Америка* в позиции агенса, ср: «*Только на охрану семей каждого из них [экс-президентов] США тратят*

ежегодно 500 тыс. долларов» (АиФ №1. 1999); «Впервые со времён Второй Мировой войны США, образно выражаясь, «закрыли граници» – ввели усиленный досмотр транспорта и грузов» (Изв №215. 2001). Отметим, что на основе метонимии антропоморфными чертами могут наделяться Вашингтон и Белый Дом, например: «Вашингтон болезненно воспринял «удар в спину» от союзников» (КП №25. 2003); «Белый дом добивается их [экономических санкций] отмены для того, чтобы увеличить добычу иракской нефти примерно до 2,5 млн. баррелей в день» (АиФ №20. 2003).

По поводу выделения роли агенса в предложении В.З. Демьянков пишет: «Когда говорят, что концепт, выражаемый некоторым словом в предложении, играет семантическую роль агенса, имеют в виду, что в картине, входящей в смысл всего предложения, в данном месте (в данной «прорези») видится действующее одушевленное существо» (Демьянков 2002: 138). Подобно человеку, АМЕРИКЕ присваивается способность к различным действиям (физическим, интеллектуальным, речевым) и определенным состояниям (эмоциям, восприятию, мнению, желаниям, знаниям и т.д.). АМЕРИКА живет, тратит деньги, испытывает разные чувства (беспокоится, боится, обижается), совершает различные действия (преимущественно военные: грозит, вторгается, наносит удары, терпит поражение). В некоторых случаях лексема *Америка* употребляется в конструкциях с возвратными глаголами (возмутиться, опасаться, успокоиться, превратиться, сдаваться, поторговаться), обозначающими эмоциональные переживания, бытие, военные и торговые отношения, например: «*Наши ветеринары обнаружили в мясе из Америки сальмонеллу. «Ножки Буша» тут же объявили персонами нон грата. Америка возмутилась»* (КП №27. 2002); «*США до сих пор не могут успокоиться от потери этой страны в результате антишахской революции 1979 г.»* (АиФ №30. 2003).

АМЕРИКЕ свойственны ментальные действия, которые связаны в некоторой интерпретацией (суждение, подозрение, мнение, оценка, понимание, осознание, предположение). Знание, нейтральный признак в этом ряду, связывается с просчетами в экономике: «*За последний год – полтора Америка то и дело узнает о том, что крупнейшие предприятия страны становятся банкротами из-за махинаций их руководства с бухгалтерской отчетностью»* (КП №121. 2002).

Для концепта АМЕРИКА социальные признаки выступают как наиболее показательные и частотные. АМЕРИКА «обитает» в социальном мире, в качестве которого выступает мировое сообще-

ство, а его «членами» являются разные государства. Америка может выступать в признаках различных социальных ролей и функций, причем это передается сценарием лицедейства: “надеванием” на себя тех или иных масок. Для концепта АМЕРИКА свойственны признаки «врача»: *«В случае же с антитеррористической операцией в Афганистане мы взаимодействуем во имя наших собственных интересов: США там лечат то, что было нашей головной болью»* (КП №31. 2002); «военного»: *“... США могут начать боевые действия не только против Сирии”* (КП №69. 2003); «воспитателя»: *“Вон США повоспитывали сомалийцев, да и плюнули, и сбежали”* (Иностр. №29. 1998); «работодателя»: *“Раз США берут на работу программистов из других стран, значит, своих они в достаточных количествах воспитать не могут”* (АиФ №43. 2001); «производителя»: *“Сегодня США ежегодно производят 4 млн. единиц стрелкового оружия общей стоимостью 1,2 млрд. долларов”* (Изв. №232. 2001); «потребителя»: *“Основными потребителями иракского «черного золота» были США”* (КП №74. 2003); «игрока»: *“США доигрались. Мировые цены на «черное золото», на котором американская экономика сидит, как наркоман – на игле, подпрыгнули до рекордных за последние 20 лет – 33 доллара за баррель”* (КП №26. 2003); «наездника»: *“Следом за Штатами передовые позиции оседлала Бельгия, Ирландия и Франция”* (КП №178. 2003); «авантюриста»: *“Он [министр обороны ФРГ] встречался с Игорем Ивановым и очень порадовал нашего министра здоровыми суждениями насчет “авантюры США” построить свою систему национальной противоракетной обороны”* (Изв. №23. 2001); «донора»: *“...США – основной донор программы – приостановили свою помощь”* (Изв. №23. 2001); «посредника»: *“Такой шаг, заметил госсекретарь, вызовет возмущение в арабском мире и, как следствие, уменьшит возможности США играть роль посредника между израильтянами и палестинцами”* (Изв. №20. 2001); «помощника»: *“Оказывается с конца 70-х по 1990 год США оказывали Ираку активную помощь в разработках ядерного, химического, биологического оружия и ракетной техники”* (КП №58. 2003); «кредитора»: *“В обмен на голову Слобо США пообещали кредит на 40 млн. долларов и инвестиции”* (АиФ №30. 2002); «инвестора»: *“Согласно документу, Штаты раскошелятся на инвестиции в наш топливно-энергетический комплекс и поддержат нефтяную экспансию России на международные рынки”* (КП №93. 2002); «спонсора»: *“Америка обещает сомалийцам солидную помощь в обмен на сотрудничество в борьбе с терроризмом”* (Изв. №235. 2001); «поставщика»: *“... Штаты*

поставляют в эту закавказскую республику [Грузию] боевые вертолеты, а в скором времени намерены отправить туда группу военных инструкторов» (КП №38. 2002); «человека, наделенного властью (жандарм, судья, палач)»: «Тот многоцветный коктейль рас, наций, народностей, континентов и эпох, который разлит в чаши каньонов, озер и компьютеров американской цивилизации, делает США превосходным арбитром» (Иностр. №29. 1998), «Президент Буш сделал выбор: США взяли на себя роль мирового жандарма» (АиФ №6. 2003), «США арестовали 1,62 миллиарда, принадлежащих Ираку и размещенных на счетах в американских банках» (КП №57. 2003); «актера» (при этом отмечается возможность выступить в качестве мирового защитника, которую Америка не использовала): «... США могли сыграть роль всеобщего защитника, друга угнетенных» (АиФ №12. 2003); «агрессора»: «Америка совершила беспрецедентный акт агрессии против независимого суверенного государства» (КП №54. 2003); «адвоката»: «Запад защищает права своих граждан» (АиФ №28. 2002); «диктатора»: «...Соединенные Штаты становятся настоящим диктатором, не согласовывают свои действия с ООН» (АиФ №38. 2002); «политика»: «Совет безопасности ООН решил провести закрытые слушания, посвященные ядерной политике КНДР. Инициаторами слушаний выступили США, которые попытаются убедить партнеров, что Северная Корея представляет угрозу международной безопасности» (Иностр. №12. 2003); «партнера»: «Уступив настояниям Москвы и согласившись на документ в духе прежних соглашений, поддерживавших равновесие в мире, Вашингтон проявил не всегда свойственное ему трезвомыслие и перед всем миром признал Россию в качестве реального стратегического партнера» (КП №83. 2002); «портного»: «Если в ближайшем году США продолжат перекраивать карту Ближнего Востока... Пекину и Москве будет все труднее влиять на ситуацию» (КП №100. 2003); «рулевого»: «Очевидно, что у руля формирования нового правительственного кабинета Ирака, как и в случае с Афганистаном, будут стоять США» (АиФ №8. 2003).

Преобладание социальных признаков концепта АМЕРИКА (86% от количества всех выявленных антропоморфных признаков) свидетельствует о том, что в современном российском национальном сознании Америка понимается как социальный субъект, выполняющий в обществе определенный набор ролей и функций.

С ментальными характеристиками тесно связаны признаки волеизъявления. Воля определяется как способность приводить в исполнение свои желания, действовать в направлении созна-

тельно поставленной цели. Н.Д. Апресян отмечает, что в русской языковой картине мира *воля* ассоциируется с твердостью, натиском, непреклонностью и даже агрессивностью (Апресян 1995: 40). Наделенная властью АМЕРИКА считает абсолютно нормальным диктовать свою волю другим.

Зооморфные признаки АМЕРИКИ не являются частотными, но, тем не менее, они используются в публицистике, добавляя эмоциональность в признаки концепта АМЕРИКА. Как отмечает А.П. Чудинов, «использование зооморфных метафор в политической речи продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традицию, в которой свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода» (Чудинов 2001: 135). Зооморфные признаки могут выражаться схемой *американский + животное*, которая объективирует, скорее, символические образы, например, образ льва: *...надо ли нам торопиться стать шакалом при американском льве?»* (АиФ №9. 2003). Часто лексемы, обозначающие животных, в атрибутивных сочетаниях с прилагательным *американский* приобретают переосмысленное, символическое значение, ср.: «... Олимпиада в Сиднее для России началась крайне неудачно: то красавице Хоркиной подсунули не коня, а какого-то низкорослого "пони" на опорный прыжок, то американские "акулы" сожрали пловца Попова...» (АиФ №41. 2000). При восприятии такого словосочетания в подсознании русских людей складывается цепочка ассоциаций: «акулы – хищники», «акулы империализма», «американский империализм» (Андерсон, Шихирев 1994: 40). Как правило, зооморфные метафоры несут негативную эмоциональную окраску.

При концептуализации Америки (АМЕРИКА – АРТЕФАКТ) используются предметные признаки механизма ('корабль', 'локомотив', 'сейф', 'оружие', 'светофор'), а также признаки построек ('дом', 'театр') и сосуда ('котел /тигель'), например: «... **волна патриотизма, поднятая после трагедии 11 сентября, несет страну к полной победе над международным терроризмом**» (КП №130. 2002); «**Из-за Грузии мы с американцами не поссоримся [...]. Более того, США сейчас едут по рельсам, проложенным Россией**» (КП №39. 2002); «**Всех, кто в нее [коалицию] входит, объединяет одно чувство... опасение, что она [Америка] начнет себя вести, как отвязавшаяся пушка на корабле, которая и себя погубит, и всех вокруг**» (АиФ №12. 2003); «**Сбежавшие деньги оседают на Западе как в сейфе**» (Изв. №21. 2001); «**поднаторевшая в арифметических подсчетах «двухэтажная Америка» скептически относится к революционным**

предложениям Буша» (Изв. №37. 2001); *«Десятилетиями балетные труппы Большого и Мариинского театров украшали подмостки США...»* (Изв. №56. 2001); *«Россия и Америка – это два гигантских котла, в которых плавают люди разных наций»* (АиФ №27. 2003).

Фреймы 'АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО' и 'АМЕРИКА – СТРАНА' представлены обычно языковой схемой «в + Америке». Вполне закономерным является тот факт, что Америка воспринимается носителями русского языка, в первую очередь, как локус. Имя «Америка» называет определенную географическую область и может быть определено как «все точки в пределах таких-то границ» (ср. значение имени «Франция» Рассел 2000: 225). Ориентируясь в географической карте мира, расположение Америки можно легко определить через географические координаты. Представляя собой определенное земельное пространство, территорию с собственным государственным управлением, Америка является страной. С другой стороны, Америка – это особая политическая организация общества, осуществляющая его управление.

В современном политическом дискурсе государство в значении «страна» и соответственно на основании метонимического переноса – «люди, живущие в данной стране, ее граждане» оказывается контекстуально и семантически противопоставленным слову государство в значении «органы государственного управления, правительство, люди управляющие страной, находящиеся у власти». А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский разводят термины государство и страна, отмечая, что для первого наиболее важна идея власти, а для второго – идея территории. АМЕРИКА мыслится в русской языковой картине мира, с одной стороны, как объект географический, что находит выражение во фрейме АМЕРИКА – СТРАНА, и, с другой стороны, как объект политический, что обуславливает возникновение фрейма АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО.

Пространственная модель, крайними точками которой являются «мир Америки» и «мир России», имеет непосредственную связь с оппозицией «свой – чужой». АМЕРИКА находится далеко, за океаном, где-то там, в чужой стороне и, следовательно, характеризуется именно как чужая страна (сторона).

Пространство АМЕРИКИ имеет протяженность, границы, в нем выделяются более мелкие локусы: штаты, города и т.д. При описании Америки носителями русского языка в прессе актуализируются те или иные области/фрагменты объективного пространства Америки. Особенно часто лексема Америка встречается в синтак-

сической позиции обстоятельства, т.е. употребляется как локатив. С позиций семантических падежей локатив – это падеж, которым «характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом» (Филлмор 1999: 164), например: родиться в Америке, находиться в Америке, поселиться в Америке.

АМЕРИКА как страна имеет собственную территорию, что находит отражение в следующих слотах: восточное побережье, северо-запад, западное побережье, территория, юг, пределы. Например: «Город Сизтл – столица империй “Майкрософта” и “Боинга”, находящийся на крайнем **северо-западе США**, оказался в зоне мощного землетрясения...» (Изв №38. 2001); «Оказывается, почти за два года до атак ЦРУ знало, что **на территории США** находятся двое опасных террористов...» (КП №96. 2002).

Локативные характеристики могут выражаться как на уровне семантики, так и на уровне грамматики: в значении слов и с помощью предложно-падежных конструкций. Основными предлогами, при помощи которых передаются локативные признаки концепта АМЕРИКА, являются: предлог в (употребляющийся при обозначении места, нахождения где-нибудь кого-нибудь/ чего-нибудь) и предлог из (обозначающий направление действия откуда-нибудь, источник, место, откуда исходит что-нибудь). Предлог в используется при выражении не только пространственных отношений, но и при обозначении целевых отношений, т.е. направления куда-нибудь (ср. жить в Америке и ехать в Америку), семантическая роль цели обозначает конечный пункт движения. Этот момент важно учитывать при анализе локативных признаков концепта АМЕРИКА, которые входят в структуру фреймов: АМЕРИКА – ТЕРРИТОРИЯ и АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО.

Среди репрезентантов концепта АМЕРИКА в локативе чаще всего употребляется форма *США* (57%). Весьма показательны и то, что частотной является конструкция *в Америке* (37%), в то время как формы *в Штатах* (4,2%) и *в Соединенных Штатах* (1,3%) оказались менее представленными.

Пространственное обозначение *за океаном* хотя и не является частотным, изредка встречается в публицистике при обозначении АМЕРИКИ. В текстах печатных СМИ репрезентант *за океаном* употребляется обычно в одном контексте с другими формами, объективирующими концепт АМЕРИКА, например: «*Российский образ мыслей довольно серьезно отличается от образа мыслей, скажем, американского. За океаном прощают большой разрыв в доходах – раз в 10-12. Кроме того, в Штатах, по данным*

американских социологов, люди меньше обращают внимание на то, каким образом человек заработал свои деньги» (АиФ №49. 2001).

Изучение АМЕРИКИ как фрагмента именно русской языковой картины мира предопределяет сопоставительное описание Америки и России, попытки найти между ними нечто общее и различное. Причем признаков, по которым противопоставляются две страны, оказывается больше, чем признаков, обнаруживающих их сходство. В основе такого противопоставления лежит древнейшая дихотомия «свой – чужой», согласно которой «родная культура – это и щит, охраняющий национальное своеобразие народа, и глухой забор, отгораживающий от других народов и культур» (Тер-Минасова 2000: 20).

В газетных статьях одним из частотных языковых средств выражения этого противопоставления является употребление указательных наречий 'здесь' и 'там': «Здесь я что-то значу, там – ничего, ноль...» (АиФ №26. 2000). Из-за различия во взглядах на шкалу ценностей признак «ценности» становится дифференцирующим для двух этносов. Наречие там, а также образованное от него прилагательное 'тамошний' (в словаре приводится с пометой 'разговорное' и обозначает «находящийся там, в том месте; не здешний»), всегда употребляются в одном контексте с ядерными репрезентантами исследуемого концепта, например: «...на одном из матчей сборных команд боксеров СССР и США, которые в Америке вызывали безумный ажиотаж, тамошние телевизионщики тоже спросили меня об этом» (АиФ 2000, №23).

Анализ локативных конструкций в + Америке (США, Штатах, Соединенных Штатах) позволил выявить фрейм АМЕРИКА – СТРАНА/ ТЕРРИТОРИЯ, который состоит из набора субфреймов и слотов. Более частотными являются представления носителей русского языка об АМЕРИКЕ как об определенном государственном устройстве.

Субфрейм «Штаты». Как известно, территориально Америка делится на пятьдесят независимых штатов. В российских газетно-публицистических текстах частые упоминания касаются лишь штата Калифорния, значительно меньше говорится об Аляске, Техасе, Флориде, Юте. Единичные упоминания связаны с такими штатами, как Алабама, Мичиган, Мэн, Коннектикут, Иллинойс, Луизиана, Виргиния.

Субфрейм «Города». Что касается американских городов, то безусловным лидером по частотности в российской прессе является столица Соединенных Штатов Америки – Вашингтон. Кроме этого, распространенным является описание одного из крупней-

ших городов Америки – Нью-Йорка, столицы Зимней Олимпиады 2002 г. – Солт-Лейк-Сити, и города, связанного, прежде всего, с ежегодной церемонией вручения премии “Оскар” – Лос-Анджелеса. Упоминаются и некоторые другие города: Лас-Вегас, Чикаго, Майами, Бостон. Как более мелкие локусы Америки выделяются Манхэттен, Беверли Хиллз, Бродвей.

Из штатов наиболее известными для носителей русского языка оказались Калифорния, Техас и Аляска, среди городов наиболее представлены Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес.

Нужно отметить, что, по наблюдениям О.Г. Орловой, американцы еще менее осведомлены о географии России, их представления «укладываются в рамки знания о столице – центре страны – Москве, месте военных событий – Панкийском ущелье, проблемного региона – Калининградской области», а также о бывших союзных республиках (см. подробнее: Орлова 2003: 79).

Фрейм АМЕРИКА – СТРАНА/ ТЕРРИТОРИЯ представлен двумя субфреймами: АМЕРИКА – Родина и АМЕРИКА – место проживания, временного пребывания.

Субфрейм «Родина». Восприятие АМЕРИКИ как родины связано с представлениями о ней как об отечестве, месте рождения, происхождения, возникновения чего-нибудь:

1. *«Игра, известная нам как «Сто к одному», родилась в Америке»* (КП №61. 2003).

2. *«[Хемингуэй] не самый почитаемый автор в США – в России, где в минувшие десятилетия Хемингуэй был культовым писателем, его знают, пожалуй, лучше, чем на родине»* (Изв. №25. 2001).

Субфрейм «Место проживания, временного пребывания».

Главным механизмом этнического формирования американской нации явилась иммиграция; на протяжении всей истории США массы людей, имеющие различную национальную принадлежность, вливались в население страны. Как правило, в российских газетах речь идет о том, как живут в Америке российские иммигранты. Не всегда их жизнь складывается так, как принято думать у нас в России, идеализируя американский образ жизни.

1. *«Живя в Америке и ведя жизнь добропорядочных буржуа, имея шикарные дома и отдавая детей в престижные колледжи, в России эмигранты поют о воровской жизни... и прочей блатной атрибутике»* (АиФ №24. 2002).

2. *«В Америке Нахалетов живет уже пятнадцать лет. Хотя его жизнь в США сложилась далеко не так успешно»* (АиФ №5. 2003).

Субфрейм «Жители АМЕРИКИ». Кроме географических координат, внутреннего деления пространства, важной составной частью Америки как страны являются ее жители. В публицистических текстах субфрейм «Жители АМЕРИКИ» объективируется посредством языковой схемы «американский + имя человека/ народа/ животного/ предмета/ реалии».

Слот 1. «Группы представителей Америки» включает общности людей:

1. по национальному признаку (нация, народ), например: *«По наблюдениям ученых-диетологов, американская нация в последние годы стремительно толстеет»* (КП №134. 2002); *«Я завидую американскому народу, чьи президенты играют такую музыку, под которую пляшет весь мир»* (КП №89. 2002). Сюда же относится признак «представители других национальностей, проживающих на территории США, например, арабы, японцы»: *«Если теракты будут продолжаться, а к этому все идет, против американских арабов неминуемо последуют какие-то санкции»* (АиФ №43. 2001); *«Этот шаг был по достоинству оценен не только американскими японцами...»* (Изв. №57. 2001). В этих признаках находит выражение восприятие Америки как «котла разных национальностей». «Главным механизмом этнического формирования американской нации явилась иммиграция. На протяжении всей истории США массы людей различной национальной принадлежности вливались в население страны» (Казак 1999: 59).

2. Объединения людей по роду занятий, профессии:

1) Деятели кино, телевидения: кинематографисты, киноаналитики, продюсеры, актеры. *«Недавно читал, что ведущие американские кинематографисты собрались вместе с высокими чиновниками...»* (Изв. 2001. №211); *«По идее, ни американским киноаналитикам, ни патриотично настроенному Никите Михалкову этот фильм нравиться не может»* (КП №193. 2002); *«Ходили слухи, что впечатленные американские продюсеры предлагают оживить подло убитого в спину майора...»* (Изв. №34. 2001).

2) Спортсмены: хоккеисты, бегуны, легионеры и др. *«Фирма «Найк» испытывает свое секретное оружие – конькобежный костюм, который обещает американским бегунам рекорды и «золото»* (КП №25. 2002); *«За сутки до того матча руководство ЦСКА приняло трудное решение расстаться с двумя американскими легионерами...»* (Изв. №213. 2001).

3) Политики: конгрессмены, дипломаты, лидеры, официальные лица.

«Американские конгрессмены могут сколько угодно пугать Россию санкциями – это не приведет к военной конфронтации между двумя странами» (Изв. №47. 2001); «Американские дипломаты дают понять, что сейчас уже не стоит вопрос...» (Изв. №237. 2001).

4) Другие специалисты: адвокаты, ядерщики, аналитики, эксперты. «Американские адвокаты обычно категорически запрещают своим клиентам общаться с журналистами...» (АиФ №33. 2001); «Американские ядерщики часто нарушали правила работы с секретными документами...» (АиФ №31. 2000); «... американские аналитики даже обрадовались» (АиФ №40. 2002).

1. Общность людей по родственному признаку: мужья, дети. «Американских мужей от словосочетания *sexual harassment* (сексуальная агрессия) бросает кого в дрожь, кого в гнев, кого в смех» (Изв. №207. 2001); «Милые, наивные американские дети» (КП №122. 2002).

2. по социальному положению: бомжи. Например: Она завидовала американским бомжам, которые валялись в картонных ящиках в шикарных кроссовках с новенькими двухкассетниками под ухом» (АиФ 2000. №27).

3. по выполняемой социальной функции: налогоплательщики. Например: «...команда...авианосца ВМС США "Теодор Рузвельт", каждый месяц «съедает» примерно 1,2 миллиона долларов американских налогоплательщиков» (КП №52. 2003);

4. по гендерному признаку, например: «Любопытно, что американские мужчины любят Россию больше женщин» (КП 2002. №91); «... американские девушки, размазывая слезы и всхлипывая, бросились к психоаналитикам» (Изв. №41. 2001); «Треть американских женщин сегодня зарабатывает больше, чем их спутники жизни» (АиФ №10. 2001).

Слот 2. «Персоналии» включает наименования отдельных представителей нации. Это могут быть:

Объединения людей по роду занятий, профессии:

1) Политики: президент, госсекретарь, посол дипломаты, лидеры, официальные лица. «Кажется, для американского президента существует только одна держава...» (КП №103. 2001); «... в Совете безопасности ООН должен прозвучать доклад американского госсекретаря Колина Пауэлла» (КП №18. 2003); «... американский посол Майкл Казак дожидался этой встречи больше 4 месяцев» (Изв. №34. 2001).

2) Деятели кино, телевидения: режиссер, киноактер, ведущий, а также наиболее популярные в этих сферах личности: телезвезда, кинозвезда. «В декабре прошлого года исполнилось 85 лет

знаменитому американскому актеру Керку Дугласу» (АиФ 38. 2002); *Когда выяснилось, что в Иордании США никто не любит и никто не боится, американский ведущий стал просто млеть»* (КП №126. 2003).

3) Спортсмены: баскетболист, боксер, и др. *«Великому американскому баскетболисту Майклу Джордану... подрезали крылышки»* (КП №4. 2002); *«Скандално знаменитый американский боксер-тяжеловес Майк Тайсон учинил очередной побоище вне ринга»* (КП №13. 2002).

4) Деятели искусства: композитор, певица, музыкант, контрабасист, писатель: *«... у микрофона с гитарой наперевес стояла самая известная на сегодняшний день женщина – американская певица Мадонна»* (АиФ №30. 2001); *«Среди прочих вещей там будет пара очков Рэя Чарльза, легендарного американского композитора и певца»* (АиФ №44. 2000); *«Американский писатель Стивен Кинг по праву считается королем жанра ужасов в мировой литературе»* (АиФ №34. 2002).

5) Другие: кардиолог, промоутер, ботаник. *«Некий богатый американский промоутер предлагал ... профинансировать год подготовки ...»* (АиФ №23. 2000); *«Еще в прошлом веке известный американский ботаник Лотер Бурбанк создавал новые сорта...»* (АиФ №33. 2000).

Количественно в публицистических статьях преобладают упоминания о персоналиях из групп «актеры» и «певцы и музыканты», т.е. людей, популярных в мире кино и музыки. Реже встречаются описания отдельных представителей американской нации, неизвестных широкому кругу людей (16%), а также персоналии спорта (13%) и политики (8%). Обозначение действующего главы государства наиболее частотно в газетных публикациях (18%). Российских журналистов интересует подробности частной жизни президента США, но в большей степени в публицистике отражается его общественная и политическая деятельность, отношения с лидерами других государств.

Через сочетаемость с прилагательным американский в российских печатных СМИ выделяются некоторые признаки, характеризующие национальные особенности жителей Америки: *«Россияне ... хорошо знают про американскую придирчивость к пассажирам из некоторых стран»* (Изв. №224. 2001); *«Животный американский оптимизм»* (КП №117. 2002).

В публицистических текстах фрейм АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО репрезентируется локативными конструкциями, которые выражают политические, экономические, социальные и культурные реалии американского общества.

Слот 1. Внешняя политика. Отношения с другими государствами актуализируются признаками 'поддержка', 'угроза', 'встреча' и т.д.: *«Что касается раздающихся в США угроз отказать нам в поддержке при вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО), то вряд ли будут выполнены»* (КП №46. 2002); *«И в России, и в США к этой встрече тщательно готовятся, так как на карту поставлено очень много»* (АиФ №22. 2001).

Слот 2. Внутренняя политика. Организация внутреннего политического устройства также необходима для государства. Актуализация этого слота происходит посредством признаков 'органы власти', 'функции', 'законы Америки': *«В Америке в свое время был принят закон о том, что каждый гражданин может обратиться с требованием в ЦРУ или в ФБР, и они обязаны будут выдать на него материалы»* (АиФ №5. 2001); *«Имейте в виду, что, например, более чем четверть фирм Америки просматривает электронную почту своих служащих. Правда, в США подобного рода нескромность вполне законна, как и прослушивание служебных телефонных переговоров»* (Изв. №20. 2001).

Широкое освещение в российских печатных СМИ получили президентские выборы 2000 года. В их описании актуализированы признаки 'процедура выборов', 'основные кандидаты на пост президента', 'политический прогноз': *«Не секрет и то, что победа Альберта Гора на президентских выборах в США вполне бы устроила британских лейбористов...»* (Изв. №32. 2001); *«Через два месяца в Соединенных Штатах пройдут президентские выборы»* (АиФ №36. 2000).

Слот 3. Экономика. В связи с тем, что Америка представляет собой образец экономического развития, упоминания об этой сфере американского общества особенно частотны. Актуализация этого слота производится через признаки 'курс американской валюты', 'банковские операции', 'ситуации на биржах', 'налоговые сборы', 'инвестиции', 'спады и подъемы в экономике', 'рост цен', 'темпы экономического развития': *«Весть о том, что евро слегка обошло доллар, в Америке, похоже, пока никого не испугала. Ведь если вспомнить, то общая европейская валюта долго не могла догнать заокеанскую «зелень», хотя изначально даже опережала доллар на 18 центов»* (КП №126. 2002); *«В США импорт действительно больше экспорта. Таким образом, каждый год из страны уходит 250-300 млрд. долл.»* (АиФ №41. 2001).

Слот 4. Промышленность, новые технологии. С экономикой тесно связана промышленность. Актуализируются признаки 'различные отрасли: нефтедобывающая, автомобилестроительная и другие': *«В США три завода выпускают реквизит для иллюзио-*

нистов, и один из них, можно сказать, работает на Копперфилда» (АиФ №12. 2003); «Индустрия игрушек в США переживает не лучшие времена – доходы ведущих компаний в этой области за прошедший год сократились на 8 %» (Изв. №21. 2001).

Частотным признаком выступает 'кинопромышленность': «Новый фильм «Слезы солнца», в котором главную роль исполнил знаменитый голливудский актер Брюс Уиллис, собрал более 40 млн. долларов только за первый месяц проката в США» (АиФ №23. 2003); «Картина Ридли Скотта «Ганнибал» – сиквел «Молчания ягнят» – только что вышла в США рекордным тиражом на 5 тысяч экранов одновременно...» (Изв №25. 2001).

Как известно, с Америки началось широкое распространение компьютерных технологий в мире. В собранном фактическом материале частотен соответствующий признак: «Технология глубокой заморозки, которую применяют в США, позволяет сохранять питательную ценность...» (КП №35. 2003); «Разработки нового поколения космической техники в США были еще несколько лет назад свернуты» (КП №26. 2003).

Слот 5. Социальное устройство. В слот 'социальное устройство' включены признаки функционирования американского общества, т.е. образ жизни людей: 'работа', 'досуг' и т. д.

Признак 'жизнь в Америке' объективируется разнообразными языковыми средствами: «В Америке сытая жизнь, но нет праздника и радости...» (АиФ №36. 2002); «После 11 сентября на несколько недель вся жизнь в США была парализована, что, естественно, негативно отразилось на ситуации в экономике» (КП №24. 2003).

С Америкой часто связываются представления о престижной работе, найти которую стремятся и россияне. Многие по этой причине уезжают в Соединенные Штаты: «Работа в Штатах позволяет чувствовать себя уверенно, материально независимо...» (КП №92. 2002); «Высоцкий мечтал сниматься на Западе, мечтал работать в США...» (АиФ №47. 2002).

Слот 6. Терракты, борьба с терроризмом. Безусловно, трагедия 11 сентября 2001 года стала переломным моментом в жизни и американцев, и людей всего мира. Признак 'трагедия 11 сентября 2001 г.' актуализируется в публицистических текстах и последующих годов: «Трагедия 11 сентября в США вызвала скорбь в сердцах и православных, и мусульман, людей доброй воли во всем мире» (АиФ №30. 2002); «После терактов в США 11 сентября многие страны убрали с интернет-сайтов любую информацию, полезную террористам» (КП №10. 2003).

Слот 7. Здравоохранение. Признак 'развитая система здравоохранения', с одной стороны, и 'проблемы с курением, ожирением', с другой стороны, становятся актуальными в данном слоте: «Уникальные операции на сердце больным российским детям бесплатно делают в США» (КП №14. 2003); «Сейчас в США избыточным весом (15 килограммов сверх нормы) страдают 54 миллиона человек – это свыше половины всего взрослого населения страны» (КП №134. 2002).

Слот 8. Спорт. Признак 'спорт' актуализирует соответствующий американский стереотип 'здоровый образ жизни': «В Америке игрок никогда не позволит себе разговаривать с тренером во время тренировки, даже спорить не будет» (Аиф №33. 2002); «Всего в мире спортивным боулингом занимается более 200 миллионов человек... В США это второй по массовости вид спорта, будет массовым он и у нас» (Изв. №57. 2001).

Слот 9. Скандалы, события. В публицистических текстах в описаниях Америки актуальными признаками выступают 'крупные события, получающие широкую огласку', 'скандалы, происходящие в Америке': «Человек, бизнес которого в Швейцарии сегодня покупает, по сообщению Financial Times, группа «Альфа», находится сейчас в США в центре колоссального политического скандала» (Изв. №32. 2001).

Кроме описанных выше фреймов, в структуре концепта АМЕРИКА выделяются фреймы: 'АМЕРИКА – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ', в котором Америка предстает как место, куда направляется субъект или перемещается объект, 'АМЕРИКА – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ', т.е. некую область, за пределы которой удаляется субъект, перемещается объект, а также место происхождения, рождения, проживания кого-либо. Для фрейма 'АМЕРИКА – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ' актуальны признаки въезда людей: «Между тем маленькая Ева уже в понедельник прибывает в Соединенные Штаты» (КП №1. 2003), а для фрейма 'АМЕРИКА – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ' – признаки вывоза товаров: «Следствию удалось перекрыть и канал поставки этих иномарок в Россию из США и стран Европы» (Аиф №46. 2003).

Если исследование словарных дефиниций позволило выделить в структуре концепта АМЕРИКА три фрейма 'АМЕРИКА – КОНТИНЕНТ', 'АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО', 'АМЕРИКА – СТРАНА/ ТЕРРИТОРИЯ', то, как показал анализ публицистических текстов, структуру изучаемого концепта формируют восемь фреймов: 'АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО', 'АМЕРИКА – СТРАНА/ ТЕРРИТОРИЯ', 'АМЕРИКА – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ', 'АМЕРИКА – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ', 'АМЕРИКА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО', 'АМЕРИ-

КА – ЧЕЛОВЕК’, ‘АМЕРИКА – ЖИВОТНОЕ’, ‘АМЕРИКА – АРТЕФАКТ’. Каждый из фреймов, в свою очередь, состоит из ряда субфреймов и слотов. Необходимо отметить, что на материале печатных СМИ не получил актуализации фрейм ‘АМЕРИКА – КОНТИНЕНТ’. Таким образом, анализ и проведенная классификация языкового материала помогли прийти к пониманию того, каким образом структурирован концепт АМЕРИКА.

Социальность АМЕРИКИ выражается фреймами ‘АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО’ и ‘АМЕРИКА – СТРАНА’, среди которых доминантным сегментом концепта является фрейм ‘АМЕРИКА – ГОСУДАРСТВО’ (74%).

Принцип антропоморфизма, свойственный публицистическому материалу, подтверждается данными, полученными в ходе исследования концепта АМЕРИКА: среди всех фреймов, субфреймов и слотов заметное место занимают те, которые образуются антропоморфными признаками (17%).

Менее представленными являются признаки, актуализирующие фреймы ‘АМЕРИКА – ЖИВОТНОЕ’, ‘АМЕРИКА – АРТЕФАКТ’, ‘АМЕРИКА – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ’ и ‘АМЕРИКА – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ’.

Концепт АМЕРИКА в русской языковой картине мира имеет сегментную структуру, которая формируется при помощи различных фреймов, субфреймов, слотов, что позволяет говорить о специфике актуализации концепта АМЕРИКА в публицистических текстах. Комплекс исследовательских процедур, направленных на освещение различных составляющих концепта, представляет собой одну из возможных методик анализа не только материала газетных статей и не только на русском языке, но и любого другого языкового материала.

Литература

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. 318 с.:

Андерсон Р., Шихирев П. “Акулы” и “дельфины” (психология и этика российско-американского делового партнерства). М., 1994. 208 с.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 18–37.

БТСРЯ. – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 1998.

Гришина О.А. Актуализация концепта АМЕРИКА в современном русском языке // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика». 2004. С. 209–222.

Гришина О.А. Когнитивная лингвистика: некоторые вопросы теории // Вестник УГТУ-УПИ. Язык и культура. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2004. №6 (36). С. 39–45.

Гришина О.А. Концепт АМЕРИКА как фрагмент русской языковой картины мира // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика». 2003. С. 103–109.

Гришина О.А. Морфологические особенности выражения концепта АМЕРИКА // Язык и культура в Евразийском пространстве: Сб. науч. ст. XVI междунар. науч. конф. / Отв. ред. С.К. Гураль. Томск: Том. гос. ун-т. 2003. Ч.1. С. 143–147.

Гришина О.А. Мы и они: Америка глазами русских (о новых результатах ассоциативного эксперимента) // Язык. История. Культура: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 158–166.

Гришина О.А. Образ Америки в контексте проблемы Востока и Запада: лингвистический анализ // Бытие и язык: Сб. статей Всерос. гуманитарной конф. Новосибирск, 2004. С. 239–244.

Гришина О.А. Некоторые особенности языкового представления Америки в русском языке // Русский язык и его место в современной мировой культуре (материалы конференции). Воронеж, 2003. С. 139–141.

Гришина О.А. «Свои» и «чужие»: опыт идентификации и интерпретации // Человек и его язык (к 75-летию проф. В.П. Недялкова). Кемерово, 2003. Вып.4. С. 83–87.

Гришина О.А., Куданкина О.А. Концепты «Америка» и «Германия» в сопоставительном аспекте (на материале российских СМИ) // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. С. 69–73.

Гришина О.А., Пименова М.В. Концепт «Америка» в русской языковой картине мира // Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. С. 102–105.

Гришина О.А. Стереотипизация признаков концепта «Америка» в современном русском языке // Ethnohermeneutik und antropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – С. 161–165.

Гришина О.А. Актуализация концепта АМЕРИКА в современном русском языке (на материале публицистических текстов). Автореф. дис....канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 20 с.

Демьянков В.З. Соотношение быденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века // Языкознание: Взгляд в будущее. Калининград, 2002. – С. 136–154.

Казак Е.А. Заимствования как отражение культурных контактов: на материале иноязычных заимствований в американской варианте английского языка // Язык и культура. М, 1999. Вып. 2. С. 49–63.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.

КСПЯ. – Бакеркина В.В. Краткий словарь политического языка: Более 2 тыс. терминов и терминологич. сочетаний / В.В. Бакеркина., Л.Л. Ше-

стакова. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Русские словари», 2002. 288 с.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь., 1995. 144 с.

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. I. 114 с. – Ч. II. 208 с.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. 500 с.

Орлова О.Г. Пространственно-временные признаки концепта «РОССИЯ» (на материале американского еженедельника "Newsweek") // Человек и его язык (к 75-летию проф. В.П. Неद्याлкова) / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика». 2003. С. 77–83.

Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М, 2000. 464 с.

ССРЯ. – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Около 9000 синонимических рядов / Под ред. Л.А. Чешко. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1968. 600 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 624 с.

Токарев Г.В. Лексические средства выражения особенностей миропонимания // Русский язык в школе. 2003. №4. С. 73–75.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. III: Пер. с англ., нем., фр. / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. 352 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.

А.В. Костин (Иваново)

ВОДА

Настоящая работа выполнена в русле лингвокультурологии – одного из направлений современного гуманитарного знания (см. работы С. Г. Воркачева, В. В. Воробьева, В. Н. Телия, Г. В. Токарева, Ф. Ф. Фархутдиновой, А. Т. Хроленко, В. М. Шаклеина и др.).

Лингвокультурология опирается на идею о кумулятивной (накопительной) функции языка, благодаря которой в нем запечатлевается, хранится и передается опыт народа, его мировидение и мироощущение. Язык, согласно этой концепции, есть универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни. В свою очередь, концептуализация, заключающаяся в осмыслении поступающей к человеку информации и приводящая к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной си-

стемы в мозгу (психике) человека, является одним из важнейших познавательных процессов.

Результаты концептуализации (понятия, концепты и их системы) находят вербальное выражение и в языке, и в речи – в разнотипных текстах. В последних сосредоточен познавательный опыт этноса, передаваемый из поколения в поколение.

Большинство ученых (например, Н.Д. Арутюнова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.К. Рябцева, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Г.В. Токарев и др.) полагают, что концепт отличается слоистым строением. Слои концепта связаны между собой отношениями производности, увеличения абстрактности каждого последующего уровня. Расположение слоев в структуре концепта иерархично, в соответствии с чем в нем выделяются ядерные и периферийные участки.

Концепт состоит из знаний, представлений, понятий, ассоциаций, образов и других ментальных категорий, по-разному связанных с семантическими категориями (лексическое значение, значимость, смысл) и языковыми единицами, участвующими в объективации концепта. Каждый концепт индивидуален, поскольку имеет свой набор структурных элементов, число и комбинация которых не стабильны.

Сформированные в сознании концепты репрезентируются в культурной и языковой семиотических системах с помощью разных средств, большая часть его содержания находит воплощение в языке, реализуясь в лексемах, устойчивых сочетаниях, фразеологизмах, поговорках, свободных словосочетаниях, предложениях, и в речи – в разнотипных текстах.

В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии исследуются все зафиксированные и потенциально возможные средства вербальной репрезентации определенного концепта, что позволяет приблизиться к содержанию концепта, безусловно, неодинаковому в разных вариантах этнической культуры.

Основу культурологических исследований концепта составляет предложенный Ю.С. Степановым метод послойного анализа языковых данных, проливающий свет на структуру и содержание культурного концепта.

В лингвокультурологии одно из ведущих мест занимает метод лингвокультурологического анализа «фразеологического языка» В.Н. Телия, используемый для реконструкции и исследования культурных концептов.

Концепт репрезентируется в языке с помощью единиц неоднородных по структуре, поэтому, как показывают исследования Ф.Ф. Фархутдиновой, возможно изучение концепта не только целиком,

но и в разных его вариантах (лексическом, фразеологическом, паремическом, текстовом или индивидуально-авторском и т.д.). Такой подход был использован нами.

Предметом нашего анализа явились особенности оформления и передачи содержания обиходно-бытовых понятий *вода, океан, море, озеро, река, болото*. Содержание русских обиходно-бытовых понятий *вода, океан, море, озеро, река, болото* складывалось веками в процессе познания окружающего мира, в частности, в ходе наблюдений за качествами и свойствами воды, образующими ею водоемами и ландшафтными объектами. Накопленные знания и представления о воде, океане, море, озере, реке, болоте фиксировались не только в лексических и фразеологических единицах языка, но и во множестве устных и письменных текстов, передаваемых из поколения в поколение. Анализ таких текстов позволяет увидеть особенности осмысления и восприятия воды и водных источников носителями языка, определить их роль в картине мира русского этноса.

Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий *вода, океан, море, озеро, река, болото* рассматриваются на материале разножанровых произведений В.И. Даля. Языковым материалом исследования послужили лексические, паремические единицы, устойчивые сочетания, содержащие слова-наименования обиходно-бытовых понятий **вода, океан, море, река, озеро, болото**, и речевые реализации этих единиц. Языковой и речевой материал извлекался методом сплошной выборки из разножанровых произведений В.И. Даля (сказок, повестей, очерков, рассказов, сборника "Пословицы русского народа"). При работе с "Толковым словарем живого великорусского языка" мы ориентировались на принципы подачи языковых данных, выработанные В.И. Далем-лексикографом и сосредоточили свое внимание на словарных статьях «Вода», «Океан», «Море», «Озеро», «Река». Таким образом было собрано и проанализировано 1886 языковых единиц и речевых произведений (более 1000 паремий, около 400 лексических единиц и 500 слово- и фразеупотреблений), в которых активированы рассматриваемые обиходно-бытовые понятия.

Применялась разработанная Ф. Ф. Фархутдиновой методика концептуального анализа паремического варианта культурного концепта как одна из разновидностей герменевтического анализа. Данная методика позволила исследовать не только паремические, но и лексические, фразеологические единицы и текстовые данные.

Исследование показало, что обиходно-бытовые понятия *вода, океан, море, озеро, река, болото* представлены в прозе В.И. Да-

ля отдельными фрагментарными сведениями, описательно, образно, а не как упорядоченная совокупность знаний.

В сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» исследуемые нами обиходно-бытовые понятия специально не рассматриваются и не структурируются, поэтому не выделены в особую рубрику.

В «Толковом словаре живого великорусского языка», в соответствии с жанровой природой книги, обиходно-бытовые понятия представлены целостно, последовательно, с учетом их значимости для культуры этноса. Понятие *вода* оформлено как концепт русской культуры, а понятия *океан*, *море*, *озеро*, *река* даны как энциклопедические.

В трактовке В.И. Даля, вода – стихийная сила, сотворенная Богом (*"...на воду сердиться грех: это дар божий..."*). Она удивительно непостоянна, всегда разная, способна, как показывают синтагматические связи лексемы вода, менять цвет, температуру, вкус и прочие свои характеристики.

Иногда она тиха, но чаще проявляет буйный характер (*"Случилась дружная весна, вода была бойкая..."*; *"вода подымалась по временам черным смерчем"*). В некоторых произведениях В. И. Даля (например, в повести "Мичман Поцелуев", рассказе "Крушение") вода-стихия изображается в облике некоего злого чудовища необычайных размеров, с которым вступают в неравную схватку корабли.

Будучи одной из самых древних и могущественных стихий, вода потенциально несет в себе угрозу жизни и здоровью людей, становится одной из главных причин болезни и гибели героев (см.: "Вакх Сидоров Чайкин"; "Чухонцы в Питере"; "Варнак"; "Крушение").

Как составной элемент зримого мира, вода образует на поверхности земли многочисленные водоемы (океаны, моря, озера, реки, ручьи и т. д.) и ландшафтные объекты (например, болота). Каждый из них имеет в произведениях В. И. Даля свой неповторимый облик, изображаемый писателем в духе народной культуры и в соответствии с собственным видением.

В образной системе прозы В. И. Даля водоемы и ландшафтные объекты используются в пейзажных зарисовках, где играют роль фона, на котором разворачивается действие, строится описание, хотя порой они выступают как самостоятельные персонажи произведений, наделенные чертами живых существ (например, море в повести "Мичман Поцелуев", рассказе "Крушение", озеро в очерке "Башкирская русалка").

Наименования водоёмов стали эталоном в авторских сравнениях, например, *"Здесь жизнь разгульная и всякого добра разливное море!"* (Сказка о похождениях черта-послушника); *"...столпились на голой, бесплодной степи, на сухом море..."* (Уральский казак).

В прозе В. И. Даля вода-стихия окружена ореолом таинственности. В ряде рассказов и очерков вода изображается как вещая стихия, по состоянию которой можно судить о приближении несчастий (*"...Была в Башкирии пещера, или лучше сказать, котловина, из которой когда-то вода подымалась по временам черным смерчем. Это было каждый раз предзнаменованием общего бедствия..."* (Башкирская русалка). В других сочинениях писателя повествуется о магических и целебных свойствах воды.

Вода – в прозе В. И. Даля – это не только стихийная сила, но и вещество, имеющее огромное практическое значение. Она служила для утоления жажды, приготовления пищи, мытья.

Рядовые носители языка, а вслед за ними и В. И. Даль, использовали свои знания о свойствах воды для характеристики, оценки тех или иных предметов, реалий (*"Казенное добро в воде не тонет, и на огне не горит"* (Вах Сидоров Чайкин), человеческих качеств, способностей (*"Дурак камень в воду закинет, дурак узел завяжет, семеро умных камня не вытащат из воды, узла не развяжут!"* (Сказка о Иване молодом сержанте); *"Один богатырь огонь и воды прошел и медные трубы, всякую муку принял и не сдался, окреп пуще прежнего..."* (Январь).

Вода для В.И.Даля – неперемный атрибут при создании образов судьбы (*"...при таких защитниках и покровителях, как муж и брат её, – нет, при них я отлучиться не могу. Бог укрепит меня; останусь здесь и буду пить горькую чашу эту, капля по капле, до дна"* (Павел Алексеевич Игривый), мироздания (*"Мир наш – часы, мельница, пожалуй, паровая машина, которая пущена в ход и идет себе своим чередом, своим порядком..."* (Бедовик), столичной жизни (*"...через какие-нибудь полсутки будет он в столице, в этом вихре, водовороте, в этом исполинском смерче кипучей жизни"* (Бедовик); *"...в Питере, известно, омут..."* (Грех).

Понятие вода незаменимо и при передаче душевного состояния героев, их психологии (*"Стало обдавать Степана из-за плеч попеременно то варом, то студеной водой – начал он вспоминать что-то недоброе, – глянул себе под ноги на траву, увидел кровь и вдруг вспомнил все будто молния осветила перед ним потемки страшной прошлой ночи. Степан зарыдал, закрыл ли-*

цо руками и долго сидел так, охал и стонал, как тяжело больной" (Хмель, сон и явь).

Понятие *вода* занимает значительное место в системе изобразительных средств, используемых В. И. Далем в своих произведениях.

Облик воды в индивидуальной картине мира В. И. Даля определяют следующие доминантные смыслы: природная стихия, порой принимающая облик живого существа; скопление жидкости в виде водоёмов и ландшафтных объектов; обиталище животных, рыб, водяных и русалок; вещество, обладающее целым рядом качеств, свойств (целебное, магическое); напиток; путь и др. Этот перечень достаточно типичен для русской литературы и фольклора.

Среди проанализированных сочинений В. И. Даля нами не обнаружено таких, что были бы целиком посвящены изображению *воды, океана, моря, озера, реки, болота*. Сведения о каждой из этих реалий чрезвычайно разрозненны. Где-то они лишь упоминаются, иногда выступают как активное начало, как элемент пейзажа или используются в системе образных средств.

Воспринимая мир как обыкновенный русский человек с особым языковым чутьем, В. И. Даль не ставил перед собой задачи концептуализировать, т.е. представить эти понятия в виде упорядоченной совокупности знаний. Всестороннее изучение и описание сведений о каждом из обиходно-бытовых понятий не укладывалось в рамки специфики его художественных произведений, не входило в его задачи как автора.

Неисчерпаемым источником рода сведений о менталитете русского этноса по праву считается сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа». Труд В. И. Даля стал первым отечественным сборником паремий идеографического типа, в основе которого лежит семантико-тематический принцип группировки разнотипных языковых оборотов, позволивший его автору с большой степенью точности показать особенности народного знания о мире и человеке, соответственно – этику, психологию и быт русского крестьянства.

Будучи расположены по смыслу, паремии обнаруживают тесную близость, взаимно освещают и углубляют друг друга, а сам Сборник приобретает при этом целостность, связность, обаяние и художественность, свойственные увлекательной книге.

По сути, сборник «Пословицы русского народа» – это книга о народной культуре, в которой с помощью паремических единиц изображен круг наиболее важных для народной (преимущественно крестьянской) культуры понятий, составляющих ядро норма-

тивно-ценностной картины мира. Понятия этого круга обозначены соответствующими именами, вынесенными в название рубрик.

Методика анализа паремического варианта культурного концепта позволила выявить особенности паремической репрезентации исследуемых понятий.

В народном мироощущении вода представлена как амбивалентное понятие, в котором совмещаются знания и представления о воде-стихии и воде-веществе. Вода-стихия – один из важнейших элементов картины мира русского этноса. С её помощью моделируется вертикальная структура мира (*Небо – престол Бога, земля – подножие. Земля на трех китах (рыбах) стоит*) и горизонтальная его структура (*Четыре стороны света на четырех моряхположены*).

Согласно народным изречениям, вода-стихия сотворена Богом (*Божья вода по божьей земле бежит; Огню да воде Бог волю дал*) и располагается на поверхности земли, образуя различные водоемы (океаны, моря, озера, реки...) и ландшафтные объекты (болота...).

Каждый из водоемов и объектов имеет свой неповторимый облик, видится и оценивается рядовыми носителями языка по-разному, с неодинаковой степенью полноты и конкретности.

Так, *океан* упоминается в паремиях лишь трижды. Он очень абстрактен, практически лишен всяких конкретных черт (известно только, что он синий и омывает острова) и везде отождествляется с морем (*Полетела птица-синица за тридевять земель, за синее море-океан, в тридешато царство, в тридевято государство*).

Море, как часть океана, было очень значимым для русского этноса, недаром оно упоминается в Сборнике В.И.Даля около 160 раз. Море является одним из фундаментальных понятий в образе мира (*Четыре стороны света на четырех морях положены*); ему отводится немалая роль в народной философии с присущим ей взглядом на миропорядок (*Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку – отчизна вселенный круг*).

Море представлялось своим наблюдателям огромным, безграничным (*Море, что горе: и берегов не видно*), бездонным (*В долгу, что в море: ни дна, ни берегов*), постоянно движущимся (*Ветром море колышет, молвою народ*) и обманчиво спокойным (*Тихо море, поколе на берегу стоишь*). Оно считалось опасным, таящим в себе потенциальную угрозу жизни человека (*Кто в море не бывал, тот и страху не видал*) и традиционно ассоциировалось с горем (*Море, что горе: и берегов не видно*).

Сведения об озере в паремиях крайне скудны. В Сборнике В.И.Даля содержится всего 10 народных изречений с компонентом *озеро*. В каждом из них оно лишь упоминается, почти нигде не оцениваясь и не характеризуясь.

Более детально, чем озеро, описывается в паремиях *болото*. В Сборнике В. И. Даля насчитывается 38 единиц об этом ландшафтном объекте.

Непеременными атрибутами болота были сырость (*Где живешь, кулик? – На болоте. – Иди к нам в поле! – Там сухо*), мох и кочки (*По мхам, по пням, по кочкам, по болотам*). Цвет болота определялся как красно-бурый или ржавый (*Как ржа на болоте белый снег подала, так кручинушка добра молодца сокрушала*)

Представления о *реках* в народной культуре отличаются конкретностью, дифференцированностью. Если океан, море, озеро, болото, как правило, воспринимались обобщенно, часто даже абстрактно, то река всегда виделась конкретно и более детально.

В Сборнике В. И. Даля нами обнаружено 99 паремий, непосредственно связанных с рекой. Паремический материал показывает, что каждая из рек имеет собственный во многом уникальный облик, свой набор типичных черт.

Итак, океан, море, озеро, река, болото воспринимались по-разному, виделись в неодинаковом свете. Основными критериями при их оценке были следующие: очертания, цвет, глубина, ширина, длина, подвижность / неподвижность, характер течения, опасность / безопасность для жизни человека, способность быть транспортной магистралью.

Знания и опыт, полученные в ходе наблюдений за состоянием водоемов и ландшафтных объектов, в процессе непосредственных контактов с ними, находили применение в познавательной и оценочной деятельности, при создании целостного образа мира и отдельных его составляющих.

Вода-стихия, существующая на земле в форме водоемов, противоположна суше. Она органично вписывается в круг фундаментальных стихий и планет и занимает среди них одно из господствующих мест (*Огонь – царь, вода – царица, земля – матушка, небо – отец, ветер – госоподин, дождь – кормилец, солнце – князь, луна – княгиня*).

Согласно текстам паремий, вода-стихия, равно как и земля, вечна, бессмертна (*Земля, вода останутся, а нас не будет*) и необычайно сильна (*Вода и землю точит и камень долбит; И царь воды не уймет*). Она облечена властью над другими стихиями (*Милость над грехом – что вода над огнем* (т.е. властна); *Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь запивают*).

Вода-стихия предстает в поговорках в облике бесформенного змееподобного существа (ср.: в прозе В. И. Даля – исполинское чудовище), которое не имеет ног, рук, головы, но обладает носом (*У воды нос остер*). Она олицетворяется, т.е. наделяется способностью совершать движения, действия, свойственные человеку или животным. Например, может ползать (*Без рук, без ног, а на гору ползет* (вода), лазить (*Без рук, без ног, на гору лезет* (прибылая вода), смеяться (*Не смейся вода, сама молода*), говорить («*Спи, царь огонь*», – *говорит царица водица*).

В поговорках народных изречений имеет место полярная оценка воды-стихии как позитивного начала, так и негативного. С одной стороны, она воспринималась как губительная, вредоносная и опасная стихийная сила (*От воды всегда жди беды*), а с другой как божественная, священная, почитаемая (*Плевать на воду – все равно что матери в глаза*). Подобная противоречивость – свидетельство диалектичности в восприятии реальной действительности, свойственной русскому этносу.

Вода осознавалась в народной культуре не только как стихия, но и как материя, вещество, обладающее целым рядом качеств, свойств, главные из которых пластичность (*Еду, еду – следу нету; режу, резку -крови нету; рублю, рублю – щепок нету* (вода); *Воду толочь – вода и будет*), динамизм (*Кайся, а вода ушла; Вода все кроет, а берег роет*), непостоянство объема, температуры, вкуса, цвета.

Рядовые носители языка приписывали воде целебные (*Мартовская вода целебная* (из мартовского снега) и магические свойства (*Мертвой водой окропить – плоть и мясо срастаются, живой водой окропить – мертвый оживает*).

Свойствами, качествами воды во многом определяются её функции и особенности использования в самых разных сферах жизнедеятельности. В поговорках отчетливо прослеживаются производственная (*Хлеб да вода – крестьянская* (бурлацкая, казачья, солдатская, мужицкая) еда), транспортная (*Вниз вода несет, а вверх беда* (или: неволя) *везет* (о бурлачестве и лямке), прогностическая (*На Лаврентия <10 августа> смотрят в полдни на воду; коли тиха, то осень будет тихая, а зима без вьюг*), измерительная (*Пора – проточная вода; Много с тех пор воды утекло*), аксиологическая (*У нашего хозяина два кваса: один как вода, а другой пожиже; Сучок в кулаке сожмет, так вода пойдёт; С лица не воду пить; Он огонь и воду прошел; Тише воды, ниже травы; В воду глядит, а огонь говорит*) и другие функции воды.

Следуя индуктивным путем, В. И. Даль специально не рассматривает и не структурирует в своем Сборнике данные обиходно-бытовые понятия, а раскрывает их содержание в контексте других понятий народной культуры. Эти понятия необходимы автору-составителю для изображения нормативно-ценностной картины мира русского этноса.

«Толковый словарь живого великорусского языка» – уникальное явление в русской лексикографии. Это не классический толковый словарь, а рассчитанная на вдумчивого читателя книга о русской культуре. Структурные и содержательные особенности Словаря позволяют говорить о нем как об уникальном опыте вербальной концептуализации действительности. Многие понятия русской культуры специально структурированы автором-составителем, представлены в виде совокупности религиозных, мифологических, обиходно-бытовых, научных знаний как инвариантно-вариативные сущности. Они не просто отражают лингвокультурное состояние одного временного среза, а спроецированы на прежние эпохи и на разные культурные страты, что согласуется с теорией Н. И. Толстого о неоднородности этнической культуры, обнаруживающейся на уровне языка.

Включение в каждое словарное гнездо (см., например, «Вода», «Море», «Озеро», «Земля», «Огонь» и др.) разноплановых и разнопорядковых языковых единиц (производных, фразеологизмов, речений, пословиц, поговорок, загадок, заговоров и т.п.) и речевых позволило автору-составителю дать в «диалоговом режиме» (Ф. Ф. Фархтудинова) информацию об осмыслении толкуемого понятия в языковых картинах мира разных социумов (крестьянского, дворянского, разночинского, купеческого и т.п.) русского этноса. Благодаря последнему обстоятельству, Далев Словарь стал универсальной книгой о русской культуре.

Основной способ представления понятия – словарная статья, структура и содержание которой позволяют судить об особенностях его воплощения. Многие словарные статьи Далева Словаря отличает развернутое, всестороннее, детальное описание понятия в виде концепта. Это относится к словарной статье «Вода», где содержится глубокое, полное, образное представление о воде, которое может быть названо концептуальным.

На основании словарной статьи Далева Словаря концепт "Вода" вырисовывается как структурно и образно организованное инвариантно-вариативное знание о данном природном веществе, реализующееся в системе разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков и речевых произведений, по-разному связанных между собой. Его содержание складывается из устойчивых и из-

менчивых элементов мифологических, религиозных (*водосвятие, водоосвящение* – «*освящение воды по церковному обряду*»), научных (термины медицины (*водобоязнь, водолечение*), химии (*водяная баня*), физики (*водоизмещение*), астрологии (*водолей*), минералогии (*водяной опал*), ботаники (*водорез*), зоологии (*водокрот*), географии (*водораздел*), гидрографии (*водописание*)) и обиходно-бытовых (*водомоина, во-довица, водогнет*) знаний, свидетельствующих о неодинаковом осмыслении понятия **вода** в разных картинах мира и разных социумах русского этноса.

Понятие *вода* представлено в Словаре последовательно. Уже в самом начале словарной дефиниции «Вода», толкуя лексическое значение заголовочного слова, В. И. Даль намечает направления оформления содержания понятия *вода*, предполагающие обобщение и систематизацию информации по четырем ключевым вопросам: 1) происхождение воды-стихии; 2) формы её существования на земле и в подпочвенном слое; 3) формы и способы бытия воды в атмосфере; 4) агрегатные состояния воды, её состав и свойства.

Опираясь на материалы Словаря В. И. Даля, можно выделить следующие понятия, составляющие концепт "Вода": *жидкость, снег, дождь, родник, ручей, река, озеро, море, пар, лед, влага, мокрота, сырость, облако, туман, роса*, тем самым определив структуру и очертив границы этого концепта. В свою очередь, каждое из упомянутых понятий истолковано в соответствующих словарных статьях Даля с использованием лингвистической и экстралингвистической информации о называемых ими реалиях, т.е. описано в системе координат «этнос – культура».

Обиходно-бытовые понятия *океан, море, река, озеро* представлены в Словаре В. И. Даля несколько иначе, нежели понятие *вода*. Композиция и особенности организации содержания словарных статей «Океан», «Море», «Озеро», «Река» позволяют отнести их к числу энциклопедических, в которых органично сочетаются научные и обиходно-бытовые знания.

В. И. Даль придает своему описанию понятия *вода* форму очерка, в котором энциклопедическое обоснование понятия, будучи ведущим, дополняется фольклорными, этнографическими и др. сведениями о нем. *Вода* представлена в соответствующей словарной статье как сложное амбивалентное понятие (вода-стихия и вода-вещество), сочетающее в себе материальное и духовное начала.

Логика концептуализации задается авторской установкой, использованием особых приемов организации подачи информации о воде, не характерных для большинства толковых и историче-

ских словарей XIX-XX веков. В числе этих приемов: развернутое толкование заголовочного слова; энциклопедические справки к словам (*водоизмещение – «пространство, занимаемое в воде плавающим или потонувшим телом; количество выдавливаемой им воды; у свободно плавающего тела оно равняется весу его»*), латинские эквиваленты названий растений и животных (*водожил – «водяной жук Hydrotia»*); введение этнографических и фольклорных сведений (например, при слове *водяной*); иллюстрации (в их числе пословицы, поговорки) (*Он огонь и воду прошел; С ним говорить решетом воду носить*), приметы (*Если воды к Антипу <11 апреля> не вскроются, то лето будет плохое*), загадки (*Силен как вода, а глуп как дитя (мир)*), авторские речения дневникового характера (*Картофель этот водяной, водянист, а я люблю мучнистый, рассыпчатый*), авторские комментарии и оценки (*водник – «ледовик, гидрат, камень, содержащий воду в твердом виде, например, гипс: это окаменелая, или, по народному выражению, мерзлая вода»*); *водяной лопушник – «(ошибочно напутник), растение Nymphaea, кувшинчики, купавы»*); эвристические задачи (*водолист – «раст, вязожелдь, желдь, острокров, остролист, падуб, ... (Падубом зовут и ясень?)»*); отсылки (*водоленъ см. асарон*); указания на взаимосвязь понятий (*вода – дождь и снег; вода – пар и лед; вода – море, родник, ручей, река, озеро*); этимологические справки (*водолейщж – «бусадник (от буса, барка)»*); пометы, уточняющие экспрессивную окраску слов (*водоперша – «шуточ. водохлеб»*); пометы, указывающие на сферу употребления слов (*водоважда – «црк. водопровод»*, пометы, свидетельствующие об ареале распространения слова (*водовица – «пек. неводная лодка»*); показ синтагматических связей слова (*Водяной (прилаг.). место, яблоко, побеги, путь, растение, мельница; лопушник, травка, орех*); сопоставление с понятием, противоположным толкуемому (*водоплавный – «сплавляемый водою, противоположное гужевой»*). Данные приемы организации содержания словарной статьи и ее композиция придают описанию понятия *вода* целостность, последовательность, упорядоченность, т.е. концептуальный характер.

Таким образом, концепт "Вода" относится к числу универсальных культурных концептов. Составляющие его мифологические, религиозные, обиходно-бытовые, научные и другие знания, представления и понятия о воде, а также связанные с этой природной субстанцией ассоциации и образы вербализованы во множестве устных и письменных текстов. Концепт "Вода" совмещает в себе черты мировоззренческого, философского, аксиологического, религиозного концептов, в нем органично сливаются материальное

и духовное начала, т.е. он является сложным синтетическим образованием.

Литература

Костин А.В. Вода-стихия в русских паремиях // Проблемы изучения русского языка на современном этапе: Материалы II Ушаковских чтений. Иваново, 2000. С. 75-82.

Костин А.В. Концепт как лингвистическая проблема // Молодая наука – XXI веку: Тез. докл. междунар. науч. конф.: В 7ч. Ч. 1. Филология. Иваново, 2001. С. 47-48.

Костин А.В. Концептуализация обиходно-бытовых понятий в русской лексикографической традиции: (От В. И. Даля к современности) // Владимир Даль и современная филология: Материалы междунар. науч. конф.: В 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 122-125.

Концепт – язык – культура // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы междунар. студ. конф. Иваново, 2002. С. 107.

Костин А.В. Опыт структурирования культурного концепта "Вода": (на материале прозы В. И. Даля) // Молодая наука в классическом университете: Тез. докл.: В 6 ч. Иваново, 2002. Ч. 4. С. 17-18.

Костин А.В. Способы концептуализации понятия "вода" в Словаре и Сборнике В. И. Даля // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: Материалы Всерос. науч. конф.: В 2 ч. Иваново, 2001. Ч. 1. С. 74-86.

Костин А.В. Является ли вода русским культурным концептом? // Культура XX века: неподведенные итоги: Материалы обл. науч. конф. Иваново, 1999. С. 122-124.

Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И.Даля (на материале концепта «Вода»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2002. 20 с.

Фархутдинова Ф.Ф., Костин А.В. Реликты мифологических знаний и представлений о воде в русской фразеологии // Миф и культура: Материалы междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 1998. С. 44-45.

В.А. Шемарова, Р.М. Гайсина (Уфа) ВСТРЕЧА, ПРИВЕТСТВИЕ, ПРОЩАНИЕ, РАССТАВАНИЕ

Цель предпринятого исследования заключается в осмыслении концептов «встреча», «приветствие», «прощание», «расставание» в единстве (как определенной концептосферы) и в отдельности (как самостоятельных концептов) через описание их онтологического пространства (соответствующей ситуации) и языкового пространства (комплекса разнородных средств языковой репрезентации).

Теоретическую базу работы составили общие положения когнитивной парадигмы, положения о сущности, структуре, модели-

ровании концепта и его отношении к другим ментальным структурам, единицам, когнитивный и культурологический подходы к исследованию языка; принцип антропоцентризма; положения о диалектическом единстве, континуальности и условной дискретности лингвокогнитивных пространств; полевой подход к систематизации языковых единиц.

Материалом исследования послужили данные толковых, фразеологических, синонимических, антонимических, ассоциативных словарей, словаря сочетаемости, сборников пословиц и поговорок, крылатых слов и выражений, словарей жестовой номинации, словаря эпитетов; авторская картотека фразового материала (8 тысяч фраз) из произведений художественной литературы (с начала XIX века до наших дней), периодической печати, кинофильмов, радио, телепередач, живой разговорной речи.

Ситуации *встреча, приветствие, прощание, расставание*, онтологически представляющие собой взаимоувязанные фрагменты единой ситуации, в своих ментальных репрезентациях интерпретируются в свете положений когнитивной лингвистики как компоненты единого когнитивного пространства – концептосферы ВСТРЕЧА / ПРИВЕТСТВИЕ – ПРОЩАНИЕ / РАССТАВАНИЕ¹, континуально-дискретная сущность которой получает объективацию в языке разноуровневыми единицами, отражающими результаты не только логического познания, но и лингвокультурологической интерпретации обозначаемого фрагмента действительности.

Языковое пространство концептосферы ВСТРЕЧА / ПРИВЕТСТВИЕ – ПРОЩАНИЕ / РАССТАВАНИЕ в целом и каждого отдельного концепта в ее составе описывается в терминах лексико-фразовых полей (термин Р.М. Гайсиной: Гайсина 1996), включающих в свой состав межчастеречные поля (термин Р.М. Гайсиной: Гайсина 1985, с.66) лексико-фразеологических единиц, паремии, фразы-клише, объединенные общими значениями встречи, приветствия, прощания, расставания. Такой подход позволяет более полно представить лингвистическую объективацию концептосферы в соответствии со спецификой ее отражения на том или ином уровне языка. Объединенные по принципу поля, анализируемые единицы образуют четыре концептуальных поля, в которых в качестве главного языкового знака выступает слово как имя

---

¹ В наименовании концептосферы «встреча / приветствие – прощание / расставание» косой чертой разделяются смежные, объединяющиеся в диады концепты, знак тире используется для отделения антонимических диад.

концепта, передающее его содержание наиболее полно и адекватно. Фразеологические единицы, «дублируя» значения, выраженные в лексических единицах, дополняют общеконцептуальный содержательный «багаж» образными элементами. Паремии, занимая срединное положение между языковыми и речевыми образованиями (Сидоркова 1999), по своему содержанию отличаются от других воспроизводимых единиц комплексом характеристик, обобщенностью и «отстраненностью» от конкретной ситуации; они несут информацию аксиологического плана. Клишированные фразы, закрепляясь в языке как воспроизводимые устойчивые единицы общения, являясь актуальными в речи и одновременно виртуальными в языке (Формановская 1987), заполняют прагматические «лакуны» содержательного наполнения концепта.

Концепты ВСТРЕЧА, ПРИВЕТСТВИЕ, ПРОЩАНИЕ, РАССТАВАНИЕ являются взаимоувязанными, интегрированными структурами. Их единство доказывается с опорой на онтологические данные и на данные репрезентирующих их языковых средств. Онтологическая связь названных концептов видится в их соотношении с единой полиситуацией, которая возникает из смены хронологически следующих друг за другом ситуаций (Лебедева 1999). Все четыре ситуации являются дву- или полисубъектными и антропными. Эти признаки отражаются как в их ментальных репрезентациях (концептах), так и в репрезентациях языковых. Языковое единство концептов демонстрируется этимологическими данными единиц языка, их синонимическими и антонимическими связями, бифункциональностью отдельных фраз (*Привет, Салют*).

Любой концепт, представляя собой многослойный конструкт, может быть описан по ядерно-периферийному принципу или по принципу прототипического моделирования. В соответствии с концепцией прототипического моделирования, прототип рассматривается как смысловой «остов» концепта, на который «нанизываются» его специфические когнитивные признаки. Количество прототипов концепта определяется степенью его разработанности в языке. В концептах сложной структуры каждый из прототипов рассматривается не только как дискретная, но и как континуальная, диффузная структура. Так, в концептах ВСТРЕЧА и РАССТАВАНИЕ (как более сложных) нами выделено по три прототипические модели, в то время как концепты ПРИВЕТСТВИЕ и ПРОЩАНИЕ имеют по одному прототипу. Статус имен рассматриваемых концептов получают существительные *встреча, приветствие, прощание, расставание*. Анализ концептосферы

ВСТРЕЧА / ПРИВЕТСТВИЕ – ПРОЩАНИЕ / РАССТАВАНИЕ осуществляется с учетом не только системных, но и функционально обусловленных языковых средств – контекстных, дискурсных, индивидуально-авторских интерпретаций концептов, а также народных примет. Концепты в рамках исследуемой концептосферы обнаруживают разную степень близости как по содержанию, так и по характеру функционирования репрезентирующих их языковых средств.

Концепт ВСТРЕЧА является не только первым, но и ключевым элементом, знаменующим всю концептосферу ВСТРЕЧА / ПРИВЕТСТВИЕ – ПРОЩАНИЕ / РАССТАВАНИЕ. По данным историко-этимологических словарей, в своих истоках данный ментальный объект предстает как синкретичная сущность, которая «возникает» на базе чувственно воспринимаемой и переживаемой ситуации и включает следующие смысловые элементы: 'пространственное сближение', 'обнаружение', 'восприятие', 'связь', 'борьба', 'судьба', 'свой / чужой', 'внезапность', 'враждебность намерений', 'нравиться / не нравиться'. Данные признаки явились семантическими «константами» концепта и базой его дальнейшего семантического «роста».

В МАС слово *встреча* представлено шестью семемами, из которых пять семем, отражающих антропную ситуацию встречи, квалифицируются нами как лексикографические репрезентации концепта ВСТРЕЧА. В основе многозначности данной лексемы, включающей множество латентных компонентов, лежит единый глубинный концепт, абстрактное содержательное ядро которого можно представить как 'запланированная / незапланированная', 'подготовленная / неподготовленная', 'целенаправленная / случайная', 'кратковременная / разной степени длительности', 'сопровождающаяся взаимным зрительным восприятием и идентификацией локализация антропных субъектов в одном обусловленном / необусловленном пространстве в результате их взаимонаправленного движения'.

Анализ языкового материала позволяет представить единый глобальный (интегрирующий) «каркас» концепта в виде трех прототипов, обозначенных нами как «встреча»₁, «встреча»₂ и «встреча»₃. Прототип «встреча»₁ имеет динамико-пространственный характер. В своем стабильном центре он организован совокупностью дифференциальных семантических признаков 'взаимонаправленное схождение', 'неожиданность', 'случайность (а значит и незапланированность)', 'кратковременность', 'пространственная необусловленность'. Он соотносится со словарными значениями 'схождение с кем-либо при движении с разных сторон', 'нежи-

данное столкновение с кем-либо' (*сойтись, столкнуться*). Прототип «встреча»₂ формируется дифференциальными семантическими признаками 'зрительное восприятие и идентификация', 'вербальная / невербальная реакция как выражение определенных интенций'. Этот прототип соответствует значениям 'ответить чем-либо на появление кого-либо'; 'выйдя навстречу прибывающему, принять, приветствовать' (*встретить, принять*). Прототип «встреча»₃ характеризуется дифференциальными признаками 'локальная обусловленность', 'подготовленность', 'целенаправленность', 'разной степени длительность'. Ему соответствуют словарные значения 'собрание, устраиваемое с целью познакомиться, побеседовать с кем-либо'; 'состязание, поединок, сражение' (*свидание, саммит*). Каждый из названных прототипов обогащается за счет других признаков логического и сублогического характера, извлекаемых в результате семантического анализа единиц лексического поля, синтагматических и ассоциативных связей основных репрезентантов концептов, фразеологизмов, паремий, фраз-клише, текстов различных жанров. Представим общую характеристику языковых пространств каждого прототипа и укажем их доминантные семантические сферы.

Концептуализация «встречи»₁ осуществляется с учетом результатов наблюдений человека за окружающей действительностью, результатов наивного (в том числе мифологического) и научного осмысления мира, с учетом характера практической деятельности человека. Интерпретация «встречи»₁ идет с учетом параметров 'близость локализации' (*сблизиться, сближение*), 'способ перемещения' (*сойтись, съехаться*), 'направление перемещения' (*встречным ходом идти*). Сублогическая интерпретация «встречи»₁ связывается с пространственными образами пересекающихся линий (*пересеклись пути / дороги*), «сходящихся» путей / дорог (*сошлись пути / дороги*), перекрестного их расположения (*скрестились пути / дороги*). «Встреча»₁ мыслится как необусловленная и обусловленная ситуация. На необусловленность встречи указывают предикаты *произойти, случиться, приспеть*, которые «констатируют» факт реализации встречи. Наиболее разнообразно представлена в русском языке неожиданная и случайная «встреча»₁. Интерпретация такой встречи реализуется через образы сталкивающихся объектов (*столкнуться, ударяться*), предметов, преграждающих путь (*натолкнуться, встать на пути; Наскочила подкова на булыжник*), через ассоциации с природными явлениями (*как снег на голову свалиться*), с миром растений (*словно из-под земли вырасти*). Психологическое восприятие ситуации находит ассоциативные параллели с болезненными

ощущениями (*напороться*): *Возле кассы она напоролась на Киреева. Именно напоролась, как ногой на гвоздь* (В.Токарева).

Обусловленность «встречи»₁ отражается в семантике паремий. Встреча может быть обусловлена ограниченным пространством (*Мир тесен*), «возможностями» человека в отличие от объекта природы (*Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдется*), значимостью места встречи (*Все дороги ведут в Рим*), результатом «каузации» высших (добрых) или низших (злых, нечистых) сил (*Господь принес; Андели послали; нелегкая принесла; черт принес*), судьбы (*Какими судьбами?*). Реализация встречи интерпретируется как необъяснимое чудо (*Каким чудом?*).

В лингвистической объективации «встречи»₁ учитывается аспект времени. Встреча с признаком 'вовремя' мыслится как удачное стечение обстоятельств (*Какая удача!*), ассоциативно связывается с ситуацией охоты (*На ловца и зверь бежит*), а встреча с признаком 'не вовремя' ассоциативно связывается с историческими реалиями (*Не вовремя гость хуже татарина*). Встреча с признаком 'быстро, после упоминания имени' находит ассоциативные параллели с прилетом птицы (*Легок на помине, как ворона на овине*), а с признаком 'долго' интерпретируется в параметрах архаичного посезонного подсчета времени (*Сколько лет, сколько зим*), в параметрах «действий» природных объектов (*Сколько воды утекло!*), в параметрах характеристики внешнего вида (*Явился – не запылится*). Для русского национального сознания характерно преувеличение сроков разлуки (*Сто лет не видел тебя*).

Актуализация общеконцептуального признака зрительного восприятия и идентификации наблюдается в семантике глаголов (*увидеть*), устойчивых сочетаний (*попасться на глаза*), фраз (*Кого я вижу!*). Интерпретация такой встречи в прецедентных фразах связывается с преувеличением социальной значимости встречаемого (*Какие люди и без охраны!*).

Прототип «встреча»₁ мыслится как перспективная ситуация. Информацию о реализации будущей встречи человек получает в результате умозаключений (*знать о встрече*), «извлекает» из чувственной сферы (*предчувствовать встречу*). В народных приметах «встреча»₁ находит символическое выражение (*Чихнешь во вторник – к гостям, в пятницу – к случайной встрече*). Символическим значением наделяются определенное «поведение» животного, насекомого, птицы (*Кошка умывается – жди гостя*), предметы домашнего обихода (*Сковородник упал, нож со стола – скоро гость придет*), бытовые детали (*Огонь в печи погас – нечаянный гость*). О положительных / отрицательных результатах встречи (добро или зло несет она) «информируют» разные

признаки характеристики встречного (его пол, социальный статус, семейное положение): *Встреча в пути с монахом, монахиней, вдовцом, холостяком, вдовой, девкой – «недобрая».*

Прототип «встреча»₂, отражающий реактивные (речевые / неречевые) действия участников ситуации встречи, наиболее обобщенно представляет глагол *встретить* ('ответить чем-либо на появление кого-либо'; 'выйдя навстречу прибывающему, принять, приветствовать'), значение которого демонстрирует идентичность отдельных содержательных граней концептов ВСТРЕЧА и ПРИВЕТСТВИЕ. Характеристика «встречи»₂ расширяется за счет сочетаемостных возможностей глаголов *встретить*, *принять* и их именных коррелятов *встреча*, *прием*. Для «встречи»₂ существенен аспект места. Если в лексических единицах место встречи отображается разнообразно – в *аэропорту*, *на вокзале*, *у порога*, то во фразеологизмах, поговорках и народных приметах место «встречи»₂ определяется однозначно – это дом, в котором встречающийся выступает в роли хозяина, а пришедший – в роли гостя. В сочетательной парадигме глагола *встретить* «встреча»₂ предстает как информативное речевое действие (*встретить известием*), проявленное отношение (*радушно / тепло*), как выражение определенных эмоций (*аплодисментами / в слезах*), как демонстрация внешнего вида (*при параде*). «Встреча»₂ – постигаемый объект: *встретить нужно уметь / научиться (Умел в гости звать, умей и встречать)*. В содержании поговорок встречающему в своем доме вменяется в обязанность: а) выйти навстречу (*Честно величать, так на пороге встречать*); б) пригласить в дом (*Гость не кость, за дверь не выкинешь*); в) «ласково» обращаться с гостями (*Звал гостей – не вари костей, не хмурь лица, подавай винца*); г) проявить гостеприимство (*встретить хлебом-солью; Гость на двор и хвост на стол*); д) щедрость (*Чт.е. в печи, все на стол мечи*); е) уважение (*Не кусок пирога, а честь дорога*).

На оценочной шкале «встреча»₂ осмысливается в терминах термических (*холодная, теплая*), эстетических (*прекрасная, чудесная*). Качество «встречи»₂ определяется временем прихода (*Кто поздно приходит, тот ничего не находит*), желательностью / нежелательностью встречи (*Желанному гостю всегда рады*), характеристикой пришедшего (*Каков гость, таково ему и угощение*), внешним видом (*Встречай гостя по платью, а провожай по уму*). «Встреча»₂ вне дома (в пути) предполагает реализацию «охраняющих» знаков, действий (*Если навстречу идет поп или монах – держи кукиш в кармане; встретился с кошкой – держись за пуговицу*).

Прототип «встреча»₃, отражая результаты социализации чело-

века, его коммуникацию с разными целями, объективируясь в языке, предстает подготовленной, социально / лично значимой ситуацией, предполагающей официальность / неофициальность обстановки, ее открытость / закрытость, определенное место, разный качественный и количественный состав встречающихся.

«Встречу»₃ обобщенно отражают лексемы *встреча, встретиться, встречаться, собраться*. Конкретизация способа перемещения, разной исходной локализации встречающихся, большое их количество находит реализацию в семантике лексем *сойтись, съехаться, съезд, сходка*, в паремиях *Гостей со всех волостей, Нашего полку прибыло*. При сублогическом осмыслении «встречи»₃ действия участников ситуации ассоциируются с соединением предметов (*состыковаться*). Эксплицитно выраженный элемент зрительного восприятия характеризует глаголы *увидеться, повидаться, видаться*. «Встреча»₃, реализующаяся по инициативе одной из сторон, мыслится как кратковременная ситуация (*посетить, навестить, визитировать, гостить, побывка, визит*), как попутная (*зайти, завернуть, забежать*). Инициатор встречи именуется как *посетитель, визитер, гость, клиент*. На каузацию «встречи»₃ указывают лексемы *собрать, свести*, а также имена *сводник, сводня*, в значении которых дается негативная оценка действий каузатора.

Для «встречи»₃ существенными признаками являются подготовка, организация встречи (встречу нужно *устроить / организовать*), реальная и виртуальная пространственная локализация (в *кафе / на сайте / в Кремле / на радио / дома*), целенаправленность и кратность (*общаться, контактировать, дружить*).

«Встреча»₃ мыслится как ситуация деловая, социально значимая (*собрание, съезд, саммит, устар. вече, сходка*), тайная, с асоциальным статусом участников (*сходка, сходняк, стрелка*). Неделовая встреча находит отражение в парадигме лексем, дифференцированных элементами: 'гендер' (*свидание*), 'узкий круг участников' (*междусобойчик*), 'вечернее время суток' (*вечеринка, вечер*), 'однородный состав участников по половому признаку' (*мальчишник, девичник*), 'широкий круг участников' (*раут, вечер*). Элемент 'высокий социальный статус принимающего' характеризует значение единиц *аудиенция, дать аудиенцию, просить аудиенцию*.

В сочетательной парадигме имени *встреча* конкретизируются: условия реализации «встречи»₃ (*открытая / закрытая / официальная / неофициальная*), пространственно-территориальные характеристики (*региональная, международная*), цель (*бизнес-встреча / футбольная*). Во фразеологизмах цель встречи пред-

ставлена как желание выразить уважение, «почтение» (*почтить визитом* кого), желание «возвратить долг» (*отдать визит*), расплатиться (*заплатить визит*).

«Встреча»₃ интерпретируется в языке как желательная / нежелательная ситуация (*хотеть встречи, противиться встрече*). Желание / нежелание встреч с точки зрения принимающей стороны связывается со смысловыми элементами, указывающими на открытость / закрытость личной пространственной зоны. При интерпретации такой встречи используются образы открытой / закрытой двери, порога как символов личного пространства (*не лускать в дом / на порог, отказать от дома; дверь / дом открыт, закрыть дом / двери*). Нежелание кого-либо входить в пространственную зону другого выражается через образы анатомических данных человека (*ногой не ступать, не показывать глаз / носа, ноги не будет в доме*) или же посредством указания на отсутствие информации о ком-либо (*Ни слуху, ни духу, ни вестей, ни костей*).

Оцениваясь по разным параметрам, «встреча»₃ характеризуется как типичная / исключительная ситуация (*обычная / беспрецедентная*), протекающая в определенной атмосфере, с разной степенью открытости, доверия в отношениях (*доверительная / откровенная*), вызывающая / не вызывающая определенный интерес со стороны участников и наблюдателя (*захватывающая / скучная*), с разной интенсивностью выражения эмоций (*спокойная / бурная*), с разным результатом (*незначительная / безуспешная*). «Встреча»₃ мыслится как «потребитель» и «источник» энергии человека, его физических и духовных сил (*изнурительная / вдохновляющая*), как объект эстетической оценки (*чудесная*), вкусовых ощущений (*сладкая / горькая*), как объект сравнения (*лучшая*).

Концепт ПРИВЕТСТВИЕ, «вырастая» из глубинного концепта «встреча», уже в этимологических истоках предстает многомерной синкретичной сущностью, семантическую базу которой составляют этимологические признаки 'речь', 'спасение', 'исцеление', 'оздоровление', 'благодарность', 'честь', 'хвала', 'поздравление', 'комплимент', которые в ходе эволюции выделились в самостоятельные когнитивные сферы.

В МАС имя *приветствие* представлено как общефактическое действие ['принятое обращение (слова, жест, движение) при встрече', 'речь, письмо, содержащие обращение со словами привета'], которое находит отражение в лексемах *приветствовать, приветствие, поздороваться*, и как действие более длительное по времени ['момент встречи; слова приветствия, жесты, движе-

ния в этот момент)], которое отражено в значении существительных *приветствие, здравствование* (устар.), *здорованье* (устар.).

Константный семный набор концепта ПРИВЕТСТВИЕ составляют компоненты 'встреча', 'направленность на адресата', 'добропожелание', а дифференциальные признаки связаны с компонентами, характеризующими вербальный / невербальный способ реализации приветствия ('речь', 'жест', 'движение'). Анализ семантики разноструктурных языковых единиц, репрезентирующих концепт ПРИВЕТСТВИЕ, позволил выявить также признаки, указывающие на постоянные и переменные роли адресанта и адресата (социальные, ситуативно-ролевые, возрастные, гендерные), признаки, характеризующие межличностные связи, пространственно-временные, количественные, модально-оценочные элементы и др.

В наборе лексико-фразеологических единиц, репрезентирующих концепт ПРИВЕТСТВИЕ, выделяются: а) единицы общего значения приветствия (*здороваться, поприветствовать, приветствие*); они констатируют факт приветствия без конкретизации способа; б) единицы, обозначающие вербальный способ приветствия (*приветственные слова сказать / послать, произнести приветственную речь*); в) единицы со значением невербального способа приветствия. Лексемы и фразеологизмы со значением невербального способа приветствия составляют большую часть лексико-фразеологического набора поля «Приветствие». Они типизируются на основании того, «какие рабочие органы человеческого тела являются главными в их исполнении» (Крейдлин, Чувилина 2001). Наиболее стандартизованный жестовый способ приветствия фиксируется в значении существительного *рукопожатие*. Дополнительными элементами являются: 'взаимность' (*обменяться рукопожатием*), 'неловкость' (*подать руку лодочкой*), 'пренебрежительность' (*сунуть руку лопатой*), 'особое почтение' (*расшаркаться, отдать поклон, бить поклоны, вытянуться во фронт*), 'дистантность локализации при зрительном восприятии' (*помахать рукой, послать воздушный поцелуй*). В значении следующего ряда единиц, репрезентирующих концепт, заложена информация о признаках участников ситуации: гендерных (*книксен, шаркнуть ножкой; подойти к ручке, поднести ручку для поцелуя*), профессиональных (*kozyрнуть, приложить руку к козырьку, отдать честь, щелкнуть каблуками*), возраста (*отдать [пионерский] салют*).

В ситуации приветствия важную роль играет эмотивный настрой коммуникантов. Актуализация эмотивного признака наблюдается в семантике единиц, обозначающих мимическое

движение лица (*улыбнуться, улыбка*), тактильный контакт (*обнять, раскрыть объятие, поцеловаться, похристосоваться*). Они выполняют роль «сопроводителей» как вербального, так и невербального приветствия. Концепт ПРИВЕТСТВИЕ мыслится как сакральное действие (слово), знак-оберег. Такой семантикой наделены лексемы и сочетания (*перекреститься, благословить, благословение, произнести молитву*).

В сочетательной парадигме лексических репрезентантов концепт ПРИВЕТСТВИЕ конкретизируется в параметрах голосовых характеристик вербального приветствия (*громкое / тихое*), пространственной удаленности адресанта (*далекое*), профессионального стиля (*военное / театральное*), территориальных особенностей (*деревенское / восточное*), количества участников (*хоровое*), стандартности / нестандартности (*традиционное / необычное*), характера проявленного отношения (*теплое / холодное / дружеское / вежливое*), эстетической оценки (*прекрасное*). Приветствие информирует о дне недели, празднике (*воскресное / новогоднее / пасхальное*).

В паремиях концепт ПРИВЕТСТВИЕ интерпретируется с учетом параметров первоочередности (*Первый поклон богу, второй хозяину с хозяйкой, третий всем добрым людям*) и близкой локализации и усердия в реализации (*Подойди поближе, да поклонись пониже*). Давая установку на этикетное поведение, народное сознание связывает приветствие со щедростью и выражением любви (*Бью челом да солью, да третьей любовью*), мастерством (*Клади крест по-писаному, поклон веди по-ученому*), физическим состоянием (*Поклоном спины не надсадишь, шею не свихнешь*). Концепт ПРИВЕТСТВИЕ приобретает значение спасительной и «усмиряющей» силы (*Аминь человека спасает; Хлеб-соль и разбойника смиряет*), «маски», скрывающей неблагоприятные намерения (*Передом кланяется, боком глядит, задом щупает*), определителя перспективы (*Поклониться – вперед пригодится*).

В народных приметах концепт ПРИВЕТСТВИЕ интерпретируется как перспективная ситуация, имеющая символическое выражение. Символьным значением наделяются физиологические ощущения (*правая рука чешется – здороваться, бровь чешется – кланяться*). Положительная / отрицательная оценка приветствия определяется местом приветствия: в соответствии с суеверными представлениями, в народном сознании закрепилось мнение: *Через порог не здороваются*. Русский человек, желая оградить себя от отрицательных последствий встречи, видит в приветствии «спасительный» и «охраняющий» знак, способный «выправить» потенциально «недобрую» встречу на «добрую»

(Если первым человеком, встретившимся на пути, будет женщина, то главное – первому ее заметить и поздороваться или окликнуть, тогда беды не случится).

Содержание фраз, репрезентирующих ПРИВЕТСТВИЕ, несет информацию о его прагматической характеристике (интенция добропожелания, благодарности, прославления, поздравления, приглашения и др.), а также о признаках «информирующего» характера, которые указывают на наиболее важные ценности русского человека (здоровье, добро, мир, согласие, благополучие, успех, удача), на характеристику адресата и адресанта (социальную, профессиональную), на характер действий адресата в данный момент. В наборе фраз выделяются единицы: 1) представляющие ситуацию с точки зрения двух сторон – адресанта / адресата (*Здравствуйте!; Привет!*); 2) инициальные, представляющие сторону адресанта (*Бог в помощь*); 3) реактивные фразы (*Также и вам; Спасибо*); 4) диалогические единства. (*Мир вашему дому – С миром принимаем*).

По семантическому наполнению фразы подразделяются на три блока единиц:

а) фразы-перформативы,

б) приветствия с эксплицитным выражением «пожелательной» интенции,

в) фразы, функционально сближающиеся с приветствиями, соответствующие семантическим моделям поздравления, восхваления, прославления, приглашения и др.

Перформативные фразы, обозначающие речевое действие, равное самому событию, стилистически дифференцированы и показывают высокую функциональную активность (*Приветствую; Позвольте поприветствовать; Привет*). Среди фраз второй группы наиболее стандартизованными являются фразы с пожеланиями здоровья (*Здравствуй! Здравствуйте!*). Они представляют собой глаголы-императивы, которые «располагают такими формами повелительного наклонения, которые уже ничего не повелевают адресату» (Формановская 1987). Семантическое расширение таких единиц составляют компоненты 'добро' (*Доброго здоровья*), 'количество' (*Тысячу раз здравствуйте*), 'время суток' (*Здорово дневали*), 'профессиональная узуральность' (*Здравия желаю!*). В контексте речи единицы с данным признаком расширяются шутливо-игровыми элементами разного характера (*Здравствуй, здравствуй, свет мой ясный!*). Эксплицитное выражение элемента пожелания добра характеризует фразы, объединенные по признакам 'часть суток' (*Доброе утро; Добрый вечер*), 'день недели' (*Доброе субботнее утро*), 'праздничный день'

(*Доброе новогоднее утро*), 'место' (*Добрый день тому, кто в этом доме*).

Для русского национального сознания большое значение имеет мир, спокойствие. Группа фраз с эксплицитно выраженной интенцией пожелания мира, спокойствия дифференцирована элементами 'место встречи' (*Мир вашему дому; Мир по дороге*), 'характер занятий адресата' (*Мир беседе*). Фразы с пожеланиями успехов в труде, отдыхе также информируют о характере занятий адресата (*Свеженького тебе; Море под корову; Улов на рыбу; Дай Бог носить не переносить, возить не перевозить*). Концептуализация приветствия осуществляется с учетом пожеланий жизненного благополучия адресату. В устаревших фразах приветствие связывается с наиболее важными продуктами питания русского человека (*Хлеб да соль*), а также с продуктами, символизирующими достаток в доме (*Чай да сахар*).

Важен положительный эмоциональный настрой как в работе (*Весело работать*), так и в отдыхе (*Веселый час; Гулянье вам*). Русский человек во всем происходящем видит участие Бога, ангелов, которых человек воспринимает как своих хранителей (*Господь тебе встречу; Ангел встречу*). В таких фразах учитывается характер занятий адресата (*Бог (в) помощь; Бог на привале; Ангел за трапезу*). В семантическом потенциале фраз находят эксплицитное и имплицитное выражение интенции «почитания» (*Мое почтение; Наше вам с кисточкой; Всенижайшее почтение*), прославления наиболее почитаемых Бога, Иисуса Христа, а также конкретного адресата (*Слава Иисусу; Слава работникам трудового фронта*).

Интерпретация фраз реактивной группы связывается с интенцией приглашения к «доброму» обхождению (*Добро пожаловать!*), к 'ласке', «милости (*Милости прошу*), угощению (*Просим к нашему хлебу-соли; Пирог да варенье*), мирного контакта (*С миром принимаем*). Речевые варианты фраз «приглашающей» семантики дополняются интенцией предложения быть гостем / хозяином (*Заходи – гостем будешь; Занеси бутылку – хозяином будешь*).

В качестве приветствий выступают фразы-поздравления с каким-либо праздничным днем, событием социально значимым или значимым для данного адресата (*С праздником; С Новым годом; С Рождеством Христовым!; С лёгким паром; С приездом*). Как реактивное приветствие выступают фразы с актуализацией интенции благодарности, во внутреннем содержании которой заложена интенция просьбы о спасении (*Спасибо*), интенции взаимного пожелания (*И вам также*), интенции согласия (*Воистину вос-*

крес), а также прославления (*Слава Богу; Навеки слава*). Фразы сопровождающего типа представляют собой вербальные «дубликаты» невербального приветствия (*Дай пять; Держи краба!*). Существует множество вариантов контекстных, индивидуально-авторских единиц, в которых обыгрывание системных единиц часто основано на рифме (*Здравствуй, Маша, радость наша; Привет от пары штиблет*).

Концепт ПРОЩАНИЕ, находясь в антонимических отношениях с концептом ПРИВЕТСТВИЕ, по своему значению соотносится с ним: прощаться – значит «кончать разговор такой же сигнализацией» (Вежбицкая 1985, с.270), в нем усматривается элемент доброжелательства (привет), временной момент – окончание контакта, осложненный элементом «отношений» (расставание, разлука) (Формановская 1987, с.65). Этимологические данные показывают, что в истоках концепт ПРОЩАНИЕ и концепт ПРИВЕТСТВИЕ обнаруживают полную идентичность, что соответствовало мышлению древних людей об идентичности противоположных вещей. Выделение концепта ПРОЩАНИЕ в особую когнитивную структуру связано с интенцией прощения: общеславянское *простить* образовано с помощью суффикса – ити от *простъ* со значением 'свободный'. Древнее буквальное значение этого глагола было 'освободить (от долгов, грехов и т.п.)', а слово *прости* имело «извинительное» значение 'прости (если что не так)'. По данным Словаря В.И.Даля, слово *прощание* включает смысловые компоненты 'речевое действие', 'добропожелание', 'последняя встреча-контакт', 'расставание'. В МАС имя *прощание* толкуется через глагол *прощаться / попрощаться*, имеющий значение 'обмениваться / обменяться рукопожатием, словами приветия и т.п. при расставании с кем-либо'. Это толкование демонстрирует антонимическое единство концептов ПРОЩАНИЕ и ПРИВЕТСТВИЕ.

Большую часть лексико-фразеологических единиц поля «Прощание» составляют репрезенты бифункционального типа, соотносящиеся как с концептом ПРОЩАНИЕ, так и с концептом ПРИВЕТСТВИЕ. В качестве маркеров концепта ПРОЩАНИЕ в контексте выступают глаголы общего значения, в содержании которых этот концепт мыслится общефактическим, моментальным действием (разг. *попрощаться, проститься*), а также фразема на прощанье (*на прощанье пожать руку / кивнуть / шаркнуть ногой ножкой / махнуть рукой*). Приставочные модификации *распроститься / распрощаться* отличает компонент 'длительность разлуки'. В семантике существительного прощание ('момент расставания; слова приветствия в этот момент') концепт ПРОЩАНИЕ

мыслится как ситуация, занимающая определенный временной отрезок и допускающая комплекс приветствий конкретизирующего вида: *Начинается быстрое лихорадочное прощанье. Аглаида Васильевна крестит, целует сына, смотрит на него, опять крестит, захватывает воздух, крестит себя, опять сына, опять целует* (Н. Гарин-Михайловский). В сочетательной парадигме глаголов *проститься / попрощаться* конкретизируются: вербальный / невербальный способ прощания (*попрощаться за руку, проститься кивком головы*), степень громкости (*тихо*), интенсивность (*с силой*), темп (*быстро*), временные параметры (*миг / минута / час*), фаза (*начаться / закончиться*), количественные показатели (*первое / последнее*), эмоциональное состояние (*горестное / печальное*). В эпитетах исследуемый концепт определяется в параметрах вкусовых ощущений (*горькое*), эстетической оценки (*красивое / неподобающее*).

Репрезентантами вербального прощания выступают устойчивые сочетания прощальные слова *сказать, сказать последнее прости кому*. Общеконцептуальный признак 'зрительное восприятие' отражен в сочетаниях *прощальным взглядом посмотреть на кого, окинуть (прощальным) взглядом кого*. Прощание с признаком 'навсегда' интерпретируется как «возврат долга» (*отдать последний долг*). Прощание предстает как сакральное действие, ритуал (*на дорожку присесть, выпить на посошок*), как совместное недлительное перемещение уходящего и провожающего (*проводить, провожающий*).

В паремиях концепт ПРОЩАНИЕ мыслится социально предписанным этикетным действием, свидетельствующим об уровне культуры человека (*Приехал – не здоровался, поехал – не простился*), требующим эмоциональной сдержанности (*Долгие проводы – лишние слезы*), проявления щедрости (*Вслед гостя не употчевать*), недлительности (*Долгие проводы – лишние слезы*), предполагающим посредничество (*Кланяйся своим, да не забывай и наших*), новые встречи (*На свиданье прощаемся*). В народных приметах концепт ПРОЩАНИЕ получает значение «доброе / плохое» знака (*Не простясь в дорогу уехать – ломка будет*).

В содержании фраз, репрезентирующих концепт ПРОЩАНИЕ, находят выражение интенциональные признаки, большая часть которых идентична признакам концепта ПРИВЕТСТВИЕ (интенции добропожелания, благодарности, просьбы, совета). Эти признаки переплетены с информативными элементами, характеризующими наиболее значимые для русского человека ценности (здоровье, добро, мир, спокойствие, успех, удача), его практическую деятельность, результаты контакта, сроки разлуки и др.

Ядерной единицей в микрополе фраз поля «Прощание» выступает наиболее частотная, нейтральная в стилистическом плане фраза *До свидания*, в структуре которой предлог *до* «знаменует временной предел разлуки», а во фразе *До встречи* временной предел представлен как «гораздо более осознаваемый говорящим» (Н.И.Формановская 1984, с.81). В контексте семантический багаж указанных фраз расширяется элементами места (в том числе с учетом виртуального пространства), приблизительно или точного указания сроков разлуки (*До встречи на стадионе; До встречи на нашем сайте; До скорой встречи*). Фразы *Прощай, Прощайте, Прощевайте!, Разрешите проститься* функционируют в 2 значениях: 1) 'приветствие при расставании в значении *До свидания*; 2) 'прощание навсегда'. Во внутреннем содержании указанных фраз содержится интенция просьбы о прощении. В качестве модифицирующих выступают элементы 'неоднократность встреч в течение одного дня' (*Я не прощаюсь*), 'не совсем прощаться' (*Пока*).

Наиболее многочисленную парадигму составляют фразы прощания с интенцией пожелания добра (*Всего доброго*), здоровья (*Здоров будь; А за сим желаю здравствовать*), счастья, удачи, успеха, мира, помощи и «охраны» Бога, хорошо складывающихся обстоятельств (*Доброго пути; Счастливой дороги; Идите с миром; Идите с Богом; Да сохранит тебя (вас) Бог / царица небесная в пути (твоем)*). Сублогическая интерпретация концепта ПРОЩАНИЕ связывается с комфортным перемещением, чистым, гладким пространством, ассоциирующегося с образом скатерти (*Скатертью дорога*).

Фразы прощания в вечернее время связываются с пожеланием спокойствия (покоя) и приятного сна (*Спокойной ночи; Приятных снов и сновидений*). Расширение семантического потенциала таких единиц идет за счет шутливо-игровых элементов на актуальные для адресата темы (*Старики, спокойной ночи!; Дембель стал на день короче; Твердой валюты*), элементов, указывающих на профессиональные признаки адресата (*Семь (тысяч) футов под килем; Попутного ветра; Легкого взлета и мягкой посадки*). В семантике фраз прощания учитывается также канал восприятия. Высокую частотность в речи и телепередачах приобретает фраза *Увидимся*, реже используется фраза *Услышимся*, подчеркивающая элемент аудиовосприятия.

Прощаясь, русский человек желает еще раз засвидетельствовать свое уважение, «почтение» к остающемуся (*Мое почтение; Честь имею / кланяться*), приглашает к новым встречам (*Приходи; Приезжай; Заходи, если что*), просит быть посредником меж-

ду адресантом и другими знакомыми людьми из близкого окружения адресата (*Передайте привет своим близким; Привет семье и детям*).

Концепт РАССТАВАНИЕ, являясь логическим «продолжением» концепта «прощание», антонимически соотносится с концептом «встреча», что обуславливает наличие общих интерпретационных «кодов» при их лингвистической объективации. Имя существительное *расставание* определяется в словарях по значению глагола *расстаться/расставаться*, главными значениями которого являются 'разойтись, попрощавшись', 'оказаться в разлуке, разлучиться', 'прекратить дружеские отношения или совместную жизнь с кем-либо', 'отпустить от себя, уволить, отказаться от чьих-либо услуг'. В указанных толкованиях акцентируется внимание на трех основных аспектах: а) 'начало разной локализации участников ситуации в результате перемещения в разные точки пространства'; б) 'временная разлокализованность'; в) 'разрыв межличностных / социальных связей'. Такое трехмерное смысловое пространство позволяет рассматривать концепт РАССТАВАНИЕ в трех прототипических моделях – как «расставание»₁, «расставание»₂ и «расставание»₃.

Прототип «расставание»₁ связан с идеей перемещения и представлен значением 'разойтись, попрощавшись' (*расстаться, разойтись, разъехаться*).

Прототип «расставание»₂ связан с идеей совместного контакта в течение определенного времени и соотносится со значениями 'прощанье, проводы, последнее свиданье с отбывающим' (*расставаться, прощаться*).

Прототип «расставание»₃ связан с идеей разрыва связей на определенное время или навсегда и соотносится со значениями 'оказаться в разлуке, разлучиться', 'прекратить дружеские отношения или совместную жизнь с кем-либо', 'отпустить от себя, уволить, отказаться от чьих-либо услуг' (*разлучиться, отлучиться, расплываться*).

Общими, глубинными признаками названных трех прототипов являются семантические компоненты 'конец контакта', 'пространственно-временная разобщенность субъектов'.

В лексико-фразеологическом пространстве единиц, репрезентирующих прототип «расставание»₁, наиболее общее значение отмечается у лексем *расстаться / расставаться, расставание*. Дифференциальными элементами являются признаки 'способ перемещения' (*разойтись, разбежаться, разлететься, уйти, уехать*), 'перестать находиться с кем-либо, оставить, покинуть кого-либо' (*удалиться, отправиться, ретироваться, покинуть*,

свалить), 'поспешно, испугавшись' (*сбежать, умчаться, укатить, удрать*), 'на некоторое время' (*отлучиться*). «Расставание»₁ интерпретируется как синхронное разнонаправленное перемещение (*в разные стороны пойти*). На каузацию расставания указывают глаголы *разъединить, развести, разогнать*. Расставание находит сублогическое осмысление в глагольных метафорах, в содержании которых расстающиеся ассоциативно уподобляются перемещающимся животным, птицам (*разлететься, расползтись, улететь*), сыпучим веществам (*рассыпаться*), летучим веществам (*испариться, улетучиться*), разделяющимся на части предметам (*расколоться, разделиться*). Уход мыслится как ориентированное / неориентированное перемещение (*направить лыжи / стопы / шаги / путь; уйти куда глаза глядят*), как манипулирование частями тела (*смазывать пятки (салом), уносить ноги, взять ноги в руки, сделать ноги*), как приближение опасности (*спастись бегством*), предполагает наличие лошади (*пришпорить коня, дать тягу / шпоры*), помощь Бога (*давай бог ноги*), мобилизацию отдельных частей тела (*понестись / полететь во все лопатки*) или их демонстрацию (*показывать пятки; показывать спину / тыл*), износ обуви (*рвать подметки*).

Во фразеологизмах «расставание»₁ интерпретируется в параметрах практической деятельности человека в разных сферах (*снять с дрейфа, снять с якоря, нарезать гайку, смотреть удочки*), ассоциативно связывается с химическими процессами (*выпал в осадок*). Внезапный и тайный уход интерпретируется как проявление национально-культурного стиля поведения (*уйти по-английски*), как «действие» домашнего животного (*как корова языком слизала, рвать когти*), как воспоминание о факте присутствия ушедшего (*только его и видели; и был таков*), как оставшееся / не оставшееся в памяти имя (*Митькой / Филькой звали; поминай как звали*).

Прототип «расставание»₂, выражая идею процессуального (речевого / неречевого) действия, находит отражение в лексемах *расставаться, расставание*, которые частично интегрируют в себе смыслы концептов РАССТАВАНИЕ и ПРОЩАНИЕ. В сочетательной парадигме данный прототип интерпретируется как церемония, обряд, которые наступают / близятся, имеют определенную фазу развития (*начинается / идет / заканчивается*), занимающая по времени минуту / час / день. В определениях к имени существительному «расставание»₂ характеризуется с точки зрения эмоционально-психологического состояния его участников (*трудное / тяжелое / мучительное / грустное / печальное*), проявленного отношения участников ситуации друг к другу (*теплое / лас-*

ковое / нежное / сдержанное), стиля (*торжественное*), эстетичности (*красивое / картинное*). В ассоциативных реакциях «расставание»₂ большей частью имеет негативную оценку и определяется как плохое слово / боль / смерть.

В лингвистической объективации «расставания»₂ находят отражение прагматические признаки, характеризующие сложившиеся отношения между расстающимися и указывающие на бесконфликтность/конфликтность расставания. Бесконфликтность расставания ассоциативно связывается с миром (*с миром отпустить*). Значительная же часть единиц указывает на конфликтность расставания. Во фразеологизмах данные смыслы связываются с символическими образами закрывающейся двери дома, ворот (*хлопнуть дверью, ворота на запор*). При конфликтном расставании хозяин дома предстает «регулирующим» перемещения удаляемого (*указать на дверь / на порог, от ворот поворот показать / дать*), применяющим физическое насилие (*турнуть, выгнать, гнать в шею*), а удаляемый ассоциируется с тяжелой ношей (*спихнуть с плеч*), с ненужной вещью (*выкинуть, выставить, встряхнуть, вышвырнуть, выставить за дверь / за ворота*), с «мусором» в доме (*выгнать поганой метлой*).

Прототип «расставание»₃ представлен парадигмой лексем, предполагающих контекстуальный признак 'на время' / 'навсегда' (*расстаться, разлучиться, расставание, разлука*). Признак 'навсегда' характеризует глаголы с общим значением 'прекращение связи, дружбы, общения' (*расстаться, разобщиться, разойтись, размежеваться*). Каузацию «расставания»₃ по инициативе третьей стороны отражают глаголы с общим значением 'лишить связи, общения с кем-либо' (*разорвать, отделить, отторгнуть*) и 'сделать далекими, чуждыми друг другу' (*разобщить, развести, раздружить, рассорить*). Дифференциальный элемент 'по инициативе одной стороны' характеризует лексемы с общими значениями 'порвать связь с кем-л, изменив прежнее отношение' (*отшатнуться, отворотиться*); 'освободившись' (*избавиться, отделаться, отвязаться*); 'прекратив знакомство, дружбу' (*раззнакомиться, раздружиться*), 'в результате ссоры' (*расплеваться, рассориться*); отказавшись от чьих-либо услуг' (*расстаться, уволить, отпустить*), в том числе 'многих' (*распустить*); 'прекратить совместную (супружескую) жизнь с кем-либо' (*развестись, развод, разрыв*). Каузация расставания по линии межличностных (супружеских, любовных) связей отражена в семантике глаголов *разлучить, развести, разженить*. Семантика существительных *разлучник* и *разлучница*, обозначающих каузаторов, дополнена негативной оценкой.

В сочетаемой парадигме имени *расставание* прототип «расставание»₃ мыслится как ситуация закономерная (*предназначенное / неизбежное*), объективно обусловленная (*неизбежное*), возможная / необходимая / желательная (*захотеть / пожелать*), каузированная (*требовать / принудить* к расставанию). Интерпретация «расставания»₃ по инициативе одной стороны мыслится как следование в разные пространственные пределы (*пути / дороги разошлись*), как нарушение целостности единого (*разорвать / порвать связь*). Сублогическое осмысление конфликтного расставания ассоциативно связывается с образом горшка, символизирующего связь (*горшок разбить*), с образом закрываемой двери как символа границы личного пространства (*хлопнуть дверь*).

В содержании паремий «расставание»₃ мыслится как ситуация неизбежная (*Сколько ни прощаться, а не миновать, что домой убираться*), обусловленная соблюдением этикета (*Знай, солдат, честь: погрелся, да и вон*), не соответствующая целям коммуникации (*Чем расставаться, так лучше бы и не знаясь*). Расставание – это возможность забыть духовно (*С глаз долой – из сердца вон*), это благотворное воздействие на чувства (*В разлуке любишь горячее*). Конфликтность / бесконфликтность расставания определяются параметром 'по приглашению / без приглашения' (*Кто ходит незванный, редко ходит негнанный*).

В народных приметах расставание находит символическое выражение. Символом расставания служит вещь (*Подарить кольцо – к разлуке*), цвет (*Желтые цветы – к разлуке*). Расставание, предполагающее новую встречу, связано со зрительным сопровождением (*Если хочешь поскорее вновь свидеться с отъезжающим, то, вернувшись к порогу, оглянись вслед уезжающему человеку*); расставание, не предполагающее новую встречу, связывается с манипуляциями «удаляющего» / «сохраняющего» значения: *После ухода гостей протри зеркало влажной губкой – недобрый гость мог оставить в зеркале свой образ; За своим отъезжим следу не запахивай (т.е. не мети, не мой полов в тот же день)*.

Фразы микрополя «Расставание» несут содержательные элементы, характеризующие концепт в целом. Содержательный «багаж» фраз определяется результатом реализованного контакта. Фразы расставания, соотносясь с фразами прощания, в отличие от них, являются единицами «нейтральными» или неэтикетными. В их семантике концепт «расставание» предстает как ситуация желательная / нежелательная, конфликтная / бесконфликтная.

Условно микрополе фразовых единиц можно разделить на 2 блока: а) фразы «горизонтального разворота влево»

(Н.И.Формановская), которые сигнализируют о предстоящем расставании, и б) фразы, реализующиеся в момент расставания.

Фразы «горизонтального разворота влево» указывают на причину расставания (позднее время, соблюдение этикетных норм, служебные дела, плохое самочувствие и др.): *Что-то я засиделся; Пора на боковую; «Труба зовет»; Не буду вам мешать; Пора и честь знать*. Актуализация интенционального элемента 'предложение расстаться' может получить как эксплицитное, так и имплицитное представление (*Предлагаю разойтись; Может, по домам?*). Во фразах, представляющих сторону провожающую (отпускающую), находят реализацию интенции согласия, разрешения (*Можете идти; Ступай; Вы свободны*), команды (*Шагай; Отчаливай; Марш отсюда; От винта*). Расставание с актуализацией признака 'недлительно' интерпретируется как положение ног в разных точках пространства (*Одна нога здесь, другая там*). Единицы, значение которых связано с нежеланием расставаться, характеризует интенция просьбы (*Не уходите; Оставайтесь с нами на канале ОПТ*). Перформативные фразы *Я пошел / поехал / побежал* констатируют факт ухода. В шутливо-игровых фразах расставание образно мыслится как «волшебное» исчезновение (*Я исчезаю*), как отсутствие в реальности (*Меня нет*), как химический процесс (*Я испарился*).

Наиболее многочисленной является парадигма единиц, семантика которых отражает конфликтное расставание. Имплицитное требование удалиться с использованием образа открытой двери заключено во фразе-поговорке *Надо избу выстудить, жарко*. В индивидуально-авторских единицах расставание мыслится как конец социально значимого мероприятия: *Торжественный митинг по поводу отбытия объявляется закрытым* (К/ф), как предложение «отдохнуть» (*Гуляй, Вася. К/ф*), скрыться (*Сделай так, чтоб я тебя долго искал. К/ф*). Смягчение категоричности в требовании удалиться связывается с подключением интенционального элемента просьбы (*Прошу оставить меня*). Эксплицитно выраженная категоричность в грубой форме интерпретируется во фразах как удаление с данного места (*Оставь меня, Выйди отсюда; Вон отсюда*), в том числе с указанием ориентира перемещения (*Убирайся на все четыре стороны*), как полное удаление «с вещами» (*Забирай свои манатки и уходи*), как желание отгородиться (*Закрой дверь с той стороны!*), с указанием исходной точки перемещения (*Вот тебе бог, а вот тебе двери / порог*). При конфликтном расставании удаляемый уничижительно представляется в образе нечистой силы (*Сгинь; Изыди; Исчезни; Проваливай*), животного, птицы (*Брысь; Кыш отсюда*), ненужного

«мусора» (*Попрошу очистить помещение; Выметайся отсюда*). Такое расставание интерпретируется как отстраненное манипулирование частями тела (*Ноги в руки и на выход!*), как производственные действия (*Двигай; Выкатывайся; Мотай; Чеши; Смазывай удочки*), как физиологические процессы в организме животного (*Линяй*), как неприятное физиологическое действие (*Срыгни отсюда*), мыслится как желание избавиться не только от чьего-либо физического, но и духовного присутствия (*Чтоб духу твоего больше не было; Улетучивайся*), как угроза нанести ущерб здоровью (*Убирайся подобру-поздорову*). В фразовых единицах, отражающих конфликтное расставание с точки зрения уходящего, находит актуализацию интенция угрозы лишить зрительного восприятия (*Больше вы меня не увидите*), в том числе через образ ноги (*Ноги моей здесь / в этом доме больше не будет*).

Таким образом, каждый уровень языка предоставляет свои средства, свой интерпретационный «код», отражая рациональное и иррациональное осмысление концептов. Системный характер основного содержательного наполнения языковых средств разных уровней внутри каждого лексико-фразового поля обуславливается, как было показано, прототипическим центрированием наиболее сложных в содержательном плане концептов. Многоаспектность семантики языковых и речевых единиц, репрезентирующих концепты ВСТРЕЧА, ПРИВЕТСТВИЕ, ПРОЩАНИЕ, РАССТАВАНИЕ, – свидетельство когнитивной многомерности соответствующей концептосферы, ее значимости для русского национального сознания.

Литература

Вежицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.

Гайсина Р.М. Лексико-фразовое поле как материал лексикографического осмысления в учебных целях // Культурное наследие славянских народов Башкортостана: Тез. конф. Т.2. Уфа: БашГУ, 1996.

Гайсина Р.М. Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики. Уфа, 1985.

Крейдлин Г.Е., Чувилина Е.А. Улыбка как жест и как слово (к проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов) // Вопросы языкознания. 2001. № 4.

Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. Томск, 1999.

Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар, 1999.

Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М., 1984.

Формановская Н.И. Вы сказали «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М., 1987.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1997.

Формановская Н.И. Волшебная сила приветствия // Журналистика и культура речи. М., 2001.

Шемарова В.А. Формулы речевого этикета в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Материалы науч.-практ. конф. «Преподавание культурологии в высших учебных заведениях». Уфа, 1997.

Шемарова В.А. Категории *встреча /приветствие, прощание/ расставание* в семантической языковой интерпретации // Актуальные проблемы филологии: Материалы науч.-практ. конф., посв. 40-летию Башгосуниверситета. Уфа, 1997.

Шемарова В.А. Прецедентный текст и категории *встреча, приветствие, прощание, расставание* // Материалы науч.-практ. конф. «Проблемы и перспективы развития системы предвузовского обучения иностранных граждан на рубеже третьего тысячелетия». М., 2000.

Шемарова В.А. Семантическая структура лексических единиц в практике обучения РКИ (на материале лексических единиц межчастеречного поля «Приветствие») // Общеобразовательные дисциплины и язык специальности в профессиональной подготовке национальных кадров на начальном этапе обучения в вузе: Материалы междунар. конф. М.: Изд-во РУДН, 2000.

Шемарова В.А. Принципы семантической классификации языковых единиц // Коммуникативно-функциональное описание языка / Изд-во БашГУ. Уфа, 2000.

Шемарова В.А. 'Стереотип', 'ритуал', 'жанр', 'этикет' – основа коммуникативной характеристики категорий 'встреча' / 'приветствие' – 'прощание' / 'расставание' // Коммуникативно-функциональное описание языка / Изд-е БашГУ. – Уфа, 2000.

Шемарова В.А. Концепт «Встреча» и его информативный элемент // Язык и межкультурные коммуникации: Материалы междунар. конф. – Уфа: БГПУ, 2002.

Шемарова В.А. Страноведческий аспект изучения русских паремий в иностранной аудитории (на примере поля «Приветствие») // Проблемы строительного комплекса России: Материалы VII междунар. науч.-техн. конф. – Уфа, 2003.

Шемарова В.А. Научно-техническая терминология в лингвоинтерпретациях концептов «встреча» и «расставание» // Проблемы строительного комплекса России: Материалы VII междунар. науч.-техн. конф. Уфа, 2003.

Шемарова В.А. Концептосфера «встреча / приветствие – прощание / расставание» и ее репрезентация в языке // Сборник научных работ аспирантов, соискателей и молодых ученых. Уфа, 2003. Вып. 2.

Н.О. Козина (Иваново)

ГРЕХ

Исследование проведено в опоре на концепцию Н.И. Толстого о стративном характере этнической культуры и языка и с использованием методики концептуального анализа, разработанной Ф.Ф. Фархутдиновой.

Грех является одним из наиболее значимых для русского сознания концептов духовной культуры, в котором нашли отражение мировидение русского народа, его психология, этические и моральные принципы, религиозные и мирские знания.

Понятие *грех* начало складываться в параметрах языческого (мифологического) мировидения, согласно которому человек мыслил себя частью природы и был убежден в необходимости жить по ее законам (Маковский, 1996; Мелетинский, 2000, с.165; Толстая, 2000, с.174). Мифологическое сознание сформировало систему регламентаций и правил, соблюдение которых было необходимым условием для поддержания жизни и предотвращения угрожающих ей опасностей. Всякое действие, идущее вразрез с естественными законами, нарушающее гармонию в природе и препятствующее продолжению жизни, расценивалось как грех. Так, грехом считался брак между родственниками, потому что могло родиться нездоровое, нежизнеспособное потомство; конокрадство, поджог пчел, несвоевременное возделывание земли, потому что такие действия нарушают баланс в природе.

Для язычника грех в первую очередь социальное понятие, ибо греховное действие направлено вовне и его последствия отражаются на жизни общества.

С разысканиями этнографов согласуются данные лингвистических исследований. Установлено, что лексема **grexъ*¹, не имеющая индоевропейских аналогов, появилась в общеславянском языке (Черных, 1956, с.116; Трубачев, 1998, с.7). Общеславянский корень *грех*, наряду с корнями *лев*, *крив*, *пак*, изначально выражал общую идею несоответствия норме ("против правил", "обратно принятому"). В ходе семантических процессов корень *грех* в разных славянских языках, в том числе и русском, стал образовывать собственные дериваты, регулярно выражающие оценку действия с точки зрения его правильности или неправильности: *грешитъ* "делать неверно". В то же время дериваты корня *грех* явились наиболее употребительными в области религиозно-этических оценок и означали "неправильно" в религиозном аспекте (Якушкина, 2002, с.178). В соответствии с религиозными язы-

---

¹ Графическая запись сделана в соответствии с «Этимологическим словарем славянских языков». М., 1980, вып. 7, стр. 116.

ческими представлениями грехом считалось бить землю, плевать в огонь и сквернословить над ним, надругаться над идолами и проч. (Толстая, 2000, с.378).

Этимологические исследования показали, что семантическая структура слова *грех* изначально содержала денотативные семы "действие", "нарушение" и коннотативную оценочную сему "плохо". Кроме того, семантический потенциал, заложенный в слове, позволил ему развить также религиозно-этическую семантику ("против законов религии") и войти сначала в ряд религиозных языческих терминов, а затем стать одним из центральных терминов и понятий христианства.

Благодаря потенциалу двойного смысла, слово *грех* смогло существовать в разных областях значения, именуемых в науке термином "семантические регистры" (Толстой, 1987, с.23-32). Слово оказалось способным "переключаться" из регистра "действие" (со значением "нарушение", "ошибка") в регистр "этика" (со значением "неправдиво", "неверно"). В языке оказались востребованными и были задействованы оба значения, наибольшие изменения слово претерпело, включившись в регистр "этика".

В современном русском языке концепт *грех* структурируется разноуровневыми языковыми единицами: словами, фразеологизмами, пословицами, поговорками (их общее название паремии), каждая из которых несет культурно-значимую информацию.

Словарные дефиниции показывают современное осмысление слова *грех* и соответствующего понятия.

В толковых словарях слово *грех* представлено как многозначное, однако то или иное значение слова актуализируется в зависимости от типа словаря, его идеологической направленности и позиции автора. Словари XIX века (см. "Словарь церковнославянского и русского языка", "Словарь живого великорусского языка В. Даля" и др.) задействуют в толковании слова две парадигмы знания: религиозную, выдвигаемую на первый план ("нарушение закона Божия"), и светскую ("вина", "проступок", "погрешность", "беда"). Эти словари не содержат помет, указывающих на ограничение сферы употребления слова и его стилистическую маркированность. Слово представлено как общеупотребительное, включающееся в религиозный и светский дискурс и имеющее несколько денотативных значений: доминирующие – действие ("нарушение") и состояние ("вина"), периферийные – событие и явление ("беда", "погрешность"). Словарные толкования показывают, что *грех* представляется как религиозно-этическая категория, этическое и внеэтическое понятие.

В словарях XX века слово *грех* описано иначе. Осуществляя толкование с атеистических позиций, БАС, МАС, СУ, СО, СОШ(1-3 изд.), ТСРЯ не включают *грех* в ряд этических категорий, указывают на ограниченную сферу употребления лексемы ("у верующих", "устаревшее") и посредством подбора синонимов определяют значение слова как "проступок" (действие), "недостаток" (свойство), "беда", "несчастье" (событие), "ошибка" (явление). В перечисленных словарных статьях не указывается на соотношение понятий *грех* и *вина*. В этих словарных источниках прослеживается тенденция к смещению акцента на осознании греха как ошибки, а не серьезного нарушения нравственных и этических законов.

Иная тенденция в осмыслении значения слова и понятия *грех* наблюдается в СОШ (4 изд.) и НСРЯ. Эти словарные источники, выделяя религиозно-этический аспект ("нарушение религиозно-нравственных предписаний"), отмечают и вне-религиозное этическое значение ("чувство вины, предосудительный поступок"). В названных словарных дефинициях *грех* представлен как действие ("нарушение"), состояние ("вина"), явление ("недостаток"), событие ("беда"). Слово предстает как общеупотребительное.

Словарные источники свидетельствуют о многомерности слова *грех* и соответствующего понятия и об изменениях в его осмыслении. Денотаты сигнификативного значения слова способны перемещаться с ядра на периферию и наоборот в зависимости от их актуализации. Слово имеет несколько денотативных ориентаций и обозначает действие человека, состояние, вызванное этим действием, а также некоторое событие или факт. Словари показывают, что слово *грех* может осмысливаться как религиозно-этическая, этическая и внеэтическая категория. Наблюдения над семантической структурой слова приводят к выводу о том, что в ходе семантических процессов в ней развилось значение "несчастье, беда". Слово может включаться в разные дискурсы и соотносено с понятиями *Бог, добро, зло, наказание, нарушение, вина, несчастье*.

Структуру концепта отражают производные слова *грех*, совокупно образуя единое пространство и перемещаясь на более высокий уровень абстракции. Выполняя номинативную функцию, производные более детально описывают мир, устанавливая связи между его составляющими и тем самым обозначают результаты концептуальной деятельности человека.

Языковой материал показывает, что слово *грех* обладает высоким словообразовательным потенциалом: в словарях зафиксированы 82 производные единицы разных ступеней деривации.

Среди них имеют место имена существительные (*грешение*), прилагательные (*греховный*), наречия (*грешно*), глаголы (*согрешить*). Примарное слово *грех* выступает в качестве идентификатора всех производных слов, т.е. толкование каждого из них, независимо от ступени деривации, предполагает обращение к примарному слову, а не к своему непосредственному производящему: *грехотворничанье* (3 ступень деривации) «введение в грех других», *грешность* (2 ступень деривации) «причастность греху». Это означает, что в процессе наречения некоторой сущности, связанной с понятием *грех*, черты этого понятия остаются неизменными и выступают статичным компонентом значения. Отсылочная часть служит ключом к прочтению производного слова, базовым компонентом значения, а формантная – носителем части значения.

Отсылочная часть всех рассматриваемых производных содержит основу *грех|греш*. Все производные (кроме содержащих префиксы *без*, *не* – со значением отсутствия признака: *безгрешный*, *непогрешимый*) имеют отрицательную оценочность, что обусловлено коннотацией производящего слова, которая транслируется на все производные. В смысловой структуре отсылочной части наиболее востребованными, способными реализовываться и таким образом сообщать динамику оказались значения действия (*грешить* "совершать отрицательный поступок" → *грешник* "тот, кто совершает") и качества, свойства (*грешный* "причастный греху" → *грешность* "обладание признаком греха"). Правомерно говорить о том, что базовая часть производных, оставаясь статичной, содержит потенциал, позволяющий развиваться на ее основе новым значениям.

Активное начало в производной лексике связано с формантной частью, которая представлена аффиксами и основами других слов. В образовании использованы приставочный, суффиксальный, приставочно-суффиксальный способы словообразования, а также слияние основ (*нагрешить*, *грешение*, *безгреховный*, *греходеяние*). Каждый способ словообразования имеет свой диапазон действия, он связан с выполнением особого ономаσιологического задания и характеризуется специфической функцией: формантные части рассматриваемых производных включают суффиксы со значением признака и качества (*грешный*, *греховный*, *грешность*, *грешно*), суффиксы, характеризующие действие (*грешение*), суффиксы, обозначающие лицо (*грешник*, *грешница*), место действия (*греховище*), название действия (*грешба*), префиксы со значением интенсивности действия (*нагрешить*,

прегрешить), суффиксы со значением уменьшения или увеличения (*грешок, грешнице, грешновато*).

Аффиксы, участвующие в образовании производных, выполняют такие семантические роли как категоризация (*грешник*), выражение оценки (*грешнице*) и оформление отношений между базисом и признаком производного слова (*грешничий, грешников*) (Кубрякова, 1981, с. 136).

Производные попадают под различные категории и обозначают лиц мужского и женского пола (*греховодник, греховодница*), действия, выраженные существительными и глаголами (*грешить, грешение*), качество, выраженное прилагательными и наречиями (*грешный, грешно*), принадлежность кому-либо (*грешницын*), место (*греховище*).

В состав производных включаются слова, противоположные по денотативной ориентации и направленные на номинацию разных сущностей в окружающем мире: материальных (*грешник*) и идеальных (*грешность*). Это означает, что в сознании народа – носителя языка разнообразные фрагменты и реалии предметного и не предметного мира осмысливаются в соотношении со словом *грех* и соответствующим ему понятием.

Отличительной чертой словообразовательного гнезда с вершиной *грех* является соседство в нем слов, принадлежащих к разным языковым стилям. Не будучи стилистически маркированным, слово *грех* служит для образования производных как книжного стиля (*греходеяние, грехоспасительный*), так и просторечий (*грешба, грешнехонько, грехомыга*). Слово *грех* способно "переключаться" из одного стиля в другой, не меняя при этом своей внешней формы. Включаясь в тот или иной стиль речи, а значит и в ту или иную сферу употребления, выступает в ней в качестве производящего и образует собственные производные. Формантная часть может быть представлена основами или аффиксами, употребляемыми для производства слов, стилистически маркированных. Например, слова *грехолюбоддеяние* и *грехолюбодейство* имеют разную стилистическую окраску, но сходное значение.

Многочисленные производные показывают, что слово и понятие *грех* осмысливаются как в связи с религиозной сферой деятельности, так и с обиходно-бытовыми представлениями.

Достоверными источниками сведений о концепте являются фразеологические единицы и пословицы. В этих национально-специфических языковых единицах отображены культура, видение мира, духовные и нравственные ценности народа, а также

система знаний и представлений, характеризующая его самосознание.

Прочитанные как "свернутые" культурные тексты, фразеологизмы и поговорки являются важной составляющей "языка культурных концептов" (Арутюнова, 1997, с.60).

Фразеологический и поговорочный материал свидетельствует о том, что формирование русского понятия *грех* осуществлялось под влиянием нескольких регулятивных систем: языческих представлений, христианских ценностей и обиходно-бытового опыта. Этим обусловлена сложность концепта и реализация в нем разных систем знаний.

В результате влияния христианского вероучения в русском сознании сложилось убеждение во всеобщей греховности людей (*Один Бог без греха; Нет перед Богом праведника, все грешники; И святые седмицы в день согрешают*) и представление о *грехе первородном* и *грехах актуальных*. Под *первородным грехом* подразумевается предрасположенность каждого человека – потомка Адама – к совершению отрицательных поступков. *Грехопадением Адама, адамовым грехом* называют поступок, которым первоначально нарушили Закон – Запрет Бога. Тем самым они отдалили человека от Бога, сделали его природу смертной и расположенной к совершению недозволенного. Грех Адама называют также *первородным*, т.е. первым в роду человеческом, ставшим первопричиной всех грехов, и *наследным*, т.е. передающимся по наследству от Адама всем потомкам. В соответствии с христианскими представлениями, каждый человек оказался ответственным за адамову вину (*И я Адам, и ты Адам, все мы Адамы; Адам согрешил, а мы вздыхаем; Рожденные во плоти причастны греху*). Упоминая *первородный (наследный, адамов) грех*, имеют в виду поступок, противоречащий принятым в обществе нормам (религиозным, моральным, поведенческим), совершенный в состоянии соблазна и искушения, ссылаясь на изначальную предопределенность человеческой слабости (*Все адамовы детки, все а грех падки*). Христианское вероучение способствовало тому, что грех осмысливается русским сознанием как психическое качество человека. Важнейшее отличие христианского понимания греха – это осмысление его как конститутивного свойства, «внутреннего элемента» человека. Если для язычника человек грешник, потому что грешит, то для христианина – человек грешит, потому что он грешник.

Актуальные грехи мыслятся как следствие греха первородного, означают отрицательные действия и ранжируются (*Грех греху рознь; Грех на грех не приходится*). Все актуальные грехи раз-

деляются на *простительные* и *смертные*. Рассмотрим содержание этих понятий.

Тексты священного писания документально свидетельствуют о том, что Ветхий и Новый завет представляют *грех* по-разному. Тексты Ветхого завета (см. Пятикнижие Моисеево) содержат совокупность законодательных установлений и предписаний, призванных регулировать религиозную, экономическую и социальную жизнь. Нарушение этих установлений считается грехом. Тяжесть каждого греха, равно как и наказание, заранее определены. Так, за кражу скота взимается его пятикратная стоимость (Исх. 22:1-2), клятвопреступник должен принести в жертву скот или птицу (Лев.5:4-12) и проч. *Смертный грех* в Ветхом завете означает такой грех, наказанием за который является смерть. Смерти следует предавать за согрешение против Бога (Лев.20:3-5), убийство (Исх. 21:12:17), ворожбу (Исх. 18:19), идолопоклонничество (Лев.20: 1-5) и др.

В Новом завете понятие *грех* переносится из правовой сферы в нравственную и основывается на учении Христа. Главным законом становится закон совести. Вот как сказано об этом в послании апостола Павла « К Римлянам»: « ..дело закона написано у них в сердцах, когда вместе с Ним свидетельствует их совесть и их рассуждения, то одно, то другое обвиняют или же извиняют их» (Рим. 2:15). Это означает, что ни власть, ни другие люди, а совесть подсказывает человеку, что Бог оправдает, а что осудит, ибо именно «совесть находится в согласии с сотворенной Богом человеческой природой» (Арутюнова, 2000,с.60). Всякий поступок, идущий вразрез с законом совести, а значит нравственности, следует считать грехом.

На Руси получила распространение новозаветная христианская традиция, в соответствии с которой грех связан с духовной деятельностью людей и осмысливается как нарушение нравственных установок, моральных правил, сложившихся под влиянием православия.

Такое понимание греха нашло отражение в языке. ФЕ и паремии показывают, что *грех* соотносится с понятиями совесть, стыд, душа (*неправым приговором согрешается против совести; стыдный грех; грешить против совести; душа грешная; грех на душе; взять/брать/хватить грех на душу*).

Под влиянием православия в русском сознании сложилось убеждение в том, что греховное деяние причиняет вред самому грешащему, ибо разрушает его душу (*Грех душе пагуба*). В определенных случаях этот ущерб восполняется добрыми делами, раскаянием, молитвой, которые помогают получить прощение

(искупить грех; замолить грехи; грех с души свалить, отпустить грех). Но существуют огромные, ничем не искупаемые грехи, совершение которых влечет за собой полное уничтожение, разрушение души. Эти грехи называют смертными (смертный грех; семь смертных грехов). Совершить такой грех, погубить свою душу страшнее, чем умереть (*Не бойся смерти – бойся греха; Смерть по грехам страшна*).

Нравственный аспект отличает новозаветное осмысление понятия грех от ветхозаветного. Заметим, что не существует единого общепринятого перечня смертных грехов. Различные источники включают в число смертных грехов убийство, идолопоклонничество, обман, вероотступничество, богохульство, прелюбодеяние, разврат (Силецкий, 1991, с.130); трусость, богоотступничество, прелюбодеяние, колдовство, идолослужение, ложь, убийство (Ап.21:7-8); зависть, скупость, блуд, обжорство, гордость, уныние, гнев (Ашукины, 1966, с.22). Представляется, что отсутствие единого перечня связано с христианской установкой на то, что совесть – главный судья. При таком подходе возможна вариантность в оценке греха в зависимости от ситуации и обстоятельств его совершения.

Очевидно, в русском сознании имеется множество критериев, по которым поступок оценивается как греховный. Принимается во внимание социальное положение человека. Например, в России были введены описания грехов для священников, для вельмож, для поселян, купцов, крестьян, воинов. В русском языке сохранились некоторые сведения о грехе как о социальном понятии: *Солдату не грех и пожитьяся; безгрешные доходы* (выражение возникло в чиновничьей среде и означало добровольные подношения).

Грехом считается работать в определенное время, например, в церковные праздники: Рождество, Благовещение, Пасха (*На Пасху и Благовещение грешников в аду не мучат; В Благовещенье птица гнезда не вьет, девка косы не плетет*).

При оценке поступка учитываются здоровье человека, его местопребывание, возраст. Так, не грех, если пост не соблюдают больные, странствующие и дети. Проповедь священника немощным и старикам позволено слушать сидя, в то время как здоровые и молодые обязаны стоять.

Во многих источниках обнаруживаются сведения о том, что грех – гендерное понятие. Этнографические данные говорят, что еще в языческие времена различались требования, предъявляемые к мужчинам и женщинам. Так, С.М. Толстая, исследовавшая грех как этическую категорию язычников, пишет о том, что для

женщины грех перейти дорогу мужчине, жить с мужчиной вне брака, в то время как такие поступки не являются греховными для мужчины (Толстая, 2000, с.274-276). Христианская ценностная система также разграничивает мужские и женские грехи. В текстах Библии отдельно рассматриваются нормы мужского и женского поведения: «Жены, подчиняйтесь мужьям, как подобает в Господе. Мужья, любите жен и не будьте к ним суровы» (Кол. 3:18-19). Женские и мужские нормы поведения разграничиваются и в «Домострое», один из разделов этой книги именуется « Как в церкви мужу и жене молиться, чистоту хранить и никакого зла не творить». Согласно правилам, зафиксированным в этом произведении, женщина не должна пить хмельное, слушать лживые речи и передавать их мужу, есть одновременно с мужем и проч. Полученные сведения наводят на мысль о том, что требования, предъявляемые к женщине, всегда были более строгими, чем те, что предъявлялись мужчинам. Это подтверждают и пословицы, сохранившие знания о мужском и женском грехении (*Мужнин грех за порогом остается, а жена все в дом несет; Муж согрешит – в людях грех, жена согрешит – домой принесет*).

Вышесказанное позволяет заключить, что поступок как греховный оценивается в каждом частном случае, с учетом непосредственных обстоятельств, при которых он был совершен. Таким образом, грех представляет собой не только общесоциальное и религиозное понятие, но и личностное, индивидуальное. С данным выводом согласуется и разграничение в русском сознании греха своего и чужого: Свои грехи за собой, чужие перед собой; Чья беда, того и грех; Чья душа во грехе, та и в ответе; Живы своими грехами, вашими молитвами; Чужая беда – смех, своя беда – грех. Ряд пословиц говорит о том, что чужой грех – это чужая жизнь, чужая ответственность, чужие трудности.

Еще со времен язычества русским сознанием мыслятся в единстве понятия *грех* и *закон*. С приходом христианства содержание этих понятий изменилось, но не утратилась связь между ними. В рамках новозаветной христианской концепции данные понятия представляются как невозможные одно без другого. В послании Павла « К Римлянам » сказано: « ...до закона грех был в мире, но грех не вменяется в вину, когда нет закона» (Рим.45:13). С пониманием греха как нарушения Божьего закона согласуется пословицкий материал: *Не будь закона, не стало б и греха; Не знает закона, не знает и греха; Незнаяй греха не сотворит*.

Русские фразеологизмы и пословицы показывают, что понятие грех соотносится с понятием воля: грехи-действия совершаются с участием воли и без ее участия (невольный грех, согрешить не-

вольно, грешить поневоле; Невольный грех живет на всех). К нечаянному, невольному грешению у русского человека снисходительное отношение: *Невольный грех отпускается; Невольный грех и Бог простит*. Сознательный проступок, воля ко злу, намеренное нарушение правил или злодеяние делает человека грешником: Кто грешит, тот раб греха. В таких случаях грех влияет на душевную организацию личности, меняет ее качественно: *душа грешная; грех на душе*.

Грешным может считаться единичный поступок, поведение (*наделать греха, впасть в грех*) и образ жизни (*жить во грехе*, т.е. в безбрачии; *жить грехами*, т.е. взяточничать).

Грех как действие может быть физическим, телесным (*наделать греха*) и речевым. ФЕ содержат сведения о том, какие формы речевого действия и поведения считаются греховными: *грешить речами/словами* (браниться); *обвинять во всех смертных грехах* (клеветать во всеуслышанье), *грешить против истины* (лгать); *греха много будет* (ссора, скандал); *грех жаловаться/сказать* (говорить напрасно). Очевидно, в сознании русского человека нравственное падение сопряжено с беспорядком в мыслях и словах.

В русской речи встречается употребление слова *грех* в значении *спор*: *разрешить грех* (разрешить спор, недоумение).

Как показывает языковой материал, на формирование понятия *грех* повлияли обиходно-бытовые знания и опыт народа. Язык отражает нетождественное осмысление этого понятия с христианских позиций и с житейской точки зрения. Так, христианство убеждает в том, что главная ценность человека – его душа, а потому следует жить по законам Духа, а не плоти: «...пусть не царствует грех в смертном вашем теле, чтоб вам повиноваться ему в похотях его» (Рим.6: 12). Это означает, что человеку необходимо заботиться не о материальных благах, а о спасении души, духовность важнее меркантильности. Однако бытовые знания и каждодневный опыт людей доказывают необходимость земных благ, денег, достатка: *Денег много – великий грех, денег мало – грешней того; Бедность не грех, а до греха доводит; Пустой мешок введет в грешок; Нет греха хуже бедности; Грехов много, да и денег вволю; Согрешу, а своим судом решу*. От греха можно откупиться, т.е. исправить ситуацию, заплатив деньги. Такой грех называют *денежным*: *Денежка молитва, что острая бритва – все грехи сбреет*.

Паремии показывают, что грешение в ряде случаев оправдывается либо человеческим естеством, либо в силу сложившихся обстоятельств: *Грешники, да Божьи; И первый человек греха не*

миновал, и последний не избудет; Всякого греха не упасешься; Без греха веку не изживешь, без стыда рожу не износишь, Грех воровать, да нельзя миновать; Согрешу, а своим судом решу.

В сознании русского человека сложилось убеждение в том, что греха следует сторониться, опасаться, избегать, поскольку грешение влечет за собой наказание и в земной жизни, и после смерти: *побойся греха; наказать за грехи; Все на свете по грехам нашим воздается; За грехи над нами стало; По грехам и житье; Грехи любезны, доводят до бездны.* В речеупотреблениях слово грех выступает синонимом слову наказание: *падет грех на мою голову; мой грех до меня дошел.*

Русский человек осмысливает в единстве понятия грех и смерть: *Ад стонет, рыдает, грешников к себе призывает; Смерть по грехам страшна.* Такое сближение восходит к библейскому пониманию смерти как результату человеческого падения: «...как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла на всех человеков...» (Рим. 5:12). Обрести прощение, избавиться от грехов можно покаянием: *За повинную по греху прощают; Всякому греху покаяние.* В то же время в русских пословицах и поговорках отразилось двойственное отношение к раскаянию. С одной стороны, звучит мысль о том, что раскаяние необходимо для духовного очищения (*Кто сознался, тот покается, кто покается, тот греха удаляется*). С другой стороны, раскаяние предстает как бессмысленное действие (*Все перекаялись, а все грешат; Все перекаялись, а от грехов не откаются; Без толку молиться – без числа грешить*).

Грешение на житейском уровне – привычный и неизбежный факт: *Грешный честен, грешный плут, в мире все грехом живут.* Возможно, такое понимание греха влечет за собой скептическое отношение к праведникам: *Приходили праведники к грешникам талану просить; И праведный седмижды в день согрешает.*

Паремические единицы свидетельствуют о том, что грех представляет собой не только врожденное, но и приобретенное качество человека, которое сопряжено с разными его ипостасями: душой, телом, разумом, памятью. Такое понимание греха восходит к христианским представлениям, согласно которым человек являет собой единство и противостояние телесного и духовного. В соответствии с христианскими установлениями, ориентированными на идеал, человеку следует жить не по законам плоти, а по законам духа: «Живущие во плоти о плотском помышляют, живущие по духу – о духовном» (Рим.8:5). Паремии показывают, что в реальной жизни телесное и духовное в человеке не всегда соответствует христианскому идеалу и может соотноситься по-

разному: и противопоставляться (*Плоть грешна, да душа хороша; Плоть немощна, а душа грешна*), и дополняться (*Душа согрешила, а тело в ответе; Грешное тело и душу съело*).

В паремиях отображена связь понятий *ум* и *Грех*. Разумное поведение помогает избегать грехов (*Умница и согрешит, и поправит; Умное повторять не грех*), а ум как интеллект налагает на человека ответственность и усложняет жизнь (*Много ума – много греха, а на дурня не взыщут*).

Паремии указывают на соотношение понятий *ум* и *память*, свидетельствуя о существующей в этике установке – не вспоминать плохое, неприятное: *Было да прошло, поминать грешно; Кто старое помянет, тому глаз вон; Быль молодцу не укора – был грех, да заспан*.

Паремии и фразеологизмы показывают, что грех является религиозно-этической и нравственной категорией. Вместе с тем в ряде языковых единиц *грех* выступает и как категория, не связанная со сферой этического.

В русском сознании *грех* представляется как некая вещная сущность, имеющая физические характеристики вес, количество, размер. Грехи сравниваются с тяжестью, грузом, обузой (*Грехи тяжки; Тяжело грехи носить; грехи наши тяжкие*). Грех можно добыть (*Добыть грех можно, избыть тошно*), спрятать (*Грех под лавку, сам на лавку; Грешки в мешки, да под лавочки*).

В русском сознании грехи ранжируются по степени значимости и имеют “измеряемость”. На это указывают не метрические единицы, а суффиксальные образования, качественные прилагательные, наречия, образы и ассоциации. Грехи по народным представлениям могут быть большие и малые: *Наш грех стыдно и попу сказать (ничтожно мал); Наш грех больше все; Есть такой грешок; Мал грех, да большую вину несет; Мала причина, а грех велик; Грех с орех, ядро с ведро; Этого греха и земля не снесет (очень большой); Экой грех, всего-то три пятницы милока не хлебать*.

Грехи измеряются в количестве: много-мало: *Много на свете согрешается. Много ума – много греха. У кого пропало, тому больше греха*. Размер выражается в количестве “единиц” греха – один, два и т.д.: *Обиженного обижать – два греха/двойной грех. Кто взял – на том один грех, кто потерял – на том сто*.

На измеряемость греха указывает оборот *грехи молодости*, восходящий к библейскому: «Грехов юности моей не вспоминай, Господи!» (Псал.24:7). Этот фразеологизм употребляют, говоря о незначительных, небольших ошибках и заблуждениях прошлого. Но данное выражение имеет и другое прочтение, при котором

имеет значение возраст совершавшего грехи. В этом случае усматривается соотношение понятий грех и возраст. Внутреннюю связь этих понятий подтверждают обороты *старый грешник, еще греха не знает* (т.е. молод).

Грех характеризует неожиданную неприятную ситуацию: *Грех да напасть бороною ходят, кого зацепят; Грех по дороге бег, да к нам забег, Экий грех стался – деньги пропали*. Ситуация может быть создана посторонним лицом: *Навели на грех и покинули на смех. Плохо не клади – в грех не вводи*. Грех характеризует трагикомичную ситуацию: *и смех, и грех*.

Грех представляется как ошибка, огрех, плохо выполненная работа: *В барщине не без огрешков; Кто не работает, у того и огрехов нету; Не наше дело пахать, наше дело огрехи считать; с грехом пополам* (кое-как, с ошибками), *не без греха* (нечестно, недобросовестно).

Грех осмысливается русским человеком как некое живое существо: *грех понес, грех попутал, дурен/страшен как грех, грех его знает*. Данные выражения сохранили мифологические представления русского народа. В них образно и ассоциативно грех связан с чертом, бесом, пугающим своим внешним видом, производящего какие-то действия над человеком (Мокиенко, 1986, с.181).

Как правило, слово *грех* и соответствующее понятие употребляется применительно к человеку. Однако в диалектных речупотреблениях это понятие связано с животным. О внезапно околелшем животном говорят *грех расшиб*. Можно предположить, что это выражение имеет языческие корни (ср. *карачун пришел*).

Исследование языковых единиц показало, что грех предстает как сложное и разноаспектное понятие, вбирающее в себя языческие представления, христианские убеждения и обиходно-бытовой опыт народа. Появление и существование слова и понятия *грех* во многом связано с действием экстралингвистических факторов, к которым отнесены окружающая человека реальная действительность, религия, отношения личности и социума. Понятие *грех*, возникшее в глубокой древности, оказалось динамичным и претерпело существенные изменения в течение последующих эпох. Содержание и смысл данного понятия менялись со сменой этических, религиозных и нравственных представлений русского народа.

В данном понятии нашли отражение религиозно-этические и социо-оценочные установления и нормы. Грех характеризует свойства и качества личности, ее поведение и взаимоотношения с окружающими. Понятие *грех* включается в любой стиль и дис-

курс, связано с разными сферами бытия и соотнесено с широким кругом понятий: *Бог, вина, нарушение, наказание, искупление, душа, тело, ум, память, воля, смерть, стыд, совесть, время, возраст, ошибка, беда, несчастье*.. Эта многомерная категория обозначает этическое, религиозно-этическое и внеэтическое понятие. Языковые данные позволяют говорить о том, что грех является одним из ключевых концептов русской духовной культуры.

Литература

- Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
- Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: языки этики. М., 2000.
- Ашукин Н.С. Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1960.
- Козина Н.О. К вопросу о концепте *грех* (на материале русских паремий)// В.И.Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесности – самосознание – культура. Материалы Всерос. науч. конф., посв. 200-летию юбилею В.И.Даля. Ч.1. Иваново, 2001.
- Козина Н.О. Концепт *грех*: этический аспект // Антропоцентрический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические и культурологические аспекты. Иваново, 2002.
- Козина Н.О. Опыт концептуального анализа понятия *грех* // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы междунар. студ. конф. Иваново, 2002.
- Козина Н.О. Этимологический портрет лексемы *грех* // Молодая наука в классическом университете. Тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 2002.
- Козина Н.О. Фразеологический вариант русского концепта *грех* // Русский язык, литература и культура в современном обществе. Материалы междунар. науч. конф. Иваново, 2002
- Козина Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 20с.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М., 1981.
- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М., 1996.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000.
- Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986.
- Силецкий В.И. Терминология смертных грехов в культуре позднего Средневековья и Возрождения // Логический анализ языка: культурные концепты. М., 1991.
- Толстая С.М. Преступление и наказание в свете мифологии // Логический анализ языка: языки этики. М., 2000.
- Толстой Н.И. Из наблюдений над способом номинации в гидронимии («Семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике//

Русский язык: языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М., 1987.

Трубачев О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // ВЯ, 1998, № 3.

Черных П.Я. Очерки русской исторической лексикологии: древнерусский период. М., 1956.

Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова: опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново, 2000.

Якушкина Е.И. Оппозиции прямой-кривой и прямой-обратный и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

Н.Э. Агаркова (Иркутск)

ДЕНЬГИ

В статье предпринимается попытка комплексного описания языковых средств объективации фрагмента концептуальной картины мира носителей английского языка – концепта ДЕНЬГИ – MONEY и выявления национальной специфики культурологически значимого содержания названного концепта.

Исследовались все возможные языковые средства онтологизации концепта в английском языке, т.е. совокупность лексико-фразеологических и паремических средств.

Исследование выполнено в русле концептологических исследований, посвященных соотношению языка, сознания и культуры. (см. работы: Н.Д.Арутюнова, В.З.Демьянков, И.Б.Левонтина, И.И.Макеева, А.Д.Шмелев и др.).

Главной задачей проведенного исследования явилось выявление специфики языковых средств репрезентации фрагмента концептуальной картины мира MONEY, его комплексное описание и смысловая структуризация. Это представилось возможным только в результате применения концептуального анализа, а также комплекса исследовательских приемов, заимствованных из психолингвистики (напр., элементы ассоциативного эксперимента).

Понятие "концепт" в настоящее время еще окончательно не определено лингвистами, и поиски того, чт.е. концепт, продолжаются. Хотя разные авторы предлагают различные трактовки концепта, мы посчитали возможным придерживаться следующего понимания концепта: *ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения – совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект* (Панченко 1999: 5). Данное определение, на наш взгляд, наибо-

лее удачно, поскольку мы рассматриваем деньги как концепт культуры. Следует оговориться, что мы придерживаемся разграничения терминов "концепт" и "понятие", понимая под последним совокупность познанных существенных признаков объекта.

При восприятии лексемы *money* сознание индивида обращается к объекту реальной действительности, именуемому этим словом, и одновременно в сознании возникает концепт, "нечто схваченное", то, что стоит за этим именем.

Ю.С.Степанов считает деньги одним из базовых концептов культуры современного общества. В культуре нет ни чисто духовных концептов, ни чисто материальных вещей, каждое явление культуры имеет две стороны. Концепт может выражаться как в слове, так и в образе или материальном предмете (Степанов 1997).

Культурная составляющая денег и денежных отношений весьма значима – деньги властвуют, их почитают как божество и т.д. Это говорит о том, что деньги – важный компонент культуры американского общества. Поэтому интересно проследить, какое место в обыденном сознании рядового американца занимает такая элементарная вещь, как деньги, как он их видит, концептуализирует и категоризирует с помощью языка.

Методика изучения культурных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов, а именно, смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре. Собственно лингвистическое исследование культурных доминант осуществляется в виде *наблюдения* и *эксперимента* (сплошная выборка лексических, паремических и фразеологических единиц, а также текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов, художественной литературы, газет и т.д., с одной стороны, и интервьюирование носителей языка, разработка анкет, включающих различные оценочные суждения, связанные с определенными предметными областями, – с другой). Как отмечает В.И. Карасик, лингвистическое изучение культурных концептов должно быть дополнено данными других дисциплин – культурологии, истории, психологии, этнографии (Карасик 1996).

Альтернативных имен для денег много, поскольку деньги отражают важный фрагмент картины мира. С их помощью осмысливается место и роль денег в жизни человека. Многие имена даны на основе метафоры, поскольку метафора является универсальным способом познания, концептуализации и ословливания действительности. Она дает возможность более глубоко проникнуть в суть уже познанного явления или объекта.

Феноменология восприятия денег отражается в языке и определенным образом структурируется. Это проявляется на уровне разных психических процессов, связанных с номинацией, категоризацией, запоминанием слов, обозначающих деньги. В американском английском насчитывается 140 слов со значением "деньги". Новые слова для «ословливания» денег продолжают появляться.

Восприятие денег среднестатистическим американцем находит отражение в том, какие языковые единицы он употребляет, говоря о деньгах. Концепт же включает в себя все отражение тех многочисленных действий, которые производятся с деньгами: *купил, продал, заработал, потратил, украл, отложил, сэкономил, закопал, порвал, напечатал, нарисовал* и т.п.

В результате выявления языковых синонимических средств с общим значением *money* было замечено, что отобранные лексические единицы имеют отношение к разным сферам жизнедеятельности человека, в связи с чем их можно распределить на группы.

Анализ имен денег проводился с учетом процесса отражения деятельности когнитивных структур в семантике слов. По мнению Е.С.Кубряковой, языковые формы следует рассматривать как производные концептуализации мира человеческим сознанием, а их значения – как определенные структуры знания, концепты, схваченные языковыми знаками (Кубрякова 1997).

Суть когнитивного подхода при изучении группы слов с общим значением "деньги" заключается в том, что мы пытаемся применить наши знания о самом предмете, тех реалиях, фактах жизненного опыта, которые обозначены данными лексическими единицами, синтезируя их с результатами собственно лингвистического исследования. Соглашаясь с утверждением М.Тернера, мы полагаем, что "значение заключено не в словах, а в схемах, данных нашему сознанию". Информация, которая передается с помощью языка, это информация о спроецированном в сознании человека мире, либо фрагменте этого мира.

Материал исследования убедительно подтверждает, что процесс номинации неслучаен, поскольку имеет "когнитивную подоплеку" (Кубрякова 1997: 45). Язык фиксирует в первую очередь наивную картину мира и отражает, прежде всего, то, что дано человеку в его чувственном опыте.

В результате опыта чувственного столкновения с деньгами образовались многочисленные лексемы, объединенные в группы "бумага", "металл", "президенты", "зелень". Это объясняется тем, что при зрительном восприятии американских денег сознание,

прежде всего, фиксирует материал, из которого они сделаны, цвет и портреты президентов, изображенные на банкнотах.

Деньги в сознании американцев – это *источник жизненной энергии*, о чем свидетельствует группа – "съедобные имена" (*bread, dough, cake, etc*). Это то, посредством чего человек заряжает себя жизненной силой.

Как результат абстрагирующей деятельности человека, появились именованья для денег, объединенные в группы: "средство содействия", "жизненная необходимость".

Концептуализация и ословливание феномена денег через метафору происходит в результате когнитивной обработки знаний о данной реалии, накопленных современным англоязычным социумом. Проблема выбора признака в качестве основы наименования связана с наличием целого комплекса свойств и связей называемого предмета с реальным миром, который создает в сознании человека сложное представление о предмете именованья. Познакомившись с предметом, человек выбирает из комплекса признаков один, кажущийся наиболее характерным признаком, уже имевший свое название в языке, и использует его для называния нового предмета.

Лексема *grease* для именованья денег появилась на основании знания людей о том, что любой жир, сало или смазка обладают способностью уменьшать сопротивление движению. Деньги можно рассматривать также как нечто подобное, поскольку очень часто они облегчают ход дела.

Другая лексема, *sabbage*, для именованья денег появилась в результате ассоциации по сходству между капустой и бумажными долларами. Здесь имела место аналогия по цвету (см. *A Dictionary of the Underworld* 1968: 97). Возможно также, что помимо цвета, в основу номинации был положен и другой признак: листья капусты приятны на ощупь, также приятно ощущать в карманах наличие денег.

В разговорном варианте американского английского для обозначения денег функционируют лексемы *Benjamins, George Washingtons, Grants*, которые не фиксируются словарями в этом значении. Существование этих лексем в очередной раз подтверждает, что в основу номинации положено феноменологическое восприятие денег, в результате которого появилась ассоциация: деньги – президенты, президенты – деньги.

Чтобы более четко представить видение денег языковым сознанием американцев, важно помимо метафорических имен денег выявить общий фонд фразеологии, имеющий отношение к деньгам. Пословицы в особенности играют важную роль в экс-

пликации содержания концепта MONEY. Они отражают стереотипы видения денег языковым сознанием. Существенным вкладом в портретирование концепта явились ценностные суждения носителей английского языка о сущности денег.

Ассоциативный эксперимент явился одним из способов выявления специфики отражения денег в обыденном сознании американцев. Анализ ассоциативных связей слова *money* позволил обнаружить специфическую внутреннюю структуру значения, глубинную модель связей и отношений, которая сложилась у человека через речь и мышление и лежит в основе "когнитивной организации" его многостороннего опыта.

В ходе исследования языкового сознания американцев, при содействии проф. А.В.Кравченко, был проведен эксперимент для выявления ассоциативного компонента значения слова *money*. На слово-стимул информанты дали спонтанные реакции, а также высказались о роли денег в их жизни. Наиболее показательными обобщениями, на наш взгляд, оказались следующие: *Americans revolve around money; Money is a way of living*.

Наше внимание привлекла сочетаемость лексемы *money* и ее синонимов с интенциональными предикатами, т.е. "глаголами, несущими в себе сему одушевленности" (Кравченко 1992). Они используются для обозначения различных сторон психической деятельности человека: восприятия, эмоционального состояния, мысли, знания, оценки и др. Такие глаголы, казалось бы, не могут сочетаться с неодушевленным предметом в роли субъекта. Анализ функционирования отобранной лексики в тексте показал, что *money* и его синонимы чаще всего выполняют в предложении роль объекта, который претерпевает над собой действие. Деньги *получают, дают, забирают, делают, инвестируют* и т.д. Деньги-объект могут быть предметом любви, симпатии и антипатии. Являясь ресурсным понятием, слово «деньги» сочетается с такими предикатами, как *беречь, экономить, тратить...* (*He spends money very quickly*).

Однако, наряду с этим, они могут выступать и в качестве своеобразного деятеля или агенса. В этих случаях имеет место процесс метафоризации. Деньги уподобляются живому существу, способному оказывать речевое воздействие на адресата. Глагольными актантами предиката *money* оказываются совсем необычные глаголы. Деньги как субъект могут вступать в отношения с другими сущностями. Примеры многочисленны: *Money buys, talks, kills, answers, gives support, wants, knows, goes, arrives, falls, hopscoches across the planet, comes back, disappears, fails, gets lost, looks strong, looks good, changes hands, keeps coming, looks*

for greener pastures, etc. Таким образом, деньги – это предмет, обладающий некоей внутренней силой, двигательным интенционалом. Об этом свидетельствует предикат, который приписывается деньгам. Говорящий категоризует их как одушевленный предмет. Деньги как бы оживают и наделяются свойствами человека, и метафора служит как раз для того, чтобы персонифицировать деньги и, увидев их в ином обличье, осознать их важность. О них думают, как о лице, которое может обрадовать или огорчить, разочаровать, даже уничтожить.

Таким образом, слово *money* в различных значениях имеет специфические синтагматические особенности поведения в тексте. В роли субъекта *money* употребляется при предикатах знания, чувственного восприятия, движения и т.п. По всем своим синтактико-семантическим проявлениям *money* нельзя назвать типичным агенсом, поскольку он не является одушевленным существом. Мы имеем дело с олицетворением денег по предикатам человека. Олицетворяются деньги, когда с ними *спорят* или *борются*. Очеловеченные деньги что-то *любят*, а что-то *не любят*, что-то *ищут* и что-то *находят*, *хорошо выглядят*, *набирают силу*, *терпят неудачи*, *имеют проблемы* и т.д. – все эти человеческие занятия присущи и деньгам. В этой функции о них говорят что деньги *хорошо* или *плохо работают*, *дают сбои*, *теряют силы*, *вновь обретают* и т.д. Деньги предстают как самостоятельное существо. Роль агенса становится естественной для них, хотя и является плодом речевого изыска. В связи с этим вполне понятно, что деньги получают атрибуты, характеризующие именно человека (*живые, бешеные, сумасшедшие, грязные* и т.д.).

Наблюдение контекстуальных употреблений единиц, номинирующих рассматриваемую реалию, явилось одним из способов экспликации различных сторон концепта ДЕНЬГИ. Выявленные нами в ходе исследования примеры объективируют различные языковые осмысления концепта. Принцип отбора примеров определялся выделением концептуальной гештальт-структуры, имеющей прототипическое представление. Если проанализировать контексты, в которых фигурирует *money*, становится ясно, что представление о деньгах, закрепленное в языке, весьма многослойно. Соотнесение семантических ролей с лексическими значениями слова *money* в предложениях обыденного языка дает представление об образах денег в данной культуре. Набор образов понятия в речи есть профиль понятия (Демьянков 2000: 195).

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал включает большое количество примеров сочетания лексемы с

интенциональными предикатами, которые можно распределить по четырем группам:

1) *money* + ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ (*come/in/from/back, go, move/in/out, arrive, walk/out, land in, hopscotch*);

2) *money* + ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВА И ВОСПРИЯТИЯ (*like, look, want, know*);

3) *money* + ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ (*talk, recommend, answer*);

4) *money* + ГЛАГОЛЫ ДЕЙСТВИЯ (*make, work, buy, work, do strange things, burn*).

Помимо вышеупомянутых, деньги могут совершать и другие действия: *take advantage, support, occupy (e.g. center stage), fail to reach its destination, negate incentives, work for smb., change hands, disappear, be safe, look good, grow, sidetrack smb, insulate smb, get right, hide somewhere, become almost impossible to trace, buy, attract, wind up smth., etc.*

Что делает возможным персонификацию денег? Вероятно то, что человек, на основе своих наблюдений за окружающей действительностью и опыта, начинает концептуализировать деньги как нечто весьма существенное и всесильное, он наделяет их силой. Деньги могут оказывать воздействие. Они приобретают черты живой, самостоятельно действующей сущности, поскольку могут двигаться, говорить, чувствовать, совершать различные действия. Все это прототипические свойства, которые определяют живое существо. Язык категоризирует деньги так, что человек начинает мыслить их как божество. Деньги правят миром и люди молятся им, как божеству, которое может быть и добрым, и злым.

Может показаться, что все сказанное относится не только к английскому языку, но и вообще к языковой концептуализации денег, во всяком случае, в европейских языках. Действительно, смысловое наполнение и сочетаемость лексемы *деньги* во многих языках совпадают. Однако многие смысловые нюансы оказываются характерными только для определенного языка или группы языков.

Концептуальный анализ связан с описанием невидимого умопостигаемого мира. В нашем исследовании он базируется в первую очередь на буквальном прочтении узуально сочетающихся со словом *money* глаголов физического действия. Через сочетаемость осуществляется символизация умопостигаемой сущности, стоящей за именем. Сочетаемость имени есть внешнее, поверхностное проявление его глубинных ассоциативных контуров, складывающихся из имплицитных субстантивных лексических параметров. Такие параметры можно назвать гештальтами. Выявление гештальтов – тактика концептуального анализа. Страте-

гия его – в описании структуры языкового знания, т.е. представлений носителей языка, скрытых в имени и раскрывающихся в его сочетаемости, в обнаружении "образов содержания знака".

Лакофф и Джонсон считают, что структура концепта выявляется через метафоры или "гештальты", которые характеризуют различные аспекты концепта. Основная идея их теории заключается в обосновании необходимости концептуальных метафор, опираясь на "практические гештальты", т.е. структурированные значимые единства речевой практики. Такой подход основан на том, что структуры понятий, формирующих мышление, отражают структуры человеческой деятельности. И, поскольку структуры деятельности в различных областях могут быть сходными, то и различные коммуникативные акты могут включать сходные концептуальные структуры. Поэтому в речевой практике мы, зачастую неосознанно, структурируем одни понятия в терминах других. Метафоры и являются важнейшим средством такого структурирования.

Вслед за Л.О. Чернейко, мы сужаем значение термина "гештальт", понимая под ним импликацию сочетаемости имени. Гештальт выводится из буквального прочтения глагола, употребленного в сочетании с именем в переносном значении. Основание вербализованных ассоциаций и есть основание смысла словосочетания. Фокус метафоры спрятан в глаголе. Это и есть гештальт (Чернейко 1997).

В сочетаниях имени *деньги* с глаголами физического или другого эмпирически воспринимаемого действия предикат открыт, эксплицирован, тогда как скрыт гештальт – имя того явления мира, маску или лик которого приняла рассматриваемая сущность, в которое она воплотилась. Гештальт вводит имплицитно представленное основание метафорической номинации – общее свойство двух явлений, открывшееся сознанию. В глагольной метафоре эксплицирован предикат, обозначающий то свойство по действию, которое видится общим двум явлениям: конкретному и умопостигаемому, или абстрактному. Гештальт в этом случае "скрытый", он импликация глагольной сочетаемости имени (Чернейко 1997: 297).

Из поверхностной сочетаемости лексических единиц выводятся их глубинные лексические функции – параметры, становящиеся новым инструментом описания языка. Из сочетаемости имени *топеу* выведены глубинные проекции феномена *топеу* на чувственно постигаемые элементы мира, т.е., выявлена чувственная основа абстракции *деньги*, которая обеспечивает ей место и жизнь в языке.

Выявленные концептуальные метафоры или гештальты, т.е. составные компоненты концепта MONEY, с помощью которых эксплицируется семантика слова *money*, играют существенную роль в описании глубинных смыслов, скрывающихся за этим именем, являющимся составляющей языковой картины мира. Для когнитивной лингвистики важны новые "знания" о старом объекте, которые высветил луч внимания современных носителей языка и которые отражены в окказионально принимаемых именем предикатах, и старые, закодированные в узуальной сочетаемости, т.е. языковые знания в максимально полном объеме.

Специфика ментального объекта, стоящего за именем *money*, состоит в том, что он является очень многомерным. Множество "признаков" концепта MONEY выявляются в его узуальной сочетаемости с предикатами. По словам Н.Д.Арутюновой, "ключ к семантике имени лежит в его предикате". В.Соловьев писал, что "настоящий предмет философии есть сущее в его предикатах" (Соловьев 1990: 219). Но это и предмет лингвистики, в частности, концептуального анализа. *Деньги* являются не только конкретным предметом, доступным нашему восприятию, но также своего рода абстрактной сущностью, поскольку мы отождествляем их с понятиями *сила, власть, свобода, горе, радость*.

Для выявления гештальтов и установления смысла сочетаний с именем *money*, обратимся к его контекстному употреблению. Сочетания *the taste of money/the smell of money* (Newsweek 1997) имплицитно гештальт MONEY IS FOOD (деньги – пища). Из взаимодействия коннотативных сем имени *вкус* с гештальтом ДЕНЬГИ – ПИЩА выявляется то основание, по которому имена *taste* и *money* оказались связаны в языковом сознании, что и породило генитивную метафору. Другое сочетание *the pursuit of money* (Archer: 11) имплицитно гештальт MONEY IS PRIZE/GAIN/PROFIT (деньги награда/выгода/прибыль). Из взаимодействия коннотативных сем имени *погоня* с гештальтом ДЕНЬГИ -НАГРАДА выявляется основание, по которому имена *pursuit* и *money* оказались связаны в языковом сознании, в результате чего появилась метафора.

Следует заметить, что сочетания имени *money* с другими именами не так многочисленны. Наше внимание привлекли, главным образом, нетривиальные глагольные сочетания с именем *money*. Можно выделить следующие гештальты, которые прочно укоренились в концептуальной системе, возможно даже неосознанно:

1) *Money talks* – "деньги говорят". Из данного словосочетания можно вывести гештальт MONEY IS A HUMAN BEING (деньги – человек/живое существо), поскольку говорить может только чело-

век. Подобные ассоциации возникают также при прочтении словосочетаний: *money knows, money answers, money wants, money is wise, etc.* Данные примеры часто встречаются в разговорной речи и иллюстрируют отношение к деньгам как живым существам. Примеры персонификации, когда деньги "надевают" на себя маску человека, очень многочисленны. Деньги имеют память, язык, могут перемещаться из одного места в другое, отдыхать, хорошо выглядеть и т. д.

2) *What will not money do?/Money reigns the world* – "деньгам подвластно все/деньги правят миром". Править может только тот, кто обладает силой, следовательно, выявляется гештальт – MONEY IS POWER. Названный гештальт действительно присутствует в когниции представителей американского этноса (как и русского, в котором существует поговорка: *Деньги – сила*).

3) *To marry money* ~ "жениться на деньгах". Данное сочетание свидетельствует не только об одушевленности денег, но позволяет представить их в качестве наиболее удачного партнера для женитьбы (жениха/невесты). Следовательно, выявляется гештальт MONEY IS A GOOD PARTNER (деньги – хороший/выгодный партнер). Анализ контекстов употребления данного выражения позволяет конкретизировать еще более точно. Деньги – всегда выгодный партнер, тот, кому, к сожалению, часто предпочитают всех остальных.

4) *To serve God and Money (Mammon)* – "служить деньгам"; *to be obedient to Money* – подчиняться деньгам. В данном случае деньги надевают на себя маску высокого господина, которого, как ни пара доксально, ставят на одну черту с богом. Гештальт – MONEY IS A LORD (деньги – господин/бог/тот, кому служат/подчиняются)

5) *Enjoy the money* – "получать удовольствие от денег". В данном случае гештальт – MONEY IS PLEASURE (деньги – удовольствие). Деньги понимаются как нечто приятное (см. также выражения *the smell of money, the taste of money* – и вкус, и цвет, как правило, приятные).

6) *To lure with money* – "заманивать деньгами". Гештальт - MONEY IS ATTRACTION (деньги – приманка/нечто желанное). Деньги всегда актуальны и привлекательны. Данный гештальт можно вывести также из сочетания: *hunt for money*. Деньги – предмет, за которым охотятся, обладать которым стремятся.

Таким образом, различные употребления слова *money* дают нам цепь представлений о данной сущности. Это языковые образы денег и гештальты. Подобно тому, как компонентный анализ

выделяет минимальные семантические составляющие имени, концептуальный анализ выявляет прагматические составляющие (прагматические множители) – гештальты, повторяющиеся в концептах разных имен и обуславливающие прагматическую форму имени. Именно они могут служить средством описания понятий и их сопоставления между собой как в одном, так и в разных языках.

Итак, цепь представлений о деньгах обогащается с помощью гештальтов. Исчислить все гештальты имени, свойственные языковому сознанию в целом, – вряд ли выполнимая задача.

Поскольку речевых произведений, опосредующих деятельность этноса, бесконечно много, постольку в семантике слов откладывается множество признаков, которые регистрируют все добытое этносом знание о соответствующих объектах. Участвуя в речевых произведениях, слово реализует в каждом из них некоторую часть своего содержания. Следовательно, говоря о когнитивном массиве, сопоставимом со всем "взвешенным" знанием этноса о некотором именованном объекте, надо ориентироваться на множество речевых произведений, отличающихся друг от друга характером лексического окружения рассматриваемого слова.

Чем в большем количестве отмеченных фраз употребляется некоторое слово (имеются в виду фразы, в которых лексическое окружение актуализирует разные признаки именуемого словом объекта), тем больший объем знания о соответствующем объекте "схвачен" данной звуковой последовательностью, а значит тем более глубокое информационное преобразование в сознании человека производится в результате усвоения слова.

Концепт MONEY как некоторая форма или структура более высокого уровня знания объединяет в себе интегрированную извлекаемую из памяти или закрепляемую через сочетание признаков информацию о деньгах, полученную на протяжении всей истории в процессе логического осмысления, в некий целостный образ. Следовательно, признак выступает как "исходный строительный материал", без которого не могут обойтись различные формы репрезентации значения.

Анализ и проведенная классификация языкового материала помогли прийти к пониманию того, каким образом структурирован сам концепт в целом. Слово *money* как поверхностная языковая форма или знак представляет собой средство сжатия или компрессии обобщенной информации на основе знания языка и опыта взаимодействия человека с окружающей действительностью, а содержание концепта MONEY объемнее одноименной поверхностной языковой сущности.

Проведенное исследование показало, что содержание концепта ДЕНЬГИ объемнее одноименной поверхностной языковой сущности, оно объективируется в значительном количестве языковых средств и может быть структурировано.

Выявленная в работе структура концепта ДЕНЬГИ обусловлена спецификой процесса познания, которая предопределена возможностью и способностью человека соотносить информацию с прошлым опытом и знанием о деньгах, накопленных данным социумом.

Литература

Агаркова Н.Э. Концепт "Деньги" в современном английском языке // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Тез. докл. и сообщ. III междунар. науч.-практ. конф. (16 - 18 июня 1998 г.). Иркутск: ИГЭА. 1998. С.5-6.

Агаркова Н.Э. Когнитивные аспекты ассоциативного поля имени "Деньги" в английском и русском языках // Когнитивные аспекты языкового значения 2: Говорящий и Наблюдатель. Межвуз. сб. науч. тр. Иркутск: ИГЛУ. 1999. С.154-160.

Агаркова Н.Э. Концепт "Деньги" в языковой картине мира // Вестник Иркутской государственной экономической академии. Иркутск: ИГЭА. №2(19). 1999. С.130-137.

Агаркова Н.Э. Особенности "денежных" фразеологизмов в английском языке // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Тез. докл. и сообщ. IV междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21-24 июня 1999).

Агаркова Н.Э. Языковая категоризация концепта "Деньги" (на материале американского английского) // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста. Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. Вып. 2. С. 11-17.

Агаркова Н.Э. Деньги в языковом сознании американцев // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Тез. докл. и сообщ. V междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 20-23 июня 2000 г.). Иркутск: ИГЭА. 2000. С. 5-6.

Агаркова Н.Э. Концепт «деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка). Автореф. дис....канд филол. наук. Иркутск. 2001. 20 с.

Ковалева Л.М., Агаркова Н.Э. Исследование концепта MONEY в языковой картине мира // Когнитивный анализ слова: Монография / Отв. ред. Л.М.Ковалева. Иркутск: ИГЭА. 2000. С.110-131.

О.В. Абыякая (Санкт-Петербург) ДОМОВОЙ И РУСАЛКА

Мифологическая лексика (слова, обозначающие сказочных персонажей и нечистую силу), по-своему концентрируя историко-

национальное видение мира, требует специального изучения. Сложность же восприятия данных единиц носителями других языков и культур предполагает их рассмотрение в аспекте лингвокультурологии.

Мифологемы как концепты культуры могут рассматриваться в качестве способа интерпретации действительности определенной лингвокультурной общностью (Быкова, Ракитина 1999: 139).

В данной работе мы придерживаемся термина слово-мифологема, так как исследование ведется на уровне языка. Под этим термином мы понимаем наименование персонажей, слова особого мифического содержания, являющиеся результатом деятельности мифического мышления по структурированию мира. Релевантным признаком коннотативной структуры слова-мифологемы является этнокультурный компонент (см., например, Быкова, Ракитина, 1999).

Лингвокультурологический анализ слов-мифологем должен, на наш взгляд, заключаться в их *концептуальном анализе*.

Представляется, что для анализа концептов-мифологем необходим синтез существующих методик концептуального анализа (см. работы С.Е. Никитиной, Л.О. Чернейко, В.А. Долинского, Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова, В.И. Карасика, А.П. Бабушкина и др.).

В своем исследовании мы предлагаем следующую схему лингвокультурологического анализа слов-мифологем.

На наш взгляд, целесообразно, прежде всего, проведение этимологического анализа с целью выявления внутренней формы – «зародыша смысла» слова-мифологемы.

На втором этапе представляется важным выделение содержательного минимума концепта, что осуществляется на базе словарных дефиниций слова-мифологемы, анализа обиходных контекстов употребления, включающих пословицы, поговорки, поверья, записи разговорной речи, телепередач и цитаты из художественной литературы и публицистики, а также анкетирования носителей русского языка и иностранных респондентов, что позволяет выявить актуализирующиеся семантические признаки, ассоциации и коннотации.

На третьем этапе необходимо определить место выявленного слова-концепта в исследуемой парадигме слов-мифологем.

Затем необходимо проследить синтагматические связи слова-мифологемы в языке. Специфика данного аспекта анализа для слов-мифологем заключается в выявлении через языковые данные их ролевых функций.

Пятый этап исследования – это анализ деривационных связей слова-мифологемы, который показывает значимость выявленного концепта в соответствующем фрагменте языковой картины мира.

Проиллюстрируем предложенные теоретические положения на материале анализа слов-мифологем *домовой* и *русалка*.

Слово *домовой* обладает прозрачной внутренней формой. Корень слова *дом* синкретичен по своей сути¹. Как убедительно показано в работах В.В. Колесова, *дом* в русском самосознании это не только и не столько 'жилище', но и 'хозяйство', и 'совокупность родственников, живущих под одной крышей' (Колесов, 2000: 206-207). Мифологическому сознанию свойственно было противопоставлять свое и чужое; освоенное, родное пространство и незнакомое, пугающее. В своем родном пространстве дома важная роль издавна принадлежала хозяину дома, ср. языковые данные: *всякий дом хозяином держится; дом хорош, да хозяин не гож; каков Дема, таково у него и дома; худу быть, кто не умеет домом жить; домом жить, обо всем тужить* (Даль, 1996, I: 466).

Наряду с реальным человеком-хозяином народное сознание поселяло в доме духа, мифического, сверхъестественного хозяина, т.е. *домового*. Параллель между человеком-хозяином и духом дома подтверждают такие названия *домового*, как *дедушка, хозяин, соседко* (тот, кто живет рядом). Значение *домового* – 'хозяин дома' актуализируется, например, в таких контекстах, как:

Домовой не любит, когда его так называют. Надо называть его «хозяин», тогда он сам всю нечистую силу выгонит (НТВ Страна советов, 20.06.2003. 12.50.).

Хозяин, стань передо мной, как лист перед травой: ни черен, ни зелен, а таким, каков я; я принес тебе красно яичко (заклинание для вызова домового, в полночь, и он является) (Даль, 1996, I: 466).

С одной стороны, *домовой* очень привязан к тому дому, в котором он живет:

Я не говорю уже о домовом – домовой, как и самое имя его показывает, заведует домом и никуда из этого дома не двинется. Если дом передается или продается, но непременно вместе со своим домовым, который иногда очень себя «оказывает», если новые жильцы придутся ему не по вкусу. Домовой может очень горевать, когда старая, вековая, милая ему семья бросает навсегда свое жилье. Но, как бы он ни убивался от горя разлуки, бросить дом и следовать за людьми он не может. Он дому принадлежит (Н.А. Тэффи. Домашние).

---

¹ О семантическом синкретизме см. подробно в работе Пименовой М.В. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке. Серия «Научные доклады». СПб., 2000.

В языковом сознании русских связь с *домом* является главной характеристикой *домового*: при анкетировании это было отмечено половиной (50 %) носителей языка. В доме же, по народным представлениям, у *домового* есть свое конкретное место: *печка* была названа 38 % респондентов (это подтверждают и данные Русского ассоциативного словаря – РАС, 2: 78)

С другой стороны, значение *дома* как совокупности родственников актуализируется в неразрывной связи *домового* не только с *домом*, но и с семьей (родом), которая, по народным представлениям, переезжая в новый дом должна взять с собой и своего *домового*:

В каждом доме свой домовой. Он сидит в углу в подполье. Переходишь в другой дом, надо позвать с собой своего домового. (Гарин-Михайловский. Несколько лет в деревне).

Купил дом и с домовыми. Дом домом, а домовый даром (Даль, 1996, I: 466).

Дед снял две темные комнатки в подвале старого дома, в тупике под горкой. Когда преезжали на квартиру, бабушка взяла старый лапоть на длинном оборе, закинула его в подпечек и, присев на корточки, начала вызывать домового: «Домовик – родовик, – вот тебе сани, поезжай-ка с нами на новое место, на иное счастье...» (М. Горький. Детство).

Можно ли перевезти хозяина на новую квартиру? – Да, берется валенок, кладется куда-либо, и приглашается домовый. Так он перевозится с места на место (НТВ Страна советов, 20.06.2003. 12.50.).

Коли дедушку не перезывать с собой в новую избу, то станет прокудить (Даль, 1996, I: 466).

Веселый был, дурил, да вот еще не любил, когда детей осенью в город отправляли. Он был деревенский домовый, жил в нашем деревенском доме. И верно, скучно ему было одному зиму зимовать. Как только начиналась укладка вещей и дорожные сборы – принимался домовый по ночам вздыхать. Все мы эти вздохи слышали и очень его жалели (Н. А. Тэффи. Домовой).

Восприятие дома как хозяйства породило и разновидности *домовых*: *сараяшник, банник, дворовой, овинник, хлевник, гуменник, подпольщик* т.д.

Исходя из всего сказанного, мы позволим себе определить содержательный минимум концепта слова-мифологемы *домовой* как 'дух – хозяин дома'.

Домовой входит в парадигму слов-мифологем *водяной, кики-мора, русалка, леший*. Эта парадигма имеет родовое слово – собирательное существительное *нежить*, обозначающее в русской мифологии фантастические существа. То, что *нежить* является гиперонимом в данном ряду, подтверждает словосочетание *всякая нежить*. Определение *всякая* позволяет расценивать *нежить*

как родовое слово в парадигме. В современном языке появилось еще одно слово, входящее в данный ряд слов, *барабашка (полтергейст)*. По современным представлениям и поверьям, – это “призрак, обитающий в доме, вызывающий беспорядок, шум, стук, исчезновение предметов”. Таким образом, этот призрак приносит только вред, в отличие от *домового*, который воспринимается как хранитель домашнего очага (12 % носителей отметили данную функцию *домового*). Ср.:

Поместья мирного незримый покровитель / Тебя молю, мой добрый **домовой**, / Храни селенье, лес и дикой садик мой / И скромную семью мою обитель! (А.С.Пушкин. *Домовому*).

Еще одна обязанность **домового** – предупреждать хозяев о появлении нечисти. Говорят, что если в доме завелся полтергейст, то современные **домовые**, предупреждая хозяев, бьют выключенные электролампы (В одной квартире поселили домового, кикимору и бабугу. КП Петербург. 16.08. 01.).

Домовой занимает особое место в рассматриваемой парадигме благодаря неоднозначности оценки в народном самосознании: *кикимора, леший, водяной, русалка* воспринимаются как обычно враждебные людям духи, *домовой* же может быть как злым, так и добрым (Русский семантический словарь, 1998: 394). Это подтверждает как анкетирование носителей языка: 12 % респондентов отметили эту амбивалентность *домового*, так и прецедентные тексты, известные практически каждому носителю языка:

...Лишь одним конюшни не пригожи – // **Домовой** повадился в конюшни» (А.С. Пушкин).

Домовой по ночам стучит и возится, выживая хозяйина (Даль, 1996, I: 466).

В общем **домовой** был не злой, а только дурил <..> Но зла особого не делал. Нянька хоть и ворчала на **домового**, но сама сознавалась, что жить с ним можно.

– У нас «**хозяин**» добрый, а вот как жила я у господ Корсаковых, так там такой сердитый был, что все мы в синяках ходили. Девкам ночью в волосы перьев насыпет, повару в тесто наплюет – не поднимается опара, хошь ты что! Барыню и ту по ночам щипал. Ну, а наш ничего, веселый (Н. А. Тэффи. *Домовой*).

Домовой в некоторых домах бывает пресердитый-сердитый. Любит щипать толстых девок и душить по ночам солидных дядюшек. Наводит порядки строго. Любит попугать и пристрожить. Вообще, похож на самодура помещика. Консервативен до мелочности, ничего нового не признает, даже новую мебель по ночам ломает – треск на весь дом (Н.А. Тэффи. *Домашние*).

Как и реальный хозяин дома, *домовой* может иметь свои пристрастия, свои симпатии и антипатии. Например:

Домовой лошади гриву завил. Конь ко двору пришелся: **суседко** колтун сколтунил. **Домовой** лошадь изломал, крестец насадил, в подворотню протащил (Даль, 1996, I: 466).

...Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет, / С морды каплет кровавая пена. / Во всю ночь **домовой** на нем ездил (А.С.Пушкин).

– Говорит, закричал ты оттого, что **домовой** на тебе ездил.

– Вот вздор какой! Будт.е. **домовые**? (И.С.Тургенев).

Скажите, а у вас проблемы с **домовым** были? – Да, было ощущение, что **домовой** тебя выгоняет (НТВ. Страна советов, 20.06.2003. 12.50.).

Другой враг, внутренний, был **домовой** и назывался за глаза «**хозяином**».

Чего он только с нянюшкой не выделывал! Положит ей под самый нос катушку, а глаза отведет, и ищет нянюшка злостную катушку, ползает по полу, кряхтит – нету и нету катушки! И вдруг – глянь, она тут как тут. Стоит на столе рядом с ножницами! Или сдвинет старухе очки на лоб, а та тычется по всем углам: “Кто мне очки запрятал?” <...> Но в эту осень, о которой хочу рассказать, проявил себя наш **домовой** и с другой стороны. Оказалось, что может он разозлиться и кого-нибудь невзлюбить (Н.А. Тэффи. Домовой).

Глаза у девочки были маленькие, голубенькие, волосы жиденькие и вились золотыми шелковыми колечками. Ее «**хозяин**» любит! – говорила нянюшка, глядя ее по головке. – Ишь какие колечки завивает! (Н. А. Тэффи. Домовой).

“Не пускает «**хозяин**» девочку. Жалеет, – бормотала нянька. – Против него не пойдешь. Били бы друг друга по темени, а чего девочку-то мучить? Вот он один за нее и вступается” (Н. А. Тэффи. Домовой).

Как и другие слова-мифологемы, слово **домовой** обладает в языковом сознании носителей русского языка пресуппозицией ‘источник страха’, это образ, которым можно пугать детей:

Несмотря на то что всем окружающим нас строго было запрещено пугать нас ведьмами, лешими, **домовыми**, няньки все-таки иногда говорили о них между собою (Заметки на полях. Воспоминания П.В.Нащокина с поправками Пушкина).

Ах! мочи нет! робею:

В пустые сени! в ночь! боишься **домовых**,

Боишься и людей живых...(А.С. Грибоедов. Горе от ума).

Домовой может вступать с людьми в своеобразный контакт, может предсказывать будущее, быть вестником добра или зла, с ним связаны различные приметы и суеверия:

Увидать **домового** – к беде, смерти. Плач или вздохи **домового** – к смерти хозяина. Приходи вчера (заговор от лихорадки; также мысленный ответ **домовому**, коли почудится, что кто-то зовет по имени). **Домовой** стучит, возится. Его **домовой** душит. **Домовой** теплою и мохнатою рукою гладит по лицу – к добру; голою и холодною – к худу (Даль, 1996, I: 466).

*В жизнь мою я не знал, что такое бессонница, а теперь испытал не только бессонницу, но сны такие ... я и сам не умею сказать, сны ли это или что другое: точно **домовой** тебя душит, и все мерещится проклятый старик (Н.Гоголь Портрет).*

*– **Домовой-то, домовой!** За ночь всех лошадей загонял. Гривы взбил, хвосты закрутил, все лошади в мыле! Прямо беда! Конюх говорит, непременно надо козла в конюшню, а то, что же это такое...*

– И чего он раскуражился? Быть беде!

– Быть беде!..

– Всю ночь вздыхал, по дому бродил...

– И к чему бы это?

– Быть беде!.. (Н.А. Тэффи. Домовой).

Однако **домового** можно задобрить, можно с ним договориться, подружиться:

*С «**хозяйном**» лучше всего подружиться: выбирается определенное место и кладется черный хлеб с солью, когда хлеб засыхает, его отдают птичкам и кладут новый. С **домовым** можно разговаривать. Например, если пропадают вилки, ложки, можно попросить **домового**, чтобы он их вернул. Сейчас я предлагаю послушать бабушкины советы о том, как задобрить **хозяев, домовых** (НТВ Страна советов, 20.06.2003. 12.50.).*

*Сегодня мы поговорим с вами о **домовом**. Я со многими из них была знакома, а с некоторыми даже дружила. Сначала с ними надо познакомиться: взять свечу, повернуться к темному углу и сказать: «**Домовой, домовой, появиись передо мной**». Тогда вы будете знать, где оставлять гостинцы, а **домовой** будет знать, что вы хотите с ним подружиться (НТВ Страна советов, 20.06.2003. 12.50.).*

По народным представлениям, при правильном с ним обращении и уважительном к нему отношении **домовой** помогает людям, заботится о хозяйстве:

*У меня дома уже два дня бельё стиранное лежит, хоть бы **домовой** погладил, что ли (Разговорная речь 03.02.03).*

Домовые – лохматые старички ростом не больше метра – охраняют домашний покой и уют. Если к ним относиться с уважением, то они охотно будут помогать в хозяйстве (*В одной квартире поселили **домового**, кикимору и бабу-ягу. КП Петербург. 16.08.01).*

Мыслительная картинка, возникающая в сознании носителя языка, отличает слово **домовой** от других слов парадигмы. Например, **водяной** изображается обычно с рогами и лапами вместо рук, **леший** – с рогами и копытами, **русалка** – с рыбьим хвостом вместо ног, **домовой** же предстает бородатым стариком или кем-нибудь из членов семьи, чаще всего самым старшим в семье – дедом или бабкой, т.е. даже внешний облик **домового** подчеркивает его связь с домом, с семьей.

Приведем наиболее типичные синтагматические связи существительного *домовой*, выявляющие его ролевые функции: *верить в домового, шутка домового, домовой стучит, возится, душит, завивает лошади гриву*.

Слово *домовой* входит в большое по объему словообразовательное гнездо слов в русском языке, что показывает место этого фрагмента в русской языковой картине мира: *дом, домовный, домашний, домовитый, домовитость, домовина, домоводство, домоправитель, домосед, домостроительство, домохозяйка* и др. (всего 122 единицы – Тихонов, I, 308-309).

Важность концепта, заложенного в корень '-дом-', подтверждается языковой маркированностью слов, обозначающих отсутствие дома: *бездомный, бездомность, бездомник, бездомница, бездомничать, бездомовый, обездомить*.

Слово-мифологема *русалка* произошло от др.-рус. *русалиа* – «языческий праздник весны», «воскресение святых отцов перед трицей», «игры в этот праздник» – от лат. Розалии (от роза) (Фасмер, III: 520). Эти сведения говорят о связи образа с «вегетацией растений»: *русалки*, по народным поверьям, появлялись на земле на Троицкой или Русальной неделе, когда зацветала рожь (Славянская мифология, 1995: 338), однако не позволяют увидеть внутреннюю форму слова *русалка*, его концепт-этимон (по терминологии В.В. Колесова). «Обогащение смыслом, – отмечает исследователь, – начинается в первой форме – в образе (*русалка* – это форма вне системы, сконструированная по случайным признакам реального плана), оформляется в понятии (*женщина* – это уже форма в системе, созданной по сущностным признакам различения) и отливается в символе (*богиня* – здесь качества, которые сами по себе создают систему, на основе которой и является концепт современной культуры: он эксплицируется, а не актуализируется, как образ, и не выявляется подобно понятию)» (Колесов, 1992: 34).

Анализ словарных толкований и обиходных контекстов употребления (цитат их художественной и публицистической литературы, записей разговорной речи, результатов анкетирования носителей русского языка), парадигматических и синтагматических связей позволяет определить концепт слова-мифологемы *русалка*, основываясь на классификации А.П. Бабушкина (1996), и как «мыслительную картинку», и как «сценарий» («скрипт»).

Содержательный минимум концепта слова-мифологемы *русалка* – это (в народных поверьях) *живущее в воде сказочное существо в образе женщины с длинными волосами и рыбьим хвостом*.

стом'. По фольклорным представлениям русалками становились утопленницы.

Этот концепт эксплицируется, например, в художественной литературе:

*У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блещит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат* (Н. Гумилев. Русалка).

*Отчего солнце по небу катится, отчего мышшь шебуршит, деревья
кверху тянутся, русалка в реке плещет, ветер цветами пахнет, человек
человека палкой по голове бьет?* (Т. Толстая. Кысь)

Отметим, что стереотипное представление о русалке как о женском образе в современных контекстах употребления не только эксплицируется, но и разрушается. Ср.:

– Но я вовсе не хочу идти в русалки! У них женские данные, а я – мужского рода. У них длинные волосы, а я стригусь под бокс <...> Я очутился в большой затонувшей барже, на четверть занесенной песком. В ней сидели русалки обоего пола. Хвостов ни у кого не имелось (В.Шефнер. Когда я был русалкой).

Один из самых «типичных» образов русалки – это сидящая на камне, находящемся у воды или в воде, девушка:

Она сидела на большом камне вполоборота к озеру, а значит и к Сёмке, грациозно отведя согнутые в коленях ноги. Так она была похожа уже на русалку (Л. Нетребо. Уикенд на Змеином озере).

Слово-мифологема может употребляться в прямом (денотативном (Суперанская, 1973: 116), экстенциональном (Кацнельсон, 1965: 27; Гудков, 2000: 66)) или в переносном (коннотативном, интенциональном) значении (ср. у А.П. Бабушкина: «первичное употребление» и «вторичная номинация» (1996: 45)). При этом обычно актуализируются различные семантические признаки.

Анкетирование носителей русского языка выявило главную «внешнюю черту» русалки – это хвост, который назвали 100 % респондентов. Данная характеристика является, как показывает анализ контекстов, своеобразным стереотипом, по которому «узнается» русалка:

– Я здешняя русалка, – ответила зеленая девушка. – Разве не понятно?

– Совершенно не понятно, – сказала Мила.

– И вообще вы на русалку совершенно не похожая, – сказал Гарик, который не хотел отдавать сумку случайным встречным.

– А вы раньше видели много русалок? – спросила зеленая девушка.

– Видел, – угрюмо ответил Гарик. – На картинках видел. И оперу по телевизору показывали. Где ваш хвост?

– Это неважно, – сказала Мила. – Я тоже не видела русалки, а также не видела драконов, гномов и леших. И вообще я в эти сказки не верю (Кир Булычев. Речной доктор).

Пока обогнавшие его не исчезали за очередным поворотом, он хорошо видел их со спин – гибкие фигуры были прекрасны: если бы не убегающие ноги, то можно было подумать, что вперед улетают высокие **русалки**, с вздернутыми плечами и слегка разведенными, будто в удивленном извинении, руками (Л.Нетребо. Уикенд на Змеином озере).

Мне снилось, будто уже готова модель моей пишущей машинки. И вот я сажусь, чтобы перепечатать свое стихотворение, и вдруг с ужасом осознаю, что не могу освоить нижнюю клавиатуру, ибо у меня вырос **русалочий хвост** ... (В.Шефнер. Когда я был русалкой).

Мечта любой **русалки** – выйти на берег и сменить **хвост** на пару стройных ножек (Москва – Инструкция. ТНТ. 5.08.03.).

Длинные, красивые волосы и глубокие, печальные глаза (взгляд) тоже являются «отличительными» чертами **русалки** и именно эти признаки чаще всего актуализируются в художественной литературе и служат «основой» для сравнений, для коннотативного употребления слова-мифологемы:

В последнюю неделю июня (в народе она называется **русалочьей**) газета провела конкурс на самую красивую **русалку** Москвы. Победительницей конкурса стала самая длинноносая и сереброхвостая «**русалка**» – 18-летняя Маша Мясоедова. Ей вручили полную энциклопедию русского ведовства. А все остальные стали «Почетными **русалками**» и «Водяными». А лето-то проходит! (Комсомольская правда, 1.07.02.)

Она как **русалка**, воздушна и странно-бледна,

В глазах у нее, ускользя, играет волна,

В зеленых глазах у нее глубина – холодна (К.Бальмонт. Она как русалка).

В народных поверьях существует представление о том, что **русалками** становятся «заложные покойники», те, кто умер неестественной смертью (Зеленин, 1995), утонул. Следовательно, **русалкой** нельзя «родиться». Это представление о происхождении **русалок** тоже находит свое отражение в языковом сознании носителей русского языка:

Я хочу подчеркнуть, что **русалки** не способны к популяции. **Русалками** не рождаются, в них превращаются. Вывод: чтобы стать **русалкой**, надо утонуть ... Команда и пассажиры погибли, поскольку сели в спасательные шлюпки и высадились на берег; спасся только кок, поскольку, будучи в состоянии опьянения, пошел на дно вместе с судном и превратился в **русалку** (В.Шефнер. Когда я был русалкой).

Русалками не рождаются, ими становятся. За свою спортивную биографию Ольга Брусникина провела в воде больше времени, чем на суше. Просто она «работает» **русалкой**, а точнее – занимается синхронным плаванием (Н.Зуев. О чем мечтают русалки. АиФ. Семейный совет. 10.03.03.).

Данное представление актуализируется и при переносе на неодушевленные объекты:

Наводнение в Европе здорово ударило по нашему авторынку, говорит Василий Сарычев. – Машины-утопленницы, «**русалки**», как их называют, еще имеют товарный вид, но через годик сгниют, как консервные банки: автомобиль сконструирован так, что легко выдерживает дождь – вода скатывается с него, но «утопление не переживет» (В. Ладный. Наш автопром тащат на дно «русалки». Комсомольская правда. 09.01.03. <http://www.kp.ru>).

Слово-мифологема **русалка** традиционно ассоциируется с водной стихией (по данным анкетирования: либо с озером – 67 %, либо с морем – 33 %). Умение плавать – неотъемлемая составляющая этого образа:

*Как **русалка**, ты плаваешь в море стихов,*

Гениальный поэт-консультант! (В.Шефнер. Когда я был русалкой)

*France Teleset выпустила GSM-телефон для **русалок**. Создатели аппарата обещают четкую и бесперебойную связь с любым обитателем суши прямо из соленой пучины ... К области «ноу-хау» можно отнести устройство, предназначенное для разговора под водой* (<http://www.internet.ru>).

*Юра, дело в том, что поступил письменный сигнал, будто я **русалка**. Но я даже плавать не умею!* (В. Шефнер. Когда я был русалкой)

Обычно слово-мифологема **русалка** используется для номинации людей (девушек), занимающихся водными видами спорта:

– Ты, можно сказать, живешь в воде, как лягушка. Неужели тебя не тянет на сушу?

– А я везде чувствую себя в своей тарелке. Просто вода для **русалок**, как нас называют, родная стихия. Птицам же в небе здорово! Вот и нам. А танцевать в воде – что может быть красивее и зрелищнее?! (Н. Зуев. О чем мечтают русалки. АиФ. Семейный совет. 10.03.03).

Сегодня в моем парикмахерском кресле – девушка Даша, спортсменка, профессионально занимающаяся плаванием. От нее я слышу те же вопросы и те же сетования, что и от других представительниц водных видов спорта, скажем, от ватерполисток. Главная жалоба – волосы становятся очень сухими и ломкими. Это так, но приходится смириться: издержки профессии, связанной с постоянным пребыванием в воде. Замечу, впрочем, что кто-то из «**русалок**» может и возразить: мол, у меня, наоборот, волосы быстро салятся, становятся уже не сухими, но жирными (Прическа для русалки. «Спортивная жизнь России», № 11. <http://www.infosport.ru>).

Однако признак 'связь с водой' может актуализироваться и при метафорическом переносе на неодушевленные предметы:

Существуют, однако, еще и молекулы вроде **русалок** – одна их часть гидрофильная, а другая гидрофобная. Молекулы-**русалки** должны решить для себя проблему: быть им в воде или не быть (Л. Блинов. Молекулы-русалки. <http://www.n-t.org>).

В мифологическом сознании мир характеризуется системой двоичных оппозиций. В противопоставлении суша – море особое значение имеет море – местопребывание многочисленных отри-

цательных, преимущественно женских персонажей; жилище смерти, болезней (Иванов, Топоров, 1995: 9). Таким образом, связь образа *русалки* в обиходном сознании именно с водной стихией является в какой-то мере своеобразным отражением изначально заложенных представлений об окружающем мире.

Однако в поверьях и фольклорных рассказах *русалки* связаны не только с водой, но и с деревьями, с лесом, что нашло свое отражение в литературе (в том числе в прецедентных текстах):

Перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовет, а сама помирает со смеху, смеется (И. С. Тургенев. Бежин луг).

Там чудеса: там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит ...

(А.С.Пушкин. Руслан и Людмила)

Внешне у дуба все было вроде по-прежнему. Без особых видимых, так сказать, изменений. На ветвях сидели полуобнаженные русалки, призывно помахивая перевязанными розовыми ленточками хвостами (Сергей Холоднов. Продолжение рода).

Слово-мифологема *русалка* имеет коннотацию 'источник страха' (по народным представлениям, это существо несет опасность и смерть), которая актуализируется, в частности, в художественной литературе:

Катерина не глядит ни на кого, не боится, безумная, русалок, бежит поздно с ножом своим и ищет отца (Н.Гоголь. Страшная месть).

Сидя на выгнутой коленом над водой березе, подолгу глядел Давыд Давыдыч в пруд, на листья купавы, на отраженные камыши, на глубокую зеленую тихую воду, и ждал, когда же из глубины, плавно поводя руками, выплывет под самые березовые корни опасная русалка (А.Толстой. Овражки).

На языковом уровне связь *русалки* с миром мертвых подтверждается также вариантами названий этого персонажа в разных традициях: *навки*, *мавки* (от *навь* – «души умерших»), *мертвушки* (Славянская мифология, 1995: 337).

Русалка входит в парадигму слов-мифологем *водяной*, *кикимора*, *домовой*, *леший*, объединенных гиперонимами-синонимами *нежить*, *нечисть*, *нечистая сила*:

– *Расскажи, бабушка, какую еще нечисть в лесу видеть?*

– ... *Ничего, я говорю, не боялся. Ни русалок, ни пузыря водяного, ни кочевряжки подкаменной* (Т. Толстая. Кысь).

Русалки питаются жизненной энергией, которую высасывают из мужчины ... *Жертва* ночь за ночью ходит к берегу озера, к заветному дереву. Единственный известный мне случай встречи с *русалкой* в пределах Карелии произошел в Пряжинском районе и закончился самоубийством молодого мужчины после того, как местный колдун прогнал *нежить* (Губерния, № 32 (61), 7.08.1997. Рубрика: Приключения. Нечистая сила.)

- Это неважно, – сказала Мила. – Я тоже не видела **русалки**, а также не видела **драконов**, **гномов** и **леших**. И вообще я в эти сказки не верю (Кир Булычев. Речной доктор).

Русалка – это водяная, реже лесная, нежить, т.е. по месту обитания она может быть связана как с водяным, так и лешим. Кроме того, с водяным ее могут связывать и родственные отношения: по народным представлениям русалка приходится водяному то ли женой, то ли дочкой. Человеку русалка приносит обычно вред, однако, в отличие от других духов, пытается погубить человека, используя любовные чары, соблазняя его. Языковые данные позволяют говорить о русалке как о роковой для человека красавице: смертельные объятия русалки ("Вечерний Волгоград", 05.03.02, стр.13).

Русалки любят рыбаков до смерти. А водяные просто едят... Если не считать затяжных дождей и порванных рыбацких сетей, основной вред **русалки** – способность заманивать и постепенно губить путников. Не знакомый со способами защиты от таких созданий мужчина при встрече с **русалкой** обречен. Только безнадежно влюбленный может не попасться на крючок приворотных чар **русалки** ("Губерния", № 32 (61), 07.08.97. Рубрика: Приключения. Нечистая сила).

Однако в языковой картине мира носителей русского языка слово-мифологема **русалка** при употреблении в переносном значении имеет положительную коннотацию. Например, очевидно, что название агентства «**Русалки**» (*девушки: фото, условия, цены, услуги: выезд, апартаменты*) призвано вызвать такие ассоциации, как соблазн, чары, любовь и т.д., которые будут положительно оцениваться (<http://www.rusalki.org/>) Это подтверждает и анализ контекстов:

- А как вы меня узнаете, вы даже не знаете моего имени? – Я вас обязательно узнаю. У вас очень красивые глаза. Как у **русалки**. И необыкновенные волосы. И имя, наверное, тоже красивое... Пока я его не знаю, можно я буду звать вас **Русалкой**?.. Раскраснелась, как девчонка... Дрожащими от волнения руками взлохматила волосы, внимательно глянула в зеркальце : **Русалка** – пенсионерка! (М. Сафина. Господи, не бросай меня в терновый куст)

Синтагматические связи слова-мифологемы **русалка** выявляют его ролевые функции, которые подтверждают то, что данный концепт является "сценарием": **русалка поет, русалка визжит, русалка хохочет, русалка смеется, русалка любит, русалка плавает, русалка тащит на дно, русалка заманивает, русалка губит**. Ср. в литературе:

Рассказал еще чеченец про страсти лесные, про то как тропинки различать ... про то, как **русалка** на заре поет, кулдычет свои песни: поначалу низко так, глубоко возьмет: ы, ы, ы, ы, ы, потом выше забирает: оуааа, оуааа, – тогда держись, гляди в оба, не в реку затянет, – а уж когда песня на визг пойдет: ййих! Ййих! – тут уже беги, мужик, без памяти ... А другие, кто по избам попрятамишься, от хохота прям

увизжятся, как **русалки** какие: *визг столбом стоит, а кто визжит – и не видать ...* (Т. Толстая. Кысь)

Отношение к русалке в русской ментальности неоднозначно: с одной стороны, язык вербализует привлекательные черты внешней облика этой мифологемы, наличествует также уменьшительно-ласкательное производное существительное – *русалочка*; с другой стороны, по своим ролевым функциям русалка опасна, враждебна человеку.

Существительное входит в русском языке в состав следующего словообразовательного гнезда: *русалка – русалочка, русалкин, русалочий, русалочный* (Тихонов, II: 55).

Результаты проведенного лингвокультурологического исследования концептов-мифологем позволили разработать модель словарной статьи лингвокультурологического словаря, которая включает в себя: 1) заголовочное слово и его грамматическую характеристику; 2) этимологию заголовочного слова (*); 3) толкование заголовочного слова-мифологемы (при необходимости в этом разделе статьи указывается на существующие в сознании носителей языка оценки, коннотации и ассоциации, которые даются после знака #, а также выделяется возможность переносного употребления слова-мифологемы, которое обозначается пометой «**перен.**»); 4) демонстрацию синтагматических связей заголовочного слова (**С:**); 5) демонстрацию парадигматических связей заголовочного слова (**П:**); 6) иллюстративный материал; 7) показ деривационных связей (**Д:**); 8) внешние отсылки (**Ср.:**).

В качестве образцов словарной статьи приведем следующие:

Домовой, м. р.; -ого; мн. ч. – домовые, домовых. *Обычно м. р.*

* От др.-рус. домъ – «жилище», «хозяйство», «семья», «род», «храм».

Дух – хозяин дома, который воспринимается как хранитель домашнего очага, может быть как злым, так и добрым. Предстает бородатым стариком или кем-нибудь из членов семьи, чаще всего самым старшим в семье – дедом или бабкой, т.е. даже внешний облик домового подчеркивает его связь с домом, с семьей.

Поместья мирного незримый покровитель / Тебя молю, мой добрый домовой... (А.С.Пушкин).

...Лишь одним конюшни не пригожи – / Домовой повадился в конюшни (А.С.Пушкин).

Увидать домового – к беде, смерти. Плач или вздохи домового – к смерти хозяина. Домовой по ночам стучит и возится, выживая хозяина (Даль, 1996, I: 466).

С: Верить в домового, шутка домового, домовый стучит, возится, душит, завивает лошади гриву.

П: Нежить, нечисть, нечистая сила, водяной, кикимора, русалка, леший, барабашка, ведьма.

Д: Дом, домовный, домашний, домовитый, домовитость, домовина, домоводство, домоправитель, домостроительство, домохозяйка, бездомный, бездомность, бездомник, бездомница, бездомничать, бездомовый, обездомить.

Ср.: Кикимора.

Русалка, ж. р.; -и; мн. ч.- русалки, русалок. Только ж. р.

* От др.-рус. *русалиа* – «языческий праздник весны», «воскресение святых отцов перед троицей», «игры в этот праздник».

В народных поверьях – живущее в воде сказочное существо в образе женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом, которое может выходить на берег и сидеть на ветвях деревьев. Русалка поет, очаровывает, заманивает и может утащить на дно. По фольклорным представлениям, русалками становились утопленницы. Это опасный, но в то же время притягательный для человека образ.

Сидя на выгнутой коленом над водой березе, подолгу глядел Давыд Давыдыч в пруд, на листья купавы, на отраженные камыши, на глубокую зеленую тихую воду, и ждал, когда же из глубины, плавно поводя руками, выплывет под самые березовые корни опасная русалка (А.Толстой. Овражки).

Там чудеса: там леший бродит,/ Русалка на ветвях сидит...(А.С. Пушкин. Руслан и Людмила)

Перен. О женщине, занимающейся плаваньем или проводящей много времени в воде.

Русалками не рождаются, ими становятся. За свою спортивную биографию Ольга Брусникина провела в воде больше времени, чем на суше. Просто она «работает» русалкой, а точнее – занимается синхронным плаванием... «А я везде чувствую себя в своей тарелке. Просто вода для русалок, как нас называют, родная стихия» (АиФ. 15.11.02).

Перен. О женщине с длинными распущенными волосами.

Победительницей конкурса стала самая длиннокосая и сереброхвостая «русалка» – 18-летняя Маша Мясоедова (Комсомольская правда. 1.07.2002.).

Перен. О женщине с большими, глубокими глазами (обычно зеленого цвета).

*Она как русалка, воздушна и странно-бледна,
В глазах у нее, ускользя, играет волна,*

В зеленых глазах у нее глубина – холодна (К. Бальмонт. Она как русалка).

– А как вы меня узнаете, вы даже не знаете моего имени? -Я вас обязательно узнаю. У вас очень красивые глаза. Как у русалки. И необыкновенные волосы. И имя, наверное, тоже красивое... Пока я его не знаю, можно я буду звать вас Русалкой?.. (М. Сафина. Господи, не бросай меня в терновый куст).

С: *Русалка поет; русалка смеется, хохочет, заманивает; опасная русалка, смертельные объятия русалки.*

П: *Нежить, нечисть, нечистая сила, водяной, кикимора, леший.*

Д: *Русалочий, русалочка, русальный.*

Ср.: Водяной.

Лингвокультурологический анализ слов-мифологем показал важность данных единиц для русской языковой картины мира и подтвердил представление о мифологемах как о специфическом типе концепта, (переходном между «мыслительной картинкой» и «сценарием»).

Определение типа концепта представляется особенно важным в аспекте лексикографии, поскольку позволяет выявить необходимый объем экстралингвистической информации и отразить ее в словарной статье. В случае с мифологемами необходимо, как нам представляется, учитывать портретные и ролевые характеристики, которые актуализируются в речи и текстах.

Литература

Абыякая О.В. Принципы лингвокультурологического анализа русской лексики (на примере слов-мифологем) // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Материалы IV междунар. науч.-практ. конф. СПб, 2002. С. 194-200.

Абыякая О.В. Лингвокультурологический потенциал русских слов-мифологем // Современная русистика: проблемы, пути решения. Материалы докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф. СПб, 2002. С. 206-210.

Абыякая О.В. Типы лингвокультурологического комментария и модели статей лингвокультурологического словаря (на материале слов-мифологем) // Русский язык как иностранный в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспектах. Науч.-метод. материалы. СПб, 2003. С. 158-166.

Абыякая О.В. Структура статьи лингвокультурологического словаря: спорные вопросы (на материале слов-мифологем) // XXXII междунар. филол. конф. Сборник. Вып. 15: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003 г. СПб, 2003. С. 91-95.

Абыякая О.В. Лингвокультурологический анализ русской лексики (на материале слов-мифологем) // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. Сб. ст. СПб, 2003. С. 9-16.

Абыякая О.В. Мифологемы как тип прецедентного имени // Русский язык как иностранный: теория, исследования, практика. Вып. VI. СПб, 2003. С. 32-35.

Абыякая О.В. Имена русских сказочных персонажей как тип мифологем // Русский язык в современном образовательном пространстве. Материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. СПб, 2003. С. 70-71.

Абыякая О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Быкова О.И., Ракитина О.Н. Мифологема как культурный концепт // II Житниковские чтения. Челябинск, 1999. С. 133-140.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. М., 1988.

Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: материалы по русской демонологии. М., 1997.

Долинский В.А. Культурноязыковые архетипы в ассоциациях // Этническое и языковое самосознание. М. 1995. С. 45-46.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М. 1995.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 3-16.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестник СПбГУ. 1992. Вып.3 (№16). С. 30-40.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб, 2000.

Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С.117-123.

Пименова М.В. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке. Серия «Научные доклады». СПб., 2000.

Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального анализа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 6. С. 20-41.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. СПб., 1997.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. СПб., 1996.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1-4. М., 1994.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Словарь русского языка в 4-х томах. М., 1981-1984.

Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах). М.; Л., 1948-1965.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1-2. М., 1985.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. СПб., 1996.

Частотный словарь русского языка. М., 1977.

О.О. Ипполитов (Воронеж)
ДОРОГА

*... А когда спит, то видит
одно и то же – лунную дорогу,
и хочет пойти по ней.*

М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Примечательной чертой проводимых в настоящее время лингвистических исследований является внимание к человеческому фактору в языке. Когнитивная лингвистика нацелена на описание и моделирование содержания исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы групповой (национальной) концептосферы путем выявления максимально полного состава языковых средств, объективирующих этот концепт, и описания их семантики.

Различные аспекты темы дороги уже являлись предметом лингвистических и когнитивных исследований многих авторов, однако, достаточно полное и разностороннее лингвокогнитивное исследование этого важного и многоаспектного концепта русской концептосферы пока отсутствует. Концепт “дорога” в современном русском языке объективируется одноименным лексико-фразеологическим полем, в состав которого, по результатам анализа лексического материала, зафиксированного в различных словарях, текстах художественной и публицистической литературы, входят более шести тысяч лексических и фразеологических единиц. Из них в качестве наиболее ярких компонентов нами были отобраны 639 лексем и фразеологизмов.

Учитывая, что в повседневной жизни человек сталкивается с различными аспектами понятия “дорога”, актуальность для него в конкретный момент времени может приобретать не один, а целая совокупность таких аспектов. Так, оценивая те или иные детали предстоящего или уже имеющего место процесса перемещения, человек прогнозирует прежде всего свои собственные действия в этом процессе. Такое прогнозирование должно включать в себя, как минимум, определение конечного пункта (цели) и маршрута (средства) его достижения, оценку временных, физических, фи-

нансовых и прочих затрат, состояния контактной поверхности (грязь, гололед, сухой асфальт), погодных условий (жара, мороз, осенний ливень или теплый солнечный день), составление сценария действий в самом процессе перемещения из одного места в другое (пешком, на общественном или личном транспорте) и т.п. Конечно, в повседневной действительности подобное прогнозирование делается почти автоматически, во многом на уровне подсознания. Но от перечисленных факторов зависят такие важные моменты, как выбор одежды, обуви, маршрута, финансовый аспект и даже само решение о целесообразности намечаемого процесса перемещения. Еще более сложные взаимосвязи возникают при рассмотрении переносных смыслов в рамках исследуемого концепта.

Вышеизложенное показывает, что центр концепта “дорога” в сознании носителя языка представлен специфическим когнитивным образованием, включающим в себя, с одной стороны, некую “мыслительную картинку”, или “представление”, являющееся сугубо индивидуальным для каждого человека, а, с другой стороны – осознание, представление самого себя как субъекта перемещения, действия или развития. Примечательно, что в русском языке не существует общеупотребительной генерализующей лексемы для объективации понятия “человек, который переместился, перемещается или собирается совершить перемещение”. Понятия “путник”, “пассажир”, “путешественник” и им подобные отражают лишь некоторые ситуативно-функциональные стороны совершенного, совершаемого или планируемого перемещения вообще.

Таким образом, представляется вероятным, что центр исследуемого концепта в сознании носителя языка помимо когнитивной структуры в виде представления, объективируемого ключевой лексемой “дорога”, включает и некую абстрактную нелексикализованную категорию “я” как субъект дороги”. Причем, концепт “дорога” может проявляться не только в физическом, но и в иных планах (духовном, деятельностном, жизненном и т.д.). Заметим, что на необходимость включения в сферу лингвистических исследований личности говорящего, человека как психологического субъекта языка обращают внимание и другие авторы (см., например, Артеменко, 2001, с.11; Топорова, 1999, с. 5 и др.). Как отмечает Ю.С. Степанов, “концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций...” (Степанов, 1997, с. 41).

Указанная особенность в значительной мере обуславливает нетривиальную специфику исследуемой когнитивной системы, которая, обладая (вследствие присутствия различных простран-

ственных и темпоральных когнитивных признаков) свойством *хромотопичности* (Бахтин, 1975), содержит чувственные, эмоциональные, духовные и другие компоненты, связанные с антропогенным наполнением концепта. Действительно, анализ сочетаемости репрезентантов концепта с другими лексемами показывает, что дорога может быть как прямой, так и кривой (последнее – чаще в сочетании с лексемой “дорожка” с негативным оттенком), как долгой, так и короткой (не только по фактору физической протяженности, но и по временному), как легкой, так и трудной, как радостной, так и скорбной, нередко приобретая глубоко символическое значение:

“От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне” (Булгаков М.А. “Мастер и Маргарита”).

Все сказанное свидетельствует о наличии сложной системы связей исследуемого концепта с другими когнитивными образованиями. В частности, это относится к такому концепту, как “препятствие”. Уже при своем возникновении ключевая лексема **дорога** могла иметь значение “продранное в лесу пространство” (Фасмер, 1996, т. 1, с. 530). Тем же автором указывается на изначальное присутствие в парной ей лексеме **путь** элементов значения “преодоление, дорога, изобилующая опасностями” (Фасмер, 1996, т. 3, с. 413). Действительно, когнитивный признак “преодоление чего-то” постоянно присутствует (пусть даже в большинстве случаев – неосознанно) в концепте “дорога”, ибо при отсутствии необходимости *преодоления* (хотя бы таких категорий, как **пространство** и тесно связанного с ним **времени**) теряется и мотивировка для активации в человеческом сознании самого понятия дороги.

По всей видимости, это же обстоятельство лежит в основе отмеченной еще в начале прошлого столетия М.М. Бахтиным тесной связи хромотопа “дорога” с концептом “встреча” (Бахтин, 1975, с. 247). Встреча (с кем-то либо с чем-то) является традиционной принадлежностью дороги, но, в силу специфичности такого рода “препятствия”, привносит в содержание концепта “дорога” (помимо прочих, например, эмоциональных компонент) доминирующую компоненту *изменения* (характера дальнейшего пути, направления движения или развития и др.)

В то же время центральная часть концепта “дорога”, будучи эксплицирована мыслительной картинкой (индивидуальной для каждого человека), обладает хорошо выраженной концептуальной связью с категорией **пространственной формы**, включаю-

щей совокупность таких базовых лексико-семантических микро-полей, как точка, линия и некоторые другие (Топорова, 1999).

По результатам выполненного исследования концепт “дорога” включает следующие основные структурные компоненты:

Ядро концепта – совокупность *прототипических* когнитивных слоев с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки образуют периферию концепта.

Когнитивный слой – совокупность когнитивных признаков, представляющих дискретную единицу концепта на определенном уровне абстракции, имеющая языковые средства объективации (словом, синонимическим рядом, фразеологической единицей, лексической группировкой).

Когнитивный сектор – совокупность когнитивных признаков в структуре когнитивного слоя, представляющих собой характеристики отдельного аспекта, стороны когнитивного слоя концепта.

Когнитивный параметр – группа близких по содержанию когнитивных признаков, выделяющихся в структуре концепта.

Когнитивный признак – минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта.

Понятие – совокупность когнитивных признаков, вычленяющихся в когнитивном слое как единство (имеющее или не имеющее лексической объективации).

Когнитивная категория – когнитивный признак, проходящий через все секторы и являющийся генерализующим.

Обратим внимание, что определение и использование в данном исследовании отдельных терминов не всегда совпадает с их употреблением некоторыми другими авторами.

Концепт “дорога” представляет собой многоуровневую систему из 219 когнитивных признаков, которые, входя в состав различных понятий, упорядоченных по полемому принципу, формируют несколько когнитивных слоев (см. рис.).

В центре концепта находится когнитивное образование, объективируемое лексемой “дорога” и включающее индивидуально-образное для каждого носителя языка *представление* (Попова, Стернин, 2001) (или “мыслительную картинку” (Бабушкин, 1996)) в виде зафиксированного его жизненным опытом наиболее яркого, чувственно воспринятого и психически трансформированного, запечатленного в сознании образа, сопряженное со специфической для данного концепта нелексикализованной когнитивной категорией “я” как субъект дороги”.

Базовый слой концепта включает следующие когнитивные секторы:

- “Полоса поверхности, используемая для передвижения”;
- “Место для прохода/проезда”;
- “Процесс перемещения по дороге”;
- “Направление, маршрут следования по дороге”.

Наличие указанных когнитивных секторов отчетливо проявляется при анализе дефиниций лексемы “дорога” практически во всех толковых словарях русского языка (см., например, БАС). Актуализация дифференциальных когнитивных признаков местоположенности “протяженность в пространстве” и “локальность в пространстве” при наличии интегрального когнитивного признака “использование для передвижения” приводит к формированию соответственно когнитивного сектора “Полоса поверхности, используемая для передвижения”, объективируемого такими лексемами, как **тропа, проселок, улица, шоссе, проспект, река, железная дорога, тротуар, автострада** и др., и когнитивного сектора “Место для прохода/проезда”, объективируемого такими лексемами, как **ворота, проход, проезд, переход, переезд, переправа, перекресток, мост, тоннель, брод, причал, перрон** и др.

В свою очередь, доминирование когнитивного признака “направление” при сохранении того же интегрального признака формирует когнитивный сектор “Направление, маршрут следования по дороге”, объективируемый такими лексемами, как **в обход (в объезд), окольный, прямо (напрямик), в сторону (чего-либо), по кругу, извилистый, наперерез, сопровождать** и др.

Когнитивный сектор “Процесс перемещения по дороге” заключает в себе ясно выраженный динамический аспект исследуемого концепта и охватывает область понятий, очерчиваемую такими зафиксированными в словарях толкованиями ключевой лексемы “дорога”, как “передвижение, путешествие, поездка” (БАС) или “пребывание в пути” (Ожегов, Шведова, 1995). Этот сектор представлен, в частности, такими лексическими репрезентантами, как **идти пешком (шагать), ехать, мчаться, вести, везти, отправиться, добраться (достичь), плыть, лететь** и др.

Указанные когнитивные секторы, формируя базовый слой, вместе с центром образуют ядерную часть концепта “дорога” (Ипполитов, 2003а).

В ближней периферии концепта расположены когнитивные секторы:

- “Конкретный субъект дороги”;
- “Препятствия дороги”;
- “Инфраструктура дороги”.

Эти когнитивные образования, не отраженные в известных нам словарных источниках дефинициями лексемы “дорога”, тем

не менее, вполне очевидным образом присутствуют в структуре исследуемого концепта.

Следует отметить, что периферийная часть исследуемого концепта в значительной мере испытывает влияние уже упомянутой нелексикализованной категории “”я”...”, которая превращает исследуемый концепт в комплексное когнитивное образование, интегрирующее в своей структуре мыслительные отражения как “вещественной” составляющей данного явления, обусловленной чувственно-осязаемой “полосой контактной поверхности”, ее (также вещественными) конструктивными деталями и т.д., так и индивидуально-личностной, вместе с сопровождающими ее психическими, ментальными образованиями, такими, как переживания, эмоции и др., возникающими в человеческом сознании в результате воздействия на субъект дороги этой “вещественной” компоненты.

Когнитивный сектор “Конкретный субъект дороги” в нашем понимании включает как собственно путника, так и процессию, экспедицию, транспортное средство и другие понятия того же ряда. В свою очередь, препятствием в рамках концепта “дорога” может явиться не только наличие сугубо “материального” бревна, лежащего поперек проезжей части, но и элементарная усталость путника со всеми ее психическими атрибутами. Последний из перечисленных когнитивных секторов – “Инфраструктура дороги” – включает в себя понятия, отражающие специфику *общего устройства системы*, обеспечивающие ее существование *в целом*. В него входят, с одной стороны, понятия, связанные с общезначимыми элементами данной системы и объективируемые, в частности, такими лексемами, как **вокзал, топографическая карта, расписание** и др., а с другой стороны, понятия, связанные с отмеченными выше индивидуально-личностными когнитивными образованиями, присутствующими в концепте “дорога” и объективируемые такими лексемами, как **цель (поездки, путешествия), багаж, обувь** и некоторыми другими.

Наибольшее влияние упомянутой нелексикализованной когнитивной категории “”я”...” испытывают когнитивные образования дальней и крайней периферии, а также интерпретационный слой концепта, обладающие наиболее слабой структурированностью, отсутствием четких границ и существенной диффузностью – взаимопроникновением с другими концептами русской концептосферы. Учитывая вышеизложенное, мы не дифференцируем дальнюю и крайнюю периферию и ограничиваемся лишь сравнительно небольшой по объему демонстрационной выборкой объективирующих эту область лексических единиц.

К интерпретационному слою, в частности, относятся образования, формируемые переносными значениями лексемы “дорога” (см., например, БАС):

- направление, область деятельности, путь развития;
- средство для достижения чего-либо,

и объективируемые различными фразеологизмами, поговорками, приметами, поверьями, прецедентными текстами и др., включая такие присутствующие в языке устойчивые выражения, как *идти прямой/окольной дорогой, выводить на дорогу / сбивать с дороги, становиться поперек дороги / уступить дорогу, пробивать дорогу, забыть (заказать) / найти дорогу, тише едешь – дальше будешь, скатертью дорога* и ряд других.

Выделенные когнитивные секторы концепта “дорога” обладают сложной внутренней структурой. Так, например, когнитивный сектор “Полоса поверхности, используемая для передвижения”, входящий в состав базового слоя исследуемого концепта, формируется двадцатью девятью когнитивными признаками, которые с целью удобства проведения анализа мы объединяем в одиннадцать параметров.

Такие параметры можно обозначить как “Местоположенность (дороги) по отношению к населенному пункту”, “Прямолинейность (дороги)”, “Происхождение (дороги)”, “Поверхность и среда пролегания (дороги)”, “Особенности функционирования (дороги)”, “Предназначение (дороги)”, “Интенсивность движения (по дороге)”, “Развитая инфраструктура (дороги)”, “Структурная принадлежность (полосы поверхности)”, “Величина (дороги)” и “Особенности характера движения (по дороге)”.

В частности, параметр, обозначаемый как “Местоположенность (дороги) по отношению к населенному пункту” включает следующие когнитивные признаки:

“Расположена преимущественно внутри населенного пункта”

“Когда мне не работается, я... иду в город. Хожу по улицам...” (В. Звягинцев. Одиссей покидает Итаку);

“Расположена преимущественно за пределами населенного пункта”

“Потом пошли широкие темные улицы..., земское шоссе за городом” (А. Чехов. Архиерей).

Первый из указанных когнитивных признаков входит в состав таких понятий, как **улица, тротуар, мостовая, проспект, аллея** и нек. др. В свою очередь, второй когнитивный признак входит в состав таких понятий, как **проселок, шоссе, автострада, железнодорожная магистраль** и др.

Помимо очевидно “дискретных” (условно – “городских” либо “загородных”) понятий, формирующих данный параметр рассматриваемого когнитивного сектора концепта, обнаруживаются также понятия существенно смешанного типа, т.е. отражаемые ими физические объекты равновероятно могут находиться как в населенном пункте, так и вне него. Это такие понятия, как **дорожка** (может пролегать и в лесу, и возле подъезда городского дома), **канал**, **дорожная сеть** (можно говорить и о дорожной сети города, и о дорожной сети региона) и др.

Когнитивный сектор “Место для прохода/проезда”, также входящий в состав базового слоя исследуемого концепта, формируется двадцатью семью когнитивными признаками, объединенными в восемь параметров. В отличие от предыдущего сектора, группирующего понятия, характеризующиеся *протяженностью* стоящих за ними физических объектов, во втором секторе объединены понятия, отражающие *локальные* физические объекты, т.е. те, которые осмысливаются носителями сознания как нечто компактное, занимающие (в большинстве случаев) определенный, не очень протяженный участок территории.

К числу входящих в этот когнитивный сектор параметров мы можем отнести “Местоположенность по отношению к окружающим физическим объектам (места для прохода/проезда)”, “Поверхность и среда расположения (места для прохода/проезда)”, “Происхождение (места для прохода/проезда)”, “Особенности функционирования (места для прохода/проезда)”, “Предназначение (места для прохода/проезда)”, “Режим функционирования (места для прохода/проезда)”, “Направление движения (в месте для прохода/проезда)” и “Конечный пункт перемещения в данном месте”.

В частности, параметр, обозначаемый как “Происхождение (места для прохода/проезда)” включает следующие когнитивные признаки.

“Создано искусственно”

“Сказал, что я дорожный мастер... Работал на Кавказе, делал тоннель” (Б. Житков. Пекарня);

“Возникло естественным путем”

“Вода в то время была не высока и брод возможен...” (А. Марлинский. Аммалат-Бек).

Первый из указанных когнитивных признаков входит в состав таких понятий, как *ворота*, *мост*, *тоннель*, *переулок*, *шлюз* и др. В свою очередь, второй когнитивный признак входит в состав таких понятий, как *переправа*, *брод*, *перевал*, *пролив* и др.

Кроме дискретных, в данном параметре были выделены также понятия смешанной принадлежности (что определяется свойствами стоящих за ними конкретных физических объектов), такие, как *проход* (проход во двор, проход в скалах), *проезд*, *перекресток* (автодорог, лесных троп) и др.

Следующий когнитивный сектор базового слоя исследуемого концепта, “Процесс перемещения по дороге”, формируется тридцатью пятью когнитивными признаками, объединенными в десять параметров.

К ним мы можем отнести “Способ (перемещения)”, “Поверхность и среда (перемещения)”, “Функциональная роль субъекта дороги (в процессе перемещения)”, “Скорость (перемещения)”, “Этап (перемещения)”, “Срок, на который производится перемещение”, “Расстояние, на которое совершается перемещение”, “Цель (перемещения)”, “Особенности характера перемещения” и “Направление (перемещения)”.

В частности, параметр, обозначаемый как “Способ (перемещения)”, включает следующие когнитивные признаки:

“Перемещение без транспортного средства”

“...А Старков, будто не замечая ничего вокруг, шел рядом с офицером своим размашистым легким шагом” (В. Ардамацкий. “Сатурн” почти не виден);

“Перемещение на транспортном средстве”

“Они проехали еще немного и увидели стоящего на шоссе офицера” (В. Ардамацкий. “Сатурн” почти не виден);

“Перемещение как на транспортном средстве, так и без транспорта”

“Плавающих людей продолжали спасать японские шлюпки...” (А. Новиков-Прибой. Цусима);

“...Снова поступив на военно-морскую службу, плавал на миноносцах в Черном море” (А. Новиков-Прибой. Цусима).

Когнитивный признак “Перемещение без транспортного средства” входит в состав таких понятий, как *идти пешком (шагать)*, *шествовать*, *брести*, *бежать*, *маршировать*, *ковылять* и др.

Когнитивный признак “Перемещение на транспортном средстве” входит в состав таких понятий, как *ехать*, *везти*, *лететь*, *буксировать* и др.

Когнитивный признак “Перемещение как на транспортном средстве, так и без транспорта” входит в состав таких понятий, как *мчаться* (“очень быстро ехать, бежать, нестись”), *вести* (“помогать идти, сопровождать идущего; идти во главе, возглавлять кого-то-нибудь; управлять движением транспортного средства”), *плыть*, *отправиться* (“поехать, пойти, направиться в путь”) и др.

Последний когнитивный сектор базового слоя, “Направление, маршрут следования по дороге”, формируется пятнадцатью когнитивными признаками, объединенными в четыре параметра.

В число этих параметров входят “Вид маршрута”, “Определенность/неопределенность направления”, “Основание для определения направления (маршрута)” и “Часть маршрута”.

Отметим, что объективацию некоторых понятий в данном секторе осуществляют лексемы, уже объективировавшие иные понятия в составе рассмотренных ранее секторов, т.к. одна и та же лексема может объективировать в человеческом сознании как физический (или мысленный) объект, так и, одновременно, одно или несколько формируемых таким объектом производных понятий (фарватер – как полоса водной поверхности, используемая для безопасного передвижения судов, и как маршрут безопасного передвижения по такой поверхности).

В частности, параметр, обозначаемый как “Вид маршрута”, включает следующие когнитивные признаки:

“Направление прямое, простое”

“Танк пер вперед, словно это и был его настоящий курс, заданный давней программой” (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Обитаемый остров);

“Маршрут сложный, с многократным изменением направления”

“Вздрагивая, точно больной лихорадкой, баркас вилял между судов” (М. Горький. Жизнь Клима Самгина);

“Маршрут замкнутый или возвратный”

“...Лежнев дал ему отойти, посмотрел вслед за ним и, подумав немного, тоже поворотил назад свою лошадь – и поехал обратно” (И. Тургенев. Рудин)

и некоторые другие.

Когнитивный признак “Направление прямое, простое” входит в состав таких понятий, как *прямо (напрямик), вперед, наперерез, параллельно* и др.

Когнитивный признак “Маршрут сложный, с многократным изменением направления” входит в состав таких понятий, как *окольный, вилять, лавировать, маневрировать, извилистый* и др.

Когнитивный признак “Маршрут замкнутый или возвратный” входит в состав таких понятий, как *круговой, возвращение* и др.

Кроме дискретных, были выделены также понятия смешанного типа, такие, как *в сторону (чего-либо)* (расположенного, виртуально, сравнительно недалеко; чтобы туда попасть, надо либо идти прямо, либо поворачивать в определенных местах), *разой-*

тись (или не сворачивая с намеченных траекторий движения, или уступив дорогу), *спрямить* (дорогу – возможно, посредством одного или нескольких поворотов), *фарватер* (актуальность соответствующих когнитивных признаков зависит от характера конкретного физического объекта) и др.

Когнитивный сектор “Конкретный субъект дороги”, входящий в состав ближней периферии исследуемого концепта, формируется тридцатью четырьмя когнитивными признаками, объединяемыми в девять параметров.

В число входящих в рассматриваемый когнитивный сектор параметров мы можем включить “Одушевленность / неодушевленность субъекта дороги”, “Поверхность и среда перемещения”, “Количественный состав”, “Функциональная роль субъекта дороги”, “Скорость перемещения”, “Срок, на который производится перемещение”, “Расстояние, на которое совершается перемещение”, “Цель, причина перемещения” и “Особенности характера перемещения”.

В частности, параметр, обозначаемый как “Одушевленность/неодушевленность субъекта дороги”, включает следующие когнитивные признаки:

“Человек (люди)”

“В вагоне ехали двое: помещик и путешественник” (Н. Тэффи. Путешественник);

“Транспортное средство”

“Почта доставлялась либо самолетами, либо на автомобилях” (Г. Марков. Соль земли).

Когнитивный признак “Человек (люди)” входит в состав таких понятий, как *пешеход, пассажир, водитель, экипаж, попутчик, путешественник, паломник, летчик, моряк, бродяга* и др.

Когнитивный признак “Транспортное средство” входит в состав таких понятий, как *автомобиль, поезд железнодорожный, самолет, корабль, лодка, такси, сани, телега, буксир, баржа, автобус* и др.

Кроме дискретных, в данном параметре также выделены понятия смешанного типа, такие, как *проезжий* (“проезжающий мимо” – велосипедист, грузовик), *процессия* (“торжественное шествие” – людей, машин), *патруль* (“небольшая группа от воинского подразделения, от милиции (или военное судно, самолет) для наблюдения за порядком в определенном районе”), *конвой* (“вооруженный отряд, сопровождающий кого-что-нибудь для охраны или предупреждения побега”, состоящий из пеших конвоиров; из кораблей охранения), *ведущий* (человек, грузовик) и др.

Следующий когнитивный сектор ближней периферии исследуемого концепта, “Препятствия дороги”, формируется восемнадцатью когнитивными признаками, объединенными в пять параметров.

Это такие параметры, как “Среда возникновения (препятствия)”, “Объект воздействия (препятствия)”, “Причина возникновения (препятствия)”, “Место расположения (препятствия)” и “Вид (препятствия)”.

В частности, параметр, обозначаемый как “Объект воздействия препятствия”, включает следующие когнитивные признаки:

“Влияющее на перемещающихся пешком”

“Но вскоре я убедился, что во время моего бега... я заблудился” (А. Куприн. Олеся);

“Влияющее на перемещающихся наземным транспортом”

“Дорога была сильно переметена снегом, и автомобиль часто буксовал” (В. Звягинцев. Вихри Валгаллы);

“Влияющее на перемещающихся водным транспортом”

“Хороши вечера на Оби!.. Приятель Алехина, ревизор, все спрашивал: а тут нет мелей?.. И нашлась, конечно, такая – пассажиры летели за борт, как птицы” (Г. Прашкевич. Агент Алехин).

Когнитивный признак “Влияющее на перемещающихся пешком” входит в состав таких понятий, как *случайно встретить, споткнуться, заблудиться* и др.

Когнитивный признак “Влияющее на перемещающихся наземным транспортом” входит в состав понятий: *буксовать, гаишник* и др.

Когнитивный признак “Влияющее на перемещающихся водным транспортом” входит в состав таких понятий, как *мель, речной порог* и др.

Кроме дискретных, были выделены понятия смешанного типа, такие, как *распутица, бездорожье, непроходимый, завал, шлак-баум, вязнуть, крушение* (“...поезда, судна...”), *поломка транспорта, таможня, государственная граница* и др.

Последний сектор ближней периферии, “Инфраструктура дороги”, формируется семнадцатью когнитивными признаками, объединяемыми в четыре параметра. Для большей наглядности рассмотрение соответствующих понятий производится с точки зрения субъекта дороги – носителя сознания, не являющегося “ведущим”, т.е. выступающего в роли пешехода или пассажира.

К числу параметров, составляющих рассматриваемый когнитивный сектор, можно отнести “Объект направленности инфраструктуры”, “Виды элементов инфраструктуры”, “Область функци-

онирования элемента инфраструктуры” и “Особенности функционирования элемента инфраструктуры”.

В частности, параметр, обозначаемый как “Объект направленности инфраструктуры”, включает следующие когнитивные признаки:

“Относящееся непосредственно к человеку” (т.е. актуальное для него вне зависимости от способа его перемещения)

“Багаж их состоял из двух чемоданов, корзин и одеял” (В. Авдеев. Гурты на дорогах);

“Относящееся к процессу перемещения по поверхности земли”

“Когда они проезжали ближайший пост ГАИ, инспектор поднял было жезл...” (Н. Леонов. Коррупция);

“Относящееся к процессу перемещения по рельсам”

“Шульгин, увидев въезжающую в вокзал дрезину, подался вперед...” (В. Звягинцев. Разведка боем);

“Относящееся к процессу перемещения по воде”

“Пароход, хотя действительно уже и отвалил от пристани, но все же шел еще не по прямому курсу...” (В. Катаев. Белеет парус одинокий);

“Относящееся к процессу перемещения по воздуху”

“Есть другое решение. Буду сажать его в аэропорту Фрипорта” (В. Бабенко. Чикчарни).

Когнитивный признак “Относящееся непосредственно к человеку” входит в состав таких понятий, как *обувь, одежда, багаж, плата за проезд, цель перемещения* и др.

Когнитивный признак “Относящееся к процессу перемещения по поверхности земли” входит в состав таких понятий, как *гараж, пост ГАИ, заправочная станция, ремонтные мастерские* и др.

Когнитивный признак “Относящееся к процессу перемещения по рельсам” входит в состав таких понятий, как *вокзал, станция железнодорожная, депо* и др.

Когнитивный признак “Относящееся к процессу перемещения по воде” входит в состав таких понятий, как *пристань, порт, буй, бакенщик* и др.

Когнитивный признак “Относящееся к процессу перемещения по воздуху” входит в состав таких понятий, как *аэропорт, ангар* и др.

Кроме дискретных, были выделены также понятия смешанного типа, такие, как *место остановки, светофор, ориентир, привал* (во время поездки за город на автомобиле, на лодке), *указатель, метеосводка* и др.

В дальней и крайней периферии концепта выделены 34 когнитивных признака, таких, как:

“Символические и ритуальные действия, сопутствующие передвижению субъекта дороги” – входит в состав понятий: *напутствовать, приветствовать, прощаться, рукопожатие* и др.

“Я пожал его руку и направился к мотоциклу” (А. Злобин. *Бонжур, Антуан!*).

“Обеспечение перемещения груза” – входит в состав понятий: *загрузить, выгрузить, навьючить, крепить* и др.;

“Пришли еще три парохода с Золотого острова. Они стали выгружать связки брусков кранами прямо на набережную...” (А. Толстой. *Гиперболоид инженера Гарина*).

В интерпретационном слое концепта выделены 10 когнитивных признаков. В частности, когнитивный признак “Направление деятельности личности” входит в состав понятий, объективируемых следующими фразеологизмами:

Стать поперек дороги;

- Если женщина станет поперек моей дороги, то она должна идти за мной... (Ф. Достоевский. *Подросток*).

***Уступать [давать] дорогу* (антоним: *заступать дорогу*);**

“Такому человеку уступают дорогу...” (К. Федин. *Необыкновенное лето*).

Присутствующий в русскоязычном сознании когнитивный признак “Трудность и длительность дороги” объективируется, например, следующим ироничным прецедентным текстом:

“Дураки Россию губят, а дороги спасают... Ибо только грязь родная непролазная за тебя в лихую годину заступится” (О. Дивов. *Параноик Никанор*).

Напомним несколько определений абстрактных математических конструкций, которые будут использованы ниже при рассмотрении интересующих нас вопросов когнитивной лингвистики. Первой такой конструкцией является “пространство – логически мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции” (Математическая энциклопедия, с. 712). Очевидно, что приведенное математическое определение пространства в некотором смысле может рассматриваться как аналог используемого в когнитивной лингвистике понятия концептосферы, элементами которой являются концепты. Для описания структур, “осуществляющихся” в пространстве, обычно используются “координаты – величины, по которым находится (определяется) положение какого-либо элемента в некоторой совокупности, например, в пространстве” (там же, с. 9).

Имеющиеся словарные дефиниции лексемы “дорога” могут интерпретироваться как *система координатных осей*, формирующих в сознании носителя языка основные элементы конкретно-чувственного и ассоциативного наполнения когнитивного образования, объективируемого данной лексемой.

Например, в БАС [т. 3, с. 1004 – 1009] таких основных дефиниций шесть:

1. полоса земли, служащая для езды и ходьбы;
2. место, пространство для прохода, проезда;
3. передвижение, путешествие, поездка;
4. направление, путь следования;
5. направление, область деятельности, путь развития (перен.);
6. средство для достижения чего-либо (перен.)

В зависимости от ряда условий некоторые оси могут играть доминирующую роль (давать основной вклад) при актуализации искомого концепта “дорога”, другие – подчиненную, что позволяет ввести понятие фокуса актуализации концепта – субъективной конкретно-чувственной или ассоциативной совокупности когнитивных признаков, актуализируемых в человеческом сознании в данный момент, в данном месте или в данном контексте.

Фокус актуализации концепта “дорога” (особенно в индивидуальной концептосфере носителя языка), являясь в значительной мере зависимым от пространственно-временной и контекстной привязки, обладает также множеством взаимосвязей (различной степени близости) с другими когнитивными образованиями русской концептосферы, генерирующими совокупность новых (дополняющих указанную систему) координатных осей. Мысленный образ дороги в сознании носителя языка связывается не только с “полосой земли, служащей для езды и ходьбы”, но и с такими (казалось бы, достаточно “отдаленными” от центра исследуемого концепта) понятиями, объективируемыми как “обувь” (значения: ботинки, сапоги и т. д.), “поклажа” (соответственно – сумки, чемоданы и т.д.), “физическое и душевное состояние” (усталость, радость от новых впечатлений и др.), какие-либо “неудобства”, “встречи”, “расставания” и множество других. Каждое из этих когнитивных образований, позиционирующее (с различной степенью влияния) “местоположение” фокуса актуализации концепта, образует свою ось координат, добавляя в когнитивную структуру исследуемого концепта еще одно измерение и формируя в его многомерном мыслительном облике дополнительную грань. Введенная таким образом система координат определяет весьма сложные структурные отношения как ядерных, так и периферийных компонент исследуемого концепта.

Рассмотрим некоторые особенности динамики понятия "дорога" на примере поэмы Н.В. Гоголя "Мертвые души".

Уже во вступлении к произведению, где автор лишь приступает к характеристике главного героя, мы обнаруживаем появление отмеченной выше фундаментальной диады понятий "дорога-встреча":

"Ездит он по нашей Русской земле, встречается с людьми всяких сословий...".

Интересным является то обстоятельство, что момент "контакта" указанных понятий в человеческом сознании довольно часто соседствует с моментом смещения "местоположения" понятия дороги от плоскости, образованной координатными осями 1) полоса земли, служащая для езды и ходьбы; 2) передвижение, путешествие, поездка, и к плоскости, образованной координатными осями 1) направление, путь следования; 2) направление, область деятельности, путь развития.

Действительно, едва прибыв в некий губернский город NN и остановившись в гостинице, господин Чичиков предпринимает прогулку по городским улицам, намечая адреса "визитов вежливости", результаты которых должны обусловить **направление** его будущей, пока только планируемой деятельности. Разберем этот начальный фрагмент повествования, занимающий первые страницы текста, с позиций когнитивного подхода.

Закончившаяся у гостиницы поездка (формирование интересующего нас понятия осуществляется при доминирующем влиянии первой и третьей основных координатных осей) имеет ясно выраженную область дополняющих периферийных когнитивных признаков. В число таких, например, входят:

- степень престижности транспортного средства, указывающая (нечетким образом) на социальное положение его владельца:

"В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки";

- "эксплуатационные возможности" описанной брички:

"Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?..";

- первые встречи Чичикова:

"Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою... живым и вертлявым..."

и множество других (периферийных) когнитивных признаков, сопутствующих исследуемому нами.

Во время ознакомительной прогулки Чичикова по городу базисная часть искомого понятия дороги, трансформировавшись в значение "городская улица" (одно из возможных значений первой координатной оси), обусловила и трансформацию области периферийных понятий:

- окружающая обстановка:

"...город никак не уступал другим губернским городам: сильно была в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных...";

"...заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких деревьев, дурно принявшихся, с подпорками внизу...";

- характер новых встреч:

"Расспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, к собору, к присутственным местам, к губернатору...";

"...посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму...";

"Весь следующий день был посвящен визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам";

и ряд других.

Состоявшиеся (ознакомительные) встречи с нужными людьми приводят к конкретизации направлений дальнейшей деятельности героя повествования:

"Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича...";

При этом, описание выезда Чичикова за город обуславливает новую (осуществляющуюся в виде последовательности нескольких, следующих друг за другом этапов) трансформацию как значения первой базисной координаты понятия "дорога", так и соответствующей периферии:

"С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу... Не без радости был вдали узрет полосатый шлагбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке будет скоро конец... Едва только ушел назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен... Словом, виды известные".

Как уже отмечалось выше, периферийная часть концепта "дорога" имеет весьма сложную, многомерную структуру, описание которой требует привлечения большого количества сопутствующих понятий, имеющих, как правило, нечеткие значения соответствующих координат. Рассмотрим некоторые характерные моменты на примере того же произведения.

а) Кажущаяся (индивидуально воспринимаемая) продолжительность пути следования:

"...Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая вер-

ста пролетела мимо, а деревни все не было видно... Поехали отыскивать Маниловку... но уже и две, и три, и четыре версты, кажется, сделали, а каменного дома в два этажа все еще не было видно. Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать".

б) Возникновение индивидуально-ассоциативных мысленных взаимосвязей под воздействием образа дороги:

"Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удаляющуюся бричку, и когда она уже стала совершенно не видна, он все еще стоял, куря трубку... Потом мысли его перенеслись незаметно к другим предметам и наконец занеслись Бог знает куда...".

в) Неудобства (традиционно характерные для российских дорог):

"...сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть вокруг себя... громовой удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул вдруг как из ведра... Лежавшая на дороге пыль быстро замесилась в грязь, и лошади ежеминутно становилось тяжелее тащить бричку... Он высматривал по сторонам, но темнота была такая, хоть глаз выколи".

г) Нередкое расхождение между ожидаемой в начале и достигнутой в конце дороги целью (выражаемое в произведении с немалой долей иронии):

"Русский возница... зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает".

д) Типичность образа придорожного трактира, служащего местом отдыха, встреч, бесед:

"Подъехавши к трактиру, Чичиков велел остановиться по двум причинам. С одной стороны, чтобы дать отдохнуть лошадям, а с другой стороны, чтобы и самому несколько закусить и подкрепиться... В комнате попадались все старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, треугольный шкаф с чайниками и чашками в углу...

Герой наш, по обыкновению, сейчас вступил с нею в разговор и спросил, сама ли она держит трактир, или есть хозяин...

Когда он таким образом разговаривал... послышался стук колес подъехавшего экипажа...".

е) Традиционный сон после дороги:

"Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши... что, кроме постели, он ничего не требует...

- Правда, с такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вот здесь и расположитесь, батюшка, на этом диване".

Разумеется, приведенная выше выборка периферийных когнитивных признаков концепта дорога, присутствующих в исследуемом литературном произведении, является весьма ограниченной

и имеет целью лишь обозначить многомерность возникающих при этом взаимосвязей между национальной концептосферой и индивидуальной концептосферой автора, которая, в свою очередь, вступает во взаимодействие с индивидуальной концептосферой читателя.

Отдельные понятия, входящие в состав концепта, обладают общими когнитивными признаками, что позволяет исследовать некоторые *топологические особенности* многомерной структуры их связанности. Понимая под размерностью когнитивной связи количество общих когнитивных признаков, по которым устанавливается связь между исследуемыми понятиями, на различных уровнях связанности можно выделить когнитивные комплексы, представляющие собой совокупности понятий, имеющих между собой прямую или опосредованную связь данной размерности. Выявлено (Ипполитов, 2003б), что в составе когнитивных комплексов могут присутствовать линейные цепочки попарно связанных друг с другом элементов по *различным* совокупностям когнитивных признаков; когнитивные узлы, возникающие при пересечении нескольких цепочек, кластеры, состоящие из более чем двух понятий, имеющих *одну и ту же* общую совокупность когнитивных признаков, и ряд других структурных элементов. При этом, по мере снижения размерности исследуемых уровней структурной связанности происходит постепенное замещение относительно простых когнитивных связей линейного типа более сложными связями кластерного типа, которые в свою очередь объединяются в кластерные узлы.

В заключение необходимо отметить, что концепт «дорога», характеризуясь весьма сложным характером своей многокомпонентной структуры, обладает высокой степенью значимости для сознания носителей русского языка и занимает важное место в русской концептосфере.

Литература

Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 2 (4). С.11–17.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 104 с.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике) // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет М., 1975. С. 234-407.

Ипполитов О.О. Концепт «дорога» в русской концептосфере // Русский язык вчера, сегодня, завтра (Материалы рос. конф., посв. 40-летию кафедры русского языка Воронеж. гос. ун-та и 75-летию со дня рождения

И.П. Распопова) / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. С. 81-82.

Ипполитов О.О. Некоторые особенности формирования индивидуальной концептосферы (на примере концепта "дорога") // Речевое воздействие (Научно-информационный бюллетень Воронежской риторической ассоциации, Воронежской психолингвистической ассоциации) Воронеж, 2000. Вып. 6. С. 10-11.

Ипполитов О.О. Лексические средства объективации концепта "дорога" в русском языке // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX – XXI вв. (Сб. материалов IV Всерос. науч.-метод. конф. «Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников» 14-15 марта 2001 г.) Воронеж: Изд-во НМЦ Воронеж. гос. пед. ун-та, 2001. С. 142-144.

Ипполитов О.О. Лексическая объективация концепта «дорога» в современном русском языке // Культура общения и ее формирование (Материалы ежегодной регион. науч.-метод. конф. «Культура общения и ее формирование» 16-17 апреля 2001 г.) / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Полиграф, 2001. Вып. 8. С. 131-132.

Ипполитов О.О. Некоторые черты строения интерпретационного слоя концепта «дорога» // Методологические проблемы современной лингвистики: Научное издание / Воронеж. гос. ун-т, Воронеж. МИОН. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, изд. Воронеж. МИОН, 2001. С. 133-136.

Ипполитов О.О. Отдельные замечания о строении концепта «дорога» в русском языке на материале «Толкового словаря...» В.И. Даля // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий (Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 200-летию со дня рождения В.И. Даля и 70-летию Воронеж. гос. пед. ун-та) / Воронеж. гос. пед. ун-т. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2001. С. 21-25.

Ипполитов О.О. Языковая репрезентация концепта «дорога» в русском языке // Филология и культура (Материалы третьей междунар. науч. конф. 16 – 18 мая 2001 года) / Тамбов. гос. ун-т. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. В 3 ч. Ч. 2. С. 68-69.

Ипполитов О.О. Некоторые замечания о понятиях "концепт" и "модель" // Начало пути: Сборник научных работ молодых ученых и аспирантов филол. ф-та ВГУ. Воронеж, 2002. Вып. 1. Языкознание. С. 43-46.

Ипполитов О.О. О структуре концепта "дорога" в русском языке // Композиционная семантика (Материалы третьей междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 18-20 сентября 2002 г.) / Тамбов. гос. ун-т. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2002. Ч. 1. С.92-94.

Ипполитов О.О. Некоторые особенности анализа концепта «дорога» в нечеткой системе координат «базисных» и «периферийных» понятий // Материалы юбилейной конф., посв. 60-летию филол. ф-та ВГУ. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2002. Вып. 1. Языкознание. С. 45-48.

Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка. Автореф. дис....канд. филол. наук. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 20 с.

Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в сознании читателя поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Труды молодых ученых. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. Вып.2. С. 119-123.

Ипполитов О. О. Структура концепта “дорога” в русском языке // Труды молодых ученых. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. Вып.2. С. 124-126.

Ипполитов О.О. Некоторые черты когнитивной структуры концепта “дорога” // Язык и национальное сознание. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Истоки, 2003. Вып. 4. С. 257-268.

Ипполитов О.О. О некоторых топологических особенностях когнитивной структуры концепта «дорога» // Язык и национальное сознание. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Истоки, 2004. Вып. 6. С. 3-8.

Математическая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1977-1985.

Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. 30 с.

Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948 -65. Т. 1 – 17.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М: 1997.

Топорова В.М. Концепт “форма” в семантическом пространстве языка. Воронеж: Истоки, 1999. 175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Терра, 1996.

Е.В. Бусурина (Санкт-Петербург) ДУРАК

Национальная специфика мышления и национальная культура находят отражение в этническом языке через формирование языковой картины мира (ЯКМ) – «субъективно-объективного образа реального мира» (Апресян, 1995, с.42). ЯКМ не только открывает доступ к познанию особенностей национального мировидения определенного лингвокультурного сообщества, но и аккумулирует его культурное наследие. Реконструкция и изучение ЯКМ проходит путем исследования ее структурных единиц – концептов. Концепт представляет собой ментальное образование (мыслительную единицу), вмещающую совокупность знаний о мире по определенной теме; обозначение темы, как правило, является именем концепта.

В семантическом пространстве каждого отдельного языка наборы концептов и их структурная организация своеобразны и неповторимы. Содержание концепта как единицы ЯКМ всегда национально-специфично, т.е. отражает особенности культуры и мировидения конкретной лингвокультурной общности, а потому

исследование любого концепта представляет ценность для реконструкции ЯКМ. Однако существуют концепты, имеющие особую ценностную значимость в когнитивном пространстве и в культуре языкового сообщества. Современные исследователи называют такие концепты «ключевыми словами культуры» (А. Вежицкая), «константами» (Ю.С. Степанов), «логоэпистемами» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), «лингвокультуремами» (В.В. Воробьев), «лингвокультурными концептами» (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Одна из таких мыслительных категорий («лингвокультурема» в терминологии настоящей работы) – «дурак» – является объектом настоящего исследования.

Предметом непосредственного изучения являются лексико-семантические репрезентации концепта «дурак» в современном русском языке: лексические, фразеологические и словообразовательные единицы, объективирующие его содержание.

Цель настоящего исследования – изучить содержательную структуру концепта «дурак» и раскрыть в содержании концепта культурно обусловленные ценностные трансформации.

Концепт, рождаясь в сознании индивида как образ, способен продвигаться по ступеням абстракции. Образ, составляющий содержание концепта, подвергается определенной стандартизации на разных уровнях социализации: концепты могут быть индивидуальными, групповыми и общенациональными. Совокупность всех концептов на каждом из уровней формирует соответственно индивидуальную (личностную), групповую и национальную картины мира, при этом общенациональная концептуальная картина мира соответствует концептосфере народа. Один и тот же концепт может обладать различными концептуальными признаками на каждом из уровней. Индивидуальные признаки концепта выявляются преимущественно в ходе психолингвистического эксперимента (хотя их можно определить и по индивидуальным высказываниям). Содержание общенациональных концептов становится доступным благодаря анализу семантики слов, фразосочетаний, структурных и позиционных схем предложений в системе языка, а также текстов. «Рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, мы можем получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка» (Стернин, Попова, 1999, с.11). Такой анализ позволяет раскрыть содержание концепта, принадлежащее концептосфере лингвокультурного сообщества в целом, т.е. инвариантное для всех представителей данного сообщества.

В современной научной лингвистической парадигме два научных направления – психолингвистика и когнитивная лингвистика – рассматривают как главную задачу изучение представленности концептов в семантическом пространстве языка. Оба научных направления базируются на постулате о внеязыковой сущности мышления, рассматривают язык как один из множества способов формирования концептов в сознании человека, при этом особенно подчеркивается коммуникативная функция языка: язык является средством номинации и вербализации когнитивных сущностей (концептов) с целью осуществления коммуникации.

Содержание вербализованных концептов, зафиксированное в пределах семантической системы языка определенного лингвокультурного сообщества, формирует характерную для последнего ЯКМ. Моделирование ЯКМ возможно лишь посредством анализа входящих в нее концептов. Языковая, или наивная картина мира, представляет собой образ мира, отраженный обыденным сознанием носителей языка и опосредованный семантикой языковых категорий, т.е. мировидение народа через «призму» языка.

ЯКМ тесно взаимодействует с национальным культурным пространством, которое является «формой существования культуры в человеческом сознании» (Гудков, 2003, с.90). Каждый концепт в пределах ЯКМ обладает культурным содержанием, посредством выявления которого в ходе концептуального анализа можно получить представление о культуре народа. Как и постижение национальной концептуальной картины мира, изучение культуры народа может осуществляться путем анализа языковых средств репрезентации концептов.

В пределах ЯКМ существует ценностная картина мира, представленная совокупностью концептов, наделенных ценностной значимостью для представителей лингвокультурного сообщества, определяющих их ценностные ориентиры. Такие концепты именуются в настоящей работе лингвокультуремами (В.В. Воробьев), или концептами культуры. Выявление и описание корпуса лингвокультурем (который, впрочем, не представляется конечным) связан с проблемой определения национального характера, «духа народа» (В. Гумбольдт). Изучение фрагментов культуры, представленных языковыми средствами, помогает формированию целостного представления о самой культуре и принадлежит области интересов самостоятельного лингвистического направления – лингвокультурологии. Культура рассматривается в настоящем исследовании как национальный феномен, присущий определенному лингвокультурному сообществу и служащий

(наряду с общностью языка) главным критерием национальной самоидентификации.

Несмотря на то, что формирование концептов является результатом когнитивной деятельности, осуществляемой с помощью универсального предметного кода (универсальность такого кода делает принципиально возможной практику перевода и обеспечивает понимание друг друга носителями различных языков), концепт не свободен от влияния культурных установок, зафиксированных этническим языком и передаваемых человеку вместе с освоением этого языка. В общем корпусе концептов выделяются такие концепты (обычно репрезентированные именами), которые относятся к ядру языковых средств хранения и трансляции культурной информации, играют ведущую роль в формировании национального и языкового сознания, определяя шкалу ценностей и модели поведения членов лингвокультурного сообщества. Лингвокультурема, таким образом, определяется как концепт, с помощью которого осуществляется культурно обусловленная ценностная категоризация действительности в рамках лингвокультурного сообщества. При этом лингвокультурное сообщество трактуется как «ассоциация индивидуумов, построенная на основе интересубъективности (сходства) и трансперсональности (осмысленности) вербально-ассоциативных структур носителей данного языка» (Чернейко, Долинский, 1996, с.32).

Первой проблемой при исследовании лингвокультурем становится процедура их обособления от остальных концептов в пределах национальной концептосферы. Одним из критериев выделения лингвокультурем из общего корпуса концептов ЯКМ является прецедентность (эталонность) концепта, проявляющаяся в его значимости в познавательном и эмоциональном отношении, его сверхличностном характере и в регулярно возобновляемом обращении к концепту в языковой деятельности носителей языка. Прецедентные характеристики дополняются критериями культурной значимости концепта, обобщенными А. Вежицкой: культурная разработанность словаря в семантическом поле концепта, частотность и общеупотребительность слова, репрезентирующего концепт, формирование вокруг данного слова фразеологического семейства, частое вхождение слова в пословицы, изречения, тексты популярных песен, названия книг и т.п. (Вежицкая, 2001).

В традиционной русской культуре формируются три модели ментального представления образа «дурака», две из которых являются культурно обусловленными, а третья – бытовой:

1) мифологическая модель: «дурак – добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем»: *Иванушка-дурачок*; данная модель связана с известным фольклорным образом «дурака» в русской волшебной сказке;

2) идейная модель: «дурак – обличитель пороков и социальных несправедливостей: *шут, юродивый*», эта модель сложилась в результате смыслового взаимодействия концепта «дурак» в русской ЯКМ с феноменами юродства и социального института шутовства;

3) бытовая модель: «дурак – глупый человек».

Все три модели сопровождаются аксиологической оценочностью: первая и вторая – положительной, а третья – отрицательной. В этом проявляется антиномия положительных и отрицательных признаков, присущих концепту «дурак» в русской ЯКМ. В основе всех трех моделей лежит признак 'отклонение от нормы', при этом бытовая модель раскрывает представления лингвокультурной общности о том, как «не должно быть» или каким не должен быть «нормальный» (разумный) человек, а мифологическая и идейная модели описывают идеальную норму, суть которой заключается в определении положительных моральных и нравственных качеств главным критерием оценки субъекта, в постановке их на вершину оценочно-человеческой шкалы.

Следующие разделы исследования посвящены анализу функционирования постоянно трансформирующейся бытовой модели представлений о «дураке», которой принадлежит подавляющее большинство относящихся к данному концепту лексико-фразеологических единиц. Бытовая модель объединяет три субконцепта, формирующихся в концептосфере лингвокультуры «дурак»:

1) «слабоумный, лишенный рассудка человек» (отступление от медицинской нормы),

2) «глупый человек» (отступление от интеллектуальной нормы),

3) «неадекватно поступающий человек» (оценка неадекватного поведения с ситуациями частной и общественной жизни).

В рамках бытовой модели концепта «дурак» номинации, как правило, являются пейоративно окрашенными, поскольку выражают отступления от аксиологической нормы, которая по своей природе всегда положительна. Во втором параграфе «Семантический потенциал номинаций *дурак* и *дура*» рассматриваются основные значения и семантические дериваты лексемы-репрезентанта *дурак* и ее гендерного коррелята *дура*. Базовым смыслом, объединяющим основные значения и семантические

дериваты лексем *дурак* и *дура*, является отношение к норме, а именно различного рода отступления от нормы. Два основных значения лексемы *дурак* 'глупый человек' и 'лишенный рассудка, слабоумный человек' апеллируют к норме интеллекта, при этом значение 'глупый человек' исторически сформировалось на основе второго значения. Лексико-семантический вариант лексемы *дурак* 'лишенный рассудка, слабоумный человек' характеризует несоответствие субъекта медицинской норме умственного развития и психической адекватности и применяется в отношении субъектов с явными признаками умственных или психических заболеваний:

Дурак радостно ощеривается: сейчас Митя расскажет кино! <...> При каждом Митином взмахе, сопровождающем пересказ фильма, идет радостно гекает, переминается с ноги на ногу на холодном полу (об умственно отсталом человеке). А. Титов. Жизнь, которой не было.

Анализ употребления лексемы *дурак* в значении 'глупый человек' позволяет сделать выводы о характере нормы интеллекта в русской ЯКМ. Соответствие интеллектуальной норме в русском языковом сознании выражается прежде всего в наличии у субъекта познавательных способностей в научной, социальной и бытовой сферах, а также в умении формировать собственные мысли и понимать мысли других людей:

– Но мало кто знает, что он был великим философом. /– Кем? – подавленно переспросил Кеша. /– Философом. Т.е. человеком, у которого есть свои мысли, – пояснил Сережа. – Своя система мышления. /– Но у всех есть свои мысли... Даже у дураков... Мелконькие, но свои... – сказал Кеша. /– Дураки только и думают, что их мысли – свои. Они у них фабричного производства. Е. Евтушенко. Ягодные места; – Я про тебя, что ли, говорил?! – накинуся Князев на своего врага. /– Про кого же? Про Пушкина? /– Дурак! Я развивал общую мысль о проблеме. В.М. Шукшин. Штрихи к портрету; – Матрена сдает им две комнаты, и вот она подслушала в замочную скважину. Не все она поняла, ты же знаешь, какая она дура, но все-таки поняла достаточно, чтобы об остальном можно было догадаться. С.М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей.

Несоответствие интеллектуальной норме воспринимается как врожденное и не поддающееся коррекции качество интеллекта субъекта. Однако соответствие интеллектуальным стандартам в некоторых случаях связывается с возрастной зрелостью индивида: применительно к субъектам, находящимся на полярных (крайних) границах возрастной шкалы (*молодой – старый*), характеристики признака изменяются: утрачивается его константность, врожденность, а в структуре значения лексемы *дурак* появляются новые денотативные и коннотативные семы – 'отсутствие жизненного опыта' и 'снисходительность отрицательной

оценки' при употреблении лексемы *дурак* в отношении не достигшего возрастной зрелости субъекта и 'отсутствие ожидаемого жизненного опыта', 'презрительная или уничижительная оценка' при использовании соответствующей лексемы для номинации старого человека. Оценка соответствия норме интеллекта может быть связана и с гендерной дифференциацией объекта оценки: употребление номинации *дура* иногда подчеркивает несоответствие поведения женщины «мужскому» стереотипу поведения (например, расхожее выражение из обиходной речи *Баба дура не потому, что она дура, а потому, что она баба*).

На фоне универсальности концептов, объединенных концептосферой «дурак», концепт «неадекватно поступающий человек» является наиболее интересным с лингвокультурологической точки зрения. Данному концепту, помимо широкой семантической вариативности, присуща оценочная амбивалентность (см. наблюдение М.М. Бахтина о различии между амбивалентной глупостью и однозначной тупостью в книге «Человек в мире слова», М., 1995), обусловленная, в том числе, связью концепта с традиционной русской культурой. С помощью лексико-фразеологических средств, репрезентирующих концепт «неадекватно поступающий человек», может оцениваться несоответствие индивида следующим параметрам:

- адекватность поведения нормам логики и здравого смысла;
- обладание положительными личностными качествами;
- наличие способностей в бытовой или профессиональной деятельности, таланта;
- адекватность социального поведения;
- адекватность эмоциональных реакций;
- стереотипы поведения женщины в оценке мужчины (для лексемы *дура*).

Неадекватность социального поведения человека проявляется, в частности, в его общественной пассивности:

А кто в наше время спокоен – кто вообще во всякое время спокоен! – тот или подлец, или дурак. С. Бабаян. Без возврата; – *И вы рассчитывали на тех, кому надо сбрасывать тот самый негатив <...>. / – Так умным-то как раз и надо сбрасывать. Дурака же ничего не заболит.* Ночной портье № 6, 2002;

эмоциональная неадекватность индивида выражается в гипертрофированном проявлении чувств:

Профессор в Болгарии не видел ни одного дурака. Правда, одна студентка в Софии показала ему в этом смысле подозрительной, она быстро шла вместе с подружками по тротуару, в прохладной тени высоких домов, и как-то странно хохотала. Нормальные люди так не смеются. А. Титов. Жизнь, которой не было;

поведенческая неадекватность женщины (с точки зрения мужчины) может выражаться как оценка психо-эмоционального несоответствия женского поведения поведению мужчины:

– Да, Гена, баба **дура**. – Бригадир почувствовал в себе каплю уважения. – И даже самая умная баба все-таки **дура**. В ней навсегда остается детство... А. Кузнецов. Дети моря.

Анализ словообразовательного (СО) гнезда лексемы **дурак** показал высокую активность морфологического словообразования в пределах данного поля (более 100 лексических единиц), что свидетельствует об актуальности концепта «дурак» и его заметном месте в русской ЯКМ. СО гнездо лексемы **дурак** представляет весь частеречный спектр, и большое число формирующих СО гнездо единиц характеризуется высокой частотой употребления. Анализ семантического потенциала деривационного поля **дурак** проведен с опорой на такие частотные лексемы и с учетом их семантической ценности, проявляющейся в многозначности и СО активности производных лексем, несводимости семантики производного слова к сумме значений производящего слова и СО форманта.

Отступления от нормы, представленные лексико-фразеологическими единицами концепта «дурак» в целом, можно распределить по четырем семантическим группам:

1) отступления от нормы, непосредственно присущие лицу, предмету или явлению: *дурацкий, дурной, дурачок, дурила, дурить* ('совершать глупые поступки'), *сдурить, сдуреть* и т.д.;

2) отступления от нормы, направленные на достижение комического эффекта: *дурачиться, валять дурака* ('вести себя несерьезно, шалить'), *дурашливый*) и т.д.;

3) отступления от нормы, связанные с ситуацией обмана: *дурить* ('обманывать'), *придуриваться, валять дурака* ('притворяться непонимающим, непричастным к чему-либо'), *дурка, дурилка* ('то, с помощью чего обманывают') и т.д.;

4) отступления от нормы под воздействием каких-либо внешних воздействий или внутреннего эмоционального состояния: *дуреть, одуреть, одурять, дурь* ('наркотическое вещество') и т.д..

Первая группа является самой обширной по лексической представленности, к ней относятся номинации, репрезентирующие все три субконцепта «слабоумный, лишенный рассудка человек», «глупый человек» и «неадекватно поступающий человек». Номинации, принадлежащие остальным трем группам, апеллируют только к ситуативно неадекватному проявлению качеств или поведению. В пределах бытовой модели представлений о «дураке»

большинство номинаций оказываются пейоративно окрашенными (кроме единиц, принадлежащих группе 'отступления от нормы, направленные на достижение комического эффекта', и субъективно-оценочных номинаций с уменьшительно-ласкательным или ласкательным значениями *дурачок, дурашка* и т.п.).

В последнее десятилетие в содержательной структуре лингвокультуры «дурак» значительно усилилась потребность в актуализации семантического признака 'отступления от нормы, связанные с ситуацией обмана', что выразилось в появлении соответствующих номинаций и их частотном употреблении (напр., *лохануться, лохотрон*), в явлениях структурно-семантической деривации (например, *дурить* 'обманывать', *дурка, дурилка* 'то, с помощью чего дурят, обманывают'):

А первое уголовное дело в Татарстане в отношении «лохотронщиков» было расследовано в Альметьевске три года назад. Тогда осудили группу из 9 челнинцев, которые дурили жителей города на вокзале и толкучке. По материалам уголовного дела, подавляющее большинство потерпевших – женщины. Нет, мужчины тоже попадали. Многие даже приходили в милицию, но когда дело доходило до оформления показаний – пасовали. Им просто не хотелось выглядеть дураками (из статьи «Дурят нашего брата») <http://www.aferizm.ru/stati>.

Далее в работе рассматривается синонимический ряд лексемы *дурак* в пределах бытовой оценочной модели представлений о «дураке» в русской ЯКМ, а также современное функционирование мифологической и идейной моделей, связанных общим характером отступления от нормы, а именно формированием идеальной нормы поведения и качеств, присущих субъекту. Благодаря соотношению в русской ЯКМ концепта «дурак» с идеальной нормой, аксиологические оценки в рамках концепта меняются на противоположные, т.е. положительные.

В основе мифологической модели лежит фольклорный образ «дурака» из русской волшебной сказки. Для сказочного «дурака» релевантными оказываются высокие душевные и моральные качества (доброта, бескорыстие, бесхитрость, нестяжательство), за которые он награждается удачей и счастьем:

– Мои герои похожи на Иванушку-дурачка: простодушные, добрые, бесребреники. /– Ну, знаете, это такой дурачок, что ему все то Царевна-лягушка, то Василиса Прекрасная встречаются. /– Ну, это ему награда (из интервью с артистом А. Равиковичем) НТВ, 03.05.2001.

При функционировании концепта «дурак» в пределах мифологической модели ее содержание может редуцироваться до семантического признака 'человек, которому везет':

– Дурак ты, вот и весь мой сказ. /– Но дуракам обычно везет. /– Да, но только в сказках. /– Ну почему, не только. ОРТ, 17.02.2002; Вот уж воистину благорасположение небес было безграничным, во всей Москве

не нашлось ни одного досужего человека, да еще в каком месте! <...> Мы имели все шансы с Лубянского холма покатиться далеко-далеко вниз. Знать, действительно: дуракам – счастье! (о катании на санях с Лубянского холма). М. Кураев. Записки беглого кинематографиста.

Идейная модель связана с русским культурным явлением юродства. Концепт «дурак» апеллирует к таким чертам поведения и сущности юродивого, как открытая правдивость, обладание высшими духовными добродетелями (святость, праведность), самоотречение:

Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени, вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники не от мира сего – много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках). <...> Герой нашего времени – это всегда «дурачок», в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени. <...> Такой герой состоянием души, характером, взглядами – выражает то, чем живет с ним вместе его народ. Типичный герой. В.М. Шукшин. Нравственность есть Правда.

Оценочные дериваты слова «дурак», многочисленные фразеологизмы и обширные синонимические ряды, репрезентирующие оценочный концепт «дурак», широко используются, как показывает фактический материал, в обиходном общении, в устной публичной речи и в письменных художественных и публицистических текстах. Высокая частотность и речевая востребованность репрезентантов концепта «дурак» являются дополнительным свидетельством традиционной экспрессивно-оценочной окрашенности семантики русского языка в целом и типичного для представителей русской лингвокультурной общности эмоционально-оценочного коммуникативного поведения.

Значение отступления от нормы является центральным в содержании концепта «дурак» в целом, обеспечивая семантическую связь всех трех содержательных моделей концепта и определяя семантическое наполнение лексических и фразеологических единиц, принадлежащих рассматриваемому концепту. Базовый смысл, объединяющий все средства вербализации рассматриваемого концепта, можно сформулировать как 'иной, не такой, как все'.

Культурная обусловленность концепта «дурак» делает его специфической лингвокультуремой, содержание которой полностью выявляется только при погружении концепта в национальную русскую культуру. Мифологическая и идейная трактовки концепта «дурак», сопровождающиеся положительной аксиологической оценкой, являются высокочастотными в русской речи и, в силу своей специфики, нередко остаются непонятыми инофоном, а по-

тому требуют особого внимания в практике преподавания русского языка как иностранного.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В пределах языковой картины мира структурируется ценностная картина мира путем вычленения из концептуального корпуса отдельных лингвокультурем – концептов, представляющих ценностную значимость для языкового сообщества.

Критериями культурной значимости концепта служат прецедентность, культурная разработанность концепта, частотность и востребованность репрезентирующих его языковых единиц в синхронном функционировании языка.

Концепт «дурак» соответствует критериям, определяющим понятие лингвокультуремы. Благодаря оценочной природе содержания концепта «дурак», исследование данной категории открывает прямой доступ к изучению ценностных установок русского лингвокультурного сообщества.

Содержание концепта «дурак» структурируется тремя аспектно-концептуальными моделями, две из которых являются традиционными (мифологическая и идейная), а третья – бытовой. Центральным смысловым компонентом всех трех моделей (и содержательным центром концепта в целом) выступает семантический признак 'несоответствие норме'.

При осмыслении концепта «дурак» в традиционной русской культуре в его содержании появляется новый (культурно обусловленный) компонент – 'идеальная норма', что свидетельствует о ценностной амбивалентности концепта «дурак» в русской ЯКМ.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. 1995. №1.

Бусурина Е.В. Взгляд на культуру *дурак* как на ключевое слово русской культуры // Современные подходы к интерпретации текста. Материалы межвуз. конф. (С.-Петербург, 13-14 мая 2002 г.). СПб.: Академия гуманитарного образования, 2002. С. 15-17.

Бусурина Е.В. Деривационные связи слова *дурак* в современном русском языке // Материалы XXXII междунар. филол. конф. Вып. 15. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003 г., С. -Петербург. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 95-99.

Бусурина Е.В. Концепт *дурак* в разговорной речи и в жаргоне // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003 г. Вып. 7: В 2 ч. Ч. 1. Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2003. С.52-55.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Стернин И.А., Попова З.Д. Концепт. Воронеж, 1999.

Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. 1996. № 6.

Н.А. Паскова (Иркутск)

ЖЕНЩИНА

Данное исследование посвящено изучению лексических средств представления концепта «женщина» в текстах среднеанглийского периода (с XII по XV век). Этот период представляет для нас интерес потому, что он характеризуется великими изменениями как на всех уровнях языка, так и в культуре Англии, что явилось следствием Нормандского завоевания. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что женщина в данный период, известный в истории как период рыцарской культуры, занимала особое место в английском обществе, что, безусловно, нашло своё отражение в языке.

Объектом исследования являются лексемы (единицы первичной и вторичной номинации), вербализующие концепт «женщина» в среднеанглийском языке на уровне лексико-семантической подсистемы, а также на синтагматическом (текстовом) уровне.

Ставится цель на основании анализа словарного и текстового материала осуществить реконструкцию концепта «женщина» и выявить те параметры, в соответствии с которыми женщина была категоризована в культуре англичан XII – XV веков.

Культурный концепт понимается в работе как структура представления знаний об определённом объекте или явлении действительности, отмеченном этнокультурной спецификой. Концепты вербализуются в языке, а потому могут быть исследованы лингвистическими методами (Кубрякова 1996; Степанов 1997; Болдырев 2000; Попова 2001; Карасик 2002 и др.).

Материалом исследования послужили свыше 3000 примеров употребления лексем, называющих женщину, в текстах среднеанглийского периода. Источниками примеров явились авторитетные исторические словари (B&T; MED; OED) и произведения Дж. Чосера ("The Canterbury Tales", "Troilus and Cressida", "The Legend of Good Women"). В использованных нами словарях представлен значительный корпус примеров употребления ЛЕ в различных текстах среднеанглийского периода с указанием их значений и времени, когда они засвидетельствованы в письменных памятниках. Для исследования контекстов употребления лексем, называ-

ющих женщину в среднеанглийском языке, нами были выбраны произведения Дж. Чосера, во-первых, в связи с изображением в них женщин различного социального положения, во-вторых, в связи с различной регистровой представленностью языка и речи разных слоев среднеанглийского общества. Общий объем проанализированных текстов Дж. Чосера составляет более 300 000 словесных знаков.

С целью выявления языковых средств, репрезентирующих концепт «женщина» в среднеанглийском языке, была проведена сплошная выборка существительных, называющих женщину в зависимости от её различных параметров, из словаря "A Chaucer Glossary" и трёх произведений Дж. Чосера ("Troilus and Cressida", "The Canterbury Tales", "The Legend of Good Women"), а также дифференцированная выборка лексем и примеров их употребления в разножанровых среднеанглийских текстах по историческим словарям MED и OED.

В результате было выделено 90 лексем, репрезентирующих концепт «женщина» в среднеанглийском языке. Критерием их отбора явилась обязательная актуализация в их значениях концептуальных признаков «лицо» и «женский пол», которые мы определяем как ядерные. Далее нами был проведён компонентный анализ всех выделенных лексических единиц, что позволило выявить 7 дополнительных признаков, которые включаются в значения тех или иных единиц, но не являются обязательными: «возраст», «род деятельности», «положение в обществе», «родственные отношения», «семейное положение», «взаимоотношения с лицами мужского пола», «характер/поведение». В соответствии с данными концептуальными признаками, лексемы, осуществляющие вербализацию концепта «женщина» в среднеанглийском языке, были условно разделены на 8 групп, каждая из которых подробно анализируется в работе.

1. В группу *общих наименований лиц женского пола* входят единицы *womman*, *wyf*, *femele*, *feminin(e)*, для которых ядерные признаки концепта «лицо» и «женский пол» являются прототипическими. Анализ ЛЕ данной группы показал следующее:

- Слова *womman* и *wyf* являются английскими по происхождению, в то время как *femele* и *feminin(e)* заимствованы из романских языков.

- Лексемы *womman* и избыли засвидетельствованы ещё в древнеанглийский период, функционировали на протяжении всего среднеанглийского периода и продолжают использоваться сейчас, а ЛЕ *femele* и *feminin(e)* появились в английском языке лишь с XIV века.

-Значения существительных *femele* и *feminin(e)* значительно уже, чем у *womman* и *wyf*. Лексемы *femele* и *feminin(e)* относятся к научному стилю и фиксируют значение слова «женщина» по биологическому признаку, т.е. имеются в виду анатомо-биологические признаки женщины (в отличие от мужчины).

На основании вышесказанного ключевыми словами-репрезентантами концепта «женщина» в среднеанглийском языке признаны ЛЕ *womman* и *wyf*. Они отвечают всем необходимым критериям, предъявляемым к ключевым словам: являются английскими по происхождению, простыми по морфологическому составу, имеют достаточно общие значения, что неизбежно ведёт к их значимости для носителей языка, а, следовательно, к общеизвестности и частотности употребления.

2. В группу ЛЕ, называющих женщину и указывающих на возраст, входят 23 существительных, противопоставляемых по семантическим компонентам 'молодая' (17 единиц) и 'старая' (6 единиц), на основании чего они подразделяются на два синонимических ряда. В данной группе нами отмечено значительное преобладание слов, обозначающих молодую женщину. Этот факт может быть объяснён особенностями той исторической эпохи.

Во-первых, европейское общество вообще очень долго состояло преимущественно из молодых людей (Шкуратов 1997: 281), средняя продолжительность жизни, например, во Франции до конца XVIII в. не превышала 23 лет (Aries 1960, 1992, цит. по Шкуратов 1997: 282). Во-вторых, молодая девушка, женщина, несомненно, являлась более полезной в обществе по сравнению с женщиной в годах/старой женщиной. В-третьих, молодая девушка/женщина привлекала особое внимание мужчин и потому номинировалась большим количеством единиц.

Ряд синонимов со значением 'девочка, девушка, молодая женщина' представлен в среднеанглийском языке следующими лексемами: *child womman*, *damisele*, *gill*, *girl(e)*, *juvencle*, *las(se)*, *maid(e)*, *maide-child*, *maidekin*, *maiden*, *maiden-child*, *maiden-kin*, *wench(e)*, *wenchel*, *yong(e)*, *yung(e) lady*, *yong(e) woman*. Их анализ показывает, что, называя главным образом девушку, молодую (незамужнюю) женщину, некоторые из них наряду с концептуальным признаком «возраст» проявляют также концептуальные признаки «взаимоотношения с лицами мужского пола» и «род деятельности».

Проявление признака «взаимоотношения с лицами мужского пола» и функционирование в таких значениях, как 'девственница', 'возлюбленная', 'любовница', 'проститутка, шлюха', вероятно, обусловлено тем, что способность проявлять сексуальную актив-

ность характерна для женщин именно в молодом возрасте, а потому они в первую очередь привлекают внимание и интерес мужчин. Проявление у данных слов признака «род деятельности» и использование их для обозначения служанки можно объяснить историческими фактами. В среднеанглийский период в качестве служанок нанимали девушек/женщин в возрасте от 10 до 20 лет, иногда немного старше, по контракту на один год (Rigby 1995: 274), из чего следует, что данный род деятельности был характерен для молодых девушек.

Ряд синонимов со значением 'старая женщина' представлен в среднеанглийском языке следующими словами: *ald(e) wyf*, *eld(e) wymmman*, *vecke*, *rebek(ke)*, *ribib(e)*, *ribible*, анализ которых показывает, что старая женщина в Англии в исследуемый период зачастую получает негативную оценку. Она категоризована как суетливая, застенчивая, ворчливая, словоохотливая.

3. Группа ЛЕ, называющих женщину и указывающих на род деятельности, является самой многочисленной из всех групп ЛЕ, вербализующих концепт «женщина» в среднеанглийском языке. В неё входят 34 слова, из которых лишь 6 существительных составляют древнеанглийское наследие, остальные 28 лексем появились в языке именно в среднеанглийский период. Это говорит о том, что социальные функции женщины в этот период значительно расширились, что неизбежно привело к появлению большого количества слов, отражающих новые понятия. Анализ ЛЕ, входящих в исследуемую группу, позволяет нам сделать вывод о многообразии сфер деятельности женщин в среднеанглийский период.

Женщины, занятые в религиозной сфере, обозначаются в среднеанглийском языке ЛЕ *abbesse*, *prioress*, *nonne*. Все 3 лексеммы восходят к латинскому языку. Это несложно объяснить, зная тот факт, что латынь вплоть до XVI века была языком церкви в Англии. А так как после Нормандского завоевания все важные церковные должности в Англии были заняты нормандским духовенством, ЛЕ *abbesse* и *prioress* были заимствованы из нормандского французского.

Достаточно многочисленным является ряд единиц, называющих женщину, так или иначе занимающуюся управлением: *quen(e)*, *princesse*, *maistresse*, *governeresse*, *governesse*, *constabliesse*, *sowdanesse*, *gyderesse*, *captenesse*, *executrice*, *gud wif*. Анализ всех значений данных лексем показывает, что женщину-правительницу в обществе среднеанглийского периода почитали как богиню и наделяли самыми лучшими качествами – она представлялась самой достойной, совершенной, милостивой, спра-

ведливой, красивой. Кроме того, она концептуализирована в английской языковой картине мира как защищающая, охраняющая, покровительствующая. Из 11 лексем данного ряда лишь две ЛЕ: *quen(e)* и *gud wif*- являются английскими по происхождению, остальные представляют собой заимствования из французского языка.

Такое большое количество французских заимствований в данной группе объясняется рядом факторов. Во-первых, нормандцы имели более разработанную административную систему и, соответственно, необходимый терминологический аппарат. Насажение завоевателями новых общественных отношений в Англии неизбежно влекло за собой и соответствующие изменения в языке. Во-вторых, в исследуемый нами период правящий класс – феодальная аристократия и духовенство – состоял из людей нормандского происхождения, и нормандский французский был языком знати и королевского двора.

Женщины, занятые в сфере обучения и воспитания, обозначаются в среднеанглийском языке ЛЕ *maistres(se)*, *governeresse*, *lorice*. Анализ лексем данной группы позволил сделать следующие выводы. Во-первых, все три слова являются французскими по происхождению. Во-вторых, в среднеанглийском языке не было ни одного слова, называющего собственно женщину, дающую знания, обучающую какой-то науке (нечто подобное современному понятию «учительница»). Объяснение этому, вероятно, заключается в том, что женщина в то время могла заниматься обучением лишь в домашних условиях, где это было частью воспитания, и то только для молодых леди из состоятельных семей.

В среднеанглийском языке нами также выделены ЛЕ, обозначающие женщин, занятых производством и поставкой продуктов питания (*tapestere*, *fruitestere*, *wafere*, *wafrestre*, *hunteresse*), сельским хозяйством (*deye* и *herdesse*), ремеслом *seamster(e)*, *spynvester(e)*, *silkewoman*, *smyth wyfe*). Важно отметить, что все слова, обозначающие женщин, занятых ремеслом, являются английскими по происхождению. Мы полагаем, что объяснением этому может служить тот факт, что ремесленники относились к низкому сословию и главным образом жили и работали в деревне, а, как известно, простой народ и во время Нормандского завоевания говорил на английском языке.

Женщины, занятые в сфере обслуживания, обозначаются в среднеанглийском языке ЛЕ *maiden*, *maid(e)*, *wench(e)*, *lavender(e)*, *chamberere*, *childe wyf*. Многие из данных лексем, кроме того, что актуализируют концептуальный признак «род деятельности», в процессе своего дальнейшего развития в среднеан-

глийский период проявляют также концептуальный признак «взаимоотношения с лицами мужского пола» и функционируют в таких значениях, как 'возлюбленная', 'проститутка, шлюха', 'фаворитка, любовница'. В связи с тем, что в сфере обслуживания в исследуемый период могли быть заняты как женщины низкого, так и благородного происхождения, мы отмечаем непосредственную зависимость между социальным положением женщины, характером её взаимоотношений с мужчинами и оценкой её действий/поведения со стороны общества.

Интересным представляется тот факт, что в среднеанглийском языке нами была обнаружена лишь одна ЛЕ, обозначающая женщину, занятую в сфере развлечения – *tumbester*, и одна ЛЕ, обозначающая женщину, занятую в интеллектуальной сфере – *auctouresse*, что свидетельствует о нетипичности данных видов деятельности для женщины исследуемого периода.

Рассмотренные нами ЛЕ, называющие женщину и указывающие на род деятельности, не представляют всего спектра профессий, в которых могла быть занята женщина, так как в фокусе нашего внимания были в основном маркированные лексемы, обозначающие референта-женщину. Однако мы полагаем, что именно эти ЛЕ представляют те виды деятельности, которые являлись самыми характерными для женщины в среднеанглийский период.

4. В группу ЛЕ, называющих женщину и указывающих на положение в обществе, вошли 19 слов, однако, в неё могут быть включены практически все ЛЕ, называющие род деятельности женщины, так как, по логике вещей, род деятельности непосредственно связан с определённым положением в обществе. Компонентный анализ лексем данной группы и группы ЛЕ, называющих род деятельности женщины, позволяет нам условно подразделить положение женщины в обществе среднеанглийского периода на 4 уровня: знатные/титулованные женщины, благородные женщины (женщины хорошего происхождения и воспитания), простые/прислуживающие женщины, зависимые женщины.

Примечательно, что 14 из 19 слов данной группы обозначают знатных/титулованных женщин: *abbesse, birde, constablesse, countesse, dame, duchesse, gouverneresse, gouvernesse, ladi(e), maistres(se), markesesse, princesse, quen(e), sow-danesse*. Их анализ показывает, что женщина знатного происхождения категоризована в культуре англичан как женщина достойная, щедрая, справедливая. Что касается женщин более низкого происхождения, для их обозначения существовало гораздо меньше слов, а именно: *gentilvom(m)an* – благородная женщина, женщина хорошего происхождения или воспитания, *maiden, maid(e)* и *wench(e)* –

женщина простого происхождения, *womman thrall* – зависимая женщина.

5. В группу ЛЕ, называющих женщину и указывающих на родственные отношения, входят 10 ЛЕ: *eldmoder, grandam(e), gudame, beldam(e), grandmoder, moder, daughter, suster, aunte, песе*, – которые свидетельствуют о том, что для среднеанглийского общества релевантными были те же родственные отношения, что и для со временного общества. Особое внимание обращают на себя ЛЕ, называющие бабушку (*eldmoder, grandam(e), gudame, beldam(e), grandmoder*). Их анализ показывает, что четыре из пяти вышеназванных лексем изначально содержат положительную коннотацию. На основании этого мы полагаем, что бабушки в среднеанглийском обществе занимали особое место, вероятно, их почитали как более мудрых в семейных вопросах, в проблемах воспитания детей.

6. В группу ЛЕ, называющих женщину и указывающих на семейное положение, входят 3 слова: *brid(e), wuf widewe*. Их анализ указывает на то, что по признаку «семейное положение» женщины в средневековой Англии подразделялись на 3 основные группы: невесты, жёны и вдовы; понятия «старая дева» в то время, видимо, не существовало.

7. В группу ЛЕ, называющих женщину и указывающих на взаимоотношения с лицами мужского пола, включены слова, противопоставляемые по семантическим компонентам: 'девственная' (*maiden, maid(e), virgine, pucel(le), may*), 'любимая / возлюбленная' (*ladi(e) и wench(e)*), 'распутная / развратная' (*wench(e), quene, file, bordel-wommari*), на основании чего мы, соответственно, разделяем их на три синонимических ряда.

8. И, наконец, в группу ЛЕ, называющих женщину и указывающих на характер/поведение, включены оценочно-маркированные слова (*file, jangleresse, maiden, shrewe, trayteresse, queen, archewif, virago*), в которых концептуализированы особенности характера и поведения женщин в английской языковой картине мира XII – XV веков.

Фактически все вышеприведённые ЛЕ относятся к пейоративам, так как называют отрицательные черты характера или поведения женщины. Анализ данной группы номинативных единиц показывает, что наиболее осуждаемыми качествами женщины в среднеанглийском обществе были: злость, сварливость, болтливость, лживость, предательство, разврат (аморальное поведение и половая распущенность). Мы полагаем, что наличие в среднеанглийском языке немалого количества слов, оценивающих поведение женщин, свидетельствует о высоких требованиях, предъ-

являемых к женщине в среднеанглийском обществе, и резком осуждении любых отклонений от нормы в её поведении.

Принимая во внимание общеизвестный тезис о том, что количество номинаций в языке прямо пропорционально его культурной значимости для данного народа, мы полагаем, что выделенные нами 90 лексем, репрезентирующие концепт «женщина» в среднеанглийском языке, указывают на то, что женщина занимает достаточно важное место в английском обществе XII – XV веков.

В связи с тем, что из корпуса слов, обозначающих женщину в среднеанглийский период, древнеанглийское наследие составляет лишь 21 слово, а все остальные 69 ЛЕ появились именно в исследуемый период, мы можем говорить о возросшем внимании к женской персоне, об увеличении социальных функций женщины в обществе, появлении новых названий женских титулов и рангов, возрастании требований к поведению и характеру женщины.

Большое количество в корпусе слов, осуществляющих вербализацию концепта «женщина» в среднеанглийском языке, романских заимствований (39 ЛЕ) и слов, в состав которых входит французский компонент (10 ЛЕ), говорит об огромном влиянии в исследуемый период французской культуры на английскую.

Анализ ключевых слов исследуемого концепта, а также других широкоупотребительных слов, называющих женщину, проводимый в исследовании, обусловлен тем обстоятельством, что поскольку сочетаемость слова обусловлена его ассоциативным потенциалом, она есть внешнее, поверхностное проявление его глубинных ассоциативных контуров (Чернейко 1997: 288-295). В своём исследовании мы обращаемся к анализу метафор, метонимий, компаративных усилительных выражений и других сравнений, так как они являются базовыми элементами создания образности.

Проанализировав тексты Дж. Чосера, мы пришли к выводу, что концептуализация внешности женщины в текстах среднеанглийского периода находится в соответствии с её характером, а именно: каков характер, такова и внешность. Определённое описание внешности и характера часто зависит, во-первых, от того, к какому социальному классу принадлежит женщина, во-вторых, от того, чьими глазами мы видим её образ.

Красивая внешность и положительные черты характера чаще приписываются знатным женщинам и, как правило, актуализируются рыцарями, мужчинами благородного происхождения. В таких случаях наблюдается эстетизация и сексуализация образа женщины, которая достигается следующими средствами:

1) использованием при описании женской внешности атрибутивных фраз высокого регистра, являющихся в достаточной мере стереотипизированными (например, *armes smale* – 'хрупкие руки', *streyghte bak* – 'прямая спина', *snowish throte* – 'белоснежная шея', *brestes rounde and lyte* – 'светлая пышная грудь', *whyte brest* – 'белая грудь', *eyen clere* – 'ясные глаза', *fresshe wommanliche face* – 'свежее женское лицо', *mouth ful smal, softe and reed* – 'маленькие мягкие красные губы и т.д.);

2) употреблением метафор «женщина – цветок» и «женщина – звезда». Обе метафоры широко употребляются в текстах Дж. Чосера. Например:

... *she -was holden ofalle queenes flour.*

Of gentillesse, of freedom, ofbeaute. (Leg: 589)

- 'Она считалась из всех королев цветком по знатности, свободе и красоте'.

Непривлекательная внешность и отрицательные черты характера чаще приписываются женщинам простого и низкого происхождения и актуализируются монахами, священниками и мужчинами низкого происхождения. В описании такой женщины наблюдается следующее:

1) акцентируются те черты, которые являются отклонением от бытовавшего в то время эталона красоты и приличия (например, у жены плотника – развратный глаз (*likerous ye*), тоненькие выщипанные брови, изогнутые и чёрные, как терновая ягода (*smale y-pulled braves, bent, and bloke as any sloo*) (Mill: 213), у батской ткачихи – розовощёкое лицо (*face reed of hewe*), редкие зубы (*gat-tothed*) (Prol: 167));

2) высмеиваются излишки в одежде (например, у жены плотника – брошь такая большая, что похожа на небольшой выпуклый щит (*a broch as brood as is the bos of a bocler*), ботинки, зашнурованные высоко на ногах (*shoes were laced on Mr legges hye*) (Mill: 214), у батской ткачихи – шляпа с широкими полями, словно небольшой круглый щит (*hat as brood as is a bokeler or a targe*), чулки ярко красные (*hosen offyn scarlet reed*), на ногах пара шпор острых (*on hir feet a paire of spores sharpe*);

3) характер концептуализируется с помощью широкоупотребительной развёрнутой метафоры «женщина – тварь ползучая», например,

Be war from hir that in thy bosom slepeth:

War fro the serpent that so slyly crepeth

Under the gras, and stinseth subtilly. (Summ: 290)

- 'Опасайся её, что на груди спит, опасайся змеи, что тихо подкрадывается под травой и жалит предательски'.

В связи со спецификой нашего исследования и возможностью опираться лишь на данные письменных текстов, в образной составляющей нам не удалось выявить прототипического образа женщины для английского общества рассматриваемого периода. Мы выделили несколько наиболее часто встречающихся образов женщины, а именно: образ возлюбленной и образ женщины в семье (образ жены, домохозяйки и матери), что является отражением её основных ролей и функций в исследуемый период.

Образ возлюбленной напрямую связан с эмоциональными ощущениями и переживаниями человека, а потому является своего рода абстракцией и категоризуется в среднеанглийском языке посредством метафор «женщина – голубка», «женщина – сладкая/ароматная пища» и метонимических выражений: *swete herte* – 'сладкое сердце', *dere herte* – 'дорогое сердце', *dere herte swete* – 'дорогое сладкое сердце'. Например:

Rys up, my wyf, my love, my lady free;

The turtles vois is herd, my douve swete;

The winter is goon, with alle his reynes wete;

Com forth now, with thyn eyen columbyn! (Merch: 333)

- 'Вставай, моя жена, моя любовь, моя леди свободная; голос горлицы слышен, моя голубка сладкая; зима ушла со всеми дождями мокрыми; иди вперёд сейчас со своими глазами голубиными.

"*Farewel, my dere herte swete...*" (Tr&Cr: 83) – 'До свидания, моё дорогое сладкое сердце'.

Образ женщины в семье выражается в глаголах и глагольных сочетаниях, входящих в лексическое окружение слов *wotman* и *wyf*. Их анализ позволяет выявить различные ипостаси женщины в семье: жена, домохозяйка и мать.

Образ жены: *leggen in his bedde* – 'лежать в его кровати', *wedde* – 'выходить замуж', *saven his estaat* – 'беречь его положение в обществе', *ben under marines governance* – 'быть в подчинении у мужчины'¹, *loven hir housbonde with al hir herte* – 'любить своего мужа всем своим сердцем', *be trewe of hir body* – 'быть верной телом', *obeye* – 'повиноваться', *slayn housbondes* – 'убивать мужей', *drive nayles in hir braun* – 'вставлять гвозди в их мозги', *yeve poysoun in hir drinke* – 'подсыпать яд в их питьё' и т.д.

Образ домохозяйки: *dighe the house* – 'подготовливать дом (например, к гостям, к пиру)', *sette the tables* – 'устанавливать столы', *make beddes* – 'застилать/готовить кровати', *ordeyne the feste* – 'устраивать пир', *clayme half part al hir lyf* – претендовать на половину (имущества, богатства) всю свою жизнь' и т.д.

Образ матери: *ber(en) a doughter/a knave-child* – 'родить дочь/сына', *in hir barm the litel child ley* – 'на руки маленького ре-

бѣнка положить', *kis(se) the child* – 'целовать ребѣнка', *lulle the child* – 'качать/успокаивать ребѣнка'.

Анализ данных глаголов и глагольных сочетаний свидетельствует о том, что женщина в семье играет важную роль и имеет много обязанностей; она должна рожать и воспитывать детей, выполнять определённые обязанности по дому, способствовать благосостоянию своего супруга, а также быть в его полном подчинении и делать только то, что ему угодно.

Вышеприведѣнные глаголы и глагольные сочетания показывают, что, если образы жены и женщины-домохозяйки подвергаются снижению и фамильяризации, то ничего подобного нельзя сказать об образе матери, что, возможно, связано с высокой интимностью материнства в среднеанглийский период, с отсутствием потребности подвергать её образ снижению.

Мы обратились также к анализу пословиц и поговорок, объективирующих концепт «женщина» в среднеанглийском языке. Информация, извлекаемая из пословиц и поговорок, относится к интерпретационному полю концепта, где могут содержаться самые разнообразные суждения и оценки, часто противоречивые, но зато представляющие признаки концепта в полном объѣме.

Нами было выявлено всего 8 пословиц и поговорок, в семи из которых женщина оценивается отрицательно. Причѣм во всех пословицах и поговорках с отрицательной оценкой использованы лексические единицы *wom(m)an* и *wyf* называющие простую женщину, жену. Вероятно, именно такая женщина чаще всего получала негативную оценку в английском обществе исследуемого периода. Здесь женщина сравнивается со львом (*leoun*), отвратительным драконом (*foul dragoun*), домом без крыши (*an hous that is uncovered and droppinge*), свиньѣй (*sow*), она определяется как основа греха (*hed of syn*) и характеризуется метафорой «женщина – сети дьявола (*dyuells netts*)».

Анализ данных пословиц и поговорок позволяет заключить, что женщина/жена концептуализируется мужчинами-обывателями как ворчливая, болтливая, злая, противоречивая, бесстыжая/аморальная, грешная.

Лишь в одной из выявленных нами пословиц женщина оценивается положительно. В ней употреблена ЛЕ *ladi(e)*, что подтверждает наше предположение о том, что знатная женщина в среднеанглийский период всегда получала положительную оценку. В данной пословице используется метафора «знатная женщина – арбалет замка», что, вероятно, свидетельствует о том, что женщина высокого социального положения концептуализирована как могущественная, защищающая, охраняющая.

Анализ произведений Дж. Чосера позволил нам заключить, что мнение о женщине в позднесреднеанглийский период является стереотипизированным. Эффект стереотипизации достигается, главным образом, использованием большого количества оценочных утверждений о женщине обобщающего характера. Для придания высказываниям обобщающего характера употребляются неопределённые местоимения *alle* – 'все', *every* – 'каждая', *many* – 'многие' и наречие *ofte* – 'часто'. Тот же эффект достигается грамматическими средствами, а именно, использованием слов *wotman* и *wyf* во множественном числе или в единственном числе как с неопределённым артиклем, так и без артикля.

В результате анализа произведений Дж. Чосера нами было выявлено 10 гендерных стереотипов, характеризующих женщину, 7 из которых имеют бинарные противопоставления, т.е. суждению с отрицательной оценкой женщины противопоставляется суждение с положительной оценкой:

- 1) все женщины плохие – многие женщины хорошие;
- 2) женщина приносит вред мужчинам – женщина доставляет радость мужчинам;
- 3) женщина грешна и развратна – женщина верна и праведна;
- 4) у женщины скверный характер – у женщины покладистый характер;
- 5) женщина зла, жестока и мстительна – женщина весела и добродетельна;
- 6) женщина не способна хорошо вести домашнее хозяйство – женщина способна хорошо вести домашнее хозяйство;
- 7) женщина даёт плохие советы – женщина даёт хорошие советы;
- 8) женщина болтлива;
- 9) женщина хитра;
- 10) женщина тщеславна.

Преобладание суждений о женщине с отрицательно-оценочным значением можно объяснить особенностью человеческой концептуализации действительности: «положительное» является нормой и не всегда фиксируется в языке, а «отрицательное» маркировано и отражается в языке чаще как признак отклонения от идеального «положительного» (Арутюнова 1988; Телия 1996; Кирилина 2000). Соглашаясь с мнением В.И. Карасика о том, что, «вынося оценку, автор присваивает себе статус вышестоящего по отношению к объекту оценки» (Карасик 2002: 87), мы считаем, что наличие в среднеанглийском языке большого количества оценочных суждений о женщине свидетельствует о проявлении гендерных асимметрий, о неравенстве мужчин и женщин в

обществе среднеанглийского периода. Таким образом, женщины занимали важное место в английском обществе исследуемого периода, однако, бесспорно, более низкое по сравнению с мужчинами.

Анализ лексем, вербализующих концепт «женщина» в среднеанглийском языке, на уровне лексико-семантической подсистемы и на синтагматическом уровне показал, что одобрение получали следующие качества женщин: *невинность, благородство, покорность, доброта, щедрость, верность, благоразумие*. Напротив, отрицательно оценивались *злость, противоречивость, развратность, греховность, сварливость, болтливость, высокомерие, гордыня, тщеславие, дерзость/нахальство*.

Задачей заключительного этапа исследования было описание структуры концепта «женщина» в текстах среднеанглийского периода и его моделирование. Используя модель концепта, предложенную В.И. Карасиком, мы представляем исследуемый концепт как трёхмерное образование, включающее предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие.

Предметно-образная составляющая концепта «женщина», включающая в себя образ возлюбленной и образ женщины в семье (образ жены, домохозяйки и матери), вместе с ядерными концептуальными признаками «лицо» и «женский пол» составляет базовый слой концепта.

Понятийная составляющая концепта «женщина» образуется ядерными и дополнительными концептуальными признаками, последние из которых составляют дополнительный концептуальный слой, представленный в виде 7 равноудалённых от ядра сегментов.

В ценностную составляющую концепта мы включили выявленные нами противоречивые суждения о женщине с отрицательной и положительной оценкой. Данная составляющая относится к интерпретационному полю концепта и располагается на периферии, что ни в коей мере не свидетельствует о её малозначимости в поле концепта, а лишь указывает на меру её удалённости от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления.

Исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

Концепт «женщина» репрезентирован в среднеанглийском языке большим количеством номинативных единиц, что свидетельствует о важности данного концепта для носителей языка в указанный период.

В среднеанглийский период наблюдается заметное наложение концептов «женщина» и «жена», что выражается в использовании существительных *wyf* и *wommen* в их частой взаимозаменяемости в исследуемых текстах.

Женщина категоризована в текстах среднеанглийского периода в соответствии со следующими признаками: возраст, род деятельности, положение в обществе, родственные отношения, семейное положение, взаимоотношения с лицами мужского пола, характер/поведение.

Наиболее яркими, часто встречающимися образами женщины в текстах Дж. Чосера являются образ *возлюбленной* и образ *женщины в семье* (образ жены, домохозяйки и матери), что является отражением её основных ролей и функций в исследуемый период. Концептуализация внешности женщины в текстах среднеанглийского периода осуществляется в соответствии с её характером.

Мнение о женщине в позднесреднеанглийский период является стереотипизированным. Эффект стереотипизации достигается использованием большого количества оценочных утверждений о женщине обобщающего характера, что свидетельствует о проявлении гендерных асимметрий, о более низком положении женщин по сравнению с мужчинами в обществе среднеанглийского периода.

Литература

Паскова Н.А. Диахронические изменения в семантическом поле 'женщина' в древне- и среднеанглийском языке (к постановке проблемы) // Проблемы историко-типологических исследований германских языков в лингво-этническом аспекте: Вестник ИГЛУ. Сер. лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. Вып. 4. С. 85-91.

Паскова Н.А. Мифы о женщинах в произведениях Чосера // Проблемы историко-типологических исследований германских языков в лингво-этническом аспекте: Вестник ИГЛУ. Сер. лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2001. Вып. 2. С. 115-125.

Паскова Н.А. Анализ общих наименований лиц женского пола в среднеанглийском языке // Филология. История. Межкультурная коммуникация: Тез. докл. регион. конф. молодых учёных (Иркутск, 26 февр. 2003 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2003. С. 76-78.

Паскова Н.А. Образ как составляющая концепта 'женщина' (на материале произведений Джеффри Чосера) // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ. Сер. лингвистика. Иркутск: ИГЛУ, 2003. Вып. 4. С. 83-92.

Паскова Н.А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода (опыт семантической реконструкции на основе произведений Дж.Чосера). Автореф. дис....канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 18 с.

О.А. Ипанова (Санкт-Петербург)
ЖИЗНЬ

В настоящее время в связи со сменой парадигм в лингвистике и утверждением антропоцентрической парадигмы в центре внимания исследователей находится языковая картина мира и ее составляющие – концепты. С начала 90-х годов активно исследуются отдельные концепты. Например, в сборниках серии «Логический анализ языка» под редакцией Н. Д. Арутюновой описаны следующие концепты: *истина, правда, ложь, долг, красота, свобода* и др. (Логический анализ языка, 1991, 1997, 1999, 2000). В последние годы объектом рассмотрения стали концепты из сферы эмоций (Воркачев 2004, Дорофеева 2002).

Несмотря на большое количество работ, посвященных трактовке термина *концепт* (Кубрякова 1996, Попова, Стернин 2000, Карасик 1997, Ляпин 1997), единое мнение по этому вопросу еще не сформировано. Под *концептом*, вслед за С.Г. Воркачевым, мы будем понимать единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную лингвокультурной спецификой (Воркачев 2004).

Остановимся подробнее на трех составляющих данного определения. То, что концепт является единицей мышления, признано уже давно (Аскольдов 1997, Чесноков 1967). В настоящее время концепт называют «квантом знания» (Кубрякова 1996), «единицей ментальности» (Колесов 1992), «глобальной мыслительной единицей» (Попова, Стернин 2000). По нашему мнению, концепт следует признать одной из единиц мышления, так как наряду с ним существуют и другие: фреймы, гештальты, прототипы и др. Концепт занимает промежуточное положение между понятием как формой абстрактного мышления и представлением как формой образного знания (Соломоник 1992). Как операционная единица мышления концепт является способом и результатом категоризирующей деятельности сознания.

Основным признаком, отличающим лингвистическое понимание концепта от логического, является его закрепленность за определенным способом языковой реализации (Воркачев 2004). Языковые средства, используемые для этого, принято называть средствами вербализации, языковой репрезентации, языкового представления концепта. Чаще всего представительство концепта в языке приписывается слову (Вежбицкая 1996; Арутю-

нова 1999; Нерознак 1998). Однако слово как элемент лексико-семантической системы языка всегда реализуется в составе той или иной лексической парадигмы, и в конечном итоге концепт соотносим с планом выражения лексико-семантической парадигмы (Воркачев 2004). Таким образом, средствами вербализации концепта могут быть синонимические ряды, гипонимические структуры, родовидовые структуры, лексико-семантические группы, лексико-семантические поля и т.д. Исследуемый нами концепт ЖИЗНЬ, по нашему мнению, заложен в корневой морфеме, составляющей основу словообразовательного гнезда. В языке такой концепт реализуется во всей словообразовательной парадигме. Именем такого концепта следует признать языковой знак, наиболее полно и адекватно передающий содержание концепта. В нашем случае – это существительное *жизнь*.

Третья составляющая определения концепта – наличие в нем лингвокультурной (национально-культурной) специфики. «Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, – закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания (Воркачев 2004, с. 31). Национально-культурная специфика концепта напрямую зависит от национального менталитета носителей языка. Национальный менталитет – это специфический индивидуальный или групповой способ мировосприятия и миропонимания, задаваемый совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок, главной характеристикой которого является особенность мышления и поведенческих реакций индивида или социальной группы (Воркачев 2004). Лингвокультурная специфика концепта, таким образом, проявляется во внутренней форме имени, в разных способах репрезентации одного и того же концепта, в степени подробности или обобщенности репрезентации концепта в разных языках, в образных составляющих концептов, их системных связях, в понятийном содержании концептов, а также «в стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике концепта» (Добровольский 1997, с. 37, 42). Национально-культурная специфика концептов является основанием, придающим какому-либо понятию статус концепта (Нерознак 1998).

Признаки, по которым можно осуществлять выделение концептов, следующие:

1) «переживаемость» концептов – они не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, будучи предметом симпатий и антипатий (Степанов 1997, с. 41);

2) «номинативная плотность» (Карасик 2002, с. 133), «семиотическая плотность» концептов (Попова, Стернин 2001, с. 98) – представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов (Карасик 1996, с. 4); количество единиц вербализации концепта напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании (Карасик 2002);

3) сложность, внутренняя расчлененность семантического состава концептов, их «непредельность» (Степанов, Проскурин 1993, с. 16);

4) концепты – это «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов» (Арутюнова 1999, с. 617-631), они культурно значимы, аксиологически окрашены и мировоззренчески ориентированы;

5) «лингвокультурная отмеченность» концептов (Орешкина 2000, с. 123) – в языковой семантике представлена материальная, духовная, социальная и поведенческая культура;

6) коммуникативная релевантность;

7) этимологическая память;

8) «языковая абстрактность» – концепт обобщает значения своих лексических реализаций (Воркачев, 2004, с. 51).

Исследуемый нами концепт ЖИЗНЬ соответствует всем восьми критериям. Мы выбрали концепт ЖИЗНЬ, так как он (наряду с концептом СМЕРТЬ) занимает центральное место среди лингвокультурных концептов, в связи с тем, что содержащиеся в нем наивные представления являются экзистенциально значимыми как для конкретного человека, так и для всей нации в целом. Концепт ЖИЗНЬ входит в ядро языкового сознания русских (согласно Русскому ассоциативному словарю в период с 1988 по 1997 годы 711 стимулов вызвали ассоциат *жизнь*). Он стоит на третьем месте после концептов ЧЕЛОВЕК (1404 стимула) и ДОМ (864 стимула). В настоящее время, по данным Н.В. Уфимцевой, концепт ЖИЗНЬ стоит на первом месте.

В содержании концепта как многомерного ментального образования можно выделить ряд составляющих. Вслед за С.Г. Воркачевым и В.И. Карасиком мы полагаем, что структуру концепта составляют следующие компоненты:

1. понятийная составляющая (состоящая из концептуальных признаков),

2. образная составляющая (например, концептуальные метафоры),

3. значимостная составляющая, включающая коммуникативно-значимую информацию (парадигматические, синтагматические, словообразовательные связи), прагматическую информацию, связанную с экспрессивной и иллокутивной функциями, а также этимологическую память слова,

4. ценностная составляющая, благодаря которой вскрываются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке (Карасик 2001, Воркачев 2004).

Выявить содержание того или иного концепта, а также его лингвокультурную специфику можно посредством его концептуального анализа.

Разработанная нами схема концептуального анализа включает несколько этапов.

1. Исследуется этимологическая память слова-имени концепта: выявляются первоначальные значения этимона, исследуются пути развития значений, история значений слова.

2. Методом компонентного анализа исследуются словарные дефиниции слова-имени концепта. В результате семема представляется как ряд семантических признаков, сем, которые, актуализируясь во множестве контекстов, формируют понятийную основу концепта.

3. Так как наш концепт заложен не в слове, а в корне слова и реализуется во всей словообразовательной парадигме, то анализ однокоренных с лексемой *жизнь* слов, т.е. вербальных репрезентаций анализируемого концепта, позволит более полно описать концепт ЖИЗНЬ.

4. Составляющей метода концептуального анализа является анализ метафорической сочетаемости. В работе нами используется понятие *концептуальной метафоры*. Концептуальная метафора – это основное средство нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа, средство осмысления некоторой более абстрактной сферы в терминах более известной, обычно конкретной сферы (Лакофф, Джонсон 1990). Концептуальная метафора является одной из мыслительных операций, способом познания, структурирования и объяснения мира. Поэтому анализ метафорических выражений – это способ выявления образной составляющей концепта.

5. Для описания значимостной составляющей концепта производится соотнесение анализируемого концепта с другими, связанными с ним парадигматически и синтагматически в концептосфере языка.

6. Кроме того, выявляется ценностная составляющая концепта, описывается национально-культурное понимание ЖИЗНИ в русской языковой картине мира.

7. Концептуальный анализ был бы неполным без данных ассоциативных словарей и ассоциативных экспериментов, так как концепт тесно связан с ассоциативным полем слова (Русский ассоциативный словарь). Следует заметить, что концепт репрезентирует ассоциативное поле, но не равен ему.

Материалом для исследования послужила также современная публицистика за 2001-2004 гг.² и художественная литература 90-х годов XX – начала XXI века³.

Этимологический анализ

Слово *жизнь* образовалось в древний период с помощью суффикса *-зн-ь*, указывающего на значение состояния (ср. *болезнь*, *боязнь*) от древнерусского глагола *жити* (Цыганенко, 131). В древнерусском языке (11 веке) слово *жизнь* имело два значения «жизнь, оживление» и «имущество» (Фасмер, Т. II, 52). Значение «имущество» сохранилось в современных словах *пожитки*, *нажитое* и в поговорке: *Жить поживать и добра наживать*.

Др.-рус. глагол *жити* означал «существовать, пастись, кормиться, обитать» (Черных, Т. I, 304). Значение «пастись» сохранилось в современном диалектном слове *пажить* (луг, пастбище). Значение «кормиться» актуализируется в глаголе *жить* в предложно падежной форме *жить на что-то* (сущ. со знач. *деньги*). Например, «Жена Гагарина *живет* на обыкновенную пенсию» (Аргументы и факты (далее – АиФ)). Значение «обитать» актуализируется в таких словах как *жить где-либо*, *проживать*, *жилье* и т.д.

Кроме того, в древнерусском языке были слова *живить* – давать жизнь, оживлять, лечить. Тот же корень с перегласовкой *о/е* присутствует в древнерусском слове *гоити* – лечить, делать так, чтобы заживало. Например, былинное *Гой еси – будь здоров* (Черных, Т. I, 304). Вырабатывается значение принудительного действия. В современном русском языке это значение проявляет-

---

² Газеты «Аргументы и факты», «Известия», «Комсомольская правда».

³ Проза Л. Петрушевской, Л. Улицкой, Е. Попова.

ся в словах *изжить что-либо* (вредную привычку), *выжить кого-либо откуда-либо* (соседку из квартиры).

Глагол *жити* восходит к праславянскому * ziti, которое имеет индоевропейский корень *gei/ *goi/ *gi «жить», который в свою очередь восходит к древнеиндийскому «двор, дом», греческому βίος «жизнь» и латинскому vivus «живой» (Шанский, Т.1, Вып.5, 109).

В 11-17 веках лексическое значение слова *жизнь* было таковым: 1) физиологическое состояние всего живого, 2) имущество, 3) бытие, существование вселенной, 4) жизнь человека от рождения до смерти (Словарь русского языка 11-17 веков, Т.5, 109). К 18 веку у слова *жизнь* утратилось значение «имущество» и появились новые значения: 1) быт, 2) реальная действительность и 3) совокупность всего сделанного человеком (Словарь русского языка 18 века, Т.7, 67).

Итак, уже в момент своего появления слово *жизнь* было полисемантическим, что объясняется синкретизмом этимона – индоевропейского корня *gei/ *goi/ *gi. Некоторые значения слов *жизнь* и *жить* в современном русском языке в данных лексемах утратились («имущество», «кормиться», «принуждать»), но они проявляются в лексическом значении других слов исследуемой словообразовательной парадигмы (*пожитки, наживать, жить на что-то, изжить что-либо, выжить кого-либо*). Сохранившиеся же значения лексем *жизнь* и *жить* вошли в понятийное ядро концепта ЖИЗНЬ

Понятийная составляющая концепта ЖИЗНЬ – признаковая структура, которая выявляется путем компонентного анализа значений слов с корнем *жи-*. Процедуру анализа слова-имени концепта наглядно иллюстрирует следующая таблица:

	Словарные дефиниции	Семы
1	«особая форма <u>существования</u> материи, главным признаком которой и отличием от неживых объектов является обмен веществ» (БАС, БТС, СРЯ ⁴)	«существование»
2	« <u>физиологическое</u> состояние живого организма от зарождения до смерти» (БАС, БТС, СРЯ), «полнота проявления <u>физических и ду-</u>	«функционирование, деятельность»

⁴ Словарь современного русского литературного языка в двадцати томах (далее БАС), Словарь русского языка в четырех томах (СРЯ) и Большой толковый словарь русского языка (БТС).

	ховных сил» (БАС, БТС), «деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях» (БАС, БТС)	
3	« <u>движение, оживление, вызываемые действиями живых существ</u> » (БАС, БТС, СРЯ), «существование в <u>развитии, движении</u> (о природе)» (БАС, БТС)	«движение»
4	« <u>время, период</u> существования кого-, чего-либо от рождения до смерти» (БАС, БТС, СРЯ), « <u>период</u> в существовании кого-либо, <u>время</u> пребывания где-либо» (БАС, БТС, СРЯ), « <u>срок</u> существования чего-либо» (БАС)	«длительность»
5	« <u>полнота</u> проявления физических и духовных сил» (БАС, СРЯ, БТС), « <u>совокупность</u> всех дел человека, пережитых им событий» (БАС, СРЯ)	«целостность»
6	« <u>реальная</u> действительность» (БАС, БТС, СРЯ)	«реальность»
7	« <u>образ</u> существования» (БАС, БТС, СРЯ) « <u>счастливое</u> существование в полном довольстве» (БАС)	«качество»

Затем исследуются контексты современной публицистики и художественной литературы. Если выявленные семы актуализируются в данных контекстах, то они становятся концептуальными признаками.

Таким образом, понятийная составляющая концепта ЖИЗНЬ представлена следующими концептуальными признаками:

1. ЖИЗНЬ – это существование. На этой семе строится научное понятие, стоящее за существительным *жизнь*. Данная сема актуализируется в контекстах типа: «Есть ли *жизнь* на Марсе?» (АиФ №13(1066)); «Главный императив всего этого разговора – человеческая *жизнь*. На лучших в мире американских дорогах погибли уже более 3 миллионов человек» (Комсомольская правда от 17.04.2001). Существование – это центральный концептуальный признак концепта ЖИЗНЬ в современном русском языке. Именно благодаря этому в сознании носителей русского языка ЖИЗНЬ определяется как нечто, противоположное СМЕРТИ, центральным концептуальным признаком которой является «прекращение существования, жизнедеятельности». Это закреплено и в ассоциативном поле концепта ЖИЗНЬ, так как подавляющее большинство реакций на слово-стимул *жизнь* – слово *смерть*.

2. ЖИЗНЬ – это деятельность, функционирование.

– В языковом сознании современных россиян *жизнь* воспринимается, прежде всего, как биологические функции живо-

го организма: «Она лежала на носилках как *живая*, но не было ни пульса, ни дыхания» (Петрушевская. Дом с фонтаном); «Крокодилы на острове нет, потому что подвергать опасности здоровье и *жизнь* людей никто не собирался» (АиФ №50 (1103)); «Архангельское бюро «Известий», комиссия во главе с начальником департамента инспекции территорий и войск ГО и ЧС РФ генерал-лейтенантом Сергеем Саловым проверяла промышленную и экологическую безопасность *жизни* населения Архангельска, Северодвинска, Новодвинска и Холмогорского района» (Известия N 62 (25900)); «А касаясь *жизни* и здоровья водителя – так ведь российский дальнотойщик знает, на что идет, когда садится за баранку...» (АиФ №10 (1115)); «Спустя четыре года палата лордов английского парламента выпустила постановление, разрешавшее врачам Бланда прекратить *поддержание жизни* больного» (АиФ Здоровье №13 (346)); «*Жили* на пособие, стояли в каких-то очередях с документами (Петрушевская. Западня); «*И жить* ей не на что» (Петрушевская. Детский праздник); «Жена Гагарина *живет* на обыкновенную пенсию» (АиФ №15(1068)). В трех последних примерах концепт *жизнь* сужается до понятия *существование*.

- Биологические и социальные функции: «Условия *жизни* во время учебы в Высшей музыкальной школе Кельна были почти спартанскими» (АиФ 50 (1103)). «Значимость сердечной аритмии для здоровья и *жизни* пациента различна» (АиФ Здоровье №16(349)). «И по большому счету именно от того, как мы будем питаться, зависит вся наша *жизнь*» (АиФ №10 (1115)).

- Социальные функции: «Проанализировав последние 10 лет нашей *жизни*, я представила такую картину: сначала мы сидели в запертой клетке, потом дверцу клетки распахнули, и мы выскочили оттуда и уподобились индейцам в набедренных повязках» (АиФ Здоровье №14(347)). «Физика, химия, биология, особенно их сложнейшие разделы, не всегда и нужны в *жизни*» (АиФ №16(1069)). «Во все времена музыка была частью *жизни* нашего народа. Спеть, потанцевать англичане любили всегда» (АиФ №50 (1103)). «Для врачей признание обществом их заслуг – да бог с ними, с нищенскими зарплатами! – может быть самым важным и главным в *жизни*» (АиФ Здоровье № 07(392)).

- Социальные функции + сферы деятельности актуализируются в словосочетаниях: *политическая, экономическая, социальная, профессиональная, трудовая, врачебная, кочевая, повседневная, светская, церковная, религиозная жизнь и т.д.* В настоящее время появилась *деловая жизнь*. Это обусловлено

реалиями нашего времени. В публицистике мы находим примеры: «А потом началась *телевизионная жизнь*» (АиФ №11(1116)).

3. ЖИЗНЬ – движение. В отобранных нами контекстах сема «движение» не встретилась. Значит, в современной русской языковой картине мира в структуру концепта ЖИЗНЬ не входит концептуальный признак «движение».

4. ЖИЗНЬ – это длительность: «*Длилась* ее счастливая жизнь один год и двадцать один день» (Улицкая. Цю-юрихь). «На *протяжении* всей жизни человека зубная эмаль окисляется бактериями молочной кислоты» (АиФ Здоровье № 07(392)). Часто сема «длительность» представлена имплицитно: «Вторая часть размера пенсии зависит исключительно от того, как вы потрудились *за жизнь*» (АиФ №14(1067)). В сознании носителя русского языка *жизнь* воспринимается как достаточно длительный период времени, поэтому ее можно *коротать*, *укоротить*: «Нина гордо *коротала жизнь* с дочкой и своей мамой» (Петрушевская. Шато); «В частных клиниках на западе уже давно активно занимаются изучением генной предрасположенности человека к тем или иным заболеваниям, которые могут *укоротить ему жизнь*» (Комсомольская правда от 20.02.2002).

Чтобы подчеркнуть значение длительности, употребляется местоимение *вся*: «*Вся жизнь* впереди!» (АиФ №10 (1115)). «*Вся моя жизнь* связана с фигурным катанием» (Комсомольская правда (далее – КП) от 22.02.2002). «А кто не знает, что в мае жениться – *всю жизнь* маяться?» (КП от 20.04.2001).

Длительность можно структурировать, поэтому в *жизни* выделяются

- отрезки (день, минута): «После *двух недель* такой жизни у меня прихватило сердце. И я с этой работы сбежала» (КП от 20.02.2002);

- периоды: «Это был самый *трудный период* моей жизни» (АиФ 50 (1103));

- этапы (начало, середина, конец): «К сожалению, полностью вылечить блефароспазм невозможно. Раз появившись, он сопровождает человека *до конца жизни*» (АиФ Здоровье №16(349)).

Временные планы жизни (прошое, настоящее, будущее): *прошлая, прежняя, старая жизнь, нынешняя, теперешняя жизнь, будущая, новая жизнь*. «Главное в *теперешней жизни* – молчать» (Улицкая. Цю-юрихь). «У нее только не было сил возвращаться в *прежнюю жизнь*» (Петрушевская. Спасенный).

5. ЖИЗНЬ – целостность (целостный набор событий, действий и т.д.): «Хозяйка смотрит телевизор до упора, уплывает в сладкие миры, пугается, заинтересована, скучает, т.е. живет

полной жизнью» (Петрушевская. В доме кто-т.е.); «Эта книга о том, как стать и навсегда остаться здоровым человеком, как овладеть простой и крайне эффективной системой самообороны, как научиться жить *полной жизнью* (АиФ №43 (1252)); «Я еще далеко не все сделал в моей жизни» (АиФ №11(1116)). Поэтому в жизни может чего-то не хватать. «Сходила она к деловым женщинам раз-другой и поняла, что лично ей *не хватает в жизни признания*» (Улицкая. Цю-юрихь).

6. ЖИЗНЬ – реальность, не вымысел: «Сюжет стал развиваться помимо сценария, как в *жизни*» (КП от 10.03.2003); «От превращения игры в *жизнь* один шаг?» (КП от 01.09.2002); «Мордобоя и порнографии им хватает и в *жизни*, а в сказки никто из беспризорников давно не верит» (АиФ №15(1068)).

7. ЖИЗНЬ – качество. Необходимо заметить, что *жизнь* (как абстрактный субстантив) характеризуется всевозможными качествами (*серая, скучная, примитивная, собачья жизнь; нормальная, достойная жизнь; комфортная, великопепная жизнь*). В качестве индикатора качества жизни часто выступают вкусовые ощущения («вкусовая» метафора типична для абстрактных имен): *горькая, пресная, сладкая жизнь*. «Приходится уже сейчас думать о пенсии, глядя на *несладкую жизнь* сегодняшних стариков» (КП от 17.04.2001). «Неужели у нас такая *сладкая жизнь*?» (АиФ №10 (1115)). «*Жизнь не пришлась ей по вкусу*» (Новые известия №199). Однако сама по себе ЖИЗНЬ означает положительное качество: «Давайте не будем искать героев, а начнем просто *наслаждаться жизнью*» (АиФ 50 (1103)); «*Жизнь без жизни*» (т.е. очень трудная жизнь, отличная от нормальной, «положительной» жизни) (АиФ №15(1068)); «Это разве *жизнь*?» (КП от 21.01.2004). «Зато теперь, когда я выхожу утром из дома, чтобы попить где-нибудь кофе, и меня при этом не преследует группа фотографов, я просто *наслаждаюсь жизнью*» (АиФ №39 (1248)); «Занятия на курсах три месяца идут, да по четыре часа три раза в неделю. Каторга, а не *жизнь*» (Улицкая Цю-юрихь).

Кроме того, в таких предложениях как: «Он загубил тысячи *жизней*» (АиФ №5 (1110)); «Женщина родила ребенка одна, без мужа, без семьи, совершенно отчаянно решив спасти тот *сгусток жизни*, о котором ей сказала врачиха» (Петрушевская. Два бога); «Но маленький комитет солидарности, горстка *живых* душ, толкует вечерами, что Елизавету затравила эта армейская вдова» (Петрушевская Рай, рай); наблюдается метонимический перенос *жизнь – человек* (метонимический перенос возникает на базе эллипсиса: целое (человек) называется именем состояния).

Анализ словообразовательной парадигмы.

Корень *жи-* является очень продуктивным. В Современном словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова приводится 295 лексем, входящих в словообразовательную парадигму с корнем *жи-*. Самые частотные из них: *жизнь, жить, живой*, далее *жизненный, живо, переживать, прожить, пожить и т.д.* (Частотный словарь русского языка). Однако в современном языке и состав и частотность иные: самыми частотными являются следующие слова: *жизнь, жить, живой*, далее *прожить, житель, выжить, жизнеобеспечение, переживать, жилье, жизненно*. В наше время появился также *прожиточный минимум* как реальная и соответствующая словосочетание. Здесь также актуализируется сема 'биологические функции живого организма'. «В Новгородской области *прожиточный минимум* вырос с 960 руб. до 1 тыс. 25 руб. в месяц» (Известия от 15.04.2001). Однако, в отличие от 1990 года не встречаются такие лексемы как *жизнерадостный, жизнелюбие*.

Выявив состав и частотность словообразовательной парадигмы в современном русском языке, можно сделать выводы относительно языковой картины мира. В настоящее время «высвечивается», становится важным такой фрагмент языковой картины мира, связанный с концептом *жизнь*, как биологическое существование. *Жизнь* (частотность в современной публицистике – 242) стала настолько сложной, что русский человек прикладывает множество усилий для того, чтобы просто *жить* (70), не умереть, а остаться *живым* (37), *прожить* (18) эту нелегкую жизнь, *выжить* (10) в этом сложном мире. Поэтому в современном языке и появились такие новые слова как *жизнеобеспечение и выживание*, которых нет в словаре А.Н. Тихонова 1990 года.

В контекстах употребления единиц, входящих в словообразовательную парадигму с корнем *жи-* без изменения актуализируются концептуальные признаки, выявленные нами при анализе слова-концепта *жизнь*. Единственная модификация коснулась концептуального признака «реальный, не вымышленный». В контекстах современной публицистики и художественной литературы он модифицируется в признаки 1) живой – настоящий, не искусственный: «Но мы мчимся, едем, приезжаем в свой отель, разбредаемся по номерам, принимаем душ как *живые* люди» (Петрушевская Три путешествия); «Но полностью заменить витаминами *живые зелень и овощи* нельзя, поскольку в последних есть еще и пектиновые вещества, обладающие противобактериальным действием»; (АиФ Здоровье №16(349)). «Американские ученые создают биороботов, которые управляются *живым мозгом*». (Комсомольская правда от 20.04.2001) и 2) живое – ре-

альное, то, что можно увидеть, услышать, потрогать: «К середине 2002 года экспертам придется согласовать механизм оплаты поставок *живыми* деньгами» (АиФ №50 (1103)); «Но при этом в Беларуси регулярно гастролирует Боря Моисеев, который, как известно, не отличается *живым* исполнением» (АиФ №10 (1115)); Из руки отца в руку дочери шла *живая* кровь. (Петрушевская Дом с фонтаном)

Прилагательное *живой* часто употребляется в перифразе *живой товар* – люди, животные: «Особенно много *живого товара* (зд. людей) в переходе метро "Китай-город"» (АиФ №15(1068)); «Он тихо пошел ее искать, осмотрел все углы этой роскошной квартиры со многими окнами, но никого *живого* не нашел» (Петрушевская Дом с фонтаном); «*Живой товар* (зд. животные) пользуется стабильным спросом последние 10 лет» (Известия от 20.02.2002).

Образная составляющая концепта ЖИЗНЬ, по нашему мнению, складывается из концептуальных метафор, отражающих национальный образ мышления. Это подтверждается высказыванием В.Н. Телия о том, что концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в системе образов, которые, по сути, являются своеобразной «нишей» для кумуляции мировидения народа (Телия, 1996). Именно концептуальные метафоры чаще всего используются для категоризации абстрактных концептов, к которым и относится концепт *жизнь*.

1. Самая частотная концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – ПУТЬ. Как отмечает Н.В. Павлович, это «одна из самых продуктивных метафорических парадигм 18-19 веков» (Павлович, 1995, 21). Но и поныне этот фрагмент языковой картины мира является актуальным: Человек *вступает в жизнь, идет по жизни, уходит из жизни*. Ср. актуализацию этой метафоры в публицистических контекстах: «Но 8 лет назад в жизни случился *крутой поворот*» (Известия). «*В жизни она прошла все*» (АиФ №11(1116)). В русском языке встречаются также такие метафорические выражения: *спутница жизни, путевка в жизнь, жизненный путь, сбиться с пути, наставить на путь истинный* и т.д. В творчестве Л. Петрушевской данная метафора трансформируется в метафору ЖИЗНЬ – РЕКА: «Ему, наверно, хотелось *плыть по жизни* легко» (Петрушевская. Колыбельная птичьей родины). «Здесь *протекала* ее личная, собственная *жизнь*» (Петрушевская. Дом с фонтаном). «И в это тихое *течение*, где Ольга могла замедлить события и ничего не делать, в это *течение жизни* ворвался вдруг тревожный голос Матвея» (Петрушевская. Западня).

Метафора ЖИЗНЬ – ПУТЬ ощущается и описывается самими носителями русского языка: «И *жизнь* моя – тяжелый *путь*» (АиФ №24 ((1233)). «Идет процессия, и везут на кладбище в дешевеньком деревянном гробу умершего старца, который долго прожил, мучился и скитался, наслаждался и радовался своим победам. Путь окончен...» (АиФ №9 (1114)).

2. ЖИЗНЬ в русском языковом сознании представляется также как ЦЕННОСТЬ. Недаром, обращаясь к кому-либо самому дорогому, мы говорим «Жизнь моя». Из этого следует вывод, что *жизнь* для носителя русского языка – это высшая ценность, она *бесценна*. Но в наши дни даже у жизни появилась цена, т.е. произошло обесценивание жизни, ее можно оценить в деньгах, измерить по шкале материальных ценностей: «*Цена жизни* порой исчисляется дюжиной баксов. (АиФ №5 (1110))»; «Цены на автомобили растут, а *цена на человеческую жизнь* падает...» (АиФ №15(1068)). Жизнь, как ценность, можно *беречь, сохранять*: «Ворам в Саудовской Аравии *сохраняют жизнь*, но отрубают руки» (КП от 13.02.200), *доверять*: «У многих возник тогда вопрос: почему знаменитый певец, человек со сказочными возможностями *доверил свою жизнь* именно военным врачам?» (КП от 18.02.2002). В метафорическом выражении *ни в жизнь* (выражение усиленного отрицания чего-либо) имплицитно также представлена концептуальная метафора *жизнь – ценность*.

3. Концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – СОБСТВЕННОСТЬ, принадлежность человека. Жизнь человеку могут *дать (подарить)* его родители. «Виктор и Нина Шмик, живущие в г. Майнце, не побоявшись никаких трудностей, подарили жизнь девятерым детям» (АиФ №24 (1233)). В Толковом словаре В.И. Даля мы находим поговорку: *жизнь дает один только бог, а отнимает всякая гадина* В современной публицистике данная концептуальная метафора актуализируется, например, таким образом: «Жизнь, подаренная журналистом» (АиФ №10 (1115)); «Кошка не могла *бороться за жизнь*» (Петрушевская В доме кто-т.е.); «Утром, хорошо выспавшись, м–д подумала, что уже ничего не боится, совершенно ничего, и теперь даже не страшно было совсем *бросить* свою теперешнюю *жизнь*, быт, крышу над головой» (Петрушевская В доме кто-т.е.). *Жизни* как собственности можно *лишить*: «За это время преступная группа значительно увеличилась. В марте в ее состав вошли еще два убийцы, доказавшие кровью, что способны легко *лишить* человека *жизни*» (АиФ №15(1068)); *жизнь* можно *унести*: «Руслан, рухнувший в Иркутске 6 декабря, *унес жизни* десятков людей, по всей вероятности, из-за несоблюдения инструкций аэродромными службами, отвеча-

ющими за заправку самолетов» (АиФ №15(1068)). «Но русской национальной идее *отдал жизнь*» (АиФ №40 (1249)); «*Жизнь отдам за фразу*» (АиФ №43 (1252)).

4. ЖИЗНЬ – КНИГА: *начать жизнь с нового листа, с чистой страницы*. «Объединение Чечни и Ингушетии позволит наладить новую *жизнь с чистого листа*» (АиФ №14(1067)); «С помощью этой акции мы стараемся помочь людям перевернуть трагическую *страницу в их жизни*, – отметил министр» (Известия). «Моряки умерли мгновенно, не подумав о боли, *не перелистав* перед глазами свою *жизнь*, не почувствовав обиды за такой конец...» (КП).

5. ЖИЗНЬ – НЕЧТО ХРУПКОЕ: *на ниточке висит, на волоске висит, разбить жизнь*: «Правда, и здесь много раз *жизнь на волоске висела*, да вот ухитрился до восемнадцати дожить!» (АиФ №12(1065)). «Молодая хозяйка все время жаловалась: на то, что все уползает из рук, что *разбита жизнь*, что как-то так происходит, но сил хватает только на три раза» (Петрушевская Спасенный).

6. ЖИЗНЬ – ИДЕАЛЬНАЯ СУБСТАНЦИЯ: *вдохнуть жизнь*: «Приближение окончания политической гонки *вдохнуло жизнь* в американские акции» (АиФ №14(1067)).

7. ЖИЗНЬ – ФИЗИЧЕСКАЯ СУБСТАНЦИЯ: *воплотить в жизнь* «К слову сказать, например, в Милане есть концепция продвижения марки города. Есть и специальная организация, которая занимается ее *воплощением в жизнь*» (АиФ Санкт-Петербург №444); «Другой автотранспортный проект, который пытались *воплотить в жизнь* московские власти – программа городское такси – фактически провалился» (АиФ №14(1067)).

8. ЖИЗНЬ – РЕСУРС: «Мою душу разъедали скука и тоска от сознания того, что уходит время и *жизнь растрачивается* на малоинтересное для меня дело» (АиФ 50 (1103)); «Я очень хочу, чтобы она побольше попробовала и получила возможность понять, чем ей хочется заниматься. И чтобы у нее было нормальное *количество детства в жизни*» (КП от 20.04.2001). «Я слышал, есть какой-то *норматив жизни* человека на пенсии – 17 лет. А если я проживу дольше, мне что, деньги платить не будут?» (КП от 17.04.2001). Метафора *жизнь – ресурс* трансформируется в метафору *жизнь – энергия*. «Существует поток *жизненной энергии*, который нисходит свыше на каждого человека» (АиФ №42 (1251)).

9. ЖИЗНЬ – КОНСТРУКЦИЯ: «Давайте *построим жизнь* вместе» (АиФ №20 (1073)); «Все было уже *устроено в ее жизни*, все

цвело, был порядок, образовалось главное: всегда вместе с Самсоном» (Петрушевская Как цветок на заре);

10. ЖИЗНЬ – МЕХАНИЗМ (МАШИНА): «Когда *жизнь* с русским рестораном и мужем-инвалидом совершенно *наладилась* и вошла в колею, Лидия по старой памяти снова пошла на курсы» (Улицкая Цю-юрихь); «И *жизнь* начнет потихоньку *налаживаться*» (АиФ №40 (1249)); «Завидуете американцам с их *налаженной жизнью?*» (АиФ №43 (1252)).

11. Персонификация ЖИЗНИ. 1) Жизнь чаще всего выступает как агнс. Можно выделить следующие социальные роли:

12. ЖИЗНЬ – АГРЕССОР: «Суровая *жизнь* *закалила* Диму и Геню до состояния стали» (Петрушевская Два бога); «Чудесным образом *жизнь* *вовремя* *вправляла* мне *мозги*. Иногда очень болезненными способами, но я благодарен, что это происходило» (КП); «Мордобоя и порнографии им хватает и в реальной жизни, а в сказки никто из беспризорников давно не верит: слишком *сурово обошлась с ними жизнь*» (АиФ №15(1068)); «*Жизнь поставила* Зиру Михайловну *перед* нелегким *выбором*» (АиФ №41 (1250)); «Ну а дальше вы знаете: *жизнь велела крутиться*, и наука для этого мало подходила» (АиФ №42 (1251)); «Но они не виноваты, это их *жизнь* так *покалечила*» (АиФ №48 (1205)); «Но как только из легкого тумана высовывается простая, крепкая морда, выступает кадык, пиджак, воротник, приближается эта проза, *желваки жизни*, так мечта довольно быстро упархивает, прощай, страна птиц» (Петрушевская Колыбельная птичьей родины);

13. ЖИЗНЬ – УЧИТЕЛЬ: «Суровая армейская *жизнь*, побросавшая офицера-десантника по дальним гарнизонам, *научила* его не обращать внимания на бытовые трудности» (АиФ №15 (1168)); «Всему остальному *жизнь научила* (АиФ № 35 (1141)).

2. ЖИЗНЬ – СУДЬЯ: «*Жизнь рассудила* иначе» (Новые известия №199);

3. ЖИЗНЬ – ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ: «К чему ты готов, то тебе, как правило, *жизнь и предлагает*» (КП); «Как *показывает жизнь*, ни к чему хорошему это не приведет» (АиФ), «*Жизнь любит* только тех, кто любит ее» (АиФ Санкт-Петербург №444);

2. ЖИЗНЬ – ВОЛЬНАЯ, НЕЗАВИСИМАЯ ЛИЧНОСТЬ: «Как забыть это ощущение удара, когда от тебя *уходят жизнь*, счастье, любовь, думала женщина Оля» (Петрушевская Где я была); «Тут явилась мама Лиза с очередным чаем, кот прыгнул и изобразил тумбочку, обмотавшись хвостом, козу увели, и *жизнь пошла своим ходом*» (Петрушевская Спасенный);

2) Жизнь может выступать и как пациенс:

2. ЖИЗНЬ – ОБИДЧИК: «Некоторые оставались около него посидеть, *пожаловаться на жизнь*» (Петрушевская Завещание старого монаха); «В моей смерти прошу *винить мою жизнь*» (КП);

3. ЖИЗНЬ – ЖЕРТВА («Дж. Бушу стоит побережиться – звезды четко указывают на *угрозу его жизни*» (АиФ 50 (1103)). «*Жизнь Иванова в опасности*» (АиФ Здоровье №16(349)). «Я не могу сказать, что опасаюсь *покушения на мою жизнь* или чего-то в этом роде» (АиФ №38 (1247));

4. ЖИЗНЬ – ПОДЧИНЕННЫЙ (РАБ): «Чего вы *хотите от жизни* еще?» (Комсомольская правда от 22.02.2002); «Главным требованием к потенциальному жениху было, чтобы он *"имел" жизнь*, а не она его» (АиФ №14(1067)); «Это остальным москвичам в подарок к «основному меню» подкинут пивную кружку или пробник духов – у *хозяев жизни* другие стандарты» (АиФ №41 (1250)).

Значимостная составляющая концепта. Системные характеристики лингвокультурологического концепта, необходимые для его полного семантического описания, складываются из анализа парадигматических, синтагматических, ассоциативных связей слов-имени концепта. Слово-концепт *жизнь* в концептосфере русского языка вступает, например, в синонимические (*бытие, существование*) и антонимические отношения (*смерть*).

В синонимической паре *жизнь – существование* правый член оппозиции маркируется отрицательно: «Это не жизнь, а *существование*» (АиФ № 20 (1073)). Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что ЖИЗНЬ – это положительное качество.

Самым важным видом парадигматических отношений для анализируемого нами концепта являются антонимические отношения: ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, определяющие место концепта ЖИЗНЬ в концептосфере русского языка.

Многие исследователи говорят о концептуальной диаде «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» (Чернейко, Хо Сон Тэ 2000, Новикова 2003, Ермакова 2004). Эта бинарная оппозиция является универсальной, так как левая часть оппозиции маркирована знаком «положительно», а правая – знаком «отрицательно».

В языке существительные *жизнь* и *смерть* признаются антонимами (Львов, 1978). Согласно семантической классификации Л.А. Новикова они являются «контрадикторными антонимами», делящими семантическое пространство *биологическое существование* пополам (Новиков, 1973).

Русское языковое сознание постоянно соотносит ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, оценивая их: *Эта жизнь хуже смерти; Эта жизнь и*

смерти не стоит; Жизнь надокучила, а к смерти не привыкнешь (Даль 1993). Однако, по мнению Л.О. Чернейко и Хо Сон Тэ, вывод о соотносительной ценности ЖИЗНИ и СМЕРТИ противоречив, поскольку лексема *жизнь* в данных пословицах означает и качество жизни, и жизнь как данность. Именно качество жизни актуализировано в тех пословицах, где жизнь считается хуже смерти (Чернейко, Хо Сон Тэ 2000).

Н.А. Новикова полагает, что концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, «несмотря на всю свою противоположность, образуют реальнейшую многоаспектную систему «жизнь-смерть», в которой сами выступают в качестве подсистем» (Новикова 2003, с. 14). Автор выделяет общие семы, присущие исследуемым словам-концептам: *выбор, игрушка, любовь, время, проявление качеств, незначительный предмет, место, путь, расплата*. На наш взгляд, выделение данных сем не соответствует действительности, за исключением сем: *игрушка* (общая для жизни и смерти), *время, путь* (свойственные только жизни). В итоге автор замечает, что жесткая оппозиция «жизнь-смерть», закреплённая в сознании рядовой личности, снимается в дискурсе. Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ вступают между собой в отношения сопоставления (сопоставляются на уровне выявленных в результате анализа сем) и включения, а их концептосферические поля взаимно проникают друг в друга» (Новикова, 2003, с. 19).

Л.В. Ермакова также полагает, что *жизнь* и *смерть* имеют ряд общих сем («деятельность», «движение»), однако в рамках макротекста они сохраняют противопоставленность (Ермакова 2004, с. 65).

Действительно, концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ неразрывно связаны друг с другом в сознании носителей русского языка, поэтому в современном русском языке существует так много выражений с этими двумя словами: *Вопрос жизни и смерти; Играть жизнью и смертью; Не на жизнь, а на смерть*. «А мы можем придумать эту закуску, для нас это *вопрос жизни и смерти*: чем закусывать водку» (АиФ №41 (1250)).

На наш взгляд, концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в данных случаях не являются антонимами, а наоборот, дополняют друг друга, означая нечто очень важное, существенное. Здесь актуализируется концептуальная метафора ЖИЗНЬ – ЦЕННОСТЬ.

Боязнь смерти привела к тому, что само слово *смерть* стало эвфемизмом, превратилось в табу. Люди верили в магическую силу слова, и вместо слова *смерть* стали употреблять *жизнь*: *приказать долго жить, уходить из жизни*.

Русскому сознанию свойственно представление о том, что между жизнью и смертью есть некое пространство. Оно очень маленькое: *Промеж жизни и смерти и блошка не проскочит* (Даль, Т.1, 541). «Это маленькое *расстояние между жизнью и смертью* видится человеку в редкие минуты его жизни» (Петрушевская Три путешествия). Но, если человек попадает в это пространство, находится *между жизнью и смертью*, это очень опасно для него. В современной публицистике представление о некоем пространстве между жизнью и смертью актуализируется следующим образом: «Да и не до авантюризма в этом жестоком уличном мире, где несколькими рублями, а то и единственным горячим хот-догом подчас измеряется *расстояние между жизнью и смертью*» (АиФ №15(1068)).

Ценностная составляющая концепта. Русской языковой картине мира присуще амбивалентное отношение к «жизни»: чаще всего, информанты заявляют, что *жизнь прекрасна* (индекс частотности по Русскому ассоциативному словарю – 30), *хороша* (16). Реже считают, что *жизнь – жестянка* (12), *тяжелая* (12). В языковой картине мира отмечается пассивность человека и активность и агрессивность *жизни*.

Можно отметить следующую культурную специфику отношений «человек – жизнь» в русской языковой картине мира. *Жизнь* активна, деятельна. Она влияет на человека, двигает им, изменяет его, помогает ему, является судьей, агрессором. Человек же, в основном, пассивен, подчиняется жизни, может только обвинить жизнь или пожаловаться на нее. Однако современность требует от человека большей активности, и *жизнь* постепенно переходит в роль подчиненного.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1999.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267-279.

Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: перевод с англ. М.: Русские словари, 1996. 411 с.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3 т. М., 1965.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. М., 1978.

Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. №6. С. 37-48.

Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

Ермакова А.В. Лексико-семантическое поле «жизнь – смерть» как смыслообразующая подсистема в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Материалы XXXIII междунар. филол. конф. 15-20 марта 2004 г. Вып. 18. Русский язык и ментальность. Ч. 2. СПб., 2004.

Ипанова О.А. Изучение фрагмента русского языкового сознания (на материале концепта *жизнь*) // Русский язык в современном образовательном пространстве: Материалы докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф. / СПб: Изд. СПГУТД, 2003. 212 с.

Ипанова О.А. Концепт «жизнь» в лингвокультурологическом аспекте // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного под ред. Е.Е. Юркова. СПб.: Политехника, 2003. 196 с.

Ипанова О.А. Фрагмент русской языковой картины мира в зеркале метафоры (на материале концепта *жизнь*) // XXXII междунар. филол. конф.: Сборник. Вып 15: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н.А. Любимова. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2003. 288 с.

Ипанова О.А. Ядро концепта «жизнь» (на материале современной публицистики и художественной литературы) // Русский язык и литература как отражение национально-культурного развития: Материалы докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф. / СПб: Изд. СПГУТД, 2004.

Ипанова О.А. Словообразовательное гнездо как способ репрезентации концепта // XXXIII междунар. филол. конф.: Сборник. Вып 16: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 15-20 марта 2004 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н.А. Любимова. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск. 1996. С. 3-16.

Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. научн. тр. Волгоград, 2001. С. 3-16.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Карасик В.И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) / Концепты. Вып. 2. Архангельск, 1997.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер.2. Вып.3. №16. 1992. С. 30-40.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.

Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М.: Наука, 1999. 424 с.

- Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. 352 с.
- Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
- Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1978.
- Ляпин С.Х. Концептология: К становлению подхода // Концепты. Вып. 1. Архангельск, 1997.
- Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 80–85.
- Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973.
- Новикова Н.А. Концептуальная диада «жизнь-смерть» и ее языковой воплощение в русской фразеологии, паремиологии и афористике. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2003.
- Орешкина М.В. Лингвокультурологические аспекты языковых заимствований // RES LINGUISTICA: Сборник статей: К 60-летию профессора В.П. Нерознака. М., 2000. С. 122-130.
- Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- Русский ассоциативный словарь. Кн. 1, 2. М., 1994; Кн. 3, 4. М., 1996.
- Словарь русского языка 11-17 веков в 25-и томах. М., 1978.
- Словарь русского языка 18 века в 11-и томах. СПб., 1992.
- Соломоник А. Язык как знаковая система. М., 1992.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1997. 824 с.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. С. 13-36.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в 2-х томах. М., 1990.
- Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Взаимодействие культур и языков: теория и методология. М., 2003. С. 152-170.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. СПб., 1996.
- Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989.
- Частотный словарь русского языка под ред. Засориной. М., 1997.
- Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. 2000. №5. С. 50-59.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х томах. М., 1999.

Чесноков П.В. О взаимосоответствии формальных типов языковых и логических построений // Язык и мышление. М., 1977. С. 88-101.

Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка в 2-х томах. М., 1961.

А.Г. Осипова (Санкт-Петербург) **КУПЛЯ / ПРОДАЖА**

В трактовке **концепта** будем следовать за такими отечественными лингвистами, как В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.И. Карасик и др. Концепт рассматривается нами как объемная структура знания, отражающая, в отличие от понятия, не просто существенные признаки объекта, явления, ситуации, а все те, которые в языковом коллективе заполняются знанием о сущности, что закономерно предполагает национально-культурную обусловленность концепта (см. Телия 1996, с. 96). Указанное понимание позволяет значительным образом расширить круг феноменов, объединяемых понятием концепта, и судить о нем как об информационной структуре, отражающей представление человека об объектах не только духовного, но и материального бытия⁵.

Отражательная зона концепта «купить/продать», в отличие от так называемых «метафизических», или «мировоззренческих» концептов, непосредственно развернута на внеязыковой, материальный видимый мир. При этом, ситуация купли-продажи, выступающая в качестве вещественной, внеязыковой «опоры» рассматриваемого концепта, принадлежит к числу универсальных, являясь неизменным атрибутом социального бытия практически всех языковых сообществ.

Исследование концепта «купить/продать» представляет интерес возможностью эксплицировать, основываясь на данных лексической семантики, определенную совокупность национально-культурно обусловленных знаний, представлений, ассоциаций,

---

⁵ Ср. данный подход с существующей традицией относить к концептам только те ментальные образования, которые имеют статус так называемых «ключевых слов культуры» (Ю.С. Степанов), «аксиологических доминант» (О.А. Корнилов), «экзистенциально значимых имен» (Л.О. Чернейко), «мировоззренческих» (Н.Д. Арутюнова) или «метафизических» концептов, ментальных сущностей высокой либо предельной степени абстрактности, отправляющих к «невидимому миру» духовных ценностей» (Воркачев 2001, с. 70).

оценочных стереотипов, связанных в русскоязычном социуме с универсальной ситуацией купли-продажи.

При описании содержательного потенциала концепта будем исходить из ряда важных принципов. Так, положение о многомерности, неоднородности знаний, составляющих концепт (см.: Телия 1996, с.101; Чернейко 1996, с. 21; Степанов 1997, с. 41 и др.), позволяет выделить в его содержательной структуре несколько измерений, или типов знания: **понятийное** знание, ассоциируемое с объектом материального или идеального мира в форме категориально-таксономических признаков; **социокультурное** знание, отражающее особенности объекта, обусловленные социально-экономическим укладом жизни общества в определенный период; **ценностное** знание, представляющее собой комплекс эмоционально-оценочных суждений об объекте.

Представление о полевом характере языковой реализации концепта (см., например: Телия 1996, с. 260; Стернин, Попова 1999, с. 8; Сергеева 1998, с. 129; Кильдибекова, Гафарова 2000, с. 101; Воркачев 2001а, с. 68 и др.) подразумевает его исследование в терминах ядра и периферии, или содержательного минимума и максимума.

Ориентация на целостное изучение содержания концепта предполагает комплексный подход к отбору языкового материала: речь идет об описании лексических единиц как литературного языка, так и лексики, функционирующей за пределами литературной нормы, т.н. субстандарта⁶. Обращение к субстандартной лексике обусловлено, кроме того, и особенностью самого концепта «купить/продать», предполагающего «высокую частотность словесных представлений» именно в субстандарте. Это один из наиболее популярных концептов (ср. также «женщина», «пьянство», «работа» и др.), «которые более всего располагают говорящего к номинационному процессу, к нелимитированному экспрессивному словотворчеству» (Химик 2000а, с. 4).

Специфика выбранного в качестве объекта исследования концепта отражается в его именовании, представляющим собой конверсивное сочетание двух предикатов «купить/продать». Конверсивы обладают одинаковой предметной соотнесенностью, имеют тот же самый денотат обозначают одну и ту же ситуацию с позиций двух ее участников (см. Новиков 1999, с. 228).

---

⁶ Обоснование понятия стандарта и субстандарта, а также принципы структурирования последних см. в работах: Химик 1999, с. 107-126; Химик 2000, с. 8-18, 192-200; Химик 2001, с. 204-210.

Содержательный минимум концепта, являющийся его частичной, но доминантной, ядерной актуализацией, может быть представлен в данном случае в виде семантического описания отраженной в языке денотативной ситуации, обозначаемой глаголами-конверсивами *купить* и *продать*.

Существенно, однако, что саму ситуацию невозможно представить иначе, чем как через последовательное описание значений двух глаголов, указывающих на различные по своей сути акции: покупки и продажи, каждая из которых в то же время предполагает одновременное совершение другой, представляя тем самым одну из двух необходимых «граней» единого целого⁷.

Один из участников ситуации включает в свою собственность тот или иной объект, компенсируя партнеру стоимость этого объекта имеющимися в его распоряжении денежными средствами. Второй участник ситуации – лицо, обладающее каким-либо объектом, – совершает передачу этого объекта, получая взамен эквивалент его стоимости в виде денежных знаков.

Таким образом, каждый из участников выполняет функцию по отторжению и приобщению объекта и является одновременно субъектом и контрагентом действия. В свою очередь, это означает, что в процессе передачи оказываются задействованными два объекта: товар и эквивалент его стоимости – денежные знаки. Специфическое содержание ролей двух субъектов рассматриваемой ситуации имеет специальные лексические средства номинации: *продавец* и *покупатель*.

Смысловое ядро концепта представим в виде «структурно-семантических формул», основываясь на семантических валентностях слов *продать* и *купить*. «Семантическая валентность слова Л – это постоянное внутреннее свойство самого Л, обусловленное его значением. Содержание семантических валентностей слова – это роли участников ситуации... Эти роли суть части лексического значения данного слова» (Кобозева 2000: 141)⁸.

---

⁷ Специфика ситуации, представление о которой формирует содержательный минимум концепта «купить/продать», позволяет отнести рассматриваемый концепт к разряду феноменов, обозначаемых Ж. Деррида, «лексико-семантическими невозможностями»: «это случай контрастной структуры значения с отсутствующей (нейтрализованной) серединой (Деррида 2001, с. 72),

⁸ Вслед за И. Кобозевой будем отграничивать семантические валентности /актанты/ и сирконстанты от синтаксических валентностей и сирконстантов (см. Кобозева 2000, с. 140-141).

Для глагола *продать* структурно-семантическая формула имеет следующий вид:

S V O₁ за/по O₂ A,

где S – субъект акции (продавец), V – глагол передачи (продать), O₁ – первый объект (товар), за/по O₂ – второй объект (денежный эквивалент), A – контрагент акции (покупатель).

Для глагола *купить*

S V O₁ за/по O₂ A,

где S – субъект акции (покупатель), V – глагол приобретения (купить), O₁ – первый объект (товар), за/по O₂ – второй объект (денежный эквивалент), A – контрагент акции (продавец).

Известный параллелизм смысловых структур конверсивов *купить* и *продать* позволяет минимизировать количество исходных составляющих содержательного минимума концепта и представить их в виде следующих узловых позиций.

Субъекты акций: *покупатель, продавец*, акции: *купить, продать*, первый объект акций: *товар*, второй объект акций: денежный эквивалент товара, т.е. *деньги*.

Данный подход соотносится с существующей в науке точкой зрения, развиваемой в частности, Л. Г. Бабенко, согласно которой система языковых реализаций концепта, концептосфера имеет полевую структуру, ядром которой является когнитивно-пропозициональная структура, в свернутом виде передающая идею концепта. Выведение знаний, отражающих представления русскоязычного социума о ситуации купли-продажи и образующих в целом содержательный максимум концепта, оказывается возможным на основе семантического анализа лексических репрезентаций основных позиций выявленной структуры ядра концепта.

В рамках настоящей работы рассматриваются системы лексических реализаций таких составляющих содержательного минимума концепта «купить/продать», как акции и их субъекты: речь идет о двух группах глагольных номинаций с архисемами 'продать' и 'купить', а также двух блоках наименований, объединяемых базовым смыслом 'тот, кто продает' и 'тот, кто покупает'⁹.

---

⁹ Преимущественное внимание к исследованию языковых реализаций субъектов акций обусловлено спецификой занимаемого положения последних в структуре значений глаголов *купить* и *продать*: очевидно, что актантная позиция субъекта принадлежит в данном случае к числу наиболее сильных.

Последовательное описание семантики единиц выделенных лексико-семантических групп (далее ЛСГ)¹⁰ предполагает два тесно взаимосвязанных направления.

В рамках первого направления выделяются наименования более конкретных, специализированных акций и типов их субъектов, определяется максимально возможное количество семантических признаков, отражающих накопленное в языке знание о характерных свойствах выделенных разновидностей акций и типов субъектов. Результаты семантического описания обобщаются в виде набора типовых дифференциальных признаков каждой ЛСГ, выступающих в качестве основных семантических параметров, релевантных для собственно языкового представления акций приобретения, продажи и их субъектов.

Вторым направлением семантического анализа является обнаружение и обобщение заложенной в значениях лексических единиц информации культурологического плана, которая позволяет судить о некоторых специфических особенностях универсальной по своей сути ситуации купли-продажи, обусловленных социальным развитием России конца XX века (социокультурное знание), а также о нормативно-ценностном отношении русскоязычного социума к рассматриваемой ситуации (ценностное знание).

Акция приобретения, помимо собственно литературного глагола *купить / покупать*, представлена в русском языке системой следующих обозначений: *приобрести / приобретать, взять / брать; достать / доставать, отхватить, оторвать; хватать; отовариться / отовариваться; прибарахлиться / прибарахляться, упаковаться / упаковываться; раскупить / раскупать, разобрать / разбирать, расхватать / расхватывать; зацепить, надербанить, рисовать / нарисовать, рисануть, отшопить* и др.

Часть единиц указанной ЛСГ, а именно номинации литературного языка *приобрести/приобретать, брать/взять* и единицы молодежного жаргона *зацепить, надербанить, рисовать/нарисовать, рисануть, отшопить* и др., не предполагают существенных изменений исходного смысла, выражаемого глаго-

---

¹⁰ Под лексико-семантической группой (далее ЛСГ) в настоящем исследовании понимается «языковая и психологическая реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отношений – отношений смысловой близости по синонимическому типу» (Слесарева 1980, с. 49).

лом *купить*. Другие единицы ЛСГ, тем или иным образом уточняющие базовый смысл, служат в языке в качестве обозначения специализированных разновидностей акций приобретения. Представление о типовой акции, наиболее отчетливо эксплицируемое нейтральным глаголом *купить*, детализируется за счет актуализации и дополнительной конкретизации таких параметров, как объект, субъект, способ, условия приобретения и срок, на который приобретается товар.

Большинство глаголов характеризуется реализацией семантического признака о б ъ е к т приобретения. Так, глагол *достать* и его субстандартные синонимы *отхватить*, *оторвать*, используются для описания акций приобретения объектов, имеющих безусловную ценность для их субъекта. При этом, в зависимости от того, чем определяется ценность приобретаемого, глаголы допускают несколько типов употребления. Так, глагол *достать* используется для описания акций приобретения дефицитного или редкого товара, глаголы *оторвать*, *отхватить* описывают акции приобретения дефицитного или дешевого товара.

Номинации *прибарахлиться*, *упаковаться* предполагают, что объект приобретения выходит за рамки предметов первой необходимости и не принадлежит к числу пищевых продуктов. Представление об особом типе акций, обозначаемом глаголом *упаковаться*, достигается за счет указания на то, что приобретенное составляет некий н а б о р вещей, свидетельствующий о достигнутой н о р м е в возможном приобретении чего-либо.

В большинстве случаев глаголы ЛСГ с базовым смыслом 'купить' предполагают актуализацию нескольких семантических параметров: так, для глагола *достать*, помимо характеристики объекта приобретения, существенной оказывается информация о с п о с о б е приобретения: 'с трудностями'. При этом в первом круге употребления глагола (при описании акций приобретения дефицитного товара) выделенный признак предполагает дальнейшую социокультурную конкретизацию: «по блату» или в очереди. Для глаголов *прибарахлиться*, *упаковаться*, помимо определенной характеристики приобретаемого, необходимым является указание на у с л о в и я совершения акции – 'достижение субъектом акции определенного уровня благосостояния'.

– *Хитрован ты!* – воскликнул он, седлая велосипед. *Костюмчик-то импорт? По блату достал небось, да? Вырядился, ишь ты! Знаю я тебя* (В. Аксенов. *Пора, мой друг, пора*); *Трудились на вредном производстве, заработки, по тем временам, вполне приличные шли, и алиментов не платил – прибарахлиться имелось на что* (С. Кузничихин. *Духарики и чумарики*); *Вернемся, однако, к нашему комфорту. Итак, человек получил отдельную благоустроенную квартиру со всеми удоб-*

ствами. Жизненно необходимо купить мебель, люстры, шторы. Очень важно установить удобный импортный унитаз, это квартирный трон, это святое... Ну, все, **упаковались** (<http://www.artfoto.ru>).

Специфика глаголов приобретения заключается в том, что в семантику большинства из них включены дополнительные сведения о с у б ъ е к т е акции: так, для синонимов ряда с базовым значением 'раскупить' это представление о множестве субъектов, для возвратных глаголов это указание на то, что 'исполнитель действия совпадает с лицом, во владение которого поступает приобретаемое'.

Существенно, что при описании акций приобретения, в отличие от акций продажи, внимание говорящего фокусируется только на субъекте акции. Глаголы приобретения не затрагивают сферы контрагента, в данном случае продавца, что подтверждают семантико-грамматические особенности единиц: обилие возвратных глаголов и редкие случаи синтаксической реализации валентности контрагента акции.

Исследование эмоционально-оценочных глаголов рассматриваемой ЛСГ позволило выявить некоторые особенности зафиксированного в языке **нормативно-ценностного** восприятия акции приобретения. Большая часть единиц, содержащая компонент эмоциональной оценки, характеризуется выражением слабоотрицательной оценочности, при этом неодобрение говорящего связано главным образом с неприятием особенностей поведения субъекта в момент приобретения чего-либо (*отхватить, оторвать, расхватать, рвать с руками, хватать*), либо с неприятием системы жизненных приоритетов субъекта, поскольку приобретение в таких случаях выступает главным образом свидетельством приверженности исполнителя действия материальным ценностям (*прибарахлиться*):

В иные времена мы в одной очереди говорили, что сейчас подойдем, в другой сами занимали, в третьей писали номер на руке, в четвертую ставили соседа по двору, а в пятую просто лезли, чтобы отхватить яблок. (<http://www.niknews.mk.ua>); *Во время прогулки по Невскому проспекту Сафин и его спутница заглянули в Гостиный двор, где их внимание привлекла 56-я секция Галереи высокой моды. Желание Марата прибарахлиться понятно. В Европе покупка одежды из бутиков даже для теннисного миллионера удовольствие не из дешевых. А так модное пальто Sonia Rykiel обошлось нашему чемпиону всего в 35 тысяч рублей* (КП в Петербурге 19.01. 02).

Значительная часть глаголов с базовым смысловым 'купить' оказывается «насыщенной» **социокультурной** информацией. Так, семантика неактуальных для современного узуса глагольных номинаций *достать, оторвать, отхватить*, описывающих ак-

ции приобретения дефицитного товара, наиболее ярко отражает известные большинству носителей русского языка условия приобретения в «доперестроечный» период.

*Это сейчас марокканские апельсины на каждом углу, а в пору дефицита считалось невероятной удачей **оторвать** в очереди килограмма два-три* (<http://www.smena.ru>).

Глаголы *отхватить*, *оторвать*, используемые в современном употреблении для описания акций приобретения дешевого товара, довольно отчетливо отражают особенности современной действительности, в условиях которой особым образом актуализировался вопрос стоимости приобретаемого.

*Блок дополнительных мультимедийных инструкций Pentium-III никакого практического влияния на производительность под Linux не оказывает. Так что отсутствие его не должно смущать, если есть возможность существенно сэкономить, **отхватив** на распродаже старый Pentium-II или Celeron серии A* (<http://www.linuxrsp.ru/artic/hardsaga>).

Помимо литературного глагола *продать/продавать*, для описания акции продажи используются следующие глагольные номинации: *сбыть/сбывать*, *сплавить/сплавлять*, *сбагрить/сбагривать*, *скинуть*, *столкнуть*, *слить*; *навязать/навязывать*, *всучить/всучивать*, *впихнуть*, *впарить/впаривать*, *втюхать/втюхивать*; *перепродать*, *перетереть*, *перепульнуть*; *отдать/отдавать*, *уступить/уступать*, *спустить/спускать*; *толкнуть*, *загнать* и др.

Исходный смысл, обозначаемый глаголом *продать*, без изменений отражен в значениях жаргонно-просторечных номинаций *загнать*, *толкнуть* и жаргонизмов *сдать*, *двинуть*, *задвинуть*, *фугануть*, *фукнуть*, *пульнуть*, *пулить* и др.. Единицы остальных синонимических рядов значительным образом конкретизируют представление о типовой акции продажи. К числу основных параметров, актуализирующихся при характеристике определенных разновидностей акций денежной передачи объекта, относятся такие параметры, как субъект, контрагент, объект акции, способ осуществления акции, цена, по которой осуществляется акт денежной передачи объекта.

Глагол *сбыть* и его субстандартные синонимы *сплавить*, *сбагрить*, в зависимости от характера и с х о д н ы х намерений исполнителя действия и типа о б ъ е к т а продажи используются для описания акций двух видов. Так, первом случае субъект старается максимально сократить сроки владения ненужным ему товаром:

*Когда она вернется, они все втроем пойдут на рынок и купят Оле что-нибудь к зиме. Может, и дубленку. Чтобы **сбыть** товар, торговли*

будут рассыпаться перед ней мелким бесом. От удовольствия Дорган коротко хохотнул (О. Захаров. Площадь обороны); На Западе придумали термин «секонд хэнд» – «вторые руки» и гордятся тем, что умеют вовремя «сплавить» ставшую ненужной вещь (<http://hc.uzrak.uz/archiv>); Очень скоро Европа начнет в обязательном порядке утилизировать все машины старше пяти лет. И тогда европейцы будут рады **сбагрить** их нам буквально за копейки... (КП 31.07.01)

Во втором случае намерение субъекта избавиться от имеющегося у него товара, сопровождается стремлением получить существенную прибыль от предпринимаемой акции. Выгодный результат действия в данном случае обеспечивается его исполнителю тем, что в качестве объекта продажи выступает не полноценный, некачественный, поддельный, незаконный по происхождению товар, либо цена на товар оказывается значительно выше его реальной стоимости. В данном типе употребления указанные глаголы синонимизируются с жаргонно-просторечными номинациями **столкнуть, спихнуть, слить, скинуть**:

*Два дагестанца убили белгородца в его собственной квартире. Убийц поймали спустя три часа после содеянного, когда напившись самогона, они пытались **сбыть** краденное в универмаге «Маяк»... (КП в Воронеже); – Говядина по 79 не нужна? – заглянул нам в лицо усатый продавец. Только быстрее покупайте, а то вот они [милиционеры] рядом ходят. «С таким напором любую собачатину **сбагрить** можно», – подумали мы и отправились по другим «партизанским» точкам (МК 04. 05.02.); Контрактников сразу же возненавидели. Помню, как морщился один из комбатов, когда «вертушка» привезла из Ханкалы «долгожданное» пополнение: – На черта они мне нужны? Две недели будут водку пить да по домам шариться. А как намародерничают достаточно – начнут автоматы бросать да рапорта на увольнение строчить. Дома барахло **скинут**, деньги пропьют – и по новой в Чечню (МК 27.02.- 6.03.02).*

В целом глаголы продажи представляют собой более сложные семантические структуры, чем глаголы приобретения: так, номинации **навязать, всучить, всунуть, впихнуть, втолкнуть, впарить, втюхать, подсунуть, подложить**, описывающие акции продажи, выгодный результат которых обеспечивается их субъекту использованием нечестных приемов, включают сведения об особом типе к о н т р а г е н т а. Речь идет о покупателе, который выступает жертвой обмана со стороны продавца:

*Давно известно, что в любой большой партии товара содержится какой-то процент брака. Дабы не нести убытков, ушлые продавцы откладывают такие детали в надежде **всучить** их полным профанам и «лохам» (Автобизнес-Weekly 29.03.01); Доверчивому автолюбителю могут **подсунуть** не только «левые» тосол или «тормозуху», но и*

«липовую» жидкость для омывателя ветрового стекла (Автобизнес-Weekly 01.06.00).

Численное преобладание в ЛСГ глаголов с базовым значением 'продать' обнаруживают номинации, характеризующиеся отчетливо выраженной пейоративностью, позволяя судить о доминирующем негативном отношении языкового коллектива к акциям продажи. Осуждение говорящего вызывают, в первую очередь, те акции (ср. *сбыть* и его субстандартные синонимы), субъект которых стремится передать в собственность второго участника ситуации товар, обладающий негативными характеристиками. Усиление отрицательной оценочности свойственно тем лексемам, которые помимо информации о негативных характеристиках товара, содержат сведения о форме действия продавца 'насиленно, против воли и желания контрагента', общей характеристике способа действия 'прибегая к обману' (ср. *навязать* и его синонимы), а также глаголам, указывающим на конкретный способ обмана контрагента: 'незаметно, под видом полноценного' (*подсунуть, подложить*).

Негативная оценка объясняется тем, что действия продавца, описываемые эмоционально-оценочными глаголами, наносят серьезный ущерб контрагенту акции либо какому-то третьему лицу, не являющемуся непосредственным участником ситуации. Показательно при этом, что параметры действия, мотивирующие негативную оценку отправителя речи, свидетельствуют о выгодном результате акции для ее субъекта. Именно в стремлении извлечь максимальную прибыль исполнитель действия идет на нарушение как морально-этических, так и юридических норм. Таким образом, в русской языковой картине мира понятие прибыли как закономерно ожидаемого результата денежного обмена товара в значительной мере оказывается дискредитированным, главным образом, за счет языкового представления о несовместимости способов ее получения с системой нравственных ориентиров русскоязычного социума.

Социокультурная информация в ЛСГ глаголов с базовым значением 'продать' наиболее отчетливо представлена в семантике таких номинаций, как *давать, выкинуть, выбросить*, описывающих характерные для «доперестроечного» периода акции внезапной продажи дефицитных товаров. Об особенностях осуществления акции в «новое» время, а именно об участившихся случаях продажи некачественных или поддельных товаров, в определенной мере свидетельствует процесс заметного расширения двух синонимических рядов, доминантами которых выступают литературные номинации *сбыть* и *навязать*, использующи-

еся при описания акций денежной передачи неполноценных в том или ином отношении товаров.

Субъект приобретения и субъект продажи разграничены в русском языке прежде всего по такому признаку, как субъект действия и деятельности: лексема *продавец*, в большинстве случаев, содержит указание на то, что, продавая что-либо, субъект занимается определенным видом деятельности.

Исследование крайне немногочисленных единиц с исходным значением 'тот, кто покупает' дает возможность в первую очередь выявить особенности **нормативно-ценностного** отношения русскоязычного социума к покупателю. Отрицательная оценка покупателя оказывается обусловленной неприятием таких характеристик субъекта, как свойственная ему чрезмерная приверженность сугубо материальным ценностям, предполагающая, в свою очередь, его склонность к постоянному приобретению чего-либо (*приобретатель, барахольщик*). Негативное отношение русскоязычного социума вызывает и неспособность покупателя противостоять обману продавца (*простак, профан, лопух, лох, пассажир*).

*Руки у самопальщиков полностью развязаны. Ведь на этикетке при современном уровне развития полиграфии можно написать что угодно. Благо, некому проверить и призвать к ответу. И сим малоинтересным для наивных автолюбителей (продавцы бурды называют их **лохами**) обстоятельством пользуются ушлые ребята* (<http://www.enet.ru>);

Система обозначений субъектов продажи представлена в языке двумя основными группами номинаций, свидетельствующими о релевантности для русской языковой картины мира двух основных типов «продавца»: того, кто продает, не обладая правом собственности на объект передачи, выполняя функции посредника, *продавец*, и того, кто продает товар, владея им, *торговец*. К разграничению субъектов с точки зрения наличия/отсутствия прав собственности на объект передачи добавляется такой параметр, как место, которое занимает акция продажи в деятельности субъекта: если денежная передача составляет суть деятельности *продавца*, то для *торговца* продажа товара составляет лишь один из необходимых аспектов деятельности.

Наиболее разработанной и обширной в русском языке оказывается система обозначений *торговца* (*балалаечник, барахольщик, барыга, барышник, ваучер, ваучерник, ваучерист, иконник, коробейник, коммерсант, коммерц, лавочник, магазинщик, ма-клак, мешочник, торгош, торгошка, спекулянт, спекулянтка, старьевщик, старьевщица, матрешечник, челнок, челночица, фарцовщик, цигарка, утюг* и др.). Для дифференциации типов

торговцев существенны такие признаки, как масштаб деятельности, участие/неучастие субъекта в непосредственном акте денежной передачи объекта, вид объекта продажи, место продажи, характер деятельности субъекта с точки зрения ее легитимности.

Семантика оценочных наименований, принадлежащих ЛСГ 'субъект продажи', указывает на множество негативных признаков, которые приписываются или ассоциируются в русскоязычном социуме с человеком, профессиональная деятельность которого предполагает его обязательное участие в акции денежной передачи объекта. Неодобрение русскоговорящего социума вызывают, во-первых, те субъекты, чья деятельность, связанная с акцией денежной передачи объекта, предполагает нарушение правовых норм: ср., например, *сбытчик* 'продавец краденого или нелегального товара', *толкач* 'торговец краденым', *барыга* 'торговец наркотиками', 'скупщик краденого', *левак* 'производитель и продавец нелегально произведенной продукции', *маклак* 'спекулянт, перекупщик' и др.:

*– Вы случайно не знаете, здесь торгуют краденым? – спросила я у мужчины, приглядывавшегося к рыболовным снастям. – Не в курсе, – мужчина пожал плечами. Зато стоявшая рядом бабушка возмутилась. – Разве так можно спрашивать – краденое, некраденое?(...) – Помоему, здесь есть **сбытчики**, – пробудился рыбак от бабушкиного крика. – Вон у забора тетка...(МК 14.05.02).*

Самой надежной в республике считается «крыша», которую обеспечивают малому бизнесу некоторые сотрудники Администрации президента. (...) Дешевле «сотрудничать» с милицией. Иногда от симбиоза с правоохранительными органами бывает и реальная выгода. С его помощью магазин избавляется от назойливых «толкачей» ворованных автомагнитол и фальшивых долларов ([Белорусская деловая газета 01.02.02](#)).

В сферу негативной характеристики субъекта продажи попадают также его профессиональные качества, при этом в фокус внимания говорящего входит такой аспект деятельности субъекта как его взаимоотношение с контрагентом акции, т.е. покупателем. В русской языковой картине мира особым образом выделяется и подвергается резко негативной оценке способность субъекта к нечестным действиям по отношению к контрагенту акции, либо установка на агрессивность по отношению к покупателю:

*Многие приезжие **торгаши** (по-другому их назвать нельзя) продают фрукты с помощью безменов. Торгаши знают, что безмены за их «точность» давно уже запрещены, что нужно пользоваться весами с клеймами госповерителей. Но они свободу торговли понимают по-своему (<http://mr.magpress.ru/>); Человек, занимающийся торговлей, вовсе не должен брать на себя роль так называемого «толкача», чтобы добиться успеха. (...) это необдуманная тактика. Вспом-*

ните, сколько раз вы подвергались назойливой осаде такого рода торговых агентов, которые ходят по домам и любой ценой пытаются «толкнуть» вам пылесос или энциклопедию (<http://infobusiness.com.ua>).

Исследование позволяет судить о некоторой парадоксальности в оценках, которые даются в русскоязычном социуме субъектам акций: негативное отношение к торговцам, прибегающим к откровенному обману покупателя сочетается, как отмечалось, с пренебрежительным отношением к неудачливому покупателю, оказывающемуся жертвой нечестных действий стороны продавца.

Множество единиц, объединяемых базовым смыслом 'тот, кто продает', содержит указание на низкий социальный статус и непрестижность профессии субъекта продажи. Так, употребление лексем *торгаш*, *торгашка*, *барыга* свидетельствует об очевидном превосходстве говорящего по отношению к человеку или группе лиц, чья деятельность связана со сферой торговли:

*Антонина Ивановна Барыкина считала себя интеллигентным человеком. А как же иначе? У станка она не стоит, метлой двор не подметает и не **торгашка** вам какая-нибудь* (<http://www.volga-astrakhan.ru/15.01.2001>).

Номинация *барыга* в определенных типах употребления, помимо указания на низкий социальный статус субъекта, предполагает квалификацию его деятельности как недостойной:

*Были фермерами, стали **барыгами** (заголовок). Тюрины перерегистрировали оставшийся участок под строительство объектов придорожного сервиса и стали думать: что теперь делать? Самим АЗС построить – денег нет. Тогда фермеры решили землю продать. И нашли покупателей, которые согласились заплатить за участок у дороги в 3 гектара 2,5 миллиона рублей. Колхозники в Красном Яре сразу же окрестили Тюриковых «**барыгами**», а районные чиновники пошли на них в атаку (КП 31. 07. 2001)*

Обширная система эмоционально-оценочных единиц (*торгашка*, *торгаш*, *лавочник*, *магазинщик*, *барышник*, *толкачи*, *маклак* и др.) предполагает отрицательную квалификацию человеческих качеств субъекта продажи. Так, например, в основе метафорического значения слова *торговка* лежит представление об узком, ограниченном, неразвитом внутреннем мире субъекта:

*Стоит Маринке открыть рот, как всё её очарование – сразу же улетучивается. С каждым новым словом сущность её обнажается всё больше и больше. И в результате весь шик сходит на нет, а от интересной женщины остаётся только пошлая и нудная базарная **торговка*** (<http://zhurnal.lib.ru/4.12.2002>).

Переносное значение *торгашка* предполагает характеристику субъекта с точки зрения системы его жизненных приоритетов. Выступая в составе сравнения, лексема актуализирует указание

на негативное с точки зрения говорящего свойство субъекта оценивать все с точки зрения материальной ценности:

– А сама Анна чем хочет заниматься?

– Музыкой. Я ее спрашиваю, что она потом будет с этим делать.

А она мне отвечает: «Мама, ты рассуждаешь как **торгашка!**» И она права... (Огонек № 09 Март 2002).

Ряд номинаций рассматриваемой лексико-семантической группы предполагает негативное описание интеллектуальной сферы обозначаемого лица. Так, лексема *лавочник* в ряде употреблений, помимо указания на род занятий субъекта 'тот, кто занимается торговлей', содержит информацию о таких его свойствах, как необразованность, невежество, ограниченность:

Из двухсот ведущих руководителей научных школ город покинули более ста. Они увезли с собой и молодежь. А с кем останемся мы? С лавочниками (Толковый словарь русского языка конца XX века).

В фокус внимания оценивающего субъекта попадают и такое качество объекта номинации, как внешняя физическая непривлекательность. Лексемы *торгашка*, *торговка* употребляются при описании некрасивой, отталкивающей, вызывающей отвращение женской внешности:

– Начнем?

– Что?

– Как что, игру, конечно.

– А правила? А условия? А объяснения? Это, что, очередная дьявольская уловка? – *Машин голос возвысился до визга. Она напоминала сейчас себе толстую потную базарную торговку, не поделившую что-то со своей соседкой.* (Десять дьявольских мыслей (<http://home-of-shadow.narod.ru/>))

В ряде случаев переносные значения слов *торговка*, *лавочник* предполагают негативную характеристику особенностей речевого поведения того или иного субъекта. Указание на незнание или несоблюдение общепринятых норм речевого поведения реализуется названными номинациями главным образом в составе сравнений с глаголами речи *ругаться*, *кричать*, *вопить*:

...забудь мама выключить плиту на кухне и сожги какую-нибудь кастрюлю – точно так же завопила бы на старуху, брызгая слюной, как базарная торговка, ибо напряжение в последние месяцы дошло до края... (Р. Солнцев. Полураспад // Октябрь, 2002, № 5).

Особенно резкой негативной оценке подвергается качества субъекта, свидетельствующие о его способности нарушить существующие морально-этические нормы:

Скупают его не будущие хозяева, а иноземные барышники, которым нет дела до производства, потому и остаются от былой мощи страны голые стены заводов да долги по зарплате и кредитам, предоставленным теми же маклаками-перекупщиками с барышничьей совестью (<http://ladimi.chat.ru>).

Ряд номинаций данной ЛСГ (*торгаш, толкач, барыга* и др.) в переносном значении выступают в качестве обозначений того или иного лица, характеризующих уровень его нравственности. Ср., например:

...у журналистов существуют своя профессиональная этика и свои правила поведения в «газетном цехе» – не всегда совпадающие с правилами тех, кто уверен: купить и продать можно все (...) С «толкачами» можно бороться, а иногда даже нужно – хватило бы принципиальности (Аиф Молдова. 07.11.2001).

Человек, русский по духу, мог быть кем угодно, но он никогда в глубине души не был барыгой, жадно и корыстно присваивавшим себе все мыслимые материальные блага... (Санкт-Петербургский университет. 05. 06. 1998)

Иными словами, негативная оценка субъекта продажи в русском языке многоаспектна, она сопрягается с характеристикой лица с точки зрения профессиональных, интеллектуальных, духовных, морально-этических качеств, особенностей внешнего облика, поведения, а также с точки зрения престижности социального статуса, профессии. Очевидно, в таком случае, что субъект продажи предстает в русской языковой картине мира, с одной стороны, как носитель множества собственно человеческих недостатков, с другой стороны, как представитель неуважаемой, непрестижной в русскоязычном социуме профессии.

Единицы с так называемым **социокультурным** компонентом обеих ЛСГ значения актуализируют представление о специфических типах субъектов приобретения и продажи, характерных для России до- и постперестроечного периодов.

Знаковой для периода дефицита становится фигура *спекулянта*. Базовый смысл, выражаемый данной литературной номинацией, приобретает дополнительную конкретизацию в системе жаргонных обозначений. Так, у слова *фарцовщик*, представленного целым рядом экспрессивных модификаций *фарц, фарца, фарцман, фарцуха, фарцовый*, исходная семантика уточняется за счет характеристики объекта спекуляции с точки зрения места его производства 'импортные вещи', а также способа приобретения последних 'выменянные у иностранных туристов или привезенные из-за границы'.

В Ленинград понемногу стали приезжать иностранцы году в 56-м. Главным образом, финны. Проклиная сухой закон в Финляндии, они автобусами приезжали в Ленинград на гулянки. У них тайно покупали вещи, и вскоре образовалась целая система устойчивых торговых связей. Появилась «фарца» (Е. Рейн. Мне скучно без Довлатова).

Дифференциация жаргонизмов *утюг, утюжник, жучок* достигается за счет таких параметров, как объект спекуляции: у *утюга* это запрещенная в обращении иностранная валюта, у *утюжни-*

ка – билеты на зрелищные мероприятия, у *жучка* – театральные билеты, у слова *гамщик* указание на объект спекуляции – мелкие импортные товары, типа жвачки, зажигалок и т.п. дополняется информацией о возрасте спекулянта (обычно подростки). Дифференцирующим семантическим признаком жаргонизма *подберезовик* является место «работы» «рядом с валютным магазином «Березка»».

Довольно отчетливо систему отношений купли-продажи допестроечного периода характеризуют пренебрежительно-ироничные жаргонные номинации, объединяемые общим значением «покупатель»: *глотник, десант, десантник, мешок, мешочник*. Базовый смысл в них в значительной мере модифицирован за счет таких признаков, как место жительства покупателя: речь идет о человеке из провинции, место приобретения товара – столичный город, объект приобретения – дефицитный, недоступный для провинциала товар. При этом номинации особым образом акцентируют тот факт, что покупка дефицитного товара является основной целью приезда человека в столичный город.

Электрички из Тулы и Рязани каждый день привозили в Москву толпы провинциалов, которые прямоком с вокзала отправлялись по магазинам закупать продукты. Москвичи презрительно называли их «плюшевый десант», потому что в основном это были дородные тетки в старомодных плюшевых жакетах (Огонек, № 38, 1999).

Период легализации частной торговли был отмечен на лексическом уровне активизацией литературной номинации *коммерсант*. Значимая информация социокультурного плана заключена в жаргонно-просторечной номинации *комкарь* «продавец или владелец *комка*». Возникновение *комков*, составивших конкуренцию государственным магазинам, приходится на начало 1990-х годов. Жаргонная новация типа многозначного слова *бутлегер* «изготовитель и продавец нелегальной водки», «человек, занимающийся бизнесом на продаже пустых бутылок» на уровне лексического субстандарта отразила дальнейшие изменения, затронувшие сферу купли-продажи в «пореформенной» России.

Итак, изучение лексических репрезентаций концепта «купить/продать», имеющих вид обширного семантического поля, позволило выявить определенную совокупность разнородных по своему типу знаний, связанных в русскоязычном социуме с универсальной ситуацией купли-продажи. Содержательный минимум концепта, формируемый представлением о типовой ситуации купли-продажи, был расширен в первую очередь за счет выявления системы разновидностей акций приобретения и продажи, а также типов их субъектов. Выделение и описание социокультур-

ного и ценностного измерений концепта дало возможность эксплицитировать комплекс национально-культурно обусловленных представлений, связанных с универсальной ситуацией купли-продажи, а также установить характер изменений, затронувших содержательную структуру концепта. Изменения в общей структуре концепта «купить/продать», зафиксированные семантикой его лексических репрезентаций, затрагивают уровень социокультурного знания. Структура концепта «купить/продать» не претерпела каких-либо существенных преобразований на уровне ценностного знания. Определяющей в системе оценок акций приобретения, продажи и их субъектов является негативная оценочность.

Литература

Бабенко Л.Г. Когнитивная структура текста (модель анализа) // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы Всерос. конф. 26-27 октября 2000г. В 3-х т. Т.1. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. СПб., 2001. С.34-35.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001а. №1. С. 64-72.

Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка (на материале функционально-семантической сферы «жить»). Уфа, 1998.

Деррида Ж. Граматология письма. М., 2001.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск, 1997. Вып. I. С. 11-37.

Осипова А.Г. Социокультурные аспекты исследования лексического субстандарта // Русский язык в современном образовательном пространстве. Материалы докладов и сообщений междунар. науч.-метод. конф. СПб.: СПГУТД, 2003. С. 14-16.

Осипова А.Г. О некоторых аспектах изучения языкового субстандарта в современной русистике // Социальные варианты языка – II. Материалы междунар. науч. конф. 24-25 апреля 2003 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2003. С. 60-64.

Осипова А.Г. «Продавец» как объект оценки в русской языковой картине мира // Материалы XXXII междунар. филол. конф. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003 года. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 159-164.

Осипова А.Г. Ситуация купли-продажи как объект оценки в русской языковой картине мира // Русское слово в мировой культуре. Материалы

X Конгресса междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. СПб.: Политехника, 2003. С. 141-147.

Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX в. Материалы науч. конф., посвященной 80-летию филол. ф-та РГПУ им. А.И. Герцена и 75-летию проф. С.Г. Ильенко. СПб., 1998. С. 126-129.

Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Стернин И.А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. 1999. Вып. 2. С. 69-75.

Стернин И.А., Попова З.Д. Концепт. Воронеж, 1999.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

Химик В.В. Русское просторечие как культурный феномен // Преподавание русского языка как иностранного: традиции и перспективы. Сб. статей. СПб., 1999. С. 107-126.

Химик В.В. Современное городское просторечие как система // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы Всерос. конф. 26-27 октября 2000 г. В 3-х т. Т.1. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. СПб., 2001. С. 204-219.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.

А.А. Контримович (Иркутск) НАКАЗАНИЕ

Целью данной работы является исследование концепта PUNISHMENT – НАКАЗАНИЕ посредством анализа его языковых репрезентаций в современном английском языке.

Проблема *наказания* изучается многими науками, в фокусе которых находится человек. Каждая наука – философия, социология, психология – рассматривает *наказание* со своих позиций, обращая внимание на разные стороны этого сложного явления, но рассматривается оно всегда в оппозиции с *преступлением*.

Такие концепты как «вина», «ответственность», «преступление», «наказание» могут быть отнесены к концептам, обеспечивающим связь Человек – Социум. Они не могут возникнуть в ин-

дивидуальном сознании самостоятельно, не опираясь на социальный фон – обобщенные знания социума.

Указанные концепты играют основную роль в создании ценностной картины мира. Они несут в себе коллективное знание: результат воздействия того или иного события на человека, положительная или отрицательная оценка этих событий и т.д. Основной единицей нашего исследования является концепт как *многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны* (Карасик 2004). Мы считаем концепт «PUNISHMENT» социо-оценочным, т.е. требующим для своего формирования определенных условий, а именно: во-первых, наличия системы конвенциональных правил; во-вторых, оценки социумом поведения человека относительно той или другой системы норм; в-третьих, реакции человека на эту оценку (Арутюнова 2000).

Феномен наказания, как социо-оценочный (или аксиологический) концепт, безусловно, присутствует в любом человеческом сообществе и представляет ценность как универсально, культурно и социально значимое явление, а ценностный аспект является одним из важнейших измерений зрелости любого человеческого сообщества. Концепты являются более глубоким уровнем бытия, и по отношению к ним традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы выступают проективными и редуцированными формами (Слышкин 2000: 3-4). При подходе к концепту «PUNISHMENT» как к социо-оценочному подчеркивается связь формирующегося в сознании индивида концепта с усвоенными ценностями данного социума, т.е. связь индивидуального и общественного опыта.

Понятие «наказание», по данным тезауруса Роже, обозначено в современном английском языке с помощью более чем пятидесяти лексем. В это число включены лексемы, конкретизирующие наказание по способу, степени и цели причинения страдания. В нашем исследовании в роли лексемы-репрезентанта выступает лексема *punishment*, являясь, наиболее нейтральной, однозначной и не несущей в себе сниженных или разговорно-бытовых коннотаций (Плотникова 2000). Исходя из анализа энциклопедических и толковых словарей, мы выделили признаки наказания: (1) следствие вины; (2) страдание (ядерные) и (3) возмещение, (4) статусные отношения, (5) градация, (6) средство сдерживания (неядерные).

Для построения прототипической ситуации наказания и для выявления его концептуальных признаков важна «сегментация

сцены (scene partitioning), т.е. принципиальное членение обозначаемой сцены на эпизоды и участников» (Талми 1998: 102). Прототипическая ситуация наказания выглядит следующим образом: *субъект наказания – тот, кто наказывает, делает что-то плохое объекту наказания (тому, кого наказывают) в ответ на что-то плохое, совершенное объектом наказания*. Следовательно, наказание невозможно без оценивания субъектом наказания поступка объекта наказания.

Возможно совпадение субъектов оценки и наказания – тот, кто выносит негативное суждение, определяет и последствия. Но объектом оценки выступает действие человека, а объектом наказания – тот, кто совершил действие. Под субъектом наказания и оценки подразумевается представитель социума: лицо, часть социума или социум в целом. Общество является носителем нравственных норм, в нарушении которых проявляется индивидуализм, стремление выделиться. Социум порождает системы социальных ценностей, определяет категории добра и зла, хорошего и плохого. Эти категории, берущие начало в опыте многих поколений людей, обусловлены биосоциально. Поведение каждого участника социального образования находится под контролем общества, а наказание как феномен, основанный на социальном опыте, выступает неким «приведением к общему знаменателю», возвращает к нарушенным правилам, которые предназначены для успешного функционирования общественной системы как объединения индивидов.

Так, в приведенной ниже ситуации субъектом оценки действий монахини является церковь – выразитель общественного мнения. Церковь – совокупность лиц – образует некий «социум с общими стереотипами» (Вольф 2000: 69). Общественное мнение выражено с помощью фразы с пропозициональным глаголом *the church regards*, которая прямо указывает на субъекта и относит оценку к религиозному когнитивному пространству. Церковь выступает и в роли субъекта наказания, она налагает на провинившуюся наказание – обет молчания:

We shall pray together, but we will not be allowed to talk. The Church regards what I have done as murder. It's a time-honored way of exacting penance. Unlike your civil authorities, no time is set. I shall serve in silence until someone designated by the Church believes I have seen the error of my ways and have been sufficiently punished for my transgressions (Coughlin, 338).

Субъект и объект оценки, так же как субъект и объект наказания, находятся в отношениях иерархии или статусных отношениях: Бог – человек, большинство (общество) – меньшинство (индивид) и т.д. Значение социального статуса велико, так как это

естественное явление, возникшее в процессе филогенеза: В истории развития человеческого общества выбор предводителя служил целям обеспечения интересов группы. Важной ролью социального статуса в общественной жизни объясняется широкая представленность этого явления в языке. В ситуации, предшествующей наказанию, субъект оценки при вынесении оценки подчеркивает свой статус, так как ценности имеют общественную значимость и, давая оценку, индивид тем самым присваивает себе право представлять общество:

Punishments are common, obvious elements in our lives; we take punishments for granted. Parents punish children by yelling, scolding, taking away candy or toys, 'grounding', revoking privileges (Friedman, 9).

В оппозиции *parents / children* изначально заложен признак «статусные отношения», так же как он заложен и в лексеме *punish*. Можно сказать, что во фразе *parents punish children* признак «статусные отношения» присутствует в избытке. В приведенном примере перечисление видов наказаний и фраза *we take punishments for granted* характеризуют феномен наказания как повседневное явление общественной жизни людей.

Если деяние человека названо преступлением, значит, высказана негативная оценка. Следовательно, вина – это основной элемент ядерного признака рассматриваемого концепта «следствие вины», который связан с оцениванием поступка человека им самим или окружающими. Вина является элементом сознания и самосознания личности, т.е. представляет собой обвинение себя самого с точки зрения своей социальной группы. Так, в романе А. Хейли «Airport» имеет место констатация человеком своей вины. Кит – диспетчер аэропорта – винит себя в том, что не оправдал доверия друга и стал косвенной причиной авиакатастрофы. Однако это внутреннее признание, и никто, кроме самого Кита, не знает об этом. Тем более не знают об этом власти аэропорта, которые наказали Перри – диспетчера, замещавшего Кита в момент катастрофы. Несмотря на то, что признание не произнесено вслух, мы не сомневаемся, что диспетчер виноват:

Keith knew – as others did not – that the real responsibility for the Redfern tragedy was his own, not Perry Yount's. Perry had been Keith's friend, had trusted Keith that day to be conscientious, to come back to the control room as quickly as he could. Yet Keith, though knowing his friend was standing double duty, aware of the extra pressures on him, had been twice as long as he needed to be, and had let Perry down; so in the end, Perry Yount stood accused and convicted in Keith's place. Perry for Keith – a sacrificial goat (Hailey a, 65).

Такие концепты как «вина», «ответственность», «преступление», «наказание» могут быть отнесены к концептам, обеспечи-

вающим связь Человек – Социум. В определении этих феноменов играет важную роль фактор Другого (Бахтин 2000: 234). Вне Социума нет Человека. Общество формирует человека как личность, передавая ему знания, опыт поколений. В обществе человек научается сравнивать, сопоставлять свой индивидуальный опыт с общественным, объективированным опытом и знанием, переданным ему в языке и с помощью языка.

Вина как признак концепта «PUNISHMENT» может быть имплицитирована в высказывании уже самим употреблением лексемы *punish* или ее дериватов. Рассмотрим примеры, взятые нами из газетной статьи. В высказывании не объясняется, что случилось в банке. Но употребление лексемы *punish* активизирует ту часть нашего опыта, которая позволяет понять, что наказание – следствие некоторого негативного поступка, и это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о какой-то вине служащих банка:

The Beijing Youth Daily, a state run newspaper, quoted a spokesman for the Construction Bank as saying that 474 people at the bank had been punished this year. He did not describe what forms of punishment were used (FT, June 30 2003).

Подтверждение своему выводу мы находим уже в следующем высказывании:

The action by the bank comes after the National Audit Office checked the books of dozens of Construction Bank branches and found illegal loans, fictional profit-and-loss figures, secret accounts run by individual loan officers and other problems (там же).

Здесь вина эксплицитирована словосочетаниями, несущими негативную оценку (*illegal loans, fictional profit-and-loss figures, secret accounts, other problems*), которую дали аудиторы и управление банка его служащим.

Интересно рассмотреть в качестве примера эпиграф к роману Г. Гришема «The Chamber»: *Between the crime and the punishment is the truth...* Истиной, лежащей между преступлением и наказанием, тем, что призвано уравновесить эти феномены, является, по-видимому, вина преступника, которая должна быть озвучена в течение судебного процесса, чтобы каждый человек мог быть уверен в справедливости наказания и всей судебной системы. Вина также должна быть осмыслена тем, кто совершил преступление, для осознания справедливости понесенной кары, что, в идеале, является конечной целью любого наказания.

Исходя из анализа элемента *вина*, представляется целесообразным обратиться к феномену оценки. Оценочные структуры характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью. Отмечается прагматический характер оценки, она предназначена для воздействия на адресата

и имеет своей целью вызвать у адресата определенное психологическое состояние (Stevenson 1963: 153). Оценочное отношение человека к действительности выражается в том, что: оценка не может существовать вне предметной ситуации; она отражает нормы, существующие в конкретный исторический период и в конкретной социальной среде; оценка корректирует действие или поведение индивида; действие всегда рационально детерминировано.

Концепт «PUNISHMENT» возникает как результат оценочной деятельности, когда объекты и события окружающего мира по-разному воздействуют на человека, вызывая у него субъективную оценку. В связи с этим можно говорить об оценочной концептуализации и категоризации. Указанные процессы играют основную роль в создании ценностной картины мира.

Если вина выделяется как основной признак этого понятия, то можно считать концепт «PUNISHMENT» оценочным. Под оценочным концептом мы, вслед за Н.Н. Болдыревым, понимаем единицы, которые определяют содержание оценочных категорий и служат основой для их формирования. Н.Д. Арутюнова углубляет понятие оценочного концепта, определяя его как социо-оценочный. Такие концепты требуют для своего формирования определенных условий: 1) наличия системы конвенциональных правил; 2) оценки Другим поступка, поведения или облика Эго относительно некоторой системы норм; 3) реакции Эго на оценку Другого. Вероятнее всего, следует говорить о внешней и внутренней системах конвенциональных правил в каждом конкретном случае, так как каждый индивид в процессе онтогенеза приобретает знание подобных ценностей не путем считывания их словарных определений, а в результате личного опыта, возникающего из взаимодействия со средой и социальным опытом предшествующих поколений.

Социо-оценочные концепты принимают участие в координации сознания как органа, предназначенного для вынесения суждений, и воли как действенного начала человека. Помимо феноменов воли и совести, тем, что возвращает поведение человека к норме, является и феномен наказания. Но наказание есть уже *следствие* неразумного поведения как результат оценки этого поведения и сравнения его с нормой.

Если концепт «PUNISHMENT» относится к социо-оценочным концептам, то именно ценностная составляющая этого концепта является определяющей для каждого человека. Основанием для отнесения концепта «PUNISHMENT» к социо-оценочным концептам могут служить нормы и законы англоязычного общества.

Нормы – это «экстракт» наиболее полезных поведенческих ситуаций, выделенных в процессе онтогенеза, они относятся к особо важным типам знания, их социальная функция – обобщать и регулировать множество конкретных ситуаций общения. Поскольку стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций, нормы имеют слабый выход в лексику и актуализируются, прежде всего, тогда, когда возникает выбор между той или иной поведенческой стратегией, поскольку большинство норм настолько вошло в жизнь, что люди не осознают их, пока не обнаружится какое-то нарушение или недопонимание. Функцией наказания является ограничение деятельности, служащей интересам отдельных индивидов, которое основано на социальных нормах, следовательно, наказание служит социокультурной эволюции – сохранению и движению общества вперед.

С социальной позиции нормы можно определить как «негенетически передаваемую информацию о мире» (Чернейко 1997), т.е. как культуру. Понятие нормы (ее нарушение) и наказания (последующие определенные социумом действия) всегда составляют причинно-следственную цепочку, которая прослеживается наблюдателем в ситуации оценки. Например, в романе А. Хейли "The Moneychangers" идет речь о буднях крупного американского банка. Полицейский (Innes) и сотрудник службы безопасности банка обсуждают кражу крупной суммы денег. Использование метафорического выражения (*to nail*) сотрудником безопасности банка показывает его негативное отношение к преступнику. Когнитивное пространство, в рамках которого выражена оценка, – это сфера отношений банковских служащих. Полицейский рассматривает ситуацию несколько шире, выражает возможную точку зрения судьи и общественности: за первое преступление Истен получит условный приговор, а сумма денег не будет приниматься в расчет, так как в банке денег много, и они все равно застрахованы:

'Okay, we've enough to nail Easten on a larceny rap. Let's say the amount stolen is eight thousand dollars, more or less. What do you think a judge will give him?'

'For a first offence he'll draw a suspended sentence', Innes said. 'The court won't worry about the money involved. They'll figure the banks have lots and it's insured anyway' (Hailey b, 112).

Интересно проследить градацию нормы в приведенном примере. В профессиональной области банка норма – абсолютная честность, а большая сумма пропавших денег – отягчающее вину обстоятельство. С точки зрения полицейского, кража не является тяжким преступлением, а то, что деньги украдены в банке, не является важным обстоятельством. При таком подходе негативная

оценка действий Истена явно ослабляется, а границы нормы очень размыты. Однако по мере развития разговора актуализируются общечеловеческие моральные нормы, и возможные последствия поступка Истена отягчаются. Если будет доказано, что Истен пытался свалить свою вину на девушку-кассира, то его деяния будут рассматриваться так, что он осознанно шел на преступление и пытался уйти от ответственности, подставив невиновного человека. Здесь уже здравый смысл, т.е. универсальные нормы общества, требуют реального наказания :

'But if we can prove he [Easten] took that other cash – the six thousand last Wednesday; if we can show he aimed to throw the blame on the girl, and damn near did...'

Innes grunted understanding. 'If you could show that any reasonable judge would send him straight to jail. But can you?' (Hailey b, 112)

Когнитивные области наблюдателей совпадают, поэтому совпадают суждения разных людей. Это позволяет сделать вывод об одной консенсуальной области взаимодействий – языковой области, имеющей в своем основании совпадающие ценности различных групп общества, что позволяет индивидам успешно взаимодействовать друг с другом, а именно: наказание достигает своей цели, например, преступник раскаивается в том, что сделал.

Важно подчеркнуть, что невозможно вычлениить «чистые» нормы, которые бы встречались только в определенном сообществе, поскольку каждый индивид входит в малые и большие группы, и коллективное пространство в его сознании является «поскутным» образованием. Нормы сообщества являются тем, к чему «возвращает» наказание. Они играют роль «границ» человеческого поведения, сдерживают его. Следовательно, концептуальный признак *наказание – средство сдерживания* постоянно имплицирован в языковых репрезентациях концепта «PUNISHMENT». Он лежит в основе утилитаристской теории наказания в философии: в идеале одна лишь мысль о наказании должна удержать человека от правонарушения.

Признак концепта «PUNISHMENT» *наказание – возмещение* является существенным в представлении концепта. Это отзвук философской концепции ретрибутивизма. В одних случаях наказание как возмещение воспринимается на основе рациональной оценки и безо всяких эмоций. В других случаях невозмещенная вина ощущается человеком как неудовлетворение, пустота, боль. Возмещение этих ощущений наказанием является важным в психике человека, в его самооценке, в ощущении себя как личности. В приведенной ниже ситуации адвокат убеждает человека, чья семья пострадала от террористического акта, что смертная казнь для террориста не вернет ему родственников, и,

следовательно, нецелесообразна. Однако этот человек убежден, что ему будет легче перенести свое горе, если убийцу казнят, его психическое состояние выражено в его ответе:

– *But killing Sam will not bring them back.*

– *No, it won't. But it'll make us feel a helluva lot better. It'll ease a lot of pain. I've prayed a million times that I'll live long enough to see him dead (Grisham, 403).*

На основании изложенного можно считать наказание естественной потребностью как общества в целом, так и каждого отдельного индивида как члена этого общества.

Ретрибутивистский характер наказания требует того, чтобы следствие поступка уравнивало нанесенный им вред. Это означает, что «PUNISHMENT» – концепт, которому изначально свойственна градация.

Постоянное соседство в языке понятий «преступление» и «наказание» является, по-видимому, отражением объединения этих феноменов в сознании человека:

Crime and punishment <...>are unique social indicators, mirrors of society – distorted mirrors; but even the distortions are symptomatic and systematic (Friedman, 254).

Соответствие наказания преступлению является нормой как в научной, так и в наивной картине мира, и в следующем примере принимается самим осужденным как справедливое и освобождающее от вины искупление:

But I might be further from God than I am from the devil. Which is not a good thing. It seems that I know evil more intimately than I know goodness and that's not a good thing either. I want to get even, to be made even, whole my debts paid (whatever it may take!) to have no blemish, no reason to feel guilt or fear. I hope this ain't corny, but I'd like to stand in the sight of God. To know that I'm just and right and clean (Mailer, 305).

Несоответствие наказания преступлению всегда отмечается. Это может быть слишком суровое или слишком мягкое наказание. В приведенной ниже ситуации мужчина оплакивает погибших близких и считает смертную казнь недостаточным наказанием, так как убийца его внуков будет недостаточно страдать и будет морально готов к смерти:

I don't buy that crap. The death penalty is too good for these people. It's too clean and sterile. They know they're about to die, so they have time to say their prayers and say 'good bye'. What about the victims? How much time did they have to prepare? (Grisham 1995, 275)

Языковые репрезентации наказания чаще выделяют качественный признак. Признаки *quite enough, grossly disproportionate, even, how high, far past the point* в своем прямом значении выражают скорее количество, чем качество. Но в языковых репрезентациях концепта «PUNISHMENT» эти выражения выступают в ро-

ли качественных признаков наказания, указывающих, насколько человек удовлетворен / неудовлетворен последствиями некоторого действия. Следовательно, качественные характеристики наказания являются более важными для носителей наивной языковой картины мира, так как они более наглядны и выразительны.

Все метафоры, определяющие наши моральные концепты, базируются на представлении людей о благе. Установка *Благо Есть Богатство* является основой для метафорической системы, с помощью которой люди понимают свои нравственные взаимоотношения. Значительная часть метафор наказания входит в концептуальную метафору Moral Accounting. Наказание, являясь сложным психическим феноменом, соотносится в сознании с более простым и понятным опытом, встречающимся в обыденной жизни каждый день, независимо от психологического состояния и настроения человека, а именно – со сферой финансовых отношений. Преступление или проступок обозначаются как нечто «взятое в долг» у общества или определенного человека. На преступнике лежит моральное обязательство выплатить долг. То, что он его выплатил, в данном случае отбыл свое наказание в тюрьме, расценивается обществом как положительное деяние:

When she heard that Gary didn't know how to meet people and could hardly take care of himself, Lu Ann felt ready to befriend him. "Why not", she said. "He is lonely. He's paid a terrible debt". Maybe a friend could explain things that a family couldn't (Mailer, 38).

Стоит подробнее пояснить ситуацию употребления концептуальной метафоры Moral Accounting в следующем примере. Сэм – человек, осужденный на смертную казнь в газовой камере. Пакер – служащий тюрьмы, где содержатся осужденные на смертную казнь. Среди заключенных и служащих тюрьмы действует негласное соглашение: если заключенный не нарушает дисциплину, ему стараются не говорить ничего, что может напомнить о его казни или о способе ее совершения. Шутка Пакера (*Take a deep breath – Вздохни глубже*, что означает «успокойся»), принимая во внимание способ грядущей казни Сэма, приобретает зловещий смысл. Поэтому Сэм угрожает ему наказанием – эта шутка будет дорого стоить Пакеру:

"Take a deep breath, Sam", Packer drawled, and winked at the driver. "That'll cost you, Packer. You'll wish you hadn't said that" (Grisham b, 240). Концептуальная метафора Moral Accounting включает в себя и другие лексемы и словосочетания из сферы финансовых отношений.

Концептуальная Метафора Strict Father Family Model является одним из основных средств актуализации моральных концептов. Эта Модель формируется в форме реакции на восприятие жизни

как сложной и опасной, и понимается следующим образом: это семья, где отец несет основную ответственность за ее обеспечение и защиту. Он обладает правом «нравственной власти» (*moral authority*), которая обеспечивает подчинение его указаниям. Отец учит детей различать добро и зло, определяя строгие правила поведения при помощи поощрений и наказаний.

Физические наказания служат еще одной областью-источником для выражения идеи наказания, так как они связаны с сильными эмоциями – переживаниями боли, унижения, обиды. Указанный домен, в свою очередь, может быть включен в более широкую область, основанную на описанной выше модели семьи. Перспектива такого наказания, которое неотвратимо, наглядно, ощутимо физически, может предотвратить какие-то поступки, заставив задуматься о последствиях. Впервые ребенок сталкивается с ними в своей семье. Например, Люк в романе Г. Гришема «*A Painted House*», твердо знает, что можно делать, а что нельзя. Наказание, которое налагается отцом, нередко подкрепляется осознанием того, что он совершил грех и впоследствии будет наказан богом тоже – *I might even be stricken blind on the spot*.

Now that I was no longer a novice on the subject of female anatomy, I was anxious to have a look at a pregnant girl. But she sounded too close to the window, and if I got caught peaking in, my father would beat me for a week. An unauthorized view of a woman in labor was undoubtedly a sin of the greatest magnitude. I might even be stricken blind on the spot (Grisham c, 187).

Об экономических и социальных санкциях против компании, незаконно уволившей женщину, говорится в приведенной ниже ситуации. Значение наказания, выраженное при помощи метафоры физического дискомфорта – головной боли (*I'll be more than a headache*) – расширяется перечислением различных способов наказания, которые могут быть предприняты по отношению к компании и ее руководству, и в довершение опять приводится метафора физического дискомфорта, на этот раз это «потеря сна»:

I'll be more than a headache, I promise. ... I promise your legal costs on this lawsuit will run five times that much. I'll obtain access to your personnel records. I'll take the depositions of other female employees. I'll open up your financial books. I'll subpoena all your records. And if I see anything the least bit improper, I'll notify the Equal Employment Opportunity Commission, the National Labor Relations Board, the IRS, OSHA, and anybody else who might be interested. I'll make you lose sleep, Chester (Grisham a, 222).

Исходя из изложенного, мы полагаем, что метафора физического наказания является одной из наиболее распространенных концептуальных метафор актуализации концепта «PUNISHMENT».

Метафора «*to teach somebody a lesson*» это еще одно направление развития общей метафоры *Strict Father Family*. Целью любого урока является получение нового знания. Наблюдения над употреблением указанной метафоры показали, что это словосочетание в значении «наказать» используется тогда, когда ясна дальнейшая перспектива. Например, представитель властей объясняет, что осознание нарушителями закона своей вины с помощью наказания поможет им воздержаться в дальнейшем от противоправных действий:

Here's what happens now. They go to jail. Why? They've broken the law, and we're going to teach them a lesson. They'll realize it's bad, and they'll stop (NYT, February, 10 2002). Указанная метафора согласуется с важной целью, стоящей перед наказанием – вынести из наказания положительное знание, которое поможет предотвратить негативные действия в дальнейшем.

Нередки примеры, когда событие, не имеющее интенции наказания, расценивается человеком как таковое. И хотя логический субъект наказания отсутствует, в таких случаях люди считают, что субъектом их наказания является Бог. Иными словами, давая негативную самооценку своим поступкам, они осознают неотвратимость негативных последствий как наказание.

Если в анализе подобных случаев применить концептуальную метафору *Strict Father Family*, становится понятным, насколько важна роль «отца». Следует заметить, что в подобных случаях человеку практически не составляет труда проследить причинно-следственные связи. В следующем примере такая связь эксплицирована фразой *punished for smoking*. Череда неприятных событий в жизни мальчика заставляет его задуматься об их первопричине. Он начинает последовательно вспоминать предыдущие события и понимает, что наказан за курение – нанесение вреда своему здоровью, за непослушание. А так как об этом поступке никто не знал, он делает вывод, что наказан Богом:

Smoking. That was the answer. Hazardous to your health. You could say that again. He has been punished by God for smoking and harming his body (Grisham, 266).

На основании вышеизложенного можно предположить, что наказание – это не только внешнее следствие определенного поступка, но результат некоторых процессов в психике отдельного человека. Последовательное совпадение внешних событий с внутренним настроением актуализирует концепт как феномен сознания индивида независимо от того, как к этим событиям относятся остальные члены социума.

Помимо крупных концептуальных метафор, о которых мы заявили выше, существует ряд метафорических выражений, со-

ставляющих «кластер морального концепта» (Lakoff 1999). Например, метафора *Immorality is Darkness*, которая является суженным вариантом более общей метафоры *Moral Strength*. Необходимым условием моральных действий является сила воли, без которой невозможно осознание и поддержание моральных ценностей. Поэтому любая система ценностей отводит ей центральное место. Концептуальная метафора *Moral Strength* состоит из более мелких метафор, таких как *Being Moral Is Being Upright*, *Being Good Is Being Balanced*.

Часто действие, правильное в нравственном отношении рассматривается как действие ограниченное, действие в разрешенной области. Соответственно, действия, не отвечающие представлениям о морали, рассматриваются как нарушающие границы, т.е. в рамках концептуальной метафоры *Moral Bounds*. В роли границ выступают нормы определенной общественной группы: член движения Ку-клукс-клан объясняет, почему он участвовал в организации террористического акта против адвоката Марвина Крамера. Он считает, что люди, подобные Крамеру, нарушают нормы поведения в американском обществе, так как способствуют тому, чтобы это общество стало равноправным для представителей всех рас и национальностей. А это идет вразрез со взглядами и ценностями, которых придерживаются сторонники Ку-клукс-клана. Отрицательное отношение к Крамеру эксплицитировано фразой *son of a bitch*, а то, что он обязан придерживаться рамок принятых норм, репрезентировано метафорой *be kept in line*. Следующая за этим фраза – вывод о справедливости наказания Крамера:

Jews like Marvin Kramer were promoting an interracial society and stirring up the Africans. Son of a bitch needed to be kept in line... He got what he deserved (Grisham: 184). Проанализировав языковые средства, с помощью которых имплицированы нормы, мы видим, что они являются достаточно жесткими. Фразы *to keep in line*, *to keep in their place* являются структурными пространственными метафорами, задающими жесткие границы жизненного пространства, т.е. характеризуют «некий пространственный предел как сферу нормального, с точки зрения наблюдателя, положения дел, относительно которого характеризуется то или иное отклонение» (Кравченко 2004: 70).

Наблюдения над языковыми репрезентациями концепта «PUNISHMENT» в разных контекстуальных ситуациях позволяют сделать следующее заключение. С первых дней жизни человека концепт «PUNISHMENT», навязанный индивиду общественной системой, развивается, обогащается за счет знаний, полученных в

течение онтогенеза, и перестраивается во внутренний феномен психики человека. Однако концепт сохраняет первоначальную структуру – постоянный набор существенных признаков, определенный потребностями социума. Различие концептов у разных индивидуумов обусловлено различиями онтогенеза каждого организма, вынужденного приспособляться к собственной нише и собственным условиям существования.

Основные результаты выполненного исследования сводятся к следующим положениям.

Концепт «PUNISHMENT» имеет сложную структуру, в которой выделяются шесть концептуальных признаков: (1) страдание, (2) следствие вины, (3) статусные отношения субъекта и объекта наказания, (4) возмещение, (5) градация наказания, (6) средство сдерживания. Ядерными концептуальными признаками являются признаки (1) страдание и (2) следствие вины – отрицательная оценка некоторого поступка социумом.

Концепт «PUNISHMENT» является структурой с постоянным набором существенных признаков, что согласуется с функцией этого концепта – он призван ограничивать креативность составляющих организмов в интересах социума как организма иного порядка.

Концепт «PUNISHMENT» является социо-оценочным концептом и соотносится в сознании с нормами, которые определяют различные социальные слои и группы.

Концепт «PUNISHMENT» является продуктом психики человека – «внутренним» феноменом сознания.

Метафоры, служащие средством формирования концепта «PUNISHMENT», произвольны и определяются концептуальными признаками наказания.

Фрагмент научной картины мира, обозначаемый языковым концептом «PUNISHMENT», не совпадает с одноименным фрагментом наивной картины мира носителей английского языка.

Литература

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С.54-78.

Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2000. 280 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Контримович А.А. К вопросу об экспертном значении слова *punishment* // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: БГУЭП, 2002. С. 67-68.

Контримович А.А. Метафоризация концепта в современном английском языке как показатель функциональной грамотности // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: БГУЭП, 2003. С. 51-59.

Контримович А.А. Языковые средства выражения концепта «PUNISHMENT» как фрагмента ценностной картины мира англоязычного общества // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: Вестник ИГЛУ. Сер. 3. Материалы конф. Иркутск: ИГЛУ, 2003. Вып. 2. С.118-124.

Контримович А.А. Оценка и ее основные компоненты субъект и объект как концептуальный признак концепта «PUNISHMENT» // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст: Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 122-123.

Контримович А.А. Нормы как основания этических оценок в языковых репрезентациях концепта «PUNISHMENT» // Актуальные проблемы гуманитарного знания: материалы регион. науч.-практ. конф. молодых ученых. Барнаул: БГПУ, 2004. С.124-132.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 2004. 206 с.

Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах): Монография. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Моск. ун-та. 1998. Сер. 9. Филология. №4. С.76-104.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 320 с.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. N.Y.: Basic Books, 1999. 624 p.

Stevenson Ch. Facts and Values (Studies in Ethical Analysis). New Haven: Yale University Press, 1963. 365 p.

Г.В. Кусов (Краснодар)

ОСКОРБЛЕНИЕ

Цель данной работы состоит в выявлении, описании и классификации лексико-семантических средств объективации иллокутивного концепта (ИК) «оскорбление» в русском языке.

Всякое коммуникативное общение подразумевает соблюдение речевых конвенций. Отказ от соблюдения социальных правил в речевых конвенциях свидетельствует о том, что адресант имеет не столько коммуникативные цели для передачи информации адресату, сколько использует ситуацию коммуникативного кон-

такта в особых прагматических целях, определяемых иллокутивным содержанием сообщения.

Иллокутивная цель речевого акта – это ментальный акт, восприятия которого добивается от слушающего говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего. А так как речь социально детерминирована, коммуникативное поведение языковой личности оперирует средствами защиты, которые дают возможность скрывать свои истинные намерения и не допускать «иллокутивного самоубийства» (Вендлер 1985), т.е. прямого раскрытия замысла своих речевых намерений и прагматических целей.

В речи иллокутивную нагрузку несут иллокутивные концепты, которые не столько описывают окружающий мир или отношение к нему, сколько создают речевые условия управления коммуникативным поведением в зависимости от выбранных невербальных целей, когда обращение к речевой ситуации служит лишь предлогом для передачи скрываемой информации, которая должна домысливаться адресатом самостоятельно. Иллокутивный речевой акт как раз и иницируется для передачи основного смысла, который «закамуфлирован» в вербальной части высказывания.

Речевая форма реализации прагматического кода, заложенного в конфликтном высказывании, имеет этнокультурную специфику выражения, т.е. особенности подбора речевых и языковых средств (ср., рус. «горбатого могила исправит» и фр. «le renard mourra dans sa peau»; рус. «дурака озолоти, а он будет все то же нести» и фр. «un âne chargé d'or ne laisse pas de braire»).

Иллокутивный концепт «оскорбление» – это совокупность вербализованных этнокультурных представлений, которые в речи при адресной направленности приводят к оценочному дисбалансу между максимальной социальной репрезентацией языковой личности (тем, как индивид хотел бы, чтобы о нем думали другие, идентифицируя свою социальную перспективу с «идеальным социальным Я») и максимальной социальной самоидентификацией языковой личности (тем, как индивид воспринимает себя сам, идентифицируя свой социальный статус с определенным «коллективным Я»). В роли факторов превращения аспектов речевого воздействия в орудие совершения перлокутивного эффекта выступают культурологические универсалии, образующие систему ценностных ориентиров в обществе.

В настоящей работе под **концептом** понимается стереотипное преобразование индивидуального опыта социализации личности в образные речемыслительные символы, содержащие ограниченное число категорийных лингвокультурных атрибутов,

которыми оперирует сознание человека при выборе речевого режима стилистического распознавания реферируемого смысла. Предложенное определение концепта исходит из понимания его природы функционирования в речевом акте и соответствует обобщенному толкованию этого термина, включающего образное (фреймовое), понятийно-дефинитивное и ценностное измерения, что было раскрыто в работах С. Г. Воркачева, Д. С. Лихачева, С. Х. Ляпина, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина и др.

При оскорблении коммуникативное давление на личность происходит через воздействие на ее ценностную сферу, составной частью которой является социальный статус индивида, выраженный в лингвокультуре в виде авторитета и этнокультурных представлений о социальном идеале, подражанию которого стремится лицо. ИК «оскорбление» – это совокупность стереотипов речевого поведения, представляющая механизм вербализации средств негативного искажения социального «портрета» языковой личности.

Отличие иллокутивных концептов от других лингвокультурных концептов заключается в наличии субъективной оценки, инициируемой речевым актом, который передает коммуникативную ситуацию в перформативном прочтении, т.е. ситуацию, не имеющую своего перформативного глагола, выражающего субъективизм эксплицитно. Результатом использования в речи ИК является создание субъективной оценки, содержащейся в перформативном прочтении. Например, при упреке коммуникативный контакт не заканчивается передачей информации в сообщении, так как иллокутивный речевой акт функционально предназначен для создания речевых предпосылок формирования суждения об упреке, реферируемом в постречевом распознавании и представленном в виде вывода из всего речевого высказывания как прагматического целого. При оскорблении, т.е. после коммуникативной трансляции вербальной части высказывания, коммуникативный контакт между адресантом и адресатом пролонгируется детекцией высказывания, вынесением суждения об оскорблении и ожиданием применения мер ответственности за нарушение коммуникативного кодекса со стороны норм социального контроля. Речевой акт «оскорбление» преобразуется в речевое событие, имеющее в своей основе субъективную оценку осознания несоответствия исполнения социальной роли, предложенной в речи лицу, социальному статусу, на которое оно претендует на самом деле. Оскорбление инициируется претензией к адресанту, т.е. субъективной оценкой конфликтного речевого поведения. Это объединяет ИК «оскорбление» с эмоцио-

нальными концептами (Красавский 2001), определяющими модальный субъективизм ситуации, предшествующей речевому акту и поведенческими концептами (Ляпин 1997), характеризующими коммуникативное поведение в целом. Прагматика ИК предусматривает создание управляемой субъективной оценки, направленной на ожидание от адресата желаемого поведения в перспективе ближайшего будущего, и в этом состоит их отличительная черта от остальных лингвокультурных концептов.

В основе концепта «оскорбление» лежит устойчивый этнический стереотип, который аккумулирует совокупность этнокультурных представлений о путях видоизменения социального «портрета» языковой личности в негативную сторону. Таким образом, ИК «оскорбление» – это набор речевых и языковых тактических средств, описывающих негативную речевую модель лица, противоположную этносоциальному идеалу, представленному в лингвокультуре как образец для подражания. Иначе говоря, оскорбление – это воссозданная речевая картина социального «анти-образца», формируемая из выработанного в процессе социализации личности набора средств лингвокультуры: 1) через создание негативного образа; 2) через умаление положительных качеств лица.

Речевой акт имеет характерные признаки комбинаторной обусловленности, подразделяемой на три типа компонентного выражения признака социального статуса в лексической семантике: 1) собственно статусный признак; 2) статусно-нейтральный признак; 3) статусно-связанный признак. В квалификационной оценке речевого акта «оскорбление» наиболее важным является статусно-связанный признак, так как именно он характеризует нарушение статусного баланса языковой личности, которое в обществе маркировано как асоциальный тип речевого поведения (Карасик 2002).

Таким образом, речевой акт «оскорбление» – это такой статусно-связанный иллокутивный акт, который приводит к модели поведения, при которой происходит сдвиг сложившегося в процессе социализации гармоничного баланса отношений между максимальной социальной репрезентацией языковой личности и максимальной социальной самоидентификацией языковой личности. Речевой дисбаланс статусного значения, выделяемый из сообщения, при статичной функции максимы социальной самоидентификации языковой личности: 1) по восходящему вектору для максимы социальной репрезентации воспринимается в обществе как хвастовство, лесть и мифоподражание (для 1, 2 и 3 лица соответственно); 2) по нисходящему вектору для максимы социальной репрезентации вос-

принимается как самоуничижение, оскорбление и клевета (для 1, 2 и 3 лица соответственно). Попытки изменения дистанции между этими максимумами при статичной функции максимы социальной репрезентации по восходящему или нисходящему социальному статусному вектору для занимающего высокий социальный статус лица, т.е. уже достигшего уровня наивысшей социальной привлекательности, в обществе приводят к социальной «смерти» или ее карнавальному, смеховому обыгрыванию.

В речи человека конвенциональность далеко не всегда эксплицируется вербально. Кроме того, правила коммуникативного поведения или коммуникативного кодекса языковой личности предусматривают, что говорящий прямо не манифестирует своих намерений, а следует установленным правилам, воплощенным в готовых формулах речевого общения, которые зафиксированы в языковом сознании.

Коммуникативный кодекс представляет собой сложную систему принципов, регулирующих речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта. Базовыми категориями, регулиющими речевое общение и формирующими коммуникативный кодекс, являются коммуникативная цель и коммуникативное намерение, где цель определяется речевой стратегией, а намерение – тактикой.

Оскорбление – это такой иллокутивный речевой акт, при котором, вследствие речевой агрессии, происходит понижение социального статуса адресата путем использования приемов коммуникативного давления. Выявлению прагматических задач оскорбления помогает раскрытие иллокутивных сил при косвенных функциях оскорбления: совет – оскорбительно отсутствие возможности парировать неподходящие доводы адресанта, иначе диалог превращается в спор; угроза – оскорбительно незаслуженное подавление интеллектуальной составляющей сознания адресата; шантаж – оскорбительно незаслуженное лишение реализации своего права на свободу выбора действий; хамство – оскорбителен не сам факт нарушения правил общественного поведения, а направленность на пренебрежение их общественной значимостью; недоверие – оскорбительно осознание недооценки и необоснованный отказ в возложении обязанностей.

При оскорблении воздействие осуществляется при помощи пяти способов: 1) посредством представления интересов институционального носителя более высокого социального статуса (совет); 2) посредством маскировки или неоправданного возложения на себя полномочий институционального носителя приоритетного социального статуса (хамство); 3) посредством средств аргумента-

ции (шантаж); 4) посредством применения физического или психического насилия (угроза); 5) посредством отказа от предоставления должного внимания и заботы, на которые рассчитывало лицо, или вообще безразличным к нему отношением (недоверие).

Таким образом, иллокутивная цель оскорбления заключается в совершении социально значимых поступков, хотя и маркированных негативно с точки зрения системы общественных социальных ценностей, но которые влияют на выбор поведения объекта оскорбления, осуществляя его вербальную социальную «казнь», вербальное социальное «наказание» или коммуникативную поведенческую превенцию, в силу того, что они вторгаются в ментальную сферу человека посредством ценностной составляющей ИК «оскорбление».

В судебной практике диагностика оскорбления требует проведения независимой экспертизы, задачами которой являются: определение формы номинации лица, т.е. отнесенность конфликтных высказываний к конкретному лицу; определение формы оценки лица (дана ли негативная оценка или же поставлена под сомнение позитивная характеристика лица); определение формы передачи искажения или перверсивности текста (лат. *perverto* – губить, портить).

Проблема нарушения правил коммуникативного общения, ведущая к возникновению речевой ситуации, квалифицируемой как «оскорбление», имеет два взгляда – *социальный* и *лингвистический*:

1) оскорбление – это сознательное нарушение конвенциональных правил, так как согласно коммуникативному кодексу личность обязана соблюдать коммуникативные обязанности: выполнять обещания, не лгать, выбирать сопоставимые с социальными нормами способы общения, т.е. уважать коммуникативные права остальных участников коммуникации и т. д.;

2) оскорбление – это самостоятельный речевой акт, обладающий конвенциональными правилами особого свойства, где конвенциональность направлена на достижение определенной прагматической цели, т.е. это средства языка, обслуживающие коммуникативные цели и представляющие собой часть языковой компетенции человека, часть его коммуникативных умений и навыков, а квалификация речевого акта как «оскорбление» – это его социальная расшифровка, осуществляемая на основании норм права и морали.

Подобное двойственное понимание оскорбления исходит из самого конфликта индивидуального и общественного в человеке, так как внутри речевого акта «оскорбление» идет иллокутивная

борьба нескольких сил – *констатативной* (использующей конкретную коммуникативную ситуацию), *перформативной* (убеждающей адресата в соблюдении отправителем норм коммуникативного поведения) и *перверсивной* (снижающей социальную значимость адресата на самом деле). Поэтому возникает необходимость рассматривать оскорбление через призму коммуникативных прав и коммуникативных обязанностей, которые в совокупности и составляют основу коммуникативного кодекса личности. В коммуникативном кодексе при оскорблении коммуникативные права адресата коррелируют с коммуникативной стратегией речевого акта (достигнуть прагматической цели без нарушения прав адресата), а коммуникативные обязанности адресанта – с коммуникативной тактикой (не выдать своих намерений).

Итак, ИК «оскорбление» – это совокупность этнокультурных стереотипных представлений лингвокультуры об управляемом речевом событии, результатом которого является вербальная агрессия против личности, пресекаемая в рамках установленных норм социального контроля.

Из признания концепта планом содержания языкового знака следует, что он включает в себя, помимо предметной отнесенности, всю коммуникативно значимую информацию (Воркачев 2000). Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи.

В семантический состав концепта входит также и вся прагматическая информация языкового знака, соотносимая с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, которые связаны с национальным менталитетом и всей системой миропонимания носителей определенного социолекта, опирающегося на весь предыдущий культурологический опыт, возникший в рамках магической функции языка и фидеистического отношения к слову.

Эффективность, реализуемая при использовании в речи инвективов, объясняется древностью этого лексического слоя и его относительной стойкостью в сознании человека. Оскорбление как социальное явление возникло в недрах индоевропейской мифологической традиции и индоевропейского языческого пантеона ввиду освящения жизни и привнесения в нее религиозного символизма и системы религиозных соответствий норм деонтического кодекса.

Оскорбление – это вербальная агрессия, осуществляемая с помощью обвинения оппонента в нарушении им норм национально-культурного поведения, пренебрежении определенными культурными ценностями. Но если инвективный узус определяется как когнитивная модель поведения человека, то оскорбление – это речевая номинация самого действия, обусловленного прагматическими задачами, имеющими целью изменить межличностные отношения обозначенным намерением. Иначе говоря, оскорбление – это речевой акт, при помощи которого достигается доминирующее положение личности.

Произнесение священного слова в мирской обстановке – это и есть оскорбление, оскорбление религиозных чувств социума. Хотя первоначально такой акт не имел персонально-оценочного оттенка, но тем не менее был окрашен антиродовыми, антирелигиозными, святотатственными чертами, так как общим смыслом был направлен против всех и, собственно говоря, произнесение в обыденной обстановке священного слова – это угроза всему социуму, так как частое упоминание священного слова может ослабить его силу и погубить весь род, племя: в критический момент оно не сможет более защитить. Поэтому изначально оскорбление – это обыкновенное использование в обиходной речи сакральных понятий религиозного мировоззрения.

Богохульство, брань – злоупотребление божественным, так как священное слово используется на «бытовом» уровне в сугубо личных, «корыстных» целях, причем в неотведенное ритуальным актом, обычаем время на упоминание священного имени. Брань-божба подкрепляется силой взламывания временного отрезка на уместность словоупотребления, и, кроме того, брань открыто эксплуатирует семасиологический смысл божественного, который был заложен или, точнее, установлен предшествующим религиозным опытом и который приобрел в сознании сверхсилу. Естественно, что отрицательный эффект бранного словоупотребления утраивается в случае его использования в общественном, публичном месте, так как в совокупности: 1) происходит собственно само злоупотребление верховным словом; 2) взламывается временной отрезок на уместность употребления; 3) взламывается пространство – слышат все или некоторая часть социума. Поэтому для некогда религиозного человека оскорблением стало использование в речи сакральных категорий религиозного мировоззрения, выражающих принижение божественной роли в жизни верующего человека.

Мифологическая традиция объединила под древнеевропейским понятием архетипа «оскорбление» этимон «*м-т*» (ср., тох.

mat – обижать, оскорблять), который зафиксировал «телеономную» природу этого социального явления в следующих понятиях: 1) рыба (божество), обычай; 2) рука (палец), вещное слово; 3) сакральный акт (огонь), рубить (наказывать); 4) дом, могила; 5) земля, род; 6) плоть, профанные проявления.

В этнокультурной основе традиция «поругания» своим происхождением восходит к культу бога Огня индоевропейского языческого пантеона: ср., рус. *Сварог* – бог Огня славянского пантеона, белорус. *сварыцца* – ругаться, рус. *ругаться* и польск. *uragania* – ругаться, лат. *rogus* – огонь, погребальный костер; кельт. *Белтан* – обрядовый костер на горе, праздник огня; белорус. «*Белобог*», «*Белун*», кельт. «*Belenus*», нем. *beleidigen* – обижать, оскорблять, польск. *obelga* – оскорбление и др.-англ. *bel* – огонь, нем. диал. *boli* – огонь, костер; ит. *diabolo* (*deus+bole*) – хулиатель имени божества. Связь огня с солнцем и с духами умерших предков по индоевропейским представлениям осуществлялась ввиду мифических представлений об огне как переносчике умерших предков богам. Современный язык до сих пор в своей семантике не может преодолеть психологическое воздействие исторического архетипа «огня». Идея огня, заложенная в основу современного понимания концепта «оскорбление», отображает древнюю «идею пожирательства» (Нойманн 1998). Архетипы как психологические символы не только предшествовали появлению понятий, концептов, но и стали базой для их образования, отображая в вербальной форме динамику формирования культуры.

Двойственная природа оскорбления в языческом сознании определяется через игровое преподнесение архаического культа в виде отправления на «тот свет» субъекта («погружение» в скорбь) и инвокацией освященного знака предка, трансформированного со временем в вербализованную символизацию «умерщвления» личности посредством обыгрывания церемониальных действий архаического культа, который и стал этнокультурной мифологической формулой концепта «оскорбление».

Со временем религиозный опыт становится более заземленным, более связанным с жизнью, более светским. Поэтому оскорбление в таком понимании определяется как причинение вреда самолюбию личности, выраженное в ее сравнении с непристойными понятиями, которые вступают в противоречие с установившимися нормами светской морали. А с переходом к светскому образу жизни под оскорблением стали понимать нанесение обиды чувствам самокритичной личности, не допускающей определения ее социальной значимости ниже порога восприятия общепринятых форм приличия.

Возникнув в глубинах языческого сознания, «богохульство», т.е. оскорбление богов (ср., ит. *diabolo*) как речевое поведение противопоставлено нормативному, с христианской точки зрения, поведению, но подобное антиповедение, выражающееся в сознательном отказе от принятия новых норм, наоборот, является подтверждением того, что когда-то оно было единственно возможным ввиду существования деонтической мононормы (религиозной, социальной, этической и речевой) – обезопасить себя можно, упомянув вслух имя родового охранного божества. Широкое употребление в речи формул с табуированной лексикой, которая когда-то такой не являлась, свидетельствует лишь о существенной смене ценностной парадигмы, но не о забвении языкового наследия народа.

В современном русском языке имя концепта «оскорбление» приобрело широкое узусное толкование ввиду особой прагматичности своего семантического смысла и социальной ориентации речевой агрессии.

Для целей выделения слов и выражений, которые являются оскорбительными и/или клеветническими или которые могут быть квалифицированы как таковые в конфликтных ситуациях, в лингвистике был введен термин инвективная лексика и фразеология. Корпус инвективной лексики в русском языке составляют: 1) бранный тезаурус, входящий в состав литературного языка и относящийся к разговорной речи: например, *девка, сволочь, скотина*; 2) тезаурус разговорно-обиходной лексики, содержащей в семантическом значении констатирующую резко негативную оценку человека, его поведения, действий: *негодяй, подлец, гад*; 3) тезаурус общеупотребительной и книжной лексики: *бандит, вор, мошенник, палач*.

Критерии оскорбительности зависят от качества «лексических» оценок, содержащихся в высказывании, и от стилистических средств их доставки, так как стилистические характеристики слова тесно связаны с эмоциональными и входят в качестве особого компонента в структуру значения слова.

В русской лингвокультуре сформировалась *модель негативной оценки* языковой личности, которая в речи функционально отождествляется с иллокутивным содержанием оскорбления: 1) использование в качестве характеристики лица нецензурных, инвективных слов и выражений; 2) сравнение лица с отходами жизнедеятельности (*дерьмо, мусор, падаль, гниль*); 3) использование слов и выражений, обозначающих антиобщественную, социально вредную деятельность (*вор, мошенник, про-*

ститутка, взяточник); 4) использование зоосемантических метафор, отсылающих к названиям животных и подчеркивающих какие-либо отрицательные свойства человека (*свинья – нечистоплотность; неблагодарность, собака – злой, грубый человек; осел – глупость; корова – неповоротливость*); 5) использование слов с ярко выраженной негативной оценкой, выражающих социально осуждаемое поведение (*расист, предатель, трус*); 6) номинация непрестижных или «жестоких», «грубых» профессий (*палач, бракодел, сатрап, живодер*); 7) использование слов, содержащих экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности без указания на конкретную деятельность (*хам, негодяй, изверг*); 8) использование для характеристики лица эвфемизмов слов, обозначающих осуждаемую антиобщественную деятельность, имеющих негативно-оценочный характер (*женщина легкого поведения, представительница самой древней профессии, да не отсохнет рука берущего*); 9) использование негативно-оценочных каламбурных образований и негативных обыгрываний имен общественных деятелей или широко известных персонажей (*коммуняки, дерьмократы, Е.Б.Н., Х.И.М. (Ха-камада), телеПутин, Жирик или Жир, Грефон, БАБ, «Гриша-пустозвон», «из ворюг в греки» о Г. Попове, «мочильщик» страны, Блэрбуш и т. д.*); 10) использование пренебрежительной лексики дискриминирующей человека по признаку принадлежности к определенной национальности или расе (*чукча, пигмей, узкоглазый, чурка, турок*); 11) использование пренебрежительной дискриминирующей лексики идентификации лица по профессиональному признаку (*мент, мусор, легавий*); 12) отождествление с одиозными личностями современности, литературными, сказочными и мифологическими героями, библейскими персонажами (*Гитлер, Саддам; Яга, Цербер, Иуда; Собакевич, Хлестаков*); 13) использование лексики, обозначающей грехопадение, аморальное поведение с христианской точки зрения (*антихрист, сатана, черт, ренегат*); 14) использование лексики, обозначающей предметы домашнего быта и обихода (*чайник, швабра, тюфяк, шкаф*); 15) негативная характеристика деятельности путем использования глаголов с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*хапнуть, воровать, обмануть*); 16) использование устойчивых выражений разговорного языка с негативной, неуважительной оценкой (*в гробу я его видел, видел я его в белых тапочках, квазиморда*); 17) использование медицинской терминологии (*истеричка, дебил, психопат, заморыш, шизик*); 18) использование лексики идеологического противостояния (*валютчик, несун, спекулянт; воротила от бизнеса*); 19) использование дискриминирующей лексики, опре-

деляющей личные деловые качества человека, его умственные способности, недостатки строения тела (*делец, демагог, писака, деятель, мастак, дилетант*); 20) использование негативно-оценочных прилагательных, адресованных конкретной личности (*чокнутый, больной, ненормальный, отмороженный*); 21) использование «приращенного смысла» к нейтральной лексике (*узколобый ковбой со своим послушным островным пуделем* – о руководителях США и Великобритании, где нейтральные «ковбой» и «пудель» приобретают негативный оттенок благодаря прилагательному «узколобый» и приращенному качеству к слову «пудель» – в смысле несамостоятельности при выборе важных решений); 22) использование суффиксов субъективной (негативной) оценки, сопровождающих сообщение особыми оттенками ироничности, пренебрежения, уничижения, грубости (*работник – работничек; дитя – деточка, детина, например, пара сытых детинушек*); 23) прямая негативная оценка (*умом не пышут и не блещут, наглый, в приправе жуткого апломба, красно говорить не обучен*); 24) выделение негативного оттенка на письме при помощи графических знаков оценки (*не васнецовские «защитники земли русской»*); 25) использование идиоматических выражений с негативной семантикой, преподносимые как народная мудрость (*черного кобеля не отмоешь добела*); 26) использование в качестве характеристики лица архаизмов, воспринимаемых в современном языке с определенной долей иронии (*царь-батюшка, барин, глашатай, батрак*).

По данным фразеологического словаря Федорова, корпус идиоматических и фразеологических выражений русского языка, касающихся негативной оценки человека (461 пример) составляет: 1) негативная оценка речевой деятельности (22,1 %); 2) высмеивание пороков и физических недостатков человека (19 %); 3) высмеивание глупости, умственной несостоятельности (прирожденный дурак, дурак-псих, дурак в учении, дурак в разговоре, дурак-неумеха, дурак-лентяй, необразованный дурак, медлительный дурак, дурак-маразматик от старости, дурак-неудачник, второсортный дурак, нерешительный дурак, наивный дурак, дурак от любви или счастья) (13,9 %); 4) религиозная тематика (10,4 %); 5) отрицательная характеристика деятельности (6,5 %); 6) вводить в заблуждение, представляя кого-то в лучшем свете (6 %); 7) высмеивание женских пороков (5,2 %); 8) жизнь как воплощение театра (5 %); 9) подчеркивание низкого социального статуса (4,8 %); 10) прерывание неоконченного дела (3,7 %); 11) выступать в роли моралиста (2,4 %); 12) сказочные и фольклорные персонажи (1 %).

По количественной представленности негативная лексика «поведения» и «морально-этических качеств» человека имеет самые большие разряды слов, что объясняется их социальной значимостью, так как негативное эмоционально-оценочное значение имеют единицы, которые обозначают социально значимые признаки, представляющиеся коллективу отклонением от некоторой социальной нормы. При этом маркируется отклонение только в одну сторону – в сторону отрицательных с точки зрения коллектива качеств и свойств поведения.

Семантический корпус лексических единиц, использующих в прагматических целях оценочный компонент ИК «оскорбление», включает следующие типы номинации искажений действительности: 1) создание субъективной оценки социальной привлекательности личности по месту в этносоциальной системе ценностей при помощи обращения к лексике «социального статуса» (педик); 2) вербальная дискриминация по национальной, религиозной и половой принадлежности (чурка, еретик, блядь); 3) констатация качества исполнения социальных ролей при помощи лексики, которая не связана с описанием общественной деятельности человека (тряпка).

Оскорбление речевым поступком, не имеющим прозрачных инвектированных лексических признаков (ср., «единственным плюсом рецензируемой книги является ее красивая обложка», Карасик 2002), происходит на уровне диверсификации между обидой и оскорблением, заключающейся в социальном подходе к пониманию этих понятий. Оскорбление возникает тогда, когда задета честь, обида – задето чувство. Русское обыденное сознание больше реагирует на соотношенность чувств с окружающей действительностью, чем на непонятное и запутанное понятие чести. В квалификации «оскорбления» участвуют социальные факторы, в обиде – индивидуальные; оскорбление – это социальный проступок, обида – состояние чувств, души.

Через семантическую связь «оскорбительно – обидно» определяются контуры использования семантики «оскорбительности» в русской лингвокультуре: 1) обидно ввиду того, что сообщение содержит признаки оскорбления, при котором дана негативная оценка личности, т.е. ход событий принял самый негативный оттенок; субъект выступает как носитель сугубо социальных отношений; 2) обидно ввиду того, что сообщение содержит признаки оскорбления, при котором поставлена под сомнение позитивная оценка личности, т.е. позитивный ход события не состоялся, лучшие качества не были представлены; субъект выступает как носитель сугубо индивидуальных отношений.

В зависимости от открытости намерений осуществить коммуникативное давление концепт «оскорбление» включает и специфические приемы вербального поведения, которые подразделяются на: 1) прямое оскорбление – характеристика лица, выраженная в резко негативной форме при помощи резко сниженной, резко негативной лексики: брани, мата, обценной и инвективной лексики, когда оскорбление достигается путем использования прямой негативной номинации субъекта оскорбления или путем заведомо ложного обвинения оппонента в преступной или аморальной деятельности; 2) косвенное оскорбление – оскорбительная характеристика лица наносится завуалированно, что делает акт речевой агрессии ничуть не менее, а иногда еще более действенным, так как в большинстве случаев воспринимается не на «лексически-осмысленном», а на «синтаксически-связывающем» уровне, т.е. под «объединенным» синтаксическим единством; 3) скрытое оскорбление – оскорбление как бы вытекает из всего контекста сказанного, является выводом, умозаключением из всей фразы.

В русском языке сложился следующий этнокультурный тематический стереотип оскорбительности: 1) оскорбить словом – ругать, охаивать, выговаривать недовольство, говорить на повышенных тонах, орать, хулить, склонять по всем падежам, грубить; 2) причинить моральную боль – обидеть, огорчить, унижить; 3) отправлять в мифологический низ; отправлять в человеческий низ; противопоставлять богам – богохульствовать, злословить, упоминать всуе; 4) сравнивать с животными – облаивать, гавкать, брехать; 5) выставлять что-то личное на всеобщее обозрение – позорить, порочить, доносить; 6) преподносить мнение о ком-то как приготовление некачественной пищи – стряпать, предоставлять жареные факты; 7) затронуть социальный образ – затронуть в разговоре важную для человека тему, причинить душевные страдания, задеть честь человека, задеть достоинство человека, испортить имидж человека и его репутацию в обществе; 8) прикосновение – задеть, уколоть; 9) изменение первоначальной чистоты цвета – замазать, чернить, запятнать, бросить тень, облить грязью; 10) использовать мифологическое толкование «воды» – подмочить репутацию, обдать, окатить; 11) покушаться на честь и достоинство – бесчестить, дискредитировать, клеймить; 12) бросить вызов – бросить перчатку, плюнуть в лицо; 13) оскорблять невербально – показать кукиш, показать дулю, показать неприличный жест; 14) поставить в неловкое положение – ошарашить, огорошить; 15) использовать прием нетрадиционного хода мысли (т.е. окказионализмы) – отпирить.

По данным ассоциативного анализа, который проводился на основе ответов информантов на вопросы (выборка из 100 ответов), был сделан вывод, что в обыденном сознании представителей русскоязычной лингвокультуры присутствует смешанный тип представлений об оскорблении. Самая большая интерпретационная группа толкования оскорбления с оскорблением связывает вмешательство в частную сферу жизни человека (43 %): оскорбление – это «унижение собственного Я», «ущемление чувств собственного достоинства», «унижение в любом виде»; вид асоциального речевого поведения (27 %): оскорбление – это «словесное унижение», «высказывание неприличных слов», «унижение посредством речевого контакта», «ненависть выраженная устно», «сообщение лицу фактов в резкой форме»; нанесение обиды или причинение морального вреда (12 %): оскорбление – это «преднамеренная обида, насмешка», «попытка обидеть», «нанесение обиды, задевающей самолюбие»; вид агрессивного поведения (6 %) оскорбление – это «негативное воздействие одной личности на другую»; проявление негативных чувств и ненависти (3 %): оскорбление – это «выражение чувств человеку, который тебе не нравится»; ассоциативные связи, находящиеся на периферии оскорбления (9 %); например, реакция на несправедливость – «обвинение человека в том, что он не делал, кем не является»; индивидуальная интерпретация-сравнение – «дуэль, пощечина» или противопоставление «Пушкин – Дантес, Лермонтов – Мартынов, Жириновский – Немцов», «поступок который может поставить человека в неловкое положение», «публичное уничтожение» и т. д.

Оценочно-статусное значение лексемы языка, связанное с перформативными условиями речевого словоупотребления, представляет собой конкретизацию норм аксиологического кодекса, сложившегося в лингвокультуре. Таким образом, в языке существуют разряды слов, которые способны в речи отображать в своем словоупотребительном значении негативные социально-оценочные смыслы.

Иллокутивный концепт «оскорбление» имеет следующие социально значимые признаки, влияющие на семантический статус правовой нормы: 1) социальная направленность речевого акта; 2) табуированность используемой лексемы; 3) умышленное взламывание табу; 4) персональная адресность речевого высказывания; 5) направленность на понижение социального статуса адресата; 6) предпочтительное использование приемов скрытого воздействия; 7) публичность; 8) психологическая готовность перейти порог оскор-

бительности (табу); 9) ожидание правовой ответственности или морального осуждения.

Юридические свойства ИК «оскорбление» заключаются в его способности представлять некий объем правовой информации, символизм которой отражен в языковых формулах в виде понятийной, семантической и аксиологической составляющей.

В речи ИК «оскорбление» приводит к этической дисфункции вежливости, что делает высказывание социально конфликтным. Но если в обыденном сознании детекция оскорбления строится на анализе намерений адресанта как оценке справедливости, то в праве диагностика оскорбления должна иметь процессуальное соответствие обоснования, так как она служит процессуальным средством доказывания.

Расхождение в интерпретации оскорбления в праве и в обыденном сознании – это следствие меняющейся парадигмы общественных отношений, когда при совершении преступлений с формальным составом (оскорбление, клевета) предметом намерений виновного являются действия, которые по своим объективным свойствам уже обладают признаком противоправности и общественной опасности независимо от факта наступления/ненаступления вредных последствий или желения/нежелания их наступления. Поэтому для правовой квалификации «оскорбления» существенным является определение способа нанесения вреда общественным социальным отношениям, а не психическое отношение виновного к речевому событию в виде коммуникативного намерения причинить вред/не причинять вреда.

Для характеристики юридических свойств ИК «оскорбление» в настоящей работе был принят термин **коммуникативной перверсии**, который означает речевое решение, подчиненное выбору речевых тактических ходов, приводящих к нарушению социокультурной нормы и наносящих вред социальной привлекательности языковой личности путем использования маркеров такой речевой модели социальной стратификации, с которой лицо не может согласиться ввиду потери прежнего авторитета или самоуважения (lat. *perverto* – губить, портить). Использование в речи перверсивных единиц означает, что выражение отношения или вынесение оценки лицу в вербальной части высказывания прямо или косвенно влияет на общую картину его социальной репрезентативности как личности. Например, подчеркивание в речи физических или умственных недостатков личности снижает ее социальную привлекательность для окружающих и, следовательно, наносит урон ее социальному статусу (ср., *«клевета как уголь – не обожжет, так измажет»*).

Для выявления коммуникативной перверсии в конфликтном высказывании предназначена судебная лингвистическая экспертиза, задачи которой сводятся к следующим функциям: 1) констатация события **достоверности** коммуникативной перверсии конфликтного высказывания, преподносимого в виде *мнения* или *утверждения*; 2) установление факта нарушения правила **легитимности** (Муравьева 2002) в коммуникативном взаимодействии: соответствует ли *способ и канал коммуникативной трансляции языкового кода уровню порога стилистической оправданности*; 3) установление юридического события перверсивной **достаточности**: а) уголовно-правовая норма – *неприличная форма*, гражданско-правовая норма – *порочащий характер сведений (правовой критерий)*; б) определение степени *коммуникативной прозрачности* речевого портрета языковой личности (*лингвистический критерий*), т.е. способности информации влиять на искажение социальной привлекательности лица, подвергшегося вербальной агрессии.

Коммуникативная прозрачность речевого портрета языковой личности – это вывод из прагматики содержания текста, выражающего речевое намерение автора высказывания создать восприятие образа лица на основе системы вербализованных субъективных социальных оценок.

При анализе коммуникативной прозрачности речевого портрета языковой личности мотивы речевого намерения автора высказывания не имеют значения, так как влияние на социальную привлекательность оказывает степень коммуникативной прозрачности речевого портрета языковой личности (т.е. степень «коммуникативной нечистоты» текста). Так, русским глаголам «пожурить», «упрекнуть», отражающим семантические признаки вербальной перверсии без цели нанесения вреда имиджу человека, соответствует более высокая степень коммуникативной прозрачности в плане причинения/непричинения вреда социальной привлекательности, чем глаголам «осрамить», «опорочить», «опозорить», «оклеветать».

Определение лингвистической экспертизой степени (шкалы) коммуникативной прозрачности речевого портрета языковой личности позволит обосновать юридические доводы доказывания по конфликтному высказыванию и, тем самым, установить чистоту «коммуникативных помыслов» речи, степень ее агрессивности, соблюдение принципов уважения и основных коммуникативных правил общения. Эксперт должен лишь показать, какими приемами, с использованием каких языковых и речевых средств было достигнуто оскорбление, как были задеты честь и достоинство лич-

ности, а не подменять юридическую квалификацию правовой нормы.

Коммуникативная перверсия имеет следующие основные типы стратегий речевого поведения: 1) *диффамация* – публичное распространение сведений, порочащих кого-либо; 2) вербальная *дискриминация* – выражение в речи своего отличия и превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным признакам; 3) вербальная *дискредитация* – подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия; 4) вербальная *инсинуация* – создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо.

Развитие терминологического аппарата коммуникативной перверсии и коммуникативной прозрачности речевого портрета языковой личности в рамках теории судебной лингвистической экспертизы позволяет равномерно учитывать баланс интересов как уровня развития права, связанного с необходимостью принятия решений по спорам о квалификации вреда, причиненного оскорблениями или распространением порочащих сведений, так и состояния научного поиска в современной лингвистической прагматике и лингвокогнитологии.

Выполненное исследование дает возможность сделать следующие выводы.

Оскорбление является иллокутивным концептом, представляющим собой ментально-вербальную единицу, универсальные признаки которой проявляются в общении, раскрывающем этнокультурные, социальные и прагматические аспекты иллокутивного речевого акта.

Негативная модель оценки личности строится на основе норм аксиологического кодекса языка, так как в коммуникативном общении речевой акт «оскорбление» социально детерминирован правилами речевого поведения, которые фиксируют фрагменты действительности в зависимости от их важности для общественных отношений этноса.

Правовая норма «оскорбление» отображает элементы лингвокультуры не зеркально, а фрагментарно, в соответствии с коммуникативными нормами, отвечающими за сохранение социальной стабильности в обществе.

Способы лингвистической детекции и правовой диагностики оскорбления диверсифицированы по способу описания действительности.

Литература

Кусов Г.В. Использование семантических характеристик «клеветы» и «оскорбления» как языковых категорий юридической ответственности // Инновационные процессы в высшей школе / Материалы V Всерос. науч.-практ. конф.: В 2-х ч. Ч. 2. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 1999. С. 126.

Кусов Г.В. Суггестивная функция языка судебного разбирательства // Единство системного и функционального анализа языковых единиц / Материалы междунар. науч. конф. Белгород: БГУ, 1999. С. 47.

Кусов Г.В. Мифопоэтическая языковая картина мира как этнокультурная основа современного инвективного словоупотребления // Языковые и культурные контакты различных народов / Материалы Всерос. науч.-метод. конф.. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, Приволжский Дом знаний, 2000. С. 69–72.

Воркачев С.Г., Кусов Г.В. Концепт «Оскорбление» и его этимологическая память // Теоретическая и прикладная лингвистика / Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 90–102.

Кусов Г.В. Оскорбление: вербальная агрессия, как социально-правовая категория // Язык в мире и мир в языке / Материалы междунар. науч. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2001. С. 100–101.

Кусов Г.В. Концепт «Оскорбление»: трансформационная модель инвективного ряда // Языковые и культурные контакты различных народов / Материалы Всерос. науч.-метод. конф. В 2-х ч. Ч. 1. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, Приволжский Дом знаний, 2002. С. 115–118.

Кусов Г.В. Правовая и языковая диверсификация «Оскорбления» // Эколингвистика: теория, проблемы, методы. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.М. Молодкина. Саратов: Научная книга, 2003. С. 106–115.

Кусов Г.В. Модель негативной оценки языковой личности // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Сборник материалов Всерос. науч.-метод. конф. Вып. 7. Часть II. Белгород: БГУ, 2003. С. 48–50.

Кусов Г.В. Диагностика понятия «оскорбление» в лингвистической экспертизе // Тез. XXXI науч. конф. студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Краснодар: КубГУФКСТ, 2004. С. 227.

Кусов Г.В. Коммуникативная перверсия как способ правовой диагностики оскорбления // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: Тез. докл. междунар. науч. конф. / Под ред. Н.А.Красавского. Волгоград: Колледж, 2004. С.73-74.

Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 26 с.

Ю.Г. Евтушок (Иркутск) **ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

Данная работа посвящена языковой репрезентации концепта «CRIME» – «преступление» в американском варианте английского языка.

В современной теории познания под репрезентациями понимают «определенные структуры сознания, включая интенциональные категории, представляющие собой содержание языковых (семантических) структур на глубинном уровне, уровне сознания» (Кравченко 2001: 150). В своей работе мы рассматриваем языковую репрезентацию такой ментальной модели, как концепт, которая является «базовой когнитивной сущностью, представляющей собой «пучок» представлений, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» (Степанов 2001: 43).

Работа выполнена в русле биокогнитивного метода, позволяющего привлечь достижения различных наук, изучающих человека. Поскольку когнитивный подход отрицает автономность лингвистики как науки, то работа, выполняемая в рамках этого подхода, находится на стыке различных наук, описывающих познавательные процессы, процессы восприятия и усвоения знания человеком, его способность существовать в мире с себе подобными. Тем более важно учитывать когнитивные механизмы в семантических исследованиях, поскольку семантика не автономна, ее нельзя оторвать от суммы нашего знания и тем самым – от культуры, привычек, социальных обычаев, а также от процессов категоризации, узнавания и понимания (Залевская 2002).

Эмпирические исследования, проводимые с середины 1970х годов, поставили под сомнение фундаментальные принципы когнитивизма первого поколения. Результаты исследований, опровергнув постулаты англо-американской философии, были сформулированы в качестве основных положений «воплощенной» теории мыслительной деятельности второго поколения:

- концептуальные структуры основываются на сенсомоторном опыте и нервных структурах; само понятие «структура» в нашей концептуальной системе характеризуется образными и моторными схемами;
- ментальные структуры значимы постольку, поскольку они связаны с опытом тела; они не могут быть адекватно охарактеризованы посредством использования ничего не значащих символов;
- существует базовый концептуальный уровень, берущий свое начало частично от моторных схем, а также нашей способности к воображению;
- наш мозг устроен таким образом, что возбужденные паттерны сенсомоторных участков отражаются на более развитых участках коры головного мозга; эти процессы лежат в основе создания так называемых *базовых метафор*; таким образом, мы можем концептуализировать абстрактные понятия с помощью

выводных паттернов, используемых в сенсомоторных процессах, напрямую связанных с опытом тела;

- структура концептов включает разного рода прототипы: типичные представители, идеальные представители класса, социальные стереотипы, яркие образцы, когнитивные ориентиры и др.; каждому виду прототипа соответствует специфическая форма мышления; большинство концептов не может быть охарактеризовано с помощью перечисления необходимых достаточных условий;

- сознание корпорально;

- воображение – основа ментальных процессов; метафора, в свою очередь, выступает в качестве связующего звена между опытом тела и абстрактными образами;

- концептуальные системы не монолитны; в основном, абстрактные концепты объективируются посредством многочисленных концептуальных метафор, которые зачастую не соотносятся друг с другом (Lakoff & Johnson 1999).

Таким образом, когнитивная наука второго поколения, как ее условно назвали в своей работе Лакофф и Джонсон, рассматривает роль понимания, основанного на телесном опыте, в структуре и содержании мышления, а значение – как способ нашего функционирования в мире, учитывая при этом роль тела и воображения. Когниция рассматривается как деятельность организма, осуществляемая в ходе взаимодействия со средой с целью адаптации к среде для выживания и размножения. Основное отличие когнитивизма первого и второго поколения заключается в различии методологии: приверженцы биокогнитивного подхода основывают выводы о природе мышления на эмпирических результатах, в то время как исследователи первого поколения исходят из априорных философских предположений.

Мы можем говорить о существовании концепта только в том случае, если он объективирован в языке. В то же время, являясь ментальной структурой, концепты не могут быть полностью вербализованы. В данном исследовании рассматривается основное содержание концепта CRIME, которое представлено всеми доступными языковыми средствами, репрезентирующими концепт.

Содержательный минимум концепта CRIME, установленный в результате анализа словарных дефиниций, определяется как «любое событие или действие, запрещенное уголовным правом» (events and actions banned by criminal law). Содержательный минимум конкретизируется в трех направлениях, которые могут быть представлены в следующих определениях: невозможность

или отказ соответствовать правилам поведения, установленным обществом (a failure or refusal to live up to the standard of conduct deemed binding by the rest of the community); уклонение от служебного долга (omission of a duty commanded); совершение противоправного действия (commission of an act forbidden by a public law). Когнитивный контекст концепта CRIME, актуализирующийся всякий раз при употреблении лексем, репрезентирующих концепт CRIME, может быть представлен как модель ситуации, предполагающей, как минимум, двух участников: жертвы и преступника (victim and offender). Обязательными компонентами модели «совершение преступления» выступают следующие характеристики противоправного действия: вина преступившего закон, мотив преступления, определенный уровень умственного развития преступника, моральный ущерб и неизбежность наказания.

Структура языка позволяет наблюдателю описывать одно и то же явление, используя различные языковые средства. Эта особенность языка лежит в основе рассмотрения концепта CRIME как многогранной сущности, обладающей кристаллоподобной структурой, имеющей множество языковых репрезентаций. Возможность появления различных граней у концепта CRIME, приводящая к различным интерпретациям одних и тех же явлений, подтверждает вывод о коннотативном характере языка, который следует из положений биокогнитивной теории (Kravchenko 2003).

Наблюдатель, оперирующий языковыми репрезентациями концепта CRIME, может по-разному описывать взаимодействия со средой. На различные описания влияют такие факторы, как избирательный характер наблюдения, индивидуальный опыт наблюдателя, а также то, кто производит описание: сторонний наблюдатель, для которого ниша наблюдаемого организма представляется частью среды, либо сам наблюдаемый организм, представляющий свою нишу всей средой. Именно эта особенность концептов является основой для метафорического описания различных явлений с опорой на индивидуальные ассоциации. Метафоры рассматривают как набор формул, определяющих основные правила жизни и поведения, основные абстрактные схемы отношений между людьми, операции с объектами системы, наборы мудрых мыслей, одним словом, – как теорию жизни некоторого народа (Барулин 1999).

В ходе анализа языковых примеров были выявлены следующие концептуальные метафоры: «Преступление – Живой Организм»: *Organized crime in our country is like a deadly python that is squeezing our economy, swallowing up our courts, threatening our very lives* (Sheldon 1980: 384); «Преступление – Товар»: *Caroline*

shook her head. «I'm sorry, Father. But this makes no sense – a pre-meditated murder, by a man who paddles silently through the water, confident that a drowsy victim will offer up his throat while his girlfriend goes for a swim. Please don't ask me to sell that to anyone» (Patterson); «Преступление – Стихийное Бедствие»: Serious crime has skyrocketed in the second half of the twentieth century. We seem to be in the midst of a horrendous crime storm – a hurricane of crime (Friedman); «Преступление – Путь»: For some people, crime was a shortcut to money and position. For others, it was a consequence of rootlessness and anomie (Friedman).

Концепты представляют собой континуумы, в которых актуализируются все возможные значения. Ввиду отсутствия факторов давления и из-за недостатка индивидуального опыта происходит актуализация лишь некоторых из них. Со временем, благодаря влиянию различного рода факторов и расширению границ индивидуального опыта, актуализируются новые, до этого неизвестные данному индивиду участки концепта. Так, в области наложения концептов CRIME и SIN актуализируются такие виды преступлений, как witchcraft, blasphemy, в области пересечения концептов CRIME и BUSINESS – organized crime, white-collar crime, high-class crime. Данные концепты принадлежат к одному домену и могут «перетекать» друг в друга.

В ходе анализа был определен синонимический ряд, состоящий из трех лексем: *crime, sin, wrong*. Данные слова соотносятся с разными фрагментами концепта CRIME, а также могут представлять отдельные концепты, из чего можно сделать вывод, что, возможно, в данном случае следует говорить о целом домене концептов, поскольку представляется сложным обозначить их границы:

«...Killing is wrong. It's wrong for the Africans to kill. It's wrong for the Anglos to kill. And it's wrong for the people of the state of Mississippi to kill death row inmates. What I did was wrong, so how do you make it right by killing me?» (Grisham).

«It was such a horrible sin to kill an aged creature like Sam Cayhall. His crimes were committed a generation ago. He had suffered and died many times in his six-by-nine cell. How would the state benefit by killing him now?» (Grisham).

Приведенные примеры языковых репрезентаций концептов CRIME, SIN и WRONG показывают, что данные концепты образуют один домен. В случае наложения концептов их языковые репрезентации являются синонимами. Однако эти концепты не могут полностью совпадать друг с другом, поскольку они овеществляются в языке различными способами.

В результате анализа лексем, используемых для обозначения преступления, языковые репрезентации концепта CRIME могут быть представлены в виде следующей когнитивной иерархии (Схема 1).

Схема 1

CRIME		
Individual	Society	Humanity
against the person	against Government / State	against Humanity
assault, robbery, violence, sex offenses, murder	treason	genocide
<i>hate crime</i>	<i>white collar crime</i>	<i>war crime</i>
<i>crime of passion</i>	commercial fraud; cheating consumers; swindles; embezzlement; insider trading on the stock market; infringement of trade-marks and copyrights	

Основополагающий признак предложенной нами категоризации – когнитивная область индивида, пострадавшего от преступных действий. В зависимости от границ мира, к которому причисляет себя индивид, выделяются три категории языковых репрезентаций концепта CRIME: «преступления против личности» (crime against person), «преступления против общества» (crime against State/government) и «преступления против человечества» (crime against humanity). Границы категорий четко не определены, поэтому виды преступлений могут относиться как к одной, так и другой категории:

Homicide, assault, rape and kidnapping, *selected principal crimes of violence against the person under American law, are the subject of this article* (Cellings).

The conventional wisdom used to be always until cross-racial serial killers started showing up. And murder and rape have been used for years as part of racial and ethnic warfare (Kellerman).

Carmeli didn't answer for several moments. Looking at his shoes, he rubbed the toe of the left one. «Political crimes are based upon hatred and the Arabs hate us. And there are thousands of Arabs in this city, some of them with strong political views. But the goal of even the most violent terrorist is to send a message in a way that will attract attention. Not one dead child, Mr. Sturgis. A busload of children» (Kellerman).

В приведенных примерах такой вид преступления, как «убийство», может относиться к любой из трех категорий в зависимости от опыта наблюдателя, ситуации, внешних факторов, влияющих на формирование категорий. На основании предложенной кате-

горизации можно сделать вывод, что все преступления можно считать преступлениями, направленными на подрыв общественных социальных устоев. Таким образом, «преступления против личности» должны приравниваться по статусу к «преступлениям против общества».

Концепты подвергаются стандартизации на индивидуальном и общественном уровне, что служит основанием для выделения индивидуальных и обобществленных компонентов в структуре концепта CRIME. Индивидуальные компоненты оказывают сильное влияние на формирование общепринятых представлений в определенной концептосфере. Несмотря на различие индивидуальных компонентов концепта CRIME, понимание становится возможным благодаря совпадению опыта индивидов. Однако зачастую мы имеем дело со случаями несовпадения индивидуальных и обобществленных компонентов, что, в конечном итоге, приводит к противоправным действиям. Чтобы восстановить баланс, нарушенный индивидом или группой индивидов, общество обязано применить соответствующие карательные меры для разрешения конфликта между обществом и индивидом.

Предложенная нами категоризация языковой репрезентации концепта CRIME носит относительный характер и может быть дополнена и изменена другими исследователями. Это необходимо также и потому, что язык не стоит на месте: являясь частью окружающей среды, он подвергается изменениям, происходящим в среде, могут появиться новые точки отсчета, которые не могут не повлиять на категоризацию такого древнего и культурно обусловленного концепта, как концепт CRIME.

Любой концепт находится в постоянном движении, претерпевает изменения, меняется его интерпретация в зависимости от конкретного исторического периода. Многие исследователи, работающие в рамках новой научной парадигмы, подчеркивают, что человеческий язык не имеет единого строения, он не определен по своим очертаниям, которые находятся в состоянии постоянного движения и изменения. «Язык вмещает в себя неопределенно большое – принципиально неперечислимое – количество разнородных «кусков» предыдущего языкового опыта, имеющих самую разную структуру и объем» (Гаспаров 1996: 13). Благодаря диффузному характеру своей структуры, концепты легко подвержены всем изменениям среды: социальным, культурным и историческим.

Обратимся к толкованию понятия 'культура' с точки зрения биологической концепции языка. Под культурным поведением теоретики автопоззиса понимают «сохраняющуюся из поколения

в поколение стабильность поведенческих схем, онтогенетически приобретенных в коммуникативной динамике социального окружения» (Матурана, Варела 2001: 178). Данное определение как нельзя лучше помогает нам понять причины устойчивости культурных ценностей нации и человечества в целом, к которым относятся понятия 'добра' и 'зла', 'преступления' и 'наказания'. Несмотря на изменения, которым подвергался культурно обусловленный концепт CRIME на протяжении всей истории США, его основные признаки остаются неизменными. Во все времена такие преступления, как государственная измена (*treason*), убийство (*murder, homicide*), изнасилование (*rape*), воровство/грабеж (*theft/burglary*) считались самыми серьезными и наказывались довольно жестоко.

Специфика концепта в той или иной культуре объясняется культурными доминантами поведения, исторически закрепленными ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей лингвокультуре (Карасик 2002). Опираясь на определение культурного поведения, принятого в теории самоорганизующихся систем, мы можем понять причины стабильности основных характеристик концепта CRIME, заключающиеся в стабильности поведенческих схем, сохраняющихся из поколения в поколение на протяжении истории развития этноса. В то же самое время концепт CRIME по-разному интерпретируется в рамках концептосферы американского общества. Это становится возможным благодаря различным способам адаптации к изменению среды представителей разных консенсуальных областей. Поскольку язык выступает в качестве механизма, при помощи которого общество сохраняет накапливаемый опыт, представители разных консенсуальных областей создают значения своим, уникальным способом.

Для выявления основных характеристик консенсуальной области и ее оценки представителями американской культуры был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В ходе эксперимента было опрошено 50 информантов в возрасте от 16 до 65 лет, представляющих различные профессиональные сферы и проживающих в различных штатах. Каждый из участников получал анкету со словом-стимулом, и должен был заполнить ее, написав первые пришедшие в голову слова, актуализированные в сознании словом-стимулом. Анкета включала в себя следующие задания: воспроизвести синонимический ряд, написать слова с противоположным значением, а также перечислить идиоматические выражения, пословицы, поговорки с данным словом.

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента показал, что информанты обнаружили больше всего ассоциаций,

связанных с «преступлением против личности»: murder, killing, homicide – 10 реакций; robbery, stealing, theft, burglary, rape – 20 реакций. Большое число информантов назвали «жестокость» (violence) – 17 реакций. Это может служить еще одним доказательством первичности индивидуального при категоризации действительности. Данные реакции показывают, что информанты в первую очередь задумываются о том ущербе, который может быть нанесен их собственной нише, а после некоторых размышлений пытаются раздвинуть границы своей когнитивной области, причислив себя к числу людей, разделяющих с ними одну консенсуальную область, и практически не задумываются о расширении границ своей когнитивной области до размеров земного шара. Ассоциации, полученные в результате эксперимента, не противоречат предложенной нами категоризации, отправной точкой в которой является пострадавший индивид. Информанты не только назвали «жертву» (victim) в качестве ассоциации к слову *crime*, но и перечислили характерные признаки состояния пострадавшей стороны: anger, fear, loss, pain.

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Языковые репрезентации концепта CRIME отображают сложную когнитивную структуру, сравнимую по своему объему и трудности описания с естественным кристаллом. Концепт не имеет четко обозначенных границ и является потенциально бесконечным континуумом, как и сам язык.

На категоризацию концепта CRIME влияют а) опыт наблюдателя, б) основополагающий признак, вокруг которого формируется категория, в) условия среды, г) непосредственное окружение. Категоризация невозможна без учета биологической основы социальных явлений, представляющей собой все возможные взаимодействия индивида со средой и себе подобными.

Концепты не могут существовать обособленно друг от друга, они вступают во взаимодействия с другими концептами, «перетекают» друг в друга, создавая тем самым условия для актуализации значений, которые не были лексикализованы прежде. Таким образом, создается впечатление, что языковые репрезентации «получают» новые значения, не существовавшие прежде.

Биологическая основа социальных явлений заключается в том, что любой человек воспринимает себя как отдельную личность с такими присущими ей характеристиками, как самосознание и индивидуальность, и в то же время как часть общества, вне которого он не может нормально функционировать. Содержание любого концепта подвергается стандартизации на индивидуаль-

ном и коллективном уровне. В структуре концепта CRIME выделяются индивидуальные и обобществленные компоненты, которые могут как совпадать по своему объему, так и вступать в «конфликт» друг с другом, что приводит к нарушению законов, установленных обществом.

Концепт CRIME является культурно обусловленным концептом, его содержание отличается от культуры к культуре. Структура концепта CRIME в концептосфере американского общества характеризуется стабильностью благодаря устойчивым онтогенетически приобретенным в определенном социальном окружении поведенческим паттернам, сохраняющимся из поколения в поколение. В то же время концепт CRIME претерпевает изменения и продолжает развиваться по мере того, как изменяется и развивается все общество в целом.

Литература

Барулин А.Н. О структуре языкового знака / А.Н. Барулин // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 245-251.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Евтушок Ю.Г. Концептуализация понятия «CRIME» в разных типах дискурса // Филология. История. Межкультурная коммуникация: Тез. докл. регион. конф. молодых ученых. Иркутск: ИГЛУ, 2002. С. 31–33.

Евтушок Ю.Г. Метафоризация концепта «Crime» // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Тез. докл. и сообщ. VII междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: БГУЭП, 2002. С. 49–50.

Евтушок Ю.Г. Концепт «CRIME» в аспекте биологической концепции языка // Язык. Культура. Человек. Этнос. Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. С. 70–76.

Евтушок Ю.Г. Категоризация концепта «CRIME» на основе биологической концепции языка // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie. Кемерово – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. S. 73–76.

Евтушок Ю.Г. Роль различных факторов в изменении и развитии языка на примере концепта «CRIME» // Эколингвистика: теория, проблемы, методы. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2003. С. 30–36.

Евтушок Ю.Г. Функциональная неграмотность как следствие нарушения биологической основы социальных явлений // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Тез. докл. и сообщ. VIII междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: БГУЭП, 2003. С. 27–32.

Евтушок Ю.Г. Категоризирующий фактор наблюдателя в определении «преступления» // Когнитивные аспекты языкового значения: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. Иркутск: ИГЛУ, 2003. Вып. 4. № 3. С. 20–28.

Евтушок Ю.Г. Концепт как отражение опыта (на примере концепта «CRIME») // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. С. 132–139.

Евтушок Ю.Г. Индивидуальные и обобществленные компоненты концепта «CRIME» // Общие теоретические и типологические проблемы языкознания: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Бийск, 2003. С. 46–49.

Евтушок Ю.Г. Языковая репрезентация концепта CRIME (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 15 с.

Залевская А.А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку / А.А. Залевская // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Матер. VII междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. С. 9-21.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская областная типография №1, 2001. 261 с.

Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Дерево познания. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

Kravchenko A.V. Sign, meaning, knowledge. An essay in the cognitive philosophy of language. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2003. 251 p.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. N.Y.: Basic Books, 1999. 624 p.

Е.Н. Евтушенко (Волгоград)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Целью данной работы является моделирование концепта «пространственная ориентация», т.е. установление характера движения или порядка расположения объектов с определением расстояния между ними в языковом сознании носителей русской и английской культуры.

Феномен пространственной ориентации относится к *параметрическому* типу концептов, который представляет собой универсальное видение мира, некие основные координаты измерения или ориентации человека и потому лишен какой-либо оценочности или экспрессивности. Это несуществующий в природе концепт-конструкт, который накладывается на действительность.

Представление о пространстве, производным от которого является пространственная ориентация, зависимо от уровня развития человеческого сознания, в связи с чем в работе дается краткое описание генезиса понятия «пространство». Отмечено, что современная концепция о пространстве предопределена первоначальным, мифопоэтическим пространством, наделенным одухотворенностью и качественным богатством и породившим мно-

жество бинарных пространственных оппозиций и основные параметры членения мира (небо-земля, внутренний-внешний, высокий-низкий, далекий-близкий и т.п.).

В настоящее время пространство трактуется как некий порядок расположения предметов или расстояние между ними и от наблюдателя до объекта осязания. При этом пространству приписывается ряд психологически обусловленных свойств, которые делают его доступным для восприятия и понимания человеком: трехмерность, измеримость, протяженность, предельность (наличие начала и конца), связность, прерывность (раздельное существование материальных объектов), статичность, динамичность и другие. Трехмерность образована тремя полярными координатами в горизонтальной и вертикальной плоскостях: «верх-низ», «вперед-назад», «вправо-влево». Между координатными осями пространства с точки зрения языка существует следующая иерархия: 1) вертикаль, 2) горизонталь по оси «вперед-назад», 3) горизонталь по оси «вправо-влево».

Являясь универсальной категорией и основной формой бытия, пространство отражается в различных типах сознания: философском, естественнонаучном и обыденном. Так как по отношению к объекту исследования – пространственной ориентации – используется ее обиходное понимание, в работе очерчиваются характеристики бытового осмысления пространства в сопоставлении с философским и естественнонаучным.

В системе понятий философии выделяются два основных типа пространства, которые представляют собой возможные способы категоризации действительности или два «взгляда» на мир: пустое, самодостаточное (по Ньютону) и объектно-заполненное, зависимое (по Лейбницу). Пустое пространство соответствует геометрической концептуализации, формирующейся на основе совокупного опыта человека, объектно-заполненное – чувственно-наглядному восприятию, «наивной философии мира», для которой важен порядок сосуществования предметов и характер их движения.

Как объективная характеристика мышления, пространство обнаруживает сходство параметров в естественнонаучном и стандартно-бытовом понимании, несколько отличаясь в средствах и способах его описания. С научных позиций пространство описывается с использованием средств специальных языков науки и указанием точных количественных характеристик размера объектов и расстояния между ними. В обыденном сознании приоритет отдается не метрическим, а топологическим свойствам пространства. В стандартно-бытовой ситуации человеком выделяются

наиболее репрезентативные для данного пространства объекты, характеристики последних идеализируются, а отношения между ними схематизируются без выражения точных показателей.

Пространственная ориентация рассматривается как установление порядка расположения или направления движения предметов в пространстве с определением расстояния между ними. Для нее существенны многие свойства пространства, а также характер имеющегося движения в пространстве и особенности местоположения объектов. Так, в зависимости от ситуации ее признаками могут стать вертикальность, горизонтальность, исходный/конечный пункт, открытость/замкнутость, повсеместность, круговое движение, пересечение, расстояние и многие другие.

В ориентационной системе человека выделяется предмет, место и субъект как центр данной системы, – понятия, первичные по отношению к пространству в смысле их осознания и изучения человеком.

Пространственная ориентация основывается не только на пространственном представлении, но и на пространственном поведении, которое может относиться к сенсомоторной активности в окружающей обстановке и использованию пространства на межличностном уровне. Установление дистанций общения (построение микропространства) и организация пространства в домах, зданиях и городах (т.е. макропространство) называется проксемным поведением и изучается проксемикой (по Э. Холлу). В работе отмечена обусловленность проксемного поведения возрастными, половыми, психологическими, межличностными факторами и социокультурными характеристиками участников взаимодействия. Выделено, что в различных культурах вырабатываются свои модели проксемного поведения. Например, в американской культуре очень важно строгое соблюдение дистанции при общении, установление границ личного пространства вплоть до дюймов, что не имеет места в русской культуре.

В результате анализа первичных значений специализированных слов для обозначения пространства (предлогов и наречий) обнаружено значительное сходство понятийной стороны данного концепта и вместе с тем специфика его субкатегориальных признаков и комбинаторики составляющих его элементов.

Рассмотрение семантического содержания пространственных предлогов (86 единиц: 44 русских и 42 английских) и наречий (54 единицы: 23 наречия в русском языке и 31 в английском) позволило выявить следующие параметрические признаки концепта, которые в двух языках совпадают:

1. вертикальность (различение верхней и нижней части объекта) – 35 единиц (22 предлога и 13 наречий);
2. близость – 33 единицы (20 предлогов и 13 наречий);
3. горизонтальность (различение передней и задней части объекта) – 25 единиц (13 предлогов и 12 наречий);
4. внутреннее пространство – 14 единиц (8 предлогов и 6 наречий);
5. внешнее пространство – 12 единиц (7 предлогов и 5 наречий);
6. исходный пункт – 6 единиц (4 предлога и 2 наречия);
7. конечный пункт – 14 единиц (12 предлогов и 2 наречия);
8. другая/противоположная сторона – 11 единиц (8 предлогов и 3 наречия);
9. пересечение – 10 единиц (7 предлогов и 3 наречия);
10. повсеместность (учет всех или многих направлений) – 10 единиц (5 предлогов и 5 наречий);
11. круговое направление – 9 единиц (5 предлогов и 4 наречия);
12. направление вдоль – 6 единиц (5 предлогов и 1 наречие);
13. отделяющее расстояние – 5 единиц (3 предлога и 2 наречия);
14. минование какого-либо объекта или расстояния – 4 единицы (2 предлога и 2 наречия)

Семантическая структура многих из указанных признаков имеет во многом сходное построение, допуская индивидуальную конкретизацию в значении и различную степень семантической разработки. Так, некоторая *специфика в уточнении* (при рассмотрении основных средств номинации) присуща следующим признакам в английском языке:

1. *внутреннее пространство*: «функциональность», «член закрытого множества объектов» (at);
2. *внешнее пространство*: «объемность/замкнутость» (outside), «вне конкретного дома» (out), «значительное расстояние для преодоления, перемещение в другое место» (out);
3. *вертикальность*: «движение в вертикальной плоскости», «контакт» (up/down, over), «изменение положения из сидячего в стоячее/из лежачего в сидячее», «движение на север/юг» (up/down);
4. *горизонтальность*: «минимальное перемещение или изменение позиции субъекта» (forward), «большой путь следования» (ahead), «достижение объекта» (in front of);
5. *близость*: «рабочая позиция» (at), «рядная организация» (next to, beside), «член закрытого множества» (at), «дифференци-

рованный способ указания расстояния», «касание в вертикальной плоскости» (against);

6. *пересечение*: «движение по прямой линии» (across), «движение по дугообразной линии» (over), «движение вниз через край другого объекта» (over), «промежуточный этап» (through);

7. *другая/противоположная сторона*: «движение по прямой траектории в горизонтальной плоскости» (across, over), «движение в обход/по кривой линии по горизонтали» (round, around), «достижение другой, невидимой стороны по дугообразной траектории в вертикальной плоскости» (over);

8. *повсеместность*: «объемность» (through);

9. *конечный пункт*: «объемность открытых мест» (into);

10. *расстояние*: «динамичность» (for), «приблизительная характеристика + статичность» (нар. off, away).

Для русских пространственных единиц характерны другие индивидуальные уточняющие компоненты:

1. *контакт/поверхность*: «движение по поверхности», «движение в вертикальной плоскости», «движение на другом уровне», «повсеместность», «пересечение» (по);

2. *вертикальность*: «нахождение в верхней или нижней части» (вверху/внизу), «исходный пункт движения по вертикали» (сверху/снизу);

3. *близость*: «окрестность говорящего» (вблизи, поблизости, неподалеку, невдалеке);

4. *конечный пункт*: «открытость достаточно больших территорий» (на).

Исследование показывает, что признаки «вертикальность», «горизонтальность», «внутреннее/ внешнее пространство», «пересечение» и «другая/противоположная сторона» более подробно представлены в английском языке, признак «контакт (поверхность)» – в русском. Например, признак «вертикальность» в английском языке конкретизируется в четырех направлениях, специфичных для соответствующего признака в русском языке (которые не выражаются основными средствами его номинации «над, под»):

- движение в вертикальной плоскости: «...she had run into the house through the hall, up the stairs into her bedroom» (K. Mansfield) – «...она вбежала в парадную дверь дома и поднялась к себе в спальню по лестнице» («по» номинирует признак «контакт/поверхность»);

- контакт / поверхность: «Then he saw a girl coming toward him over the grass» (F.S. Fitzgerald) – «Затем он увидел девушку, которая шла к нему по траве»;

- изменение положения из сидячего в стоячее / из лежачего в сидящего: «The real Rosabel got up from the floor...» (K. Mansfield) – «Настоящая Розабель поднялась с пола...» (передается глагольным аффиксом под-);

- движение на север / юг: «He's flying up to Scotland from London» (LDELС) – «Он летит в Шотландию из Лондона» (компонент не выражен).

В работе также выделены специфические признаки концепта «пространственная ориентация» в английской лингвокультуре, которые не получают отдельного обозначения в системе пространственных единиц русского языка, передаваясь другими лексическими и аффиксальными средствами. В их число входят следующие компоненты:

а) *определенное место* (over, up, down, round, around, along): «Run down just as you are» (K. Mansfield) - «Сбегай туда (к ним) прямо в чем ты есть»;

б) *удаление* (off, away): «The better to look at him, Boo Boo pushed her son slightly away from her» (J.D. Salinger) – «Бу-бу чуть отстранила сына, чтобы поглядеть на него»;

в) *другая/дальняя часть* (up, down): «He had a little flower shop just down the road» (K. Mansfield) – «Он владел маленьким цветочным магазином неподалеку на той же улице...»;

г) *передача* (over): «Lou barely skimmed through his next letter before handing it over to Raymond» (M. Spark) – «Лу едва просмотрела его очередное письмо перед тем, как отдала его Рэймонду».

Установлено, что некоторые параметрические признаки не имеют собственных языковых средств номинации, т.е. их вербализация осуществляется с помощью единиц для обозначения других признаков пространственной ориентации, а именно

- определенное место (over, up, down, round, around, along)

- другая/противоположная сторона (across, over, (a)round/за, через)

- отделяющее расстояние (for, off, away/в, за)

- другая/дальняя часть (up, down)

- передача (over)

Наибольший интерес представляли **субкатегориальные** признаки концепта, объединяющие вокруг себя другие пространственные компоненты, которые, в отличие от конкретных признаков, проявлялись не явно и в двух языках не совпадали, а именно «*объемность/замкнутость*» в английском и «*поверхность/открытость*» в русском языке. Это означает, что в английском языковом сознании при определении пространственного расположения объектов отмечаются в первую очередь их объем-

ные характеристики (способность стать вместилищем), а в русском – открытость/поверхность объектов.

Объемность, находящая языковое воплощение в единицах «into, inside, within, through, outside», уточняет признаки «внутреннее/внешнее пространство», «исходный/конечный пункт», «пересечение» и «повсеместность». Значение «поверхность/открытое пространство» часто подчеркивается при описании вертикальности (накрывание, движение в вертикальной плоскости, движение на другом уровне), внешнего пространства и конечного пункта, пересечения и повсеместности, направления вдоль и всегда при экспликации другой/дальней части. Компонент «поверхность» реализуется при этом в трех вариантах: «движение по поверхности» (по), «поверхность + статичность» (на), «поверхность + конечный пункт» (на). Сравним описание одной и той же ситуации в рассматриваемых языках: «He plodded alone through the soft, hot sand toward the hotel» (J.D. Salinger) (пересечение + объемность) – «Потом пошел один по горячему, мягкому песку к гостинице» (Дж.Д. Сэлинджер) (поверхность + динамичность + пересечение).

В ходе исследования отмечено несколько типов комбинаторики пространственных признаков, которые в зависимости от количества входящих в них компонентов можно условно разделить на простые и сложные. Простые типы включают только один пространственный признак кроме различения статичности или динамичности действия объекта. Сложные содержат два или более признака пространственной ориентации в дополнение к компоненту «статичность/динамичность».

Простые модели комбинаторики пространственных признаков являются универсальными, типичными для русского и английского языка, что говорит о сходстве основных способов ориентации в пространстве в данных культурах. Сложные модели чаще всего отличаются некоторой специфичностью, представляя собой сочетание универсальных моделей семной комбинаторики с дополнительными признаками, выбор которых в разных языках часто не совпадает.

Путем семантического анализа выявлено 16 простых типов сочетаемости пространственных признаков, представленных в первичных значениях исследуемых предлогов и наречий. Большая часть этих моделей (10) отражена в семантической структуре как предлогов, так и наречий в обоих языках. Остальные модели комбинаторик реализуются в семантике какой-то определенной части речи. Итак, общими для предложной и наречной систем английского и русского языков являются следующие модели:

- «внутреннее пространство + стат/дин»

- «внешнее пространство + стат/дин»
- «направление + стат» (за исключением русских наречий)
- «близость + стат/дин»
- «вертикальность (верхняя часть) + стат/дин»
- «вертикальность (нижняя часть) + стат/дин»
- «горизонтальность (передний план) + стат/дин»
- «горизонтальность (задний план) + стат/дин»
- «пересечение + дин» (за исключением русских наречий)
- «круговое направление + стат/дин»
- «повсеместность + стат/дин»
- «минование + дин»

Простые типы сочетаемости «исходный пункт + дин», «конечный пункт + дин», «другая/противоположная сторона + стат/дин» выражаются, как правило, только с помощью предлогов. Типичные комбинаторики признаков «пересечение + дин», «направление + стат», «расстояние + стат», присутствующие в содержании предложных единиц обоих языков, индивидуальны для наречной системы английского языка:

1. «пересечение + динамичность» (over, across, through): «He got runned over» (K. Mansfield) – «Его переехала машина»;

2. «направление + статичность» (to, on): «The windows opened on to a balcony overlooking the garden» (K. Mansfield) – «Окна открывались на балкон с видом на сад»;

3. «расстояние + статичность» (off, away): «...people could scarcely be distinguished a few yards away» (F.S. Fitzgerald) – «...людей едва можно было разглядеть на расстоянии нескольких ярдов».

В работе подтверждена гипотеза о своеобразии сложной комбинаторики признаков концепта, которая находит отражение в лексической номинации. *Наибольшее* количество моделей семных комбинаторик с пространственными признаками в английском языке обнаруживают компоненты «вертикальность» (7 моделей), «конечный пункт», «повсеместность», «определенное место», «контакт», «другая/противоположная сторона» (по 3 модели), в русском языке – «горизонтальность» (6) и «конечный пункт» (5 моделей). *Наименьшее* количество моделей характеризует признаки «горизонтальность» и «внешнее пространство» (0 моделей) в английском языке, «повсеместность», «минование» (0) и «вертикальность» (1) – в русском.

Компоненты «вертикальность» и «горизонтальность», таким образом, становятся диаметрально противоположными по степени их комбинаторной сочетаемости: «вертикальность» максимально активна в английской лингвокультуре и достаточно слаба

в русской; «горизонтальность», наоборот, широко комбинируется в русском языке, не имея ни одной сочетаемости в английском языке.

При этом наибольшая *уникальность* при сочетании с другими компонентами отличает признаки «вертикальность» (7 специфических комбинаторик), «определенное место», «повсеместность» (по 3) в английской лингвокультуре, «горизонтальность» (6) – в русской.

Итак, установлены следующие **модели** комбинаторик параметрических признаков:

1) Вертикальность + пересечение («over») + повсеместность («over») + другая/ противоположная сторона («over») + другая/дальняя часть («up/down») + направление вдоль («up/down») + близость («под») + определенное место (нар. «over, up, down») + передача (нар. «over»)

2) Определенное место + вертикальность (нар. «over», «up», «down») + повсеместность (нар. «round», «around») + направление вдоль («along»)

3) Горизонтальность (задний план) + внешнее пространство («за») + близость («за») + другая/противоположная сторона («за») + расстояние («за») + контакт («за») + конечный пункт (за)

4) Контакт + конечный пункт («к/to») + близость («by») + горизонтальность (задний план) («за»)

5) Конечный пункт + контакт (on, against/на, по, o) + внутреннее пространство (at, into/в) + расстояние (for/на) + горизонтальность (арриерный план)» (за) + исходный пункт (с)

6) Повсеместность / круговое направление + близость (пр., нар. «round, around», нар. «about») + определенное место (нар. «round, around») + другая сторона (пр., нар. «round, around»)

7) Другая / противоположная сторона + пересечение («across/ через») + вертикальность («over») + повсеместность («round, around») + горизонтальность («за»)

8) Расстояние + внутреннее пространство (в) + горизонтальность (за) + исходный пункт (off, away) + конечный пункт (for)

9) Внутреннее пространство + конечный пункт (into/в) + расстояние (в) + близость (at)

10) Внешнее пространство + горизонтальность (задний план) (за)

11) Удаление + расстояние (нар. off, away)

12) Минование + близость (by)

Анализ отобранного лексического материала показал, что в английской языковой картине мира происходит более четкое разграничение различных типов пространств, чем в русской. Напри-

мер, пространство четко разделяется на то, которое может быть пройдено насквозь (through), пространство, которое может быть пересечено по поверхности от одной границы до другой (across), внутрь которого можно проникнуть (into) и т.д., чего не наблюдается в русскоязычной когнитивной системе. При этом пространственные признаки в англоязычной культуре всегда выражаются специализированными средствами для их обозначения: предложными и наречными единицами с одинаковой степенью активности. В русском языке пространственные единицы не обладают столь большой коммуникативной важностью при экспликации пространственной ориентации, в особенности наречия. Английские наречия оказываются в данном случае более актуальными, чем русские. Так, признаки «пересечение», «направление» и «удаление» содержатся в семантике только английских наречий.

Единицами, наиболее активно репрезентирующими концепт «пространственная ориентация» по количеству компонентов и их конкретизаторов, выступают «over» (предлог и наречие) (4 признака + 14 их уточняющих семантических компонентов) и «за» (6 признаков).

Ценностная сторона концепта в виде внешних оценочных характеристик отражена во *вторичных* значениях специализированных слов и представляет собой набор кваликативных признаков, которые разделяются на типичные и специфические. При этом комбинаторика типичных кваликативных признаков с пространственными компонентами в английском и русском языках частично отличается.

В числе универсальных **кваликативных** признаков в содержании пространственных единиц выделены следующие компоненты: «цель», «причина», «источник информации», «средство/способ осуществления действия», «относительно чего-либо», «состояние/положение», временные признаки «период протекания действия», «определенный момент времени», «последовательность», «одновременность событий» и «приблизительность». Их понятийная структура в исследуемых картинах мира обладает общим сходством и возможным наличием уникальных уточняющих компонентов.

Некоторая специфика в семантической проработке присуща временным признакам «период протекания действия», «определенный момент времени» и «последовательность событий». Так, индивидуальной для английского языка выступает комбинаторика признаков «период протекания действия + от начала до конца» (through, нар. ground), которая в русском языке передается фразами, не связанными с репрезентацией изучаемого концепта (в те-

чение, в продолжение, весь день, всю ночь напролет, круглый год и т.п.). Например:

«It's all right for you, you live here all year round» (J.D. Salinger) – «Вам-то ничего, вы круглый год здесь живете» (Дж.Д. Сэлинджер)

Отмечено, что компонент «период протекания действия» обладает наибольшей семантической плотностью среди пяти рассмотренных в работе временных признаков, имея 8 обозначающих его единиц в английском и 7 в русском языке.

Специфичными в ценностном аспекте является признак «обладание» в русском языке (у, при, с) (ящик у стола выдвижной, бутылочка с маслом) и несколько компонентов в английском:

1) *завершенность* (нар. up, through, over, off, out, away): «Mice?...Kill them all off» (J. Steinbeck);

2) *прерывание* действия (нар. out, through, down, off, away): «She broke off as a chair creaked» (F.S. Fitzgerald);

3) *возникновение*, появление (нар. up, out): «I'll buy that novel when it comes out» (J. Fowles);

4) *уменьшение* (нар. off, down): «I'm going to the shore tomorrow to swim off this weight» (F.S. Fitzgerald);

5) *увеличение* интенсивности процесса (нар. up): «He tried to whip up his enthusiasm with the thought of the fat juicy smile» (J. Steinbeck).

Индивидуальными квалификативными компонентами с указанием на время в содержании наречий выступают признаки «отдаленность во времени» (off, away) «протекание действия в течение целого периода» (over, round, around), «заранее» (ahead), «затем, после» (after), «раньше, до сих пор» (before), «в будущем» (вперед), «в прошлом» (позади) и некоторые другие. Компонент «отдаленность во времени», уникальный для семантической структуры английских наречий, в русском языке выражается предлогами «до, через»: «And the wedding was only six days away» (F.S. Fitzgerald) – «До свадьбы оставалось только шесть дней». Остальные из выделенных признаков остаются специфичными для всей системы пространственных единиц другого языка.

Количественное преимущество специфических признаков в английском языке объясняется большой актуальностью и высокой численностью английских наречий, в семантике которых данные признаки содержатся.

Рассмотрение пространственно-квалификативной комбинаторики признаков обнаружило ее неполное сходство в анализируемых языках. Наибольшее совпадение моделей было выявлено у следующих компонентов: «источник информации» (4 из 5 моделей), «состояние/положение» (3 из 4), «относительно чего-либо»

(4 из 6) и «определенный момент времени» (2 из 3), что, однако, не означает одинаковое обозначение конкретизирующих их семантических компонентов.

Самыми своеобразными в языковом воплощении выступают типичные признаки «причина» (6 индивидуальных моделей из 9), «средство/способ» (4 из 6) и «одновременность действий» (5 из 7).

В работе составлены следующие **модели** пространственно-квалификативных сочетаний:

1) Период протекания действия + внутреннее пространство (in, inside, within/в) + исходный пункт (from/с) + конечный пункт (to, for/до) + пересечение (through/через) + вертикальность (over) + контакт (по, на) + горизонтальность (задний план) (за)

2) Одновременность действий + контакт (on/на) + внутреннее пространство (at, in/в) + горизонтальность (за) + близость (при) + вертикальность (нижний уровень) (под) + конечный пункт (to) + вертикальность (верхний уровень) (over)

3) Последовательность + контакт (on/ по) + внутреннее пространство (at) + близость (при) + исходный пункт (с)

4) Определенный момент времени + внутреннее пространство (at, in/в) + контакт (on/на, по) + исходный пункт (с) + конечный пункт (for).

5) Приблизительность + конечный пункт (towards/к, до) + близость (by/около) + повсеместность (around, about) + вертикальность (нижний уровень) (под) + исходный пункт (с)

Отмечено, что определяющая роль по степени репрезентации временной категории в *английском* языке (из 14 выделенных) принадлежит единицам с пространственными признаками «внутреннее пространство» (at,in), «контакт» (on) и «вертикальность (верхний уровень)» (over) (в их содержании обнаружено по 3 временных признака), а в *русском* языке (из 11 выделенных) – единицам с признаком «исходный пункт» (с) (4 временных компонента) и также «внутреннее пространство» (в) и «контакт» (по, на) (по 3 компонента), что говорит о значительном сходстве в формах реализации значения «время». Лингвистическое моделирование временной категории включает в себя также индивидуальные сочетания временных признаков с признаком «повсеместность» (around) в английском языке и «горизонтальность (арьерный план)» (за) в русском.

6) Причина + исходный пункт (from/от, с) + внешнее пространство (out of/из) + вертикальность (нижний уровень) (under/под) + конечный пункт (for) + пересечение (through) + внутреннее про-

странство (at, in) + близость (by) + контакт (по) + горизонтальность (за)

7) Цель действия + контакт» (по, на/он) + внутреннее пространство (в/at) + конечный пункт (for, towards) + вертикальность (нижний уровень) (под) + горизонтальность (арриерный план) (за)

8) Источник + исходный пункт (from/от) + близость (by/у) + внутреннее пространство (in/в) + контакт (он/по) + внешнее пространство (из)

9) Относительно чего-либо + контакт (on, against/на, по) + вертикальность (over/над) + конечный пункт (for, to towards/к) + внутреннее пространство (at, in/в) + повсеместность» (about) + исходный пункт» (с)

10) Средство/способ + контакт (он/по, на) + пересечение (through, via/через) + близость (by) + вертикальность (over) + исходный пункт (с) + горизонтальность (за)

11) Состояние/положение + внутреннее пространство (in, at/в) + контакт (он/на) + вертикальность (нижний уровень) (under/под) + исходный пункт (с)

Рассмотрение коммуникативных форм реализации квалификативных признаков выявило высокую частотность их активизирования пространственными единицами в английском языке и в то же время стремление носителей русского языка использовать описательный способ выражения данных значений, другие непространственные лексемы. Пример:

«He felt badly about his lost prestige...» (J. Steinbeck) – «Ему было неприятно, что престиж его упал...» (Дж. Стейнбек).

Проведенное исследование подтверждает правомерность рассмотрения пространственной ориентации в качестве культурно-значимой единицы и позволяет заключить следующее.

Пространственная ориентация как объективная характеристика мышления всегда находит воплощение в языке в виде многочисленных пространственных признаков для описания порядка расположения объектов в пространстве.

Несмотря на то, что различного рода универсалии не предполагают лингвокультурной специфики, концепт пространственной ориентации в английской и русской языковых картинах мира обнаруживает как универсальные, так и уникальные характеристики, которые проявляются в плане содержания и выражения изучаемого феномена.

Универсальными для русского и английского языков являются способы манифестации концепта (специализированные слова для обозначения пространства) и его понятийная структура. Концепт строится на основании системы разнородных признаков,

набор и семантическое построение которых, в целом, совпадает. Данные признаки отражают особенности местоположения и характер имеющегося движения в пространстве: горизонтальность, вертикальность, статичность, динамичность, исходный пункт, конечный пункт, пересечение, повсеместность, близость, внутреннее пространство, внешнее пространство, другая / противоположная сторона, расстояние, минование и т.д. При этом данные компоненты реализуются всегда в комбинаторике, так как помимо порядка расположения фрагментов действительности наблюдателем одновременно отмечаются статические и динамические характеристики объектов. Признаки «удаление», «определенное место», «передача» и «другая/дальняя часть» не получают специализированного обозначения в русском языке.

Индивидуальные черты концепта касаются его понятийной и ценностной стороны. Специфика его понятийной сферы в плане содержания заключается:

1. в субкатегориальных признаках («объемность/ замкнутость» в английском и «поверхность/открытое пространство» в русском языке),
2. в комбинаторике пространственных компонентов,
3. в конкретизирующих элементах значения,
4. в степени актуальности определенных сторон исследуемого концепта (наиболее разработанными в английском языке являются признаки «вертикальность», «пересечение», «внутреннее/внешнее пространство», «другая/противоположная сторона», в русском языке – «контакт/поверхность»),
5. в четкости разграничения различных типов пространств (что более свойственно английскому языковому сознанию).

Хотя структура концепта является общей, его субкатегориальные признаки отличаются, что можно частично объяснить наличием у концептов неких идиоматичных характеристик, которые всегда имеют разную природу в различных языках.

Индивидуальное в плане выражения проявляется:

- а) в различной степени представленности данного концепта специализированными средствами для обозначения пространственной ориентации (количество пространственных наречий в английском языке намного превышает количество тех же единиц в русском),
- б) в частотности активизирования семантических признаков пространственными единицами (последние обладают большей актуальностью при выражении концепта в английском языке, нежели в русском).

Итак, экспликация концепта в английской языковой картине мира представляется более точной и определенной, чем в русской.

Специфика ценностной стороны концепта сводится к неодинаковому набору квалификативных признаков и их избирательной сочетаемости с пространственными компонентами в двух лингвокультурах. Кваликативные признаки содержат в себе ценности внешнего мира по отношению к концепту и не дают оценочной квалификации пространственных компонентов в силу того, что основные координаты измерения и ориентирования в пространстве по своей природе нейтральны. Иными словами, ценностная составляющая параметрических концептов выступает принципиально пустой.

Понятия, с которыми коррелирует концепт, могут быть общими для обоих языков (цель, причина, способ действия, источник информации, временные признаки и др.) и различными. При этом выражение нетипичных квалификативных компонентов характеризует английскую языковую картину в большей степени, чем русскую, что снова объясняется высокой коммуникативной активностью английских пространственных наречий, участвующих в их номинации.

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Пространственная ориентация как установление характера движения или порядка расположения объектов в пространстве и имеющейся между ними дистанции является культурным концептом, моделируемым на основе системы пространственных признаков. Образная сторона этого концепта представляет собой некое физическое пространство субъекта с учетом находящихся в нем предметов и их местоположения по отношению друг к другу и самому субъекту; понятийная сторона – совокупность релевантных признаков пространственной ориентации и их языковое обозначение. Ценностная составляющая концепта является пустой, так как его оценочные характеристики включают в себя понятия и ценности внешнего мира, с которыми связан концепт и которые не отражают его внутреннего содержания по причине оценочной немаркированности ориентационной системы человека.

Пространственная ориентация как объективная характеристика мышления находит многочисленные манифестации в языке, выражаясь в первичных значениях специализированных слов для обозначения пространства – пространственных предлогов и наречий.

Пространственная ориентация относится к параметрическому типу концептов, т.е. концепту физического мира, и потому обладает сходной понятийной структурой из примерно одинакового набора признаков: вертикальность, горизонтальность, близость, исходный / конечный пункт, внутреннее / внешнее пространство, пересечение, повсеместность, круговое направление и другие.

Лингвокультурная специфика данного концепта заключается в своеобразии пространственной и пространственно-квалификативной комбинаторики составляющих его компонентов, в понятийных конкретизаторах компонентов, а также его субкатегориальных признаках.

Пространственная ориентация в английском языке имеет более высокую номинативную плотность, а также, в целом, характеризуется большей точностью, определенностью и детальностью при выражении по сравнению с русским языком.

Литература

Евтушенко Е.Н. Концепт пространственной ориентации: внутреннее и внешнее пространство // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. Волгоград: Перемена, 2003. С.64-69.

Евтушенко Е.Н. Комбинаторная сочетаемость признака пространственной ориентации «вертикальность» (на материале английского и русского языков) // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания. Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2003. С.142-147.

Евтушенко Е.Н. Пространственная ориентация в обыденном и естественнонаучном сознании // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Тез. докл. междунар. науч. конф. 27 апреля 2004 года / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2004. С.40-41.

Евтушенко Е.Н. Концепт пространственной ориентации: специфика ценностной стороны // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2004. Вып. 10. С.79-82.

Евтушенко Е.Н. Субкатегориальные признаки концепта пространственной ориентации // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та. 2004. С.59-63.

Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

**Лю Цзюань (Чанчунь, КНР)
ПУТЕШЕСТВИЕ**

Цель данной работы – установить лингвокультурные характеристики концепта «путешествие» в китайском и русском языковом сознании.

В китайской лингвистике концептологическое изучение языка, по нашим данным, пока еще не получило развития. Вместе с тем есть все основания утверждать, что такое изучение языка именно в китайской лингвокультуре является весьма перспективным, поскольку по способу языкового обозначения в китайском языке концепты детально зафиксированы в идеографических иероглифах. Иероглиф по своей сути представляет собой картинку, выражающую ту или иную идею, и благодаря своей иконической природе более детально характеризует внутреннюю форму концепта. Иероглиф отражает национально-культурную специфику мировидения китайцев, основные характеристики которого могут быть сформулированы как целостное, прямое и практическое отражение реальности в сознании.

Путешествие как социальный феномен играет важную роль в жизни людей. Людям свойственно уезжать из дома по разным причинам: для торговли, научных исследований, завоевания новых территорий, распространения своей религии, отдыха и т.д. Типы путешествия тесно связаны с причинами поездок. Причины путешествий в китайской и русской культурах частично совпадают и различаются.

Общими в сравниваемых лингвокультурах являются следующие причины путешествия: 1) необходимость добывать пищу, постоянно перемещаясь: *кочевка / you tu* (букв. Путешествие + пасти); 2) коммерция: отсутствует однословная единица в русском языке / *shang lü* (букв. Торговля + поездка), *you gu* (букв. Путешествие + продавать); 3) дипломатические связи: нет однословной единицы в русском языке / *chu shi* (букв. Выходить + миссия), *chao pin* (букв. Коленопреклонение + посещение, визит); 4) научное исследование: экспедиция / *kao cha* (букв. Проверять + исследовать); 5) деловые поездки: командировка, поездка / *chu chai* (букв. Выходить + служба); *gong chu* (букв. Общественный + казенный); 6) отдых: много лексических единиц в двух языках; 7) религиозный мотив: паломничество, богомолье / *chao jin* (букв. Коленопреклонение + поклонение); *fo you* (букв. Будда + путешествие), *xian you* (букв. Святой + путешествие), *shi you* (букв. Ши + путешествие, здесь Ши – сокращенное название Шакьи-Муни), *yun you* (букв. Облако + путешествие).

В русской культуре не типичны следующие причины путешествия, в результате чего они в русском языке однословно не обо-

значены: 1) инспекция императора: *xun you* (букв. Обходить + путешествие), *xun xing* (букв. Обходить + счастье), *xun shou* (букв. Обходить + оборонять); 2) ехать на чужбину учиться: *you xue* (букв. Путешествие + учеба); 3) ехать на чужбину в поисках должностей: *you huan* (букв. Путешествие + чиновник); 4) Странствовать по стране для пропаганды политических взглядов: *you shui* (букв. Путешествие + пропагандировать); 5) совершать благородные поступки и стоять на защите справедливости: *you xia* (букв. Путешествие + рыцарь). Вместе с тем в китайском языке нет слова, выражающему концепт «землепроходец».

Под социальными условиями путешествия в нашем исследовании понимаются места проживания путешественников, предметы личного пользования, транспортные средства, служба для путешествия (гид) и туристическая инструкция. Эти факты действительности отражают этнокультурную специфику, что в языке выражается в наличии безэквивалентной лексики, лакун, смысловых различиях эквивалентных слов в русском и китайском языке. Например, в китайском языке четко выделяется категория места проживания путешественников с определением их социального статуса: для императора – *xing gong* (букв. Поездка + дворец); для знатных людей – *zhu hou guan* (букв. Князь + здание), *fan guan* (букв. Иноземный + здание) и *si fang guan* (букв. Четыре + сторона + здание) в древнем Китае, *bin guan* (букв. Гости + здание), *jiu dian* (букв. Вино + дом), *da sha* (букв. Большой + многоэтажный дом) и *fan dian* (букв. Еда + здание) в современном Китае; для государственных служащих: *yi chuan* (букв. Почтовый + передавать) в древнем Китае, *lü she* (букв. Поездка + дом), *lü guan* (букв. Поездка + здание), *lü dian* (букв. Поездка + дом), *zhao dai suo* (букв. Принимать + пункт) в современном Китае; для странствующих образованных – *ke she* (букв. Гости + дом), *ke dian* (букв. Гости + дом, помещение) в древнем Китае; для простых людей – *ni lü* (букв. Встречать + поездка) в древнем Китае, *ji mao xiao dian* (букв. Петушиное перо + маленький + дом), *da che dian* (букв. Большой + повозка + дом). В русском языке места проживания и ночлега путешественников обозначаются следующими лексемами: *гостиница, отель, номера, трактир, постоялый двор, мотель, пансионат, санаторий*.

Ритуалы отправления в путешествие и возвращения домой в китайской и русской культурах своеобразны. Это объясняется тем, что нормы поведения людей в обществе обусловлены условиями их существования во времени и пространстве. В китайской культуре существуют следующие ритуалы по отношению к путе-

шествию: 1) *bu xing* (букв. Гадание + поездка); 2) *bai lu shen* (букв. Поклоняться + дорога + дух; знач. совершать моление божеству дорог); 3) *li yan* (букв. Прощаться + пир; знач. устраивать прощальное угощение); 4) *song xing* (букв. Проводить + ходить; знач. провожать уезжающих); 5) *jian yin* (знач. Провожать выпивкой перед разлукой); 6) *zhe liu* (букв. Отломить + ива; знач. Отломить ветку ивы и подарить ее на память уезжающему); 7) *zeng wu* (букв. Дарить + вещь; знач. одарить прощальным подарком); 8) *zhi shou* (букв. Держать, зажать + рука; знач. рукопожатие); 9) *ti qi* (букв. Сопли + плакать); 10) *jie feng* (букв. Принимать + ветер; знач. устроить угощение в честь приехавшего), *xi chen* (букв. Стирать, мыть + пыль). В русской культуре существуют совсем другие ритуалы, связанные с путешествием. Например, верующие берут *благословение* на любое серьезное дело у бабушки. У русских есть традиции *присесть на дорогу* и *выпить на посошок*. В некоторых случаях русские *дарят знаки*, которые бы напоминали о провожающих. Кроме того, *дают* уезжающим *амулет* или *талисман* от всяких бед. При расставании русские *тремякратно целуются*, а при встрече желательно *дарить цветы*. В течение трех дней после отъезда в доме *нельзя мыть полы*. Находясь на чужбине, русские *бросают монету в реку, озеро, водоем* – это значит, что они хотят еще раз приехать на это место.

Слово «путешествие» по определениям словарей русского языка – действие по глаголу «путешествовать», странствование, странничанье, ходьба или езда по чужим местам (ТСД); поездка или передвижение пешком по каким-нибудь местам, странам (обычно для ознакомления или отдыха) (СО); поездка (реже – передвижение пешком), обычно куда-нибудь далеко за пределы родной местности, постоянного местопребывания (СУ); поездка или передвижение пешком куда-либо далеко за пределы постоянного местожительства с научной, общеобразовательной, спортивной и другими целями (СК). Выделяются признаки: 1) передвижение, 2) выход за пределы родной местности, собственного культурного пространства, 3) выход за пределы постоянного жительства, 4) с определёнными целями, 5) обычно на далекое расстояние, 6) образ действия – пешком или на каком-либо транспорте.

Концепт «путешествие» вербализуется в русском языке с помощью достаточно широкой группы лексических единиц. В словаре синонимов русского языка сравниваются слова «путешествие», «странствие», «странствование», «вояж», «турне» (ССРЯ, 1971) и устанавливается их общее значение – поездка

или пеший поход куда-либо, за пределы постоянного местожительства, местопребывания. К рассматриваемому семантическому полю путешествия также отнесены следующие существительные: *экскурсия, пикник, поход, переход, вылазка, круиз, паломничество, одиссея, робинзонада, экскурсия, кругосветка, альпинизм, туризм, автотуризм, мореплавание, командировка, поездка, хождения, прогулка, гулянье, путь, дорога, скитание, променад, богомолье, погулянки*. К этой группе мы отнесли и существительные, которые обозначают субъект путешествия: *вояжер, аргонавты, путешественник, путник, странник, пилигрим, паломник, Робинзон, землепроходец, турист, мореплаватель, моряк, мореходец, полярник, скиталец, бродяга, богомалец*, а также глаголы, квалифицирующие действия путешественников: *вожировать, путешествовать, странствовать, странничать, скитаться, прогуляться, паломничать*, и просто глаголы передвижения: *ходить/идти, ездить/ехать, летать/лететь, слоняться, шататься, болтаться, таскаться, шляться, шлендать, чеканить, шествовать* и др.

В китайском языке именами исследуемого концепта являлись односложные слова *lǚ* и *you*. Иероглифическое обозначение этих концептов позволяет нам увидеть те признаки, которые были положены в основу концептуализации путешествия.

Первоначальное начертание *lǚ* показывает нам следующую ситуативную картину. В середине рисунка – древний военный флаг. На вершине флагштока висит украшение. Под знаменем три человека ведут вперёд военную колесницу. В древнем Китае цифра «три» обозначает множество, поэтому трое военных символизируют группу солдат. Итак, исходное значение идеограммы *lǚ* – множество солдат, собравшихся под знаменем и ведущих колесницу вперёд. Отметим, что в качестве армейского подразделения один *lǚ* равен 500 солдатам. Пойти на войну значит покинуть дом. Таким образом, на основе исходного значения слова *lǚ* возникли его производные значения «поездка», «путешествие», «путь», «находиться на чужбине». Это слово обладает широким ассоциативным фоном и поэтому содержит множество значений (в «Большом словаре китайских иероглифов» у иероглифа *lǚ* отмечено 18 значений).

Первоначальное начертание *you* изображает знаменосца, который держит в руках знамя. В первом словаре китайских иероглифов «Шовэнь Цзецзы» *you* трактуется следующим образом: «знамя реет в воздухе». Потом этот иероглиф превратился из пиктограммы в фоноидеографический знак в связи с тем, что к нему добавили ключи (вода) и (нога). Таким образом, первый

иероглиф обозначает действие в воде, а второй – действие на суше. В «Большом словаре китайских иероглифов» *you* имеет 11 значений.

В современном китайском языке для обозначения концепта «путешествие» употребляются двусложные слова *lǚ you* и *lǚ xíng*. В «Большом словаре китайского языка» *lǚ xíng* трактуется как далекая поездка с целями зарабатывать на жизнь, выполнять служебные поручения или просто развлечения, отдыха; *lǚ you* – поездка с целью развлечения. Выделяются признаки: 1) поездка в далеком расстоянии, 2) с конкретными целями, 3) идея необходимости выхода из дома

В «Идеографическом словаре современного китайского языка» дается синонимический ряд, связанный с путешествием: *you lan, lǚ you, you li, you xíng, you guang, you wan, yuan zu, deng lin, guan guang, chu you, man you, ao you, chang you, lang you, juan you, yun you, you you, jiao you, ye you, zhou you, wo you, shen you, xun you*. К рассматриваемому семантическому полю отнесены также следующие однословные единицы, смысловым ядром которых является «путешествие»: *lǚ xíng, chu xíng, wai chu, xun li, ta qing, tan chun, xun shou, you xíng, you huan, you xue, you fang, you xia, zi you, tan you, ping you, yong you, xiao you, zong you, huan you, chun you, you yan, you yu, you lǚ, you yan, yi you, you pan, chu men, gong chu, chu chai, you gu, shang lǚ, chao pin, xian you, shi you*. Отметим, что вышеперечисленные китайские лексические единицы представляются как существительными, так и глаголами, поскольку изолированное слово в китайском языке не может иметь частеречной («основной») принадлежности.

Лексикографический материал, касающийся толкований концептов «путешествие» и «*lǚ, you*» в русском и китайском словарях, приводит нас к следующим выводам:

1. Китайские слова *lǚ* и *you* гораздо более многозначны, чем русское слово «путешествие».

2. Смысл, заключённый в русском слове «путешествие», гораздо более определён, ясен, чем смысл китайских *lǚ* и *you*.

3. В толковании русского слова «путешествие» представлен образ действия (пешком или нет), чего нет в китайском толковании.

4. В китайском языке *lǚ* и *you* представляют собой корни, при помощи которых образуется синонимический ряд, чьим общим ядром является концепт «путешествие». Такое явление не обнаруживается в русском языке.

Что касается толкований понятия «путешествие» и *lǚ xíng* в русском и китайском словарях, то отметим, что в русском языке

акцентируются образ действия, выход за пределы постоянного местожительства, а в китайском языке – конкретные цели поездки, подразумевающие идею необходимости путешествий – зарабатывать на жизнь или выполнять служебные поручения.

Таким образом, лексема «путешествие» в русском языке характеризуется пространственным действием (выход за пределы постоянного местожительства), а в китайском языке характеризуется способом жизнедеятельности (зарабатывать на жизнь, выполнять служебные поручения, развлекаться).

В работе рассматриваются лексические способы обозначения лингвокультурного концепта «путешествие». Наша модель лексического описания способов обозначения путешествия в русском и китайском языках построена на следующих признаках путешествия: 1) субъект, 2) среда, 3) скорость, 4) цель, 5) оценка, 6) дополнительные действия, связанные с путешествием.

Специфика признаков концепта «путешествие» при сопоставлении русской и китайской лингвокультур заключается в следующем:

Во-первых, в китайском языке четко выделяется категориальный класс путешественников, чего нет в русском языке. Например, император – *xun shou* (букв. Обходить + вассалы), *you xing* (букв. Путешествие + счастье), чиновник – *you huan* (букв. Путешествие + чиновник), монах или даос – *you fang* (букв. Путешествие + сторона), *yun you* (букв. Облако + путешествие), аристократ – *zi you* (букв. Произвольно + путешествие), *tan you* (букв. Разговаривать + путешествие), *ping you* (букв. Оценивать + путешествие), горожанин – *ta qing* (букв. Топтать + зеленый), *jiao you* (букв. Загород + путешествие), *ye you* (букв. На лоне природы + путешествие). В традиционной китайской культуре понятие «путешествие» связано с социальным статусом путешественника, а в русской культуре – с образом действия. Детальная конкретизация социального статуса человека (путешествующего и не только путешествующего) укоренена в традиционной китайской культуре, это заложено в китайской этике, построенной на принципе уважения старших по возрасту или по должности. Детализация образа действия, в свою очередь, является специфической характеристикой русской модели мира и относится не только к концепту «путешествие»

Во-вторых, в русском языке осуждается хождение без цели (*слоняться, шататься, болтаться, таскаться, шляться, шлендять*), т.е. плохо двигаться чересчур медленно, но плохо и «шнырять», т.е. двигаться слишком быстро, при этом данные слова также являются стилистически сниженными. В китайском

языке осуждается праздное путешествие, характерны следующие комбинации компонентов соответствующих иероглифов: *you yan* – путешествие + пир, *you pan* – путешествие + обвивать что-либо, *you dang* – путешествие + распущенность, *yi you* – праздный + путешествие. Это объясняется тем, что китайцы стремятся к принципу «разумной середины», т.е. желая избежать крайностей. В шестой главе «Лунь Юй» Учитель сказал: «Такой принцип, как «золотая середина», представляет собой наивысший принцип» (Древнекитайская философия, 1972). Это принцип господствует в китайской культуре. Недаром китайская пословица гласит: *ren pa chu ming, zhu pa zhuang* (букв. Для свиньи опасно быть слишком жирной, для человека – чересчур прославленным).

В-третьих, в китайском языке выделенные в данной работе дополнительные признаки в составе концепта «путешествие» раскрываются более детально, чем в русском, поскольку эти признаки прямо выражают культурно-исторические традиции, и поэтому их можно понять в более глубоком историко-культурном смысле, не обращаясь к специальной энциклопедической литературе. Например, с лексемой *ta qing* связаны обычаи посещать кладбище, сжигать жертвенные предметы из золотой и серебряной бумаги, ломать ветки ивы и носить их. Такие обычаи зародились во время династии Тан. На третье число марта по лунному календарю император Гаочжун совершал весеннюю прогулку в Вэйян. Тогда он подарил венок из ивы каждому любимому подчиненному и сказал, что ива избавит их от всяких бед. С тех пор на праздник Цинмин люди стали ломать ветки ивы и носить их. В этот день празднично одетые люди совершали загородную прогулку с ветками ивы в руках. Такой обычай был популярен во время династий Тан и Сун. Известная картина «Праздник Цинмин на реке Бяньхэ» художника Чжан Цзедуаня отражает этот день в Кайфэне – столице Северной Сун. Кроме того, в этот день люди пускали бумажных змеев, устраивали петушиные бои, играли в мяч, качались на качелях (Чан Цзинюй, 1995).

В-четвертых, в китайской лингвокультуре подчеркивается необходимость путешествий, в основе этой необходимости лежит чувство долга, в то время как в русской лингвокультуре необходимость путешествий осмысливается в неразрывной связи с оценкой этих путешествий, т.е., на первый план выдвигается мотивация. Например, *you huan* (букв. Путешествие + чиновник), *you xue* (букв. Путешествие + учеба). В период династии Суй была учреждена система государственных экзаменов, которые требовалось сдать для того, чтобы занимать государственные должности. Чиновники по назначению императора отправлялись на

службу и через каждые три года посылались на новое место назначения. Таким образом, чиновники ездили по стране в поисках должностей (Се Гуйань, Хуа Голян, 1999). Есть стихотворение Ван Бо «Провожая Ду, уезжающего в Шучжоу на должность шофу – помощника уезда», описывающее поездку для поиска должности.

В-пятых, признак удовольствия от путешествия выдвинулся на первый план при осмыслении данного концепта в сравниваемых культурах относительно недавно. По всей видимости, такое оценочное изменение концепта «путешествие» связано с возрастанием значимости идеи досуга, отдыха, развлечений в современной жизни, что объясняется высоким уровнем развития производства, сокращением числа работающих в сфере непосредственного производства материальных благ, и переключением значительной части населения к занятости в сфере досуга. Эта тенденция носит всеобщий характер и соответствует идеям глобализации.

Проанализированный материал дает основания считать, что в китайской лингвокультуре концепт «путешествие» более значим, чем в русской. Это подтверждается его более многочисленной репрезентацией в языке и его глубоким историко-культурным содержанием, зафиксированным в семантике соответствующих лексических и паремиологических единиц.

Будучи культурным концептом, путешествие обладает ценностными характеристиками. Ценностные характеристики путешествия как культурного концепта можно установить, обратившись к анализу выраженных в языке оценочных суждений по поводу данного концепта. Эти суждения выражаются в паремиологическом фонде – пословицах и поговорках, которые являются одним из предметов изучения лингвокультурологии.

Моральные и утилитарные нормы характеризуются определенным сходством и различием как внутри одной и той же этнокультуры, так и в разных этнокультурах. Культурные доминанты могут быть выделены при сравнении этнокультур по количественным отношениям ценностно-маркированных суждений. Значительное число паремиологических единиц на определенную тему свидетельствует об актуальности этой темы для ценностной картины мира данного этноса.

В русском и китайском языках можно найти много пословиц и поговорок, значение которых связано с концептом «путешествие». Ценностная сторона данного концепта конкретизируется в виде различных норм поведения, выводимых из паремий на тему «путешествие». Эти нормы поведения в нашей работе сгруппиро-

ваны в нормативные комплексы (аксиомы поведения). Наша классификация уточняет классификацию аксиом поведения, предложенную В.И. Карасиком (2002), применительно к рассматриваемому в работе концепту. В работе установлено шесть аксиом поведения в путешествии:

1. Аксиомы взаимодействия: надо иметь хорошего спутника в поездке [*В дороге и ворога назовешь родным отцом; Xing yao hao ban, zhu yao hao lin* (букв. Ходить – нужен хороший спутник; жить – нужен хороший сосед)]; надо быть смелым (*Распутья бояться, так и в путь не ходить; Xian shan bu jue xing lu ke, e shui ye you bai du ren* (букв. <И> в труднопроходимых горах есть прохажие, в отвратительной воде – паромщики)].

2. Аксиомы жизнеобеспечения: надо узнавать дорогу во время путешествия [*Не ищут дороги, а спрашивают; Chu men zui shi lu* (букв. Выходишь из дома, рот – дорога)]; не надо часто останавливаться в поездке (*Плохая стоянка лучше доброго похода; Bu ra tan, jiu ra zhan, zhan yi zhan, liang li ban* (букв. Не бойся медленно идти, бойся только останавливаться; остановишься – два с половиной ли)]; надо получить информацию в пути у опытного путника (*Xiang zhi hai shang shi, dang wen lao shao gong* (букв. Хочешь узнать дело на море, спроси старого паромщика)].

3. Аксиомы контакта: надо любить родной дом [*В гостях хорошо, а дома лучше; jin wo, yin wo, bu ru zi jia de qiong wo* (букв. Золотое гнездо, серебряное гнездо – хуже, чем свое бедное гнездо)]; надо быть скромным (*Chu men san bei xiao* (букв. Отправляешься в путь, становишься младше на три поколения)].

4. Аксиомы ответственности: надо ответственно относиться к поездке [*Не хвались отъездом, хвались приездом; Ping an shi fu* (букв. Безопасность <в пути> есть счастье)].

5. Аксиомы безопасности: не надо спешить, организуя путешествие [*Тише едешь, дальше будешь; ji xing wu hao bu, ji shui nan to yu* (букв. Быстро идешь – нет спокойных шагов, в быстрой воде не поймешь рыбы)]; надо быть осторожным [*Дома рука и нога спит, в дороге и головушка не дремлет; Xing chuan yao shi jiao, yang fan yao kan feng* (букв. Едешь на лодке, надо знать подводные камни; распускаешь паруса, надо смотреть на ветер)]; надо быть предусмотрительным [*Иди в море на неделю, а хлеба бери на год; Jiang hu zou de lao, liu yue dai mian ao* (букв. Опытные бродяги даже в июне берут с собой ватное пальто)]; надо вести себя так, как принято в чужих местах [*Chu men wen lu, ru xiang wen su* (букв. Отправляешься в дальний путь – узнай дорогу; придешь на новое место – узнай обычаи)]; надо избегать трудности и опасности в поездке [*Говорила мне своячинка, что на дороге бы-*

вает всячинка; *Xing chuan zou ma san fen ming* (букв. Ехать на лодке и ехать верхом – <лишь> треть судьбы <в руках путника>).

6. Аксиомы благоразумия: надо путешествовать [*Печка нежит, а дорога учит; Du wan juan shu, xing wan li lu* (букв. Прочитать десять тысяч книг, пройти дорогу за тысячу ли)]; нельзя понять жизнь, не испытывая трудностей в дороге [*Кто в море не бывал, тот горя не видел; Zai jia bu zhi chu men de ku* (букв. Люди, которые дома сидят, не знают мучений людей в дальней поездке)].

Анализ китайских и русских паремиологических единиц показывает, что в традиционной китайской культуре путешествие ассоциативно связано с идеей трудностей и мучений, в то время как русской культуре на первый план выходит идея испытания себя в путешествии, в противоборстве с природной стихией (в частности это прослеживается в том, что путешествие по морю практически не представлено в языковой репрезентации исследуемого концепта в китайской лингвокультуре и вариативно представлено в соответствующей репрезентации этого концепта в русской лингвокультуре). В общем плане это связано с тем, что в китайской культурной традиции нет жесткого противопоставления человека и природы, человек мыслится как органичная часть природы (*tian ren he yi* – буквально: небо и человек объединяются в одно). Кроме того, различие в нормативных комплексах по отношению к путешествию в русской и китайской лингвокультурах на основании анализа паремиологических единиц состоит в том, что в китайской культуре подчеркивается «скромность путешественника в пути», «старость как опытность», «настойчивость и неуклонность путешественника в пути», чего нет в русской лингвокультуре.

Для выявления специфики концепта «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах мы проанализировали также тексты записок путешественников и путеводителей. В записках путешественников можно найти все составляющие «картины путешествия», отвечающие на вопросы: «кто/что», «где», «зачем», «когда», «как».

Проведенный анализ показывает, что записки русского и китайского путешественников по смысловому содержанию частично совпадают и частично различаются. Общим для всех путевых записок является описание увиденного и услышанного во время поездок. Во всех проанализированных записках путешественников конкретизируется концепт «путешествие», уточняясь по следующим параметрам: 1) цель поездки; 2) субъект путешествия; 3) среда и условия путешествия; 4) подготовка к путешествию; 5) опасности путешествия; 6) социальные условия путешествия; 7) отношение местных жителей к путешественникам; 8) описание

процесса путешествия и его длительности; 9) описание увиденных стран и краев, связанной с ними природы, населения, экономики, культуры, обычаев народов и т.д.

Различия между китайскими и русскими записками путешественников заключаются в следующем: 1) записки русских послов более объективно, детально передают сценарии путешествий, чем китайских послов; 2) в записках китайского географа внимание уделяется как описанию географического исследования, так и описанию древних памятников, древних легенд и воспоминаний, связанных с ним; 3) в записках русского паломника внимание акцентируется на описании церковных чинов и святых мест, а в записках китайского паломника – на описании посещенных стран и особенностей буддизма в тех местах.

Следует отметить, что записки путешественников предназначены для сравнительно узкого круга читателей. Их цель – рассказать о том, что было, т.е. дать объективную картину увиденного. А для универсального читателя существует путеводитель, цель которого – дать представление о главных достопримечательностях; привлечь туристов возможностью интересных новых впечатлений, т.е. убедить людей совершить путешествие, побывать на новом месте. Иными словами, в путеводителе содержится оценка. Проанализированный материал показывает, что русские и китайские путеводители имеют как совпадающие, так и различающиеся части. Совпадением для них является описание общего представления о городе и достопримечательностях. Различие состоит в том, что в русских путеводителях обычно отсутствует описание культуры, традиции и быта народа конкретной посещаемой страны, в китайских путеводителях такая информация содержится. Приведём пример из путеводителя «Шанхай»:

В китайском языке существует пословица: qian li song e tao, li qing qing yi zhong (буке. За тысячу ли нести гусиный пух; мал подарок, да дорого внимание). Люди любят отмечать подарками многие события: свадьбу, похороны, рождение ребёнка, постройку дома, новоселье). Кроме того, принято дарить подарок при первом знакомстве, деньги детям по случаю Нового года и т.п. Подарки разнообразны: принять дарить пампушку или пирожное по случаю строительства нового дома, на рождение ребёнка принято приносить курицу, яйца, питательное и укрепляющее средство; на похоронах принято дарить шёлковый верх на одеяло ... (Цзян Бинхуэй, 2002).

Для проверки полученных результатов был проведен экспериментальный опрос информантов, цель которого заключалась в выявлении характеристик путешествия в современном языковом сознании. Основные респонденты – русские и китайские преподаватели (по 50 человек), русские и китайские студенты (по 50 че-

ловек). Возрастные категории опрошенных составлены в процентном отношении следующим образом: русские, от 17 до 25 лет – 50%, от 25 до 45 лет – 32%, более 45 лет – 18%; китайцы, от 17 до 25 лет – 50%, от 25 до 45 лет – 30%, более 45 лет – 20%. По половому признаку русские респонденты поделились следующим образом: женщины составили 72% от числа опрошенных, мужчины – 28%; женщины китайки – 46%, мужчины китайцы – 54%. Вероятно, что возраст, социальный статус и половой признак респондентов определяет во многом их реакцию на вопросы анкеты. Однако некоторые общие тенденции все-таки могут быть выделены.

В результате проведенного эксперимента было выявлено значительное совпадение и частичное несовпадение в отношении к путешествию в китайской и русской культурах. Совпадение реакций представителей китайской и русской культур появилось при ответе на одиннадцать вопросов из пятнадцати. Различия выявились в ответах, затрагивающих общую оценку путешествий как таковых (путешествие – это необходимость либо развлечение), касающихся выбора транспорта во время путешествия, объектов посещения, связанных с необходимостью получить образование далеко от дома (за рубежом). В частности, при ответе на вопрос «*Что лучше – получить образование в своем городе или уехать далеко от дома (за рубежом)?*» 61% русских респондентов считают, что лучше в своем городе получить образование, а 57% китайских информантов считают, что надо поехать на учебу в учебное заведение с мировым именем.

Данные, полученные в результате социолингвистического эксперимента, в основном подтвердили и в некоторых аспектах частично уточнили выявленные ранее характеристики концепта «путешествие» в русской и китайской лингвокультурах.

В результате выполненной работы мы приходим к следующим выводам.

Лингвокультурный концепт «путешествие» представляет собой сложное ментальное образование сценарного типа, в состав которого входят следующие компоненты: образный – человек, покидающий дом, с ношей в руке или за спиной; расставание с близкими при отъезде и встреча с ними при возвращении; удивление, радость и усталость на лице путешественника; понятийный – поездка или передвижение пешком куда-либо, обычно далеко за пределы постоянного местожительства, с научной, образовательной, деловой, религиозной, спортивной и другими целями; ценностный – понимание необходимости поездки, положи-

тельная оценка увиденного и пережитого в путешествии, отрицательная оценка трудностей и опасностей в пути.

Модель лексического описания способов путешествия в китайском и русском языках может быть построена на следующих признаках путешествия: 1) субъект, 2) цель, 3) среда и условия, 4) скорость, 5) оценка, 6) дополнительные действия. В пословицах и поговорках на первый план выдвигается оценка путешествия; в текстах, раскрывающих этот концепт, детально характеризуются субъект, цель и среда путешествия.

Специфика концепта «путешествие» при сопоставлении русской и китайской лингвокультур заключается в следующем: 1) в китайском языке выделяется категориальный класс путешественников с четким определением их социального статуса, чего нет в русском языке; 2) в китайском языке осуждается праздная прогулка, подчеркивается необходимость путешествия, в то время как в русском языке – осуждаются медлительность и бесцельность действия; 3) в китайском языке дополнительные признаки в составе концепта «путешествие» имеют, в основном, ритуальный характер и представлены более детально, чем в русском; 4) в китайской лингвокультуре путешествие преимущественно связано с трудностями и опасностями в пути, в русской – с отдыхом и развлечением.

Образно-понятийная специфика обозначения концепта «путешествие» в китайском языке в значительной мере обусловлена иероглифическим способом закрепления этого концепта, его детальным и метафорическим осмыслением; ценностная специфика выражения данного концепта в китайском языке определяется традиционной конфуцианской философией, в основе которой лежит идея о необходимости соблюдения установленных в обществе норм; в русской лингвокультуре ценностное осмысление путешествия носит в основном утилитарный обиходный характер.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И., Лю Цзюань. Аспекты языковой картины мира // Речевая структура русского общества XVII-XXI веков (проблемы риторики и стилистики): Материалы междунар. науч. конф. Астрахань, 2002. С. 127-128.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в русском и китайском языках // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2002. С. 104-113.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской паремиологии // Речевая деятельность: содержательные и операционные аспекты: Сб. науч. тр. Часть I. Краснодар, 2002. С. 118-129.

Лю Цзюань. Способы выражения концепта «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения русского языка в иностранной аудитории: Материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2003. С. 146-150.

Лю Цзюань. Иероглиф как способ закрепления концепта // Обучение иностранцев на современном этапе: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Волгоград, 2003. С. 144-146.

Лю Цзюань. Концепт путешествия в русской и китайской лингвокультурах // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Ч.2. Тез. докл.. Волгоград: Перемена, 2003. С. 135-136.

Лю Цзюань. Обозначение концепта «путешествие» в русской и китайской лингвокультурах // Антропологическая лингвистика: изучение культурных концептов и гендера. Вып. 1. Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2003. С. 53-64.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в тексте путеводителя // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2003. С. 38-43.

Лю Цзюань. Иероглиф как способ закрепления концепта: Учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 2003. 32 с.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Н.Н. Ефимова (Иркутск)

РИСК

В данной работе рассматриваются английские идиомы, репрезентирующие концепт «риск».

Центральная посылка настоящего исследования распадается на два взаимосвязанных аспекта: во-первых, знание критериев и моделей онтологизации концепта позволяет вывести ряд принципов категоризации объектов и явлений (в том числе и языковых), так или иначе с ним связанных (индукция); во-вторых, языковые явления, в нашем случае – фразеологические единицы со значением риска, объединенные в группы на основе наличия наборов повторяющихся признаков, могут быть использованы в процессе когнитивного моделирования (дедукция).

Термин «онтологизация знания», допускающий весьма широкую трактовку, используется в данной работе в значении «регистрация знания в языковой структуре» (Баранов, Добровольский 1996: 410). Концепт есть специфическая репрезентация индиви-

дуального представления о предмете или явлении, в отличие от понятия – обобщенной характеристики предметов и явлений действительности и связей между ними. В фокусе исследования находится концепт “риска”, лежащий в основе идиом, входящих во фразеологический фонд современного английского языка и послуживших объектом настоящего исследования.

Согласно А. Вежбицкой (Вежбицка 1990), информация энциклопедического порядка не может претендовать на исчерпывающее толкование понятия и, бесспорно, не в состоянии описать способы его концептуализации. Наивная картина мира строится на определенных, именно ей свойственных, логических принципах – в терминах Аристотеля – “особой логике практических рассуждений” (Фил. словарь 1983), имеющих аксиологическую направленность, что и отличает ее от формальной логики. Аксиологический компонент логики практических рассуждений есть обобщенное знание о критериях оценки ситуации, которая является определяющим фактором при выборе практического решения.

Не претендуя на исчерпывающее определение, мы интерпретируем риск как вид деятельности в ситуации неопределенности и необходимости выбора, результат которого не полностью предсказуем. Такой подход подводит к необходимости выявления критериев, позволяющих охарактеризовать конкретную ситуацию как ситуацию риска и описания закономерностей, обуславливающих выбор тех или иных практических действий.

Итогом аксиологической деятельности является заключение о наличии у предмета некоего признака, позволяющего дать ему определенную оценку на основе накопленных о нем знаний и прототипической модели исследуемой ситуации, и осуществление действий в соответствии с ним.

При исследовании ситуации риска представляется уместным говорить о решении субъекта принять или не принять ситуацию риска: *acceptance or rejection of risk* (4), *want to take a maximum risk* (5), *a personal assessment of danger... upon which we you may or may not act to achieve some reward*.

Концептуализация понятия информантами ориентирована на принятие ситуации риска, т.е. на своего рода согласие оказаться в ней. Такое положение иллюстрируется примером, где речь идет о прыжке с парашютом – субъект находится буквально в подвешенном состоянии, превратившись из агенса в пациенса:

Reward is the other side of the coin from risk. This is the reason we might tend to put ourselves in harm's way. As we assess our understanding of the

risk involved in any particular action we also weigh the reward of undertaking a “risky” action. So the following matrix evolves which underlies the importance of the human factors of risk

	Risk outweighs Reward	Risk equals Reward	Reward outweighs Risk
In Theory	No action		Action taken
In Reality	Action dependant on experience and personality	Action dependant on experience and personality	Action dependant on experience and personality

Another example using the matrix:

I went and jumped from an aeroplane a few years ago, these were the decision points as I remember them.

Thoughts I had against jumping:

1. *Parachute might not open*
2. *I might land on a Cactus or in a lake*
3. *My shoes might fall off (ha ha)*
4. *I could break my leg when I land*
5. *The plane might crash*
6. *Another plane might run into me*
7. *It cost 80\$ which was a lot for me then*

Thoughts I had for jumping:

1. *It might be fun.*
2. *It might be fun.*
3. *It might be fun.*
4. *I didn't have anything else to do.*

In theory my assessment of risk here would suggest that I don't jump from any plane because I risk killing myself for amusement purposes only. But my personality (not experience in this example) dictated that I would do it anyway.

Приведенное эссе представляет собой фрагмент опроса информантов, предшествующий эксперименту с носителями языка, посвященному непосредственной интерпретации идиом риска. Такая последовательность, на наш взгляд, оправдана идеей Эдмунда Гуссерля о том, что при любом исследовании далекой от нас культуры необходимо прежде всего реконструировать “горизонт”, “жизненный мир этой культуры, в соответствии с которым мы только и можем понять смысл ее отдельных памятников” (Фил. словарь 1983:719).

Основополагающей посылкой теории интенциональности стало представление о том, что сознание не есть абстрактный механизм, перерабатывающий сырые данные, его внутренняя структура коррелирует с воспринимаемыми объектами и явлениями и

потому зависит от них. Это подтверждает невозможность описания сознания отдельно от воспринимаемых феноменов.

Э. Гуссерль интерпретировал интенциональность как способ существования явлений в сознании, полагая, что акт придания феномену смысла не есть осознанное действие, равно как интенциональность не есть желание, “поскольку мы уже помещены внутри сознания в момент его анализа” (Гуссерль 1991: 19).

Для нашего исследования очень важно то положение, что интенциональность исследует явления в центре сознания, в его фокусе. На периферии сознания в этом момент находится то, что Э. Гуссерль назвал горизонтом, фоном, создающим условия для понимания явлений. И горизонт, и само интенциональное состояние постепенно меняются, и феномен из области горизонта может быть легко перемещен в фокус сознания. Явления же в фокусе интенциональности одной области образуют часть горизонта интенциональности другой области. Таким образом, каждое явление (в том числе и языковое) в каждый момент времени может быть в фокусе одной области и на периферии другой в зависимости от направленности сознания.

Прослеживается глубокая аналогия между положением о пересечении и наложении областей интенциональности и соотносительности фреймов, имеющих общие терминалы. Например, такие идиомы как *to ride for a fall*, *to lead a losing battle* можно представить как находящиеся на периферии базового фрейма ситуации риска, но в центре фрейма поражения.

Признание метафоричности всей концептуальной системы привело к отказу от рассмотрения метафоры только как стилистической фигуры или тропа: очевидно, она существует не только и даже не столько в области языка, сколько в области мысли и действия.

Идиомообразование можно рассматривать как специфическое средство концептуализации объектов действительности на глубинном семантическом уровне и как особый тип номинации на поверхностном уровне. В.Н. Телия предлагает рассматривать идиомы как микротексты, “в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все виды информации, характерной для отображения ситуации в тексте, но представленной во фразеологизмах в виде “свертки”, готовой к употреблению как текст в тексте” (Телия 1996: 125).

В основе идиомообразования лежит процесс метафоризации, в ходе которого субъект речи (в более широком смысле – субъект мыслительной деятельности) устанавливает отношения подобия

между сущностью, уже имеющей имя в языке, и сущностью, на которую направлен его номинативный замысел.

Предлагаемая нами систематизация идиом риска по ключевым метафорам иллюстрирует положение Лакоффа и Джонсона о том, что избранный метафорический концепт обеспечивает лишь частичное понимание рассматриваемой сущности и сам выбор одной из метафор в качестве центральной для конкретной идиомы высвечивает один из ее аспектов, отодвигая остальные на периферию области исследования. Иными словами, для удобства анализа лишь часть концепта представляется метафорически. Если бы метафорическое структурирование было полным, правомерно было бы говорить о тождестве, а не подобии. Как бы глубоко ни укоренились метафорические концепты “время – деньги” и “спор – война”, первый компонент каждой пары может интерпретироваться и через другой метафорический концепт. То же можно сказать и об интересующих нас ключевых метафорах. Например, выбор метафоры “риск – борьба со стихией” в целях интерпретации конкретной идиомы не постулирует этот концепт как единственно возможный.

Восприятие метафорического образа происходит в пределах некоего ситуативного фрейма как совокупного объема знаний о ситуации, которое в сочетании с представлением о буквальном значении образа порождает фрейм контекстного употребления метафоры. Так происходит реализация прагматического замысла говорящего.

Употребление метафоры вместо использования непериосмысленных выражений указывает на наличие у субъекта речи особой номинативно-прагматической интенции. Идиообразование как частный случай метафоризации есть средство достижения определенной иллюкативной цели, на которую направлена интенция говорящего.

В зависимости от типов последней варьируют способы реализации модуса фиктивности и проявление антропометричности, что позволило В.Н. Телия положить типы интенций говорящего в основу функционально-номинативной классификации метафор. Отмечая свойство метафоры адаптироваться к различным способам представления знаний, В.Н. Телия подчеркивает возможность выделения сфер доминанции одной из функций.

Идентифицирующая (индикативная) метафора порождает идиомы, в основе которых лежит подобие именуемых сущностей предметам материального мира и артефактам. На наш взгляд, к этому классу относятся следующие идиомы риска: *with one's back to the wall*, *behind the eight ball*, *be at bay*, *be on one's beam ends*,

stand in the breach, see breakers ahead, throw the helve after the hatchet, skate on thin ice, swim against the stream, stick one's neck out. Эти идиомы были предложены для интерпретации носителям языка.

Интенционально данные идиомы направлены на наименование уже существующей реалии, а не на создание нового объекта в мире идеального. Разумеется, значение идиом риска этого типа не сводится к сумме переосмысленных значений их составляющих.

В основе второго базового класса – концептуальных метафор – лежит создание нового идеального объекта, формирование абстрактного значения, носители которого “заполняют лакуны в номинативном инвентаре”. Различие между двумя классами во многом определяется аспектом проявления модуса фиктивности: в идентифицирующих метафорах он присутствует неизменно, т.е. постоянно прослеживается отсылка к предмету подобия; в концептуальной метафоре эта референция исчезает, реализовав функцию сравнения двух концептов на образно-ассоциативном уровне. Еще одна характерная черта идиом этого класса – образная насыщенность: “образ мешает формированию абстрактного значения, затемняет его”. Действительно, наличием идиом риска библейского происхождения английский язык обязан подчеркнута религиозной ориентации традиционного западного мировоззрения с акцентом на энциклопедическое знание ветхозаветных сюжетов. В русском языке их идиоматические эквиваленты практически не встречаются. С другой стороны, идиомы, восходящие к древнегреческой мифологии, с полным правом могут быть признаны интернациональными: *under the sword of Damocles, between Scylla and Charybdis, Procrustean bed.*

Постулируя метафоричность всей концептуальной системы, следует учитывать, что все метафоры находятся в отношениях систематической корреляции с опытом, который может быть представлен в виде идеализированных когнитивных моделей.

Три направления когнитивного моделирования – теория ментальных пространств Фоконье, семантика фреймов Филлмора, семантика прототипов Лакоффа и Джонсона, общей лингвофилософской основой которых является теория интенциональных состояний, – объединены общим подходом к категоризации: границы их центральных понятий размыты, что позволяет категориям пресекаться и проникать друг в друга.

Положение о размытости границ категорий крайне важно для нашего исследования: оно позволяет установить механизмы когнитивных связей, благодаря которым человеческий разум осу-

ществляет категоризацию явлений. В нашем случае это критерии отнесения конкретных идиом к группе идиом риска.

Критерием принадлежности сущности к определенной категории является ее соотношенность с прототипом – та или иная степень корреляции между ними.

Идиомы отражают действительность в рамках общей фразеологической картины мира, причем их значение является результатом акта номинации, имеющего основу в некоторой реальной ситуации, зафиксированной в сознании носителей языка в виде сцены и играющей роль связующего звена между двумя картинами мира – актуальной языковой картиной мира и картиной мира говорящего.

Очевидно, ситуация риска предполагает отсутствие четко программируемой развязки, а также полного контроля над происходящим со стороны субъекта, и, однако, допускает возможность разрешения ситуации в его пользу, либо благодаря его собственным своевременным действиям, либо в результате вмешательства некоей внешней силы. В любом случае, ситуация риска всегда характеризуется некоей ограниченностью во времени, критичностью, необходимостью по возможности скорейшего разрешения в ту или иную сторону.

Основываясь на положении о том, что риск не является объективным понятием, а обретает традиционно приписываемое ему значение только в человеческом восприятии (наивная картина мира), попробуем осуществить толкование концепта “риск” в терминах лексических универсалий, предложенных А. Вежбицкой (Вежбицка 1996):

- X находится в некоей ситуации;
- Люди обычно считают такие ситуации плохими;
- Люди считают, что X должен что-то сделать;
- X что-то делает, чтобы сделать ситуацию хорошей.

Наивная картина мира представляет ситуацию риска как ситуацию потенциальной угрозы субъекту, что дает основание говорить о наиболее общих метафорах риска:

- риск – война (be up in arms, to have the chink in one's armour, stand in the breach, throw the helve after the hatchet);
- риск – азартная игра (behind the eight ball, pass the buck, be in the cards, play one's (last) trump, gamble with death);
- риск – охота (be at bay, draw a bid on, hold a wolf by the ears, put one's head into a lion's mouth);
- риск – борьба со стихией, часто морской (be on one's beam ends, see breakers ahead, swim against the stream, between wind and water, to go through fire and water);

- риск – выход из убежища навстречу опасности (stick one's neck out, go off the beaten track).

Рассмотрим, как приведенные выше метафоры вписываются в обобщенную прототипическую модель ситуации риска, которую можно представить в виде прототипического сценария, состоящего из нескольких этапов.

Этап 1. Сила F каузирует ситуацию, опасную для субъекта S.

Имеется некая сила, действие которой каузирует ситуацию, чреватую нежелательными последствиями для S с точки зрения стандартного мировосприятия, вписывающегося в наивную картину мира. S сталкивается с необходимостью разрешить эту ситуацию, причем возникающие у него эмоции тяготеют к одному из двух практически исключаящих друг друга типов, описанных выше: despair или hope (challenge), каждый из которых ведет к определенной модели поведения.

Этап 2. Эмоциональная реакция S – E.

Реакция S на действие F может рассматриваться как мера интенсивности последней, причем реакция может также варьировать в пределах шкалы интенсивности от нулевой, когда S либо не осознает серьезности ситуации, либо сознательно отказывается от борьбы, в любом случае оказываясь в роли пациента (например, float with the stream), до максимальной, когда S принимает все возможное, чтобы разрешить ситуацию в свою пользу (например, swim against the stream).

Этап 3. Деятельная реакция S – A

В случае, если S идет вторым путем, он тем самым сознательно дает согласие на разрешение ситуации с двумя контрастными вариантами развязки (конструкция или деструкция): make or break, sink or swim, hit or miss, neck or nothing, feast or famine, double or quits, win the horse or lose the saddle, win the mare or lose the halter. Идиомы этого типа отражают активную позицию S, признание им необходимости действия.

Этап 4. Потенциальная развязка D

Описываемая ситуация разворачивается последовательно, и поскольку интенсивность действия силы F равна или превосходит интенсивность потенциального противодействия ей, на определенной стадии она достигает кульминации. Важно отметить, что при нулевом действии A со стороны S разрешение ситуации весьма вероятно не в его пользу, что иллюстрируется идиомами типа ride for a fall, lead a losing battle, которые могут быть представлены и как периферийный фрагмент фрейма риска, и как фокус смежного фрейма поражения и проигрыша. Однако, даже при активной позиции S идиомы, вписывающиеся в данную когнитив-

ную модель, будучи формально завершенными, не описывают развязки, итога ситуации, оставляя ее как бы на грани разрешения.

Утверждая, что именно предложенный сценарий является прототипическим, мы имеем в виду, что в соответствии с наивной картиной мира именно описываемый им ход событий является нормальным, но не единственно возможным.

Основные итоги этой части исследования могут быть кратко сформулированы следующим образом:

- идиоматическое выражение риска восходит к архетипам античной мифологии;
- словарные дефиниции риска объединены архисемой (эйдосом) опасности;
- метаоценочные суждения носителей английского языка о ситуации риска имеют прототипический характер;
- интенциональные состояния говорящего коррелируют с базовыми типами эмоций, определяющими модус прототипической ситуации;
- образная составляющая идиом риска выполняет двоякую функцию: позволяет объединить исследуемые идиомы в группы и определить типы связей между ними;
- интерпретация идиом по типу образной составляющей позволила выделить следующие базовые метафоры риска: война, азартная игра, борьба со стихией, охота, выход из убежища навстречу опасности;
- разработанный прототипический сценарий ситуации риска может быть взят за основу онтологизации концепта "риска" носителями английского языка.

В качестве исследовательского конструкта, схематически отображающего концепт «риск», в работе предложена идеализированная когнитивная модель ситуации риска. Фундаментом построения этой модели стали теория дискурса М.Хэллидея, теория интенциональных состояний Дж. Серля, исследования когнитивной структуры эмоций и разработанный нами прототипический сценарий ситуации риска. Общефилософской базой является признание бинарности структуры человеческого мировоззрения.

Поскольку дуальность есть одна из основных характеристик нашего мышления, можно говорить о большой значимости (а возможно, и основополагающей роли) дуальных пар в человеческом мировоззрении. В известном смысле вся человеческая жизнь построена на интервалах между двумя полюсами. Ситуация риска как нельзя лучше отражает эту идею нестабильного

равновесия, временного баланса между двумя антагонистическими началами.

Предлагаемая идеализированная когнитивная модель ситуации риска как система бинарных оппозиций представляет собой развернутый прототипический сценарий, описанный в работе. В ней учтены контекст культуры (в нашем случае традиционной западной культуры), на фоне которого описан контекст конкретной ситуации, заключающий событие – воздействие силы F, инициирующее дальнейшее развитие ситуации. Каждый из последующих этапов сценария – валентная эмоциональная реакция E, оценка последствий в перспективе, а также деятельная реакция A – представлены как пары антиномий, взаимоисключающих альтернатив. В наши задачи не входило исследование причин выбора субъектом той или иной альтернативы, а также степени осознанности этого выбора, это область психологии. Отметим лишь так называемый эффект маятника – его свойство, ненадолго задержавшись в одной точке, тут же устремляться к противоположной. Так, если образно представить ось маятника закрепленной в точке модели Воздействие силы F, активация которой приводит его в движение, можно пронаблюдать неизмеримо большое число качаний от одной противоположности к другой – их количество, а значит и временная протяженность этапа не имеют для нас значения. Важен лишь конечный результат – выбор одной из них, а также эффект экстраполяции выбора, сделанного на предыдущем этапе, на последующий этап. Так, выбор эмоции группы “надежда” влечет за собой перспективную оценку ситуации с ориентацией на успех и, как правило, деятельную реакцию принятия ситуации риска.

Поскольку речь идет о прототипической ситуации риска, следует отметить, что модель не претендует на схематизацию всей многообразной палитры человеческих эмоций, оценок и деятельных реакций, нередко иррациональных; мы используем ее, пытаясь увидеть единство в многообразии, как возможное средство категоризации многочисленных идиом, так или иначе связанных с ситуацией риска.

Развернутый прототипический сценарий содержит те же этапы, что и краткий обобщенный сценарий, описанный в параграфе 1.4.1, однако он осложнен дополнительными компонентами, представленными в виде бинарных оппозиций.

Этапы 1 (Действие силы F) и 2 (Валентная эмоциональная реакция E) разворачиваются в контексте конкретной ситуации, которая становится возможной в определенном культурном контексте.

Этап 1. Сила F, которая может быть представлена как сознательное действие одушевленного противника субъекта, либо как стихийная иррациональная сила, каузирует ситуацию, опасную для субъекта либо с его точки зрения, либо с точки зрения наблюдателя, чья оценка предсказуема в силу соотнесенности со стандартной наивной картиной мира, отраженной в контексте культуры.

Этот этап иллюстрируется следующими идиомами: to get into/deep hot water, to be between the devil and the deep blue sea, to be between wind and water, to be under the sword of Damocles, to be between the rock and a hard place и др.

Этап 2. Действие силы F вызывает у субъекта эмоциональную реакцию, обусловленную особенностями его индивидуального мировосприятия, а также его социальными пресуппозициями. Категоризация эмоциональных реакций сложна и в строгом смысле едва ли возможна, но, на наш взгляд, допустимо отнесение той или иной реакции к одному из членов бинарной оппозиции – Отчаяние или Надежда, каждый из которых представляет собой субфрейм.

Субфрейм “надежда” иллюстрируется идиомами: to hope against hope, to keep one’s fingers crossed, to look for silver lining и др.

Субфрейм “отчаяние” иллюстрируется идиомами: to ride for a fall, to look for a needle in a haystack, to be on the wrong side of the tracks и др.

Этап 3. Оценка последствий в перспективе. Субъект предпринимает попытку дать рациональную оценку ситуации, что логически предшествует принятию решения. Он пытается инкорпорировать конкретную ситуацию в шкалу соответствия происходящего глобальной цели – сохранению важного для него ресурса. Подробно этап оценки описан ниже. Возможные оценки распадаются на антагонистические группы “поражение” и “успех”.

Субфрейм “поражение” иллюстрируется следующими идиомами: to ride for a fall, to have a chink in one’s armour, to have a rift in one’s lute, try to sweep back the Atlantic with a broom, to have a Chinaman’s chance, not to have a dog’s chance, to fight a losing battle и др.

Субфрейм “успех” иллюстрируется следующими идиомами: to have all the trumps, to have the game in one’s hands и др.

Этап 4. Деятельная реакция A. Субъект принимает решение о действии. Он либо сознательно принимает ситуацию риска и дает согласие действовать в ее рамках, либо уходит от нее.

Субфрейм “отказ от ситуации риска” иллюстрируется следующими идиомами: to pass the buck, to desert a sinking ship, to play for safety, go with the tide, float with the stream, flee from the wrath to come, to take the line of least resistance, to draw in one’s horns и др.

Субфрейм “принятие ситуации риска” иллюстрируется следующими идиомами: to step in the breach, to stick one’s neck out, to swim against the stream, to beard the lion in his den, to put something at stake, to walk a tightrope, to rush where angels fear to tread и др.

Этап 5. Потенциальная развязка D. Итог ситуации может быть кратко описан либо как поражение, либо как победа субъекта.

Фрейм “поражение” иллюстрируется идиомами to bite the dust, to eat dirt, to be knocked off one’s perch, to be put out of step, to kiss the rod и др.

Фрейм “победа” описывается идиомами to trump smb’s ace, to add a feather to one’s cap, to find a pot of gold at the end of the rainbow и др.

Обратимся к анализу комментариев информантов по поводу идиомы to stick one’s neck out и рассмотрим, как исследуемая идиома вписывается в предлагаемую идеализированную когнитивную модель ситуации риска.

1. Say something that risks your status with superiors. Risk an opinion that might prejudice yourself. Make a statement that you are not absolutely sure of and may have to answer for later. I would be “sticking my neck out” if I said all women should stay home to cook and look after children for their husbands.

2. Someone taking the risk of incurring criticism, anger or danger by acting or speaking boldly would be sticking his/her neck out.

3. Scott had an idea of where more gold may occur in the Natalka Gold deposit, but his idea was pretty far out of context with present understanding of the deposit. When they drilled his idea and found gold there, the workers were heard to say “Boy, he really stuck his neck out and it paid off big time.” to me it means to put yourself at risk in supporting ones ideas or beliefs.

4. This means that you are doing something which is possibly very significant but you are taking some risks in doing so. You could have some problems and your action may fail (that is, you are taking a chance!) but you could also potentially achieve a lot. I often use it with regard to climbing (one of my hobbies). When you do a hard, dangerous climb, you are sticking your neck out.

5. To take a risk in order to accomplish something. One sticks his neck out making a risky investment, although there may be only a slim chance of success he still hopes to make some money.

6. To take a risk (literally the risk is that your head is chopped off, maybe by someone who has just thrown the helve after his hatchet).

Ситуация, приводимая информантом 1 в качестве примера употребления идиомы – “I would be sticking my neck out if I said all women should stay home to cook and look after children for their husbands”, – становится возможной только в контексте современной культурной парадигмы запада, пронизанной феминистскими настроениями. Весьма маловероятно, чтобы носитель английского языка предшествующих эпох привел подобный пример: идея такого рода просто не могла бы возникнуть на фоне патриархального уклада жизни и соответствующего мировоззрения. Однако в наше время тот, кто постулирует роль домашней хозяйки в качестве жизненной доминанты современной женщины, неминуемо рискует выйти за рамки общей мыслительной парадигмы современности, понимаемой как контейнер. Интересно, что ситуации, описанные информантами 2 и 3, тоже подразумевают высказывание, идущее вразрез с общепринятым мнением.

Применение идеализированной когнитивной модели делает возможным взгляд на использование языка с учетом аспектов, не принимаемых во внимание другими подходами к его изучению. Преимуществом, но и ограничивающей характеристикой модели является ее селективность, в ней высвечиваются только некоторые аспекты языка, другие намеренно игнорируются.

Смещение фокуса интенциональности делает возможным взаимопроникновение ряда элементов модели. Так, например, идиома *nail one's colors to the mast* может быть отнесена и к ключевой метафоре “риск – война”, и к метафоре “риск – борьба со стихией”, идиомы *between wind and water, between Scylla and Charybdis* – и к метафоре “риск – борьба со стихией” и к метафоре “риск – выход из убежища навстречу опасности”.

Лингвистическая проблема онтологизации знания как регистрации его в языковой структуре чрезвычайно многопланова. Описание онтологического измерения концептов действительного мира, так же как и фрагментов языковой картины мира, одним из которых является ситуация риска, требует “метаязыков, не проводящих разграничения между языковыми и неязыковыми феноменами” (Баранов, Добровольский 1996: 53). Чисто лингвистические подходы оказываются значительно менее эффективными с точки зрения объяснительного потенциала.

Применение аппарата когнитивного моделирования к описанию закономерностей онтологизации концепта “риск” позволило разработать когнитивную модель, включающую фрагмент структуры знаний и совокупность когнитивных операций, лежащих в

основе активизации взаимосвязей между ее элементами и смещения фокуса интенциональности.

Идиоматические выражения, послужившие объектом исследования, были подобраны по принципу наличия единой архисемы. Анализ словарных дефиниций риска как понятия и самих идиоматических выражений показал, что общей для них центральной архисемой является архисема опасности. Отобранные таким образом идиоматические выражения были проанализированы с точки зрения этимологии. Было установлено, что идиоматическое выражение риска восходит к архетипам античной мифологии.

Изучение особенностей концептуализации риска носителями английского языка показало, что критерием отнесения конкретной ситуации к категории ситуаций риска является степень ее близости к прототипическому представлению о ситуации риска.

Было установлено, что основные типы эмоций, отражающих интенциональные состояния субъекта, могут быть представлены в виде совокупности бинарных оппозиций, что позволило развернуть прототипический сценарий.

Обращение к образной составляющей идиоматических выражений позволило выделить следующие ключевые метафоры риска: война, азартная игра, борьба со стихией, охота, выход из убежища навстречу опасности.

В качестве социокультурных составляющих в сценарий были введены контекст ситуации и контекст культуры как квинтэссенция фонового знания, потенциально трансформируемого в феноменологическое знание.

Исследуемые идиомы были сгруппированы по принципу ключевой метафоры. Ключевые метафоры “риск – война”, “риск – азартная игра”, “риск – охота”, “риск – борьба со стихией”, “риск – выход из убежища навстречу опасности” являются примерами конкретного воплощения базовой метафоры “риск – игра”.

Разработанная идеализированная когнитивная модель ситуации риска представляет собой схематическое отображение онтологизации концепта “риск” в английской фразеологии; являясь организованной концептуальной структурой, она открывает новые возможности категоризации идиом риска. Интенциональность автора высказывания определяет фокусировку фрейма “риск” в контексте конкретной ситуации, что обуславливает способность каждой из исследуемых идиом быть средством онтологизации концепта “риск” в зависимости от фокусировки фрейма. Этот вывод позволяет наметить перспективы дальнейших исследований, предметом которых может стать более детальная разработка субфреймов предложенной модели в рамках когнитивной пара-

дигмы (например, субфреймов: "надежда", "отчаяние", "успех", "поражение", "победа").

Поскольку языковой знак, а значит, и фразеологизм, "имеет референцию к миру не прямо, а через фреймовое включение, которое является посредником между значением языковой единицы и его знаковой функцией" (Телия 1996), возможности применения семантики фреймов к моделированию актуального значения идиом поистине безграничны.

Основные теоретические и практические результаты работы следующие:

- представление ситуации риска как последовательности взаимосвязанных бинарных оппозиций позволило разработать развернутый прототипический сценарий ситуации риска;

- соотнесение понятия "риск" с необходимыми и достаточными условиями осуществления игры при наличии игрового пространства, игровых правил, и противоборствующих начал сделало возможным выдвижение метафоры "риск – игра" в качестве базовой;

- на основе прототипического сценария ситуации риска, ряда положений теории дискурсивного анализа, дихотомической структуры понятия и избранной базовой метафоры ситуации риска разработана идеализированная когнитивная модель ситуации риска;

- ключевые метафоры "риск – война", "риск – азартная игра", "риск – охота", "риск – борьба со стихией", "риск – выход из убежища навстречу опасности" являются примерами конкретного воплощения метафоры "риск – игра" и позволяют сгруппировать исследуемые идиомы по принципу доминирующей метафоры с учетом образной составляющей.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51-64.

Вежицкая А. Сравнение. Градация. Метафора // Теория метафоры: Прогресс, 1990. С. 133-153.

Гуссерль Э. Феноменология // Логос 1991. № 1. С. 12-21.

Ефимова Н.Н. Категоризация идиом риска // Межвуз. сб. науч. тр. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. С.46-52.

Ефимова Н.Н. Мифологичность концептуализации риска как ключ к интерпретации идиом // Тезисы докладов и сообщений IV междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С.115-117.

Ефимова Н.Н. Интерпретация английских идиом риска // Методические указания по лингвострановедению и переводу для студентов 3-4 курсов. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 16 с.

Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «риск» в английской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 19 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Философский энциклопедический словарь / Под ред. Ильичева Л.Ф. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

О.Г. Орлова (Кемерово)

РОССИЯ

Настоящее исследование посвящено выявлению и описанию структуры концепта «RUSSIA» в американском варианте английского языка и американской языковой картине мира на примере дискурса американского еженедельника «Newsweek».

Актуальность исследования, посвященного выявлению структуры концепта «RUSSIA» и форм его реализации, заключается в ориентации на ведущее направление современной лингвистики – лингвокультурологическое моделирование языка и концептуальные исследования.

Представления человека об окружающей действительности и способ, которым он классифицирует мир, выражены в его языке; с другой стороны, «язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» (Маслова 2001). В последнее время все усложняется ситуация в международных, межэтнических отношениях, а так как в языке отражена национальная ментальность, то представляются актуальными исследования в области языка как выразителя национальных представлений о мире и, в частности, о другом народе. Такого рода знания дают возможность увидеть себя, свою страну и соплеменников глазами другой нации, предвидеть многие конфликты в отношениях двух наций и в какой-то мере предупредить их.

Восприятие другой культуры всегда идет через призму своих национальных ценностей и особенностей характера (Гришина 2004), следовательно, восприятие России и россиян, в частности, американцами дает богатый материал для изучения особенностей американского менталитета. Исследования по восприятию одного народа глазами другого народа с точки зрения языкового выражения в современной лингвистике только начинают появляться. Новым актуальным направлением в современной лингвистике стала политическая лингвистика, основной объект исследо-

вания которой – тексты политического дискурса. По словам А.П. Чудинова, политическая сфера, как важная часть национальной культуры, входит в языковую картину мира и концептуализируется особым образом в национальном сознании (Чудинов 2003).

Исследованию политического дискурса посвящены работы А.П. Чудинова (2001-2003), в которых определены и терминологическая, и методологическая основы политической лингвистики. Научная серия «Концептуальные исследования» под ред. Пименовой М.В. посвящена исследованию теоретических проблем концептологии и вопросам, связанным с концептуальным анализом. Так, изучаются социокультурные концепты АМЕРИКА (Гришина 2004), ЕВРОПА (Керимов 2003), ГЕРМАНИЯ (Куданкина 2003), РОССИЯ (Орлова 2002-2004).

Пресса, отражая общественно-политические тенденции того или иного государства, а вместе с тем и формируя общественное мнение, делает акценты именно на тех сторонах жизни другой страны, которые непосредственно связаны с интересами своей нации. Как отмечает В.И. Карасик, «политический дискурс весьма насыщен ценностными знаками. Политическая лексика обнаруживает значительную оценочную лабильность в зависимости от предпочтений и позиций тех, кто использует соответствующие слова» (Карасик 2002). Положительное оценивание факта, события, явления наделяет описываемое явление характеристиками «своего»: за норму, идеал, положительное обществом принимаются свои культурные образцы. Негативно оцениваемое наделяется характеристиками «чужого». Таким образом, положительно оцениваемое описывается как «свое» и поэтому принимается за должное; негативно оцениваемое описывается как «чужое» и поэтому отторгается. Экстралингвистические факторы (политическая, социально-экономическая ситуации) определяют, какую форму примет контакт двух наций: конфликта или диалога.

Американский еженедельник новостей «Newsweek» (далее – NW) предлагает читателю такое видение России, в котором представлены наиболее актуальные для американского общества признаки, свойства и характеристики нашей страны. Журналистские материалы NW, главная задача которого – систематизация и анализ событий, происходящих в мире, отличается глубиной осмысления актуальных политических проблем. Следовательно, дискурс NW является отражением современного способа мировидения части американцев. Исследование дискурса еженедельника NW позволяет не только рассмотреть процессы в системе современного английского языка, но и выявить особенности языковой картины мира, представленной американским вариантом англий-

ского языка, что особенно важно сейчас, в период бурного развития американо-российских связей. Это и обуславливает интерес к проблемам дискурса: «всякого рода кризисы в области политики, экономики, науки и искусства обязаны своим происхождением конфликтам в сфере коммуникации» (Канныкин 2003).

Вслед за О.А. Гришиной, М. Минским, Ч. Филлмором, А.П. Чудиновым, в работе применяется метод фреймового анализа, предполагающий представление имеющейся информации о России в виде структур знаний – фреймов. Основная методика построения концепта «РОССИЯ» заключается в следующем. Первоначально определяются «репрезентанты концепта» (Гришина 2004), приводятся их словарные дефиниции. На основе словарных дефиниций ключевой лексемы – «Russia» формируются фреймы «РОССИЯ – СТРАНА/ТЕРРИТОРИЯ» и «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО». Лексическая сочетаемость ключевой лексемы дает богатый иллюстративный материал для построения этих фреймов и их слотов как родовидовой структуры. На базе анализа лексической сочетаемости лексемы «Russia» в дискурсе еженедельника «Newsweek» были выявлены метафорические модели «РОССИЯ – ЧЕЛОВЕК», «РОССИЯ – АРТЕФАКТ» и т.д. Одновременно описывались языковые средства актуализации тех или иных признаков (метафоры, метонимии). В работе также приведены таблицы и схемы, наглядно иллюстрирующие результаты исследования.

Так, под *концептом*, вслед за М.В. Пименовой, понимается «национальный ментальный образ, некая идея, которая имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами» (Пименова 2002). *Структура концепта* – «совокупность всех потенциальных признаков, свойственных тому или иному концепту» (Пименова 2003).

Под *фреймом* понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации. *Фрейм* – декларативный способ представления знаний, формулируемых в терминах описаний (Филлмор 1988). *Субфреймами*, вслед за Ф.М. Кулаковым, считаются иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов (Кулаков 1979). Под *слотом* (вслед за А.П. Чудиновым) понимается «элемент ситуации, который составляет какую-то часть фрейма, аспект его конкретизации» (Чудинов 2003).

Под *метафорической моделью*, вслед за А.П. Чудиновым, понимается «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y» (там

же). При этом «отношения между компонентами формулы понимаются не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y» (там же). Термин дискурс (discourse) обычно понимают очень широко, как «вербальную презентацию мысли» (Харре 1996).

Первым этапом выявления структуры концепта «RUSSIA» является выяснение способов и средств актуализации концепта. В данном случае дихотомия язык/речь (текст) предстает в когнитивном аспекте: «знания существуют в семантике слов, накапливаются с опорой на лексику», «существуют в строевых единицах языка», а передается информация, знания в актах речи, текстах (Верещагин, Костомаров 1980). При этом в каждом отдельном акте речи актуализируется лишь одна сторона языкового знака.

Актуализация концепта «RUSSIA» в дискурсе американского еженедельника «Newsweek» происходит:

1) путем наименования реального объекта – России как страны, государства: «one of the most powerful banks in RUSSIA» (в данном случае концепт объективирует лексема «Russia»); «have the right to work without hindrance anywhere within the RUSSIAN FEDERATION» (концепт объективируется официальным наименованием государства) (количество фрагментов текста, реализующих данный способ актуализации концепта – 30,96%);

2) путем наименования российских реалий (люди, события и т.д.) (в этом случае концепт объективируется лексемами Russian, Russia's в препозиции к существительному и другими однокоренными словами) (количество фрагментов текста – 67,92%);

3) с помощью других слов и словосочетаний (кроме Russia, Russian, Russia's и слов с корнем 'RUS') (например, «Soviet», «Moscow», «East European», «motherland» и др.), обозначающих Россию и российские реалии (количество фрагментов текста – 1,12%).

Каждая группа делится на подгруппы (блоки) по типу синтаксического функционирования лексем. Вслед за О.О. Борискиной, А.А. Кретовым, анализ набора синтаксических позиций лексем, обозначающих концепт, проводился с точки зрения того, что «способность одних языковых единиц открывать позиции для замещения другим единицам выступает в виде категоризирующей или классифицирующей функции данного слова по отношению к другим словам» (Борискина, Кретов 2003). Таким образом, глаголы, прилагательные, существительные, предлоги, входящие в контекстуальное окружение лексем, обозначающих анализируемый концепт, рассматривались в качестве классификаторов концепта, из которых складывается общая картина организации знаний о России, представленная еженедельником «Newsweek».

В первой группе (способ объективации концепта – обозначение страны с помощью лексемы «Russia») выделяются подгруппы (блоки) по типу синтаксического функционирования лексемы:

1. Russia + глагол (как субъект действия), например: «*With the former Soviet republic teetering on the brink of civil war, **Russia sent** Foreign Minister Igor Ivanov to Georgia within hours of Shevardnadze's declaration of a state of emergency*» (Dec. 1, 2003 p. 4-5);

2. глагол + Russia (как объект действия), например: «*For the past decade **China has implored Russia** to build a pipeline from its Siberian oilfields to the energy-starved People's Republic*» (Oct. 27, 2003 p. 5);

3. Russia/Russian в синтаксической позиции предиката, например: «*The winners **are Israel, India and Russia***» (Dec. 30/Jan. 5, 2004 p. 15); «*He'll be killed not because **he's too pro-Russian***»;

4. атрибутив + Russia (+ атрибутив) (как определяемое), например: «*Khodorkovsky is the poster child for **the new Russia***» (Aug. 4, 2003 p. 25);

5. Russia + существительное (как атрибутив), например: «***RUSSIA Oil and the Oligarchs***» (Sept. 29, 2003 p. 5);

6. предлог + Russia, например: «*The rabbi is Berel Lazar, chief rabbi **of Russia***» (Nov. 10, 2003 p. 32-33).

Во второй группе (способ объективации концепта – лексемы «Russian», «Russia's» и однокоренные слова) выделяются подгруппы:

1. Russian + существительное, например: «***Russian atomic scientists** are already helping China and India build nuclear plants*» (Sept. 8, 2003 p. 31);

2. Russia's + существительное, например: «*Over the past 10 years, **Russia's military** has had a scorched-earth strategy toward Chechnya*» (Aug. 25/Sept. 1, 2003 p. 11);

3. слова с корнем 'RUS', например: «*Nobody suffered more than **Russians***» (Oct. 13, 2003 p. 33).

В третью группу включены примеры с лексемами:

1. Soviet, например: «*The newly freed economies of **the former Soviet Union** look to join the winners' club as well*» (Dec. 30/Jan. 5, 2004 p. 4);

2. Moscow, например: «*That would cause both **Moscow** and Washington serious headaches: Russia has more than a hundred weapons sites that are similarly in need of cleanup*» (Aug. 18, 2003 p. 4-5);

3. East European, например: «*Squeezed on one side by economic uncertainties and on the other by growing cultural and religious*

traditionalism, **East European women** are bearing the brunt of the region's transition to capitalism» (March 18, 2002 p.75).

4. *motherland*, например: «If the Russian diaspora of old was disaffected, today's community is more broadly representative of **the motherland**» (Feb 3, 2003 p32).

5. другие контекстуальные наименования, например: «Still, what scares many Georgians worst is their **giant northern neighbor**» (June 3, 2002 p. 23).

Исходя из анализа сочетаемостной способности лексемы «Russia» с глаголами и именами определенной семантики, можно сделать выводы об основных семантических категориях (классификаторах), тем или иным образом категоризирующих объект реальной действительности, обозначаемой лексемой «Russia». Категоризация России происходит с помощью следующих категорий и признаков:

- бытийные: признаки существования; признаки обладания качеством; признаки обладания стабильной/нестабильной структурой/формой; димENSIONАЛЬНЫЕ признаки;
- живого существа: признаки движения; признаки сна;
- антропоморфные: социальные признаки; ментальные признаки; признаки речи; интенциональные признаки; признаки перцепции; телесные признаки; эмоциональные признаки; признаки характера; этические признаки;
- неживого: признаки движения; признаки принадлежности; признаки манипуляции;
- пространства: внутреннего пространства; внешнего пространства.

Выделяемые категории и признаки являются основой для формирования первичных фреймов и метафорических моделей, формирующих структуру концепта.

Исходя из анализа дистрибутивных связей лексемы «Russia» с глаголами и именами, можно сделать выводы об основных типах синтаксических конструкций, в которых актуализируется анализируемый концепт. Концепт актуализируется в синтаксических конструкциях:

- глагольной субъективной (SV) (позиция субъекта при глаголе);
- глагольной объективной (VO) (позиция объекта при глаголе);
- глагольной предикативной (позиция предиката);
- адъективной (AN/A) (позиция определяемого);
- субстантивной предложной;
- субстантивной (NN) (позиция определяющего).

В глагольной предикативной (типа *Moscow is Russia*) и субстантивной (NN) (типа *Russia oil*) синтаксических конструкциях концепт актуализируется путем приписывания признака «русский» лицам, объектам, реалиям окружающей действительности. Глагольные конструкции образуют динамический аспект структуры фреймов, формирующих анализируемый концепт (сценарная составляющая), адъективные и субстантивные – статический (слотовая составляющая).

В адъективных синтаксических конструкциях с лексемами «Russia» в притяжательном падеже – «Russia's» и «Russian» и конструкциями с «Russian» в качестве имени существительного концепт актуализируется посредством приписывания признака «русский» следующим лицам, реалиям, событиям:

- лица: военные, политики, власть имущие, представители профессий (журналисты) и т.д.;
- общественные реалии: государственные структуры, система национальной безопасности, реалии культуры и т.д.;
- действия: интеграционные и военные (в статическом аспекте посредством отглагольных имен существительных) и т.д.

Необходимо особо отметить, что в адъективных синтаксических конструкциях с лексемой «Russia» в притяжательном падеже – «Russia's» актуализируется также признак «принадлежность России», что определяется способами перевода английских сочетаний на русский язык. Так, если в случае с «*Russia's generals*» возможны два варианта перевода – *генералы России/русские генералы*, то в случае с «*Russia's future*» возможен лишь один вариант перевода – *будущее России* (*русское будущее или невозможно, или сочетание приобретает другое значение).

Примеры с другими наименованиями России (кроме слов с корнем «Russia») как способами актуализации концепта немногочисленны. Концепт актуализируется с помощью лексем «*Soviet*», «*Moscow*», «*East European*», «*motherland*». Сравнивая количественное соотношение различных способов репрезентации концепта «РОССИЯ», можно сделать вывод о том, что наиболее часто для репрезентации концепта используется адъективная синтаксическая конструкция 'Russian + имя существительное' (37%) (среди всех сочетаний этого типа количественно превалирует сочетание «*Russian troops*»).

Таблица 1

Способы актуализации концепта «RUSSIA»

№	Способы актуализации концепта «RUSSIA»	Количество (%)
1	Russian + существительное	37,00

2	Russia's + существительное	16,55
3	предлог + Russia	13,45
4	Russian в качестве имени существительного и слова с корнем 'RUS'	13,09
5	Russia + глагол (как субъект действия) (SV)	11,18
6	атрибутив + Russia (+ атрибутив) (как определяемое) (AN/N)	3,73
7	глагол + Russia (как объект действия) (VO)	2,18
8	другие наименования	1,09
9	Russia + существительное (как атрибутив) (NN)	0,73
10	Russia/Russian в синтаксической позиции предиката	0,55

Для описания российской действительности авторами материалов американского еженедельника «Newsweek» часто используется метафора. Для описания реалий российской жизни используются метафоры: военная, социальная, техническая, ориентационная, антропоморфная, артефактная, зооморфная, кулинарная, вегетативная.

Для политического дискурса, текстов с ярко выраженными политическими и идеологическими противопоставлениями характерен способ представления знаний о другой стране в рамках категории «свой-чужой». В исследуемом дискурсе выделяются следующие маркеры оппозиции «свой-чужой»:

- лексика с семантикой противопоставления, отчуждения, дистанцирования. Например, предлог *against* представляет наибольшую степень противостояния *своих* и *чужих* («свои» в текстах «Newsweek» – Запад, Америка или просто все, кто не является русскими, «чужие» – Россия и ее жители): «*Your article «Shopping for enemies» (Europe, June 5) was unfairly tilted against Russia»* (July 24, 2000 p. 14). У России есть и внутренний враг (в данном случае – Чеченские сепаратисты): «*In the early 1990s, there were no Chechen suicide bombers, despite a growing, violent movement against Russian rule»* (Aug. 25/Sept. 1, 2003 p. 11). Противостояние федеральных сил и Чеченских сепаратистов как противостояние «своих» и «чужих» усиливается с помощью лексического маркера *violent* (*неистовый; интенсивный, сильный*).

- ввод иностранного текста, например: «*Under the gas-industry bosses, known as **gazoviki**, Gazprom gained a reputation for secrecy that was notable even by Russian standards»* (Oct. 23, 2000 p. 73). Не переведены и прокомментированы русские слова, обозначающие реалии, ненаблюдаемые в культурах англоговорящих стран: «*The Russian tsar toured the Houses of Parliament and the Tower of London»* (Feb. 3, 2003 p. 31); «*People look at Russia in a different light»*, says Tania Illingworth, a descendant of Russian author Leo Tolstoy, whose family fled to London during *the Bolshevik revolution»* (Feb.

3, 2003 р. 33).

Стереотипные представления о России также реализуются в дискурсе NW. Во второй главе анализ реализации стереотипных представлений о России осуществлялся в соответствии с методом дедукции: рассматривались репрезентации набора стереотипов о России, выводимых по результатам обзора изученной литературы. Так, в дискурсе еженедельника «Newsweek» нашли выражения следующие стереотипы:

- Россия – холодная страна, в стране много снега;
- Россия – ретроградная страна, в стране традиционно используется самовар;
- Россия – великая страна;
- Россия – «птица-тройка»;
- символ России – медведь;
- русская душа, характер – непредсказуемые, загадочные явления;
- русские – щедрые, открытые, наглые люди, любят родину;
- русские – националисты.

На основании статистического анализа выявленных признаков концепта сформирована модель концепта «RUSSIA», которая:

1. имеет сегментную структуру, т.е. состоит из девяти сегментов (фреймов, отражающих «прямые» признаки: «РОССИЯ – СТРАНА/ТЕРРИТОРИЯ», «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО», «РОССИЯ – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ», «РОССИЯ – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ» (94,99 %), и метафорических моделей, отражающих «непрямые» признаки: «РОССИЯ – ЧЕЛОВЕК», «РОССИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО», «РОССИЯ – ЖИВОТНОЕ», «РОССИЯ – РАСТЕНИЕ», «РОССИЯ – АРТЕФАКТ/ПРЕДМЕТ» (5,01 %));

2. отражает фрагмент мира, означенный как концепт «RUSSIA», «путем отображения его пиков» (Почепцов 1990: 110), т.е. путем отображения наиболее актуальных его сторон.

По данным родовидового анализа прямых и метафорических признаков концепта «RUSSIA» выявилась структура концепта, которая представлена в виде таблицы 2.

Таблица 2

Структура концепта «RUSSIA»

Фреймы / метафорические модели	Субфреймы и метафорические модели	%	%
Фрейм «РОССИЯ – СТРАНА / ТЕРРИТОРИЯ»	Субфрейм «страна»	2,47	11,79
	Субфрейм «пространство»	0,67	

	Субфрейм «почва»	0,12	
	Субфрейм «география»	1,77	
	Субфрейм «географические объекты»	6,78	
Фрейм «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО»	Субфрейм «характеристики государства»	4,62	82,46
	Субфрейм «структуры государственной власти»	6,09	
	Субфрейм «отношения России с другими странами»	12,02	
	Субфрейм «оборона»	9,57	
	Субфрейм «экономика»	3,82	
	Субфрейм «финансы»	3,12	
	Субфрейм «промышленность»	4,89	
	Субфрейм «СМИ»	2,50	
	Субфрейм «культура»	2,77	
	Субфрейм «спорт»	0,27	
	Субфрейм «инфраструктура»	0,42	
	Субфрейм «время России»	3,31	
	Субфрейм «события»	1,00	
	Субфрейм «социум»	0,66	
Субфрейм «жители России»	27,40		
Фрейм «РОССИЯ – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ»		0,39	0,39
Фрейм «РОССИЯ – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ»		0,35	0,35
Метафорическая модель «РОССИЯ – АРТЕФАКТ / ПРЕДМЕТ»	Метафорическая модель «РОССИЯ – ИМУЩЕСТВО»	0,15	0,69
	Метафорическая модель «РОССИЯ – ИЗДЕЛИЕ»	0,23	
	Метафорическая модель «РОССИЯ – МЕХАНИЗМ»	0,08	
	Метафорическая модель «РОССИЯ – ЦЕЛОЕ»	0,12	
	Метафорическая модель «РОССИЯ – МАНИПУЛИРУЕМЫЙ ПРЕДМЕТ»	0,12	

Метафорическая модель «РОССИЯ – РАСТЕНИЕ»		0,39	0,39
Метафорическая модель «РОССИЯ – ЖИВОТНОЕ»		0,12	0,12
Метафорическая модель «РОССИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО»		0,35	0,35
Метафорическая модель «РОССИЯ – ЧЕЛОВЕК»: антропоморфные признаки	Субфрейм «социальные антропоморфные признаки»	1,58	3,46
	Субфрейм «физиологические признаки»	0,19	
	Субфрейм «признаки волеизъявления»	0,23	
	Субфрейм «признаки речи»	0,27	
	Субфрейм «ментальные признаки»	0,27	
	Субфрейм «эмоциональные признаки»	0,27	
	Субфрейм «признаки характера»	0,35	
	Субфрейм «интерперсональные признаки»	0,27	

Наиболее представленным является фрейм «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО» (82,46%) и субфрейм «жители России» внутри фрейма (27,40%). Это можно объяснить присущей американскому менталитету идеализацией института индивидуума и индивидуализацией подходов к обучению и образованию поколений. Общество состоит из личностей, история создается яркими, талантливыми личностями. Благо общества, страны – это благо каждого отдельного индивидуума. Именно с этой точки зрения и происходит восприятие и оценивание других народов.

Как структурный элемент концептуальной структуры «Россия – государство», субфрейм представлен графически пирамидальной диаграммой, отображающий фундаментальные отношения социальных групп населения страны. Очевидно, американскому мировидению свойственно представление взаимоотношений людей внутри социальной системы именно в виде вертикальной оси, на которой «располагаются» группы от руководителя государства до населения снизу вверх по принципу подчиненности. Фрагменты дискурса американского еженедельника «Newsweek» подтверждают данное положение. Так, описывается, например, *подъем*

В.В. Путина к *вершинам* власти, президентства: «*Vladimir Putin's rise to the brink of the Russian presidency – he will most likely be elected overwhelmingly this Sunday – has been so swift, and so unexpected, that Washington and the rest of the world have been caught flat-footed*» (March 27, 2000 p. 16).

В субфрейме «жители России» выделяются слоты «руководители страны», «профессии», «население», «персоналии» Наиболее представленными являются группы признаков «президент» (21,10 %), «военные профессии» (11,25 %) и персоналии «политики» (10,41 %).

В составе фрейма «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО» также широко представлены субфреймы «отношения России с другими странами» и «оборона». Это объясняется, прежде всего, объективными социально-политическими процессами в стране и мире и актуальностью именно этих событий для исследуемого дискурса. Еженедельник «Newsweek» призван систематизировать новости за неделю со всего мира, поэтому внимание акцентируется на таких темах, как международные отношения, внутренняя политика, экономика и др.

Субфрейм «отношения России с другими странами» представлен несколькими слотами, выделяемыми по группам стран, с которыми сотрудничает Россия. Сотрудничество России с зарубежными партнерами происходит по некоторым сценариям, классифицированным по типу отношений, которые они описывают.

Таблица 3

Сценарии отношений России с другими странами

	Аме- рика	За- пад	Ев- ро- па	Азия	Аф- рика и Латин- тин- ская Аме- рика	Ближ- ний и Сред- ний Во- сток	Чеч- ня
Взаимопомощь	+	-	-	-	-	-	-
Толерантность	+	-	+	+	+	+	-
Партнерство	+	-	+	-	-	+	-
Оппозиция	+	-	-	-	-	-	+
Экономика	+	-	-	-	+	-	-
Бизнес	-	+	+	-	-	-	-
Финансы	+	-	+	-	+	-	-
Производство	+	-	-	-	-	-	-
Близость	-	+	+	-	-	+	-
Эмоциональ- ность	-	+	-	-	-	-	-

Путь	+	-	+	+	-	-	-
Политика	-	-	+	-	-	-	-

В отдельной слот вынесены обозначения отношений России с союзной республикой, Чечней. Отношения Россия и Чечни в связи с реальными военными действиями на территории этой республики представлены широко, но однородно, развивающимися по сценарию «оппозиционных отношений» (в крайнем проявлении – войны): «*A **strike would no doubt only increase the commitment of the Taliban, as well as others in the Islamic world, to aiding **Russia's enemies in Chechnya*****» (June 5, 2000 p. 18). Сценарий оппозиции стран России и Америки представлен некоторыми метафорами. Например, производственная метафора «***The U.S. and Russia try to mend their frayed relations***» (April 28, 2003 p. 33) описывает американо-русские отношения как процесс починки *изношенного* изделия. Кулинарная метафора *sour U.S.-Russian relations* во фрагменте «*The case, since it broke last August, has already helped **sour U.S.-Russian relations***» (Feb. 28, 2000 p. 24) описывает отношения двух стран, как некий испорченный (буквально, *прокисший*) продукт.

Субфрейм «оборона» имеет сложную развернутую структуру; состоит из системы слотов, в каждый из которых включены группы наименований реалий данной сферы жизни страны.

Таблица 4

Субфрейм «оборона»

№	Субфрейм	Слоты	Количество
4	Оборона	Военная деятельность	40,73%
		Военная техника	22,58%
		Армия	14,92%
		Воинские подразделения	13,71%
		Дислокация	5,65%
		Флот	2,02%
		Воинские атрибуты	0,40%

Данный субфрейм реализует метафорическую модель 'Российская действительность – это война' (исходная семантическая сфера – «война»). «Базисная метафора *российская действительность – это непрекращающаяся война*, или в другой формулировке – *современная Россия – это милитаризованное общество*, страна, где идет постоянная гражданская война» (Чудинов 2001) занимает важное место в образном представлении американцами современной российской действительности. Следующим по представленности является фрейм «РОССИЯ – СТРАНА/ТЕРРИТОРИЯ» (11,79%) и субфрейм «географические объекты» (6,78%). Внутри метафорической модели «РОССИЯ – ЧЕЛОВЕК» (3,46%) наиболее широко и разнообразно

представлены социальные антропоморфные признаки (1,58%): как человек, Россия воспринимается, прежде всего, в своей социальной ипостаси, что можно соотнести с наибольшей представленностью персоналий политики по сравнению с другими персоналиями.

Социальные признаки России раскрываются в единицах текста, где Россия выступает как человек в различных социальных ролях. Как «актер», Россия играет ту или иную роль: «*If the country falls apart – as most experts believe it inevitably will – it's not at all certain what will happen, and whether **Russia will play a constructive role***» (Dec. 29, 2003/Jan. 5, 2004 p. 46). Как «военный», Россия проигрывает войну: «*Having restarted and gotten tagged down again, in Chechnya (**the last war Russia lost**), the notion of an attack on Afghanistan seems quixotic at best*» (June 5, 2000 p. 17); ищет реванша: «*... government made it sound as if **Russia now seeks a rematch** in the place where the Big Red Machine (the former Soviet Army) was humiliated in 1980s...*» (June 5, 2000 p. 17). Как «политик», Россия подписывает документы: «***Russia signed these** in the early and mid-1990s, when it was much less stable and needed to offer sweet deals to lure investors*» (July 28, 2003 p. 31); завоевывает статус: «*The message: riding an oil boom, **Russia is regaining its lost status** as a world player*» (May 5, 2003 p. 13). В текстах журнала Россия также выступает как «финансовый работник». Россия имеет должников: «*And along with Paris and Berlin, he rejects Washington's calls that **debts** owed by the Saddam regime (including **\$8 billion to Russia**) are void*» (June 9, 2003 p. 29). Как «строитель», Россия строит ядерные реакторы и прокладывает нефтепроводы: «*Last year Minatom deputy Bulat Nigmatulin told reporters that **Russia may build 10 nuclear reactors** in foreign countries over the next 10 years*» (Sept. 8, 2003 p. 32). В рамках социальной деятельности Россия выступает как человек, нуждающийся в чьей-либо помощи или оказывающий кому-либо помощь: «*By Wednesday, when storms had calmed the tapping from inside the Kursk had long ceased; only then **did Russia finally request outside assistance from Britain and Norway**, which arrived three days later*» (August 28, 2000 p. 24); «*Clearly, **Washington wants Russia's help** – as an ally in the war on terrorism, as a new source of cheap oil and as a counterweight to Europe*» (April 28, 2003 p. 33).

Анализ количественного соотношения признаков концепта и языковых средств их актуализации (оценочных, эмоционально-экспрессивных языковых единиц, метафор, метонимий) позволяют создать объемный портрет России так, как она представлена в дискурсе еженедельника «Newsweek». При моде-

лировании концепта «RUSSIA» выяснилось, что более частотно представлены «прямые» признаки концепта (94,99%), т.е. те признаки, которые формируют фреймы и слоты как структуры знаний об объективных сторонах российской действительности. Основные представления о России формулируются в терминах стереотипного знания. В исследуемом дискурсе реализуются объективные представления о России, основанные на знаниях об объективных, актуальных современных общественно-политических процессах в стране:

1. Россия после развала СССР находится в состоянии хаоса, разрухи, беспорядка;

2. из общественно-политических тенденций основные – ослабление государства, государственной власти, дезинтеграция, децентрализация;

3. Россия – огромная страна, протяженная в пространстве, богатая природными ресурсами;

4. на сегодняшний день Россия – экономически привлекательный инвестиционный рынок; основные доходы страна получает от газовой и нефтяной промышленности.

На основании анализа языковых средств концептуализации различных сторон российской действительности можно сделать вывод о некоторых особенностях американской языковой картины мира, в которой определенным образом концептуализируются социальные явления и реалии.

Так, на примере использования метафор, как способа метафорического переосмысления действительности, можно проиллюстрировать особенности концептуализации американским языковым сознанием таких социальных явлений, как, например, экономический рост, благополучие страны. Экономическое благополучие описывается посредством ориентационных метафор, указывающих на внутренние пространственные характеристики объекта (движение наверх) и внешние (нахождение наверху). Так, российские рынки поднимаются, вырастают: «**Russia's market had risen 300 percent since 2001 on the strength of its reform story, until President Vladimir Putin got into a power clash with an oil tycoon last month and investors started to flee**» (Aug. 18, 2003 p. 36-37). Экономическое отставание описывается как нахождение позади и внизу: «**Oil money is transforming the island of 600,000 people in one of Russia's most backward regions**» (July 28, 2003 p. 31). Метафора *отсталые районы*, букв. *находящиеся позади*, призвана описывать экономическое состояние регионов; таким образом, отсутствие успехов, экономического подъема, роста в терминах пространственной ориентации описывается как нахождение позади, сза-

ди.

Пребывание на пике экономического роста приносит власть. Для страны мощь и сила определяется степенью авторитетности, влиятельности; сильная страна помещается в пространстве наверху, над другими государствами. «*Since the collapse of the Soviet Union, the United States has steadily campaigned to lift the republics particularly those, like Kazakhstan and Azerbaijan, which possess rich oil and gas reserves – out from under Russian influence*» (June 5, 2000 p. 17). Освобождение Казахстана и Азербайджана от российского влияния описывается с помощью предлогов *out from under*. *Under* означает «указание на расположение одного предмета ниже другого: *под, ниже*» (LU), а в переносном смысле «указывает на нахождение под властью, контролем, командованием, в подчинении у кого-л.: *под: under inspection – под контролем*» (LU). Анализ этих значений отсылает к ориентационным метафорам Лакоффа и Джонсона, которые пишут, что «в терминах вертикали обладание властью – это верх, объект власти – это низ. Физический размер коррелирует с физической силой, и победитель в битве типологически «располагается» наверху» (Lakoff, Johnson 1980).

На основании выявленных оценок (нормативных, этических и др.), используемых для описания России, а также на основании контекстуального анализа фрагментов текста, включающих компонент «отношение к России/российским реалиям», можно смоделировать некий «идеал» общественного устройства, характеризующий американскую картину мира. Так, в качестве «идеала» постулируются свобода (предпринимательства, вероисповедания, высказываний, выбора), демократия (цель прогресса), господство законности, стабильность (политическая и экономическая; последняя понимается как стабильный рост).

Как указание на политическое устройство государства, лексема *democracy* функционирует в текстах в словосочетаниях *Russian democracy*: «*It also goes a long way toward explaining why «Russian democracy» is still a term that begs the question: how much is Russian and how much is democracy*» (October 16, 2000 p. 36). Правомерность существования русской демократии как наименования соответствующей реалии и самого явления оспаривается американским журналом: неясно, насколько существующий демократический строй русский и насколько он демократичен. Таким образом, *демократия* в принципе может обладать какими-то национальными характеристиками (быть русской/нерусской); *демократия* может быть таковою в полной мере или не в полной мере (*full democracy*), т.е. существует некий эталон *демократии*, в сравне-

нии с которым определяется степень демократичности государства. Россия не обладает этими характеристиками, что подтверждается кавычками: «*Russian democracy*» (кавычки – намек на отсутствие качества, ирония). Фрагмент текста «*Russia is not ready for full democracy*» (Nov. 10, 2003 p. 35) подтверждает приведенные выше наблюдения. Однако демократия – конечный пункт движения России; в данном случае демократия и капитализм выступают как некоторый идеал, к которому стремятся государства: «*Russia was steaming toward democracy and capitalism. That is what mattered*» (June 26, 2000 p. 17).

Свобода приравнивается американским журналом к объекту, предмету деятельности человека: так, свобода – это приз за победу, или некий трофей выигранной битвы, потому что свободу можно завоевать: «*Russia's newly won freedom of speech*»; свобода – находка, потому что свободу можно найти и присвоить (Россия не нашла свою свободу): «*Such anecdotes help Satter press his fundamental point: Russia has not found its freedom*» (May 19, 2003 p. 53); свободой можно пожертвовать ради закона и порядка, поэтому свобода – это нечто противоположное закону и порядку. Противопоставление свободы закону и порядку не противоречит концептуализации *свободы* русским языковым мышлением. Так, А. Вежбицкая, исследуя концепты *свобода* (в русском языке), *freedom* (в английском языке), приходит к выводу, что *свобода* определяется как отсутствие давления, всяческих помех, стесняющих действия (Вежбицкая 2001).

Свобода может быть характеристикой явлений общественной жизни страны. Так, характеристиками *свободы* наделяются прессы: «*Dispatches from Russian journalists are routinely censored or softened by the authorities, in keeping with Putin's steady rollback of press freedoms in recent years*» (July 21, 2003 p. 40); предпринимательство, религия, речь: «*West, at least, Gusinsky was a vivid-symbol of what was going right in post-Soviet Russia: free enterprise, freedom of speech and freedom of religion*» (June 26, 2000 p. 17). Ориентация России на свободу как константу общественной жизни описывается посредством нормативной оценки *right*. Как отмечает В.Н. Телия, оценка осуществляется «в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положением дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» (Телия 1986). Таким образом, свобода – это норма общественной жизни в соответствии с американской картиной мира.

Все социальные явления и процессы, способствующие «недостижению» идеала (авторитарный стиль управления страной, военные действия и др.), оцениваются посредством нормативных и

этических оценок как ненормативные и аморальные.

Литература

Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 211 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Гришина О.А. Актуализация концепта «Америка» в современном русском языке. Дис...канд. филол. наук. – Кемерово, 2004.

Гришина О.А. Стереотипизация признаков концепта «АМЕРИКА» в современном русском языке // *Ethnohermeneutik und Anthropologie* / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 161-165 (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 8. Herausgeber der Reihe: H.Barthel, E.A.Pimenov).

Гришина О.А., Орлова О.Г. Россия и Америка: столкновение культур // Язык. Миф. Этнокультура: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л.А. Шарикова. – Кемерово: ИПК Графика, 2003. С. 68–71.

Канныкин С.В. Текст как явление культуры (пролегомены к философии культуры). Воронеж: РИЦ ЕФВГУ, 2003. 143 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Керимов Р.Д. Метафорическое выражение EUROPA IST HAUS в немецкой политической речи // Человек и его язык (к 75-летию проф. В.П. Неद्याлкова) / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика». 2003. С. 131-134.

Куданкина О.А. Языковое выражение оценки при восприятии Германии (на материале российских СМИ) // Человек и его язык (к 75-летию проф. В.П. Неद्याлкова) / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика». 2003. С. 87-90.

Кулаков Ф.М. Приложение к русскому изданию // М. Минский. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М.: «Энергия», 1979. С. 122-144.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Орлова О.Г. Концепт «РОССИЯ» в американской публицистике // Филологический сборник. Кемерово, Комплекс «ГРАФИКА», 2002. Вып. 2. С. 112-117.

Орлова О.Г. Некоторые средства актуализации концепта «Россия» в американской публицистике // *Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie* / Hrsg. von M.V.Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. S. 96-99 (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 8. Herausgeber der Reihe: H.Barthel, E.A.Pimenov).

Орлова О.Г. Роль метафоры в осмыслении концептов «Россия» и «Америка» (на материале российских и американских печатных СМИ) // Вестник КемГУ. Серия «Филология». Вып. 4. Кемерово, 2002. С. 92-97.

Орлова О.Г. Пространственно-временные признаки концепта «РОССИЯ» (на материале американского еженедельника «Newsweek») // Человек и его язык (к 75-летию проф. В.П. Неद्याлкова) / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика». 2003. С. 77–83.

Орлова О.Г. Структурные признаки концепта «РОССИЯ»: Человек. Природа. Социум (на материале американского еженедельника «Newsweek») // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика». 2003. Вып. 1. С. 28–39.

Орлова О.Г. О некоторых структурных признаках концепта «РОССИЯ» (на материале американского печатного СМИ – еженедельника «Newsweek») // Актуальные проблемы журналистики: сборник трудов молодых ученых. Томск: УПК «Журналистика», 2004. С. 89–94.

Орлова О.Г. Некоторые аспекты структуры концепта РОССИЯ // Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. S. 165–172 (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 8. Herausgeber der Reihe: H.Barthel, E.A.Pimenov).

Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Вестник КемГУ. Сер. Филология. Вып. 4 (12). С. 100–105.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2002. 192 с.

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания, 1990. №6. С. 110–111.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике XX века. 1998. Вып. 23. С. 52–93.

Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. №2. С. 3–15.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. – Екатеринбург, 2001. 238 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003. 194 с.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, London 1980.

Е.В. Бабаева (Волгоград) **СОБСТВЕННОСТЬ**

Предметом изучения в данной работе является собственность как культурно-языковой концепт, в котором акцент делается на аксиологическом аспекте. Цель работы – проведение сопоставительного анализа культурно-языкового концепта «собственность» в немецком и русском языках.

Основные аксиологические понятия определяются в работе следующим образом:

ценность – явление внешнего или мыслительного мира, получившее наиболее позитивную оценку;

оценка – акт человеческого сознания (закрывающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в жизнедеятельности субъекта) и его результаты, которые закрепляются в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения;

оценочный стереотип – устойчивая реакция на сходные ситуации (одобрение, осуждение, безразличие);

норма – положение, соотносимое с позитивной оценкой социума и предписываемое предмету оценки его представителями;

оценочная шкала – упорядоченное положение ориентиров оценки (ценностей, оценок, символов, образов, образцов, идеалов, норм, правил) относительно друг друга, регулирующее оценочную деятельность.

В системе ценностей выделяются: 1) конкретные и абстрактные; 2) индивидуальные, групповые, этнические и общечеловеческие; 3) моральные и утилитарные, суперморальные и субутилитарные; 4) конкретно-исторические и универсальные ценности.

Различные типы ценностей, их пересечение и конфликт закрепляются в языковой картине мира. Группировка ценностей способна выступать отличительным признаком культуры.

Основным способом отражения системы ценностей в языке признается категория языковой оценки. Ее соотношение с другими языковыми категориями определяется следующим образом.

Оценочные структуры включаются в квалификативные и прагматические структуры, являются разновидностью такой категории, как модальность. В значении языковой единицы оценка может быть представлена в виде отдельного семантического компонента. Она может быть частью как коннотации, так и денотации. Как правило, оценочный компонент взаимодействует с эмотивным компонентом, а также может сочетаться с мотивационным и стилистически маркированными компонентами. В том случае, когда оценочный компонент содержится в значении в связанном виде, оценочность накладывается на определенное дескриптивное содержание. В данной работе понятием, по отношению к которому дается ценностная интерпретация, выступает **собственность**.

Свидетельством ценности выступает семантическая плотность – представленность в языке в прямых и переносных значе-

ниях, синонимических корреляциях, во фразеологическом фонде, включая паремиологию.

Характеристики отношения к собственности находят отражение в различных проявлениях культуры народа. Результаты анализа языковых и неязыковых данных показывают правомерность рассмотрения признака отношения к собственности в качестве культурно-значимого содержательного признака. Основанием служит универсальность и содержательная изменчивость категории собственности, ее общественный и личностный характер, взаимосвязь с другими культурными концептами, включенность отношения собственности в состав такой универсальной языковой категории, как посессивность.

Собственность попадает в сферу оценочной деятельности, и к ней применима категория оценки. Поэтому изучение понятийно-ценностного признака отношения к собственности предоставляет возможность реконструкции картины мира социума, способствует раскрытию ценностных ориентаций культуры.

В результате понятийного моделирования содержательный минимум концепта отношения к собственности определен как *наличие отношения имущественного обладания между субъектом (как правило, одушевленным лицом, способным к сознательным действиям) и объектом (необходимыми качествами которого, как правило, являются его конкретность, материальность, отчуждаемость от субъекта, пассивность по отношению к субъекту)*. Данная модель конкретизируется в различных направлениях, демонстрируя сложное содержательное строение признака отношения к собственности и необходимость его рассмотрения как признакового комплекса.

В семантике языковых единиц признак отношения к собственности реализуется через свои варианты значения и может быть связан с другими семантическими компонентами, в том числе и оценочным признаком.

Основными критериями отбора языкового материала в работе выступают понятийная ограниченность, детерминируемая моделью концепта, и лексикографический критерий. При отборе языковых единиц основанием служила вербальная представленность субкатегориальных признаков исследуемого концепта в словарной дефиниции. При установлении оценочного компонента, кроме вербальной представленности в дефиниции, опорой служили обще- и частноэмотивные словарные пометы.

Анализ комбинаторики показал своеобразное соотношение концепта отношения к собственности с другими культурно-языковыми концептами в русской и немецкой языковых картинах

мира. Наиболее близкими концептами являются отношение к труду, отношение к власти, старшинству, отношение к дому, отношение к истине, соотношение сущности и видимости. Различия проявляются в доминантности концептов судьбы и отношения к Богу в русской языковой картине мира, большей значимости концепта власти в немецкой картине мира.

Установлены сходные и различные модели комбинаторики концепта отношения к собственности с оценочным компонентом, которые обнаруживают совпадение и специфику норм собственности и их типичных нарушений, а также рекомендуемые модели поведения.

Учет семантической плотности показывает сходство наиболее актуальных сторон исследуемого концепта в русской и немецкой языковых картинах мира (динамического аспекта, размера собственности).

При анализе внутренней формы в данном исследовании рассматривались значения языковых единиц, с которыми на основе сходства звукового облика и общности семантических признаков носителями языка может соотноситься значение слов, содержащих признак отношения к собственности.

Внутренняя форма слов является дополнительным компонентом, увеличивающим возможность уникальной комбинаторики отдельных семантических компонентов в значении конкретных лексических единиц. Совпадения и различия в моделях соотношения внутренней формы и признака отношения к собственности зависят от сочетаемости субкатегориальных признаков концепта.

Универсальные характеристики концепта отношения к собственности заключаются:

1) в общности сфер, с которыми соотносится тот или иной семантический признак или оценочный компонент, например, на недостаточный размер собственности указывает внешность человека (босаяк, lumpen);

2) в близости фрагментов внеязыковой действительности и их признаков, соотносимых с отношением к собственности, например: деньги, места их хранения, металлы, из которых они изготавливаются, перемещение в пространстве, руки и действия, требующие приложения силы рук (хватать, handeln);

3) в совпадении субкатегориальных признаков, наиболее часто сочетающихся с живой внутренней формой, например: переход собственности от субъекта, переход собственности к субъекту, сохранение собственности, размер собственности, характеристика субъекта обладания по размеру собственности, ценность объ-

ектов обладания, образ действий с объектами обладания (пустодом, aasen);

4) в сходстве моделей соотношения субкатегориальных признаков исследуемого концепта и внутренней формы, например, соотношение лица, живущего за чужой счет, с представителями животного мира, существующими за счет других живых существ (пиявка, der Schmarotzer).

Специфика концепта отношения к собственности, по данным анализа внутренней формы, состоит:

1) в количественном несоответствии групп слов, обозначающих отдельные виды отношения к собственности, например, в русском языке более многочисленными являются группы слов, обозначающих воровство (19 и 5 единиц), жизнь за чужой счет (12 и 4 единицы);

2) в отсутствии конкретных моделей соотношения субкатегориальных признаков и внутренней формы, например, проживание за чужой счет ассоциируется в русском языке с потреблением пищи (дармоед), а в немецком языке с хитростью (schlau);

3) в индивидуальности выбора конкретного фрагмента внеязыковой действительности при схожести сфер, соотносимых с семантическими признаками, в том числе и оценкой;

Например, в обоих языках отрицательная оценка соотносится с действиями, над которыми отсутствует контроль со стороны человека, но конкретизация их в русском и немецком языках индивидуальна (зевнуть, die Habsucht). О наличии в значении лексической единицы субкатегориального признака "переход собственности" может свидетельствовать внутренняя форма, соотносимая с перемещением в пространстве, однако выбор конкретного действия, как правило, индивидуален (доходы, die Bezüge).

4) в специфике комбинаторики семантических признаков, связанных со сходной внутренней формой (verabfolgen – наследовать).

Сопоставление ассоциативных полей признакового комплекса отношения к собственности в немецком и русском языках проведено на основе анализа переносных значений и аллюзий. Под ассоциативным полем признакового комплекса отношения к собственности понимается однородная для носителей одного языка группировка слов, объединенных вокруг семантической категории **отношение к собственности** на основе общности их типовых ассоциативных связей с данной семантической категорией.

Признак отношения к собственности выражен сильнее в переносных значениях слов в русском языке (9,5 и 21%). При анализе переносных значений единицами сопоставления выступают сло-

ва, содержащие признак отношения к собственности в качестве семантического компонента, семантическая структура которых включает хотя бы один лексико-семантический вариант с переносным значением. При этом возможно 1) отсутствие признака отношения к собственности в прямом значении слова и его проявление в переносных значениях (подмаслить, *ausgräumen*) и 2) наличие признака отношения к собственности в прямом значении слова и его уточнение (нажечь, *vergerben*) или отсутствие (щедрый, *pleite*) в переносных значениях.

Рассмотрение системных связей между исходными и переносными значениями в первой группе показывает избирательность в отношении фрагментов внеязыковой действительности и их признаков, ассоциации с которыми могут указывать на отношение к собственности. Установлено сходство сфер действительности, ассоциативно связанных с отношением к собственности в русском и немецком языках: удовлетворение потребностей человека (несытый, *dürstig*), животный и растительный мир (хищник, *der Parasit*), деятельность человека (сорить, *einsacken*), место хранения собственности, ассоциативно связанное с большим размером собственности (кошелек, *der Beutel*). Уникальность сферы действительности встречается редко, например, об отношении к собственности в русском языке могут свидетельствовать ассоциативные признаки некоторых физических качеств и состояний предметов (расшататься).

Выбор конкретных объектов из сходных сфер в русском и немецком языках, как правило, индивидуален. Так, спецификой лексических единиц русского языка является указание на неудовлетворение социальных потребностей человека (в одежде, родственниках), связываемое с недостаточным размером собственности и отрицательной оценкой (голый, сиротский).

Анализ системных связей исходных и переносных значений второй группы слов показывает, что конкретные ассоциации зависят от выбора субкатегориального признака исследуемого концепта и его комбинаторики. Обнаружены следующие варианты соотношения сходств и различий в ассоциациях, которые демонстрируют зоны совпадения и смещения ассоциативных полей признакового комплекса отношения к собственности в русском и немецком языках:

1) совпадение в выборе субкатегориального признака концепта отношения к собственности, близость комбинаторики, в том числе совпадение оценочных компонентов, ассоциация со сходным фрагментом внеязыковой действительности (банкрот, *Bankrott*);

2) совпадение в выборе субкатегориального признака концепта отношения к собственности и одного из сочетающихся с ним семантических компонентов, сходство оценочных ассоциаций и ассоциаций, связанных с фрагментом внеязыковой действительности;

Так, передача собственности в качестве возмещения оценивается позитивно и ассоциируется с вызовом положительного отношения, симпатии у получателя (подкупить, abfinden). Но в немецком языке имеется в виду возмещение убытков, удовлетворение кредиторов, а в русском языке дополнительным компонентом выступает противозаконность.

3) совпадение оценочных ассоциаций, связанных с одним субкатегориальным признаком концепта отношения к собственности, и несходство ассоциативных связей с конкретным фрагментом внеязыковой действительности, например, положительная оценка сохранения собственности, связываемая в русском языке с обеспечением будущей безопасности (застраховать), положительной оценкой личностных качеств (сберечь), а в немецком языке с умением промолчать, не раскрыть тайну (behalten);

4) полное несовпадение ассоциативных связей в результате избирательности субкатегориального признака концепта отношения к собственности;

Так, в русском языке обладание собственностью и стремление к ее получению оцениваются отрицательно при ассоциативной связи с чрезмерным стремлением к власти (собственник). В немецком языке покупка собственности ассоциируется с доверием (abkaufen).

Сопоставление ценностных характеристик отношения к собственности в аллюзиях русского и немецкого языков выявляет общие положительно оцениваемые (предпочтение духовных ценностей материальным, помощь нуждающимся, неимущим) и отрицательно оцениваемые (чрезмерное стремление к увеличению собственности, скупость, нарушение норм приобретения собственности) виды отношения к собственности. В нашем материале не обнаружено аллюзий на русском языке, содержащих положительную оценку бережливости (Ср.: Spare in der Not, dann hast du Zeit dazu!). Для немецкой лингвокультурной общности не актуально осуждение взяточничества (Ср.: брать борзыми щенками, безгрешные доходы).

Кроме того, анализ аллюзий раскрывает содержание той части культурного фонда русской и немецкой языковой личности, которая связана с отношением к собственности. Источниками аллюзий служат произведения детского фольклора, цитаты из телепе-

редач, популярных песен, пословично-поговорочный фонд, литературные, публицистические произведения, тексты Библии, реалии внеязыковой действительности, символы, т.е. прецедентные тексты и знания, набор которых индивидуален.

Анализ устойчивых сравнений показал совпадение набора субкатегориальных признаков концепта отношения к собственности, получающих выражение в данной части фразеологической системы русского и немецкого языков, например: недостаточный размер собственности (гол, как сокол, nackt und bloß wie gerumpfter Hahn), переход собственности от субъекта (утекать, как вода меж пальцев, jemandem zerrinnt das Geld wie Butter in der Sonne). Это подтверждает близость наиболее актуальных сторон исследуемого концепта в сопоставляемых картинах мира.

В данной части исследования были выявлены образы и представления, связанные с отношением к собственности. Изучение образности демонстрирует близость сфер внеязыковой действительности, к которым они относятся, например: животный мир (красть, как сорока, Geld wie ein Frosch Haare haben), растительный мир (в долгах, как в репьях, billig wie Brombeeren), продукты питания (катается, как сыр в масле, abgehen wie warme Semmeln). Конкретные образы в составе культурно-языкового концепта отношения к собственности в большинстве случаев являются национально своеобразными даже при совпадении субкатегориальных признаков и сходстве моделей их комбинаторики. Предельная близость образов, что может быть связано с общим источником происхождения, обнаружена только в четырех случаях (беречь, как зеницу ока = wie seinen Augapfel hüten).

Привлечение к анализу пословиц и поговорок предоставило возможность не только более полного описания и сопоставления всех сторон концепта отношения к собственности (понятий, образов, моделей поведения), но и различных элементов оценочной структуры. Объекты положительной и отрицательной оценки, объекты сравнительной оценки, типы оценочных субъектов, мотивировки могут быть общими и уникальными для пословиц и поговорок двух языков. Например, отрицательную оценку в обоих языках получает зависть (В чужих руках ломоть велик. Der Neid gönnt dem Teufel nicht die Hitze in der Hölle), большой размер собственности (От трудов праведных не наживешь палат каменных. Je mehr Geld, desto mehr Sorgen). Специфичной для пословично-поговорочного фонда немецкого языка является отрицательная оценка сокрытия чужой собственности (Der Hehler ist schlimmer als der Stehler).

При сопоставлении пословично-поговорочного фонда выявлено различное отношение в немецкой и русской языковых картинах мира к воровству (Не пойман – не вор. *Wer einmal stiehlt heißt immer ein Dieb*), скупости (Скупость не глупость, себя бережет. *Geiz ist die Wurzel allen Übels*), нищенству (Голенький Ох, а за голеньким Бог. *Dem Armen hilf, den Bettler verjag'!*), находке чужой собственности (Ищи не сказывай, нашел не показывай! *Finden und verhehlen ist so gut wie stehlen*), использованию личной собственности (Подальше положишь, поближе возьмешь. *Verborgene Schätze taugen nichts*).

При сопоставлении ценностных характеристик отношения к собственности в сентенциях и афоризмах русскоязычных и немецкоязычных авторов выявлены:

– общие и специфичные виды отношения к собственности, получающие ту или иную оценку;

Так, в изречениях обоих языков осуждаются наличие собственности, ее отсутствие или недостаточный размер, воровство, зависть, скупость, чрезмерное стремление к приобретению собственности, например: “Нищета – душа порока и преступлений” (А.С.Пушкин), “Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что он имеет больше, чем заслуживает” (Г.К.Лихтенберг). В то же время, по имеющимся данным, в афоризмах и сентенциях русского языка не находит отражения отрицательная оценка чрезмерной щедрости, например: “*Eine allzu reichliche Gabe lockt Bettler herbei, anstatt sie abzufertigen*” (И.В.Гете).

– общность и своеобразие мотивировок того или иного оценочного отношения;

Так, в изречениях немецкоязычных и русскоязычных авторов положительная оценка богатства мотивируется большими возможностями, которые открываются при его использовании, например: “В деньгах великое дело! В деньгах и сила и власть!” (Н.Пушкарев), “*Auch der Reichtum ist eine Kraft, so gut wie Weisheit und Stärke, kann werden nicht minder ehrenhaft, verwendet zum Menschheitswerke*” (Ф.Рюкерт). Кроме того, в немецком языке обнаружена положительная оценка богатства как объекта восхищения и стремлений, например: “*Reichtum und Schnelligkeit ist, was die Welt bewundert und wornach jeder strebt*” (И.В.Гете).

– индивидуальность комбинаторики признаков в конкретных сентенциях и афоризмах русскоязычных и немецкоязычных авторов;

В обоих языках допустимы случаи 1) связи одного субкатегориального признака отношения к собственности с противоположными характеристиками, являющиеся причиной противоположных

оценок, например, богатство связывается как с отсутствием забот, так и с их наличием; 2) связи одинаковых характеристик с противоположными видами отношения к собственности, являющиеся причиной одинаковых оценок, например, отсутствие зависимости и наличие свободы связывается как с большим, так и с недостаточным размером собственности.

– сходства и различия наиболее частотных характеристик отношения к собственности, получающих положительную и отрицательную оценки;

Так, богатство выступает в изречениях обоих языков в роли объекта, наиболее часто получающего отрицательную оценку (в 25,5% всех изречений на русском языке и в 26% всех изречений на немецком языке), например: “Богатство подобно морской воде: чем больше ее пьешь, тем сильнее жажда” (А.Шопенгауэр). Наряду с этим, в 33% высказываний немецкого языка одобрение заслуживает щедрость, передача собственности в дар, например: “Der Wille, und nicht die Gabe, macht den Geber” (Г.Лессинг). В предложениях и афоризмах русскоязычных авторов данная характеристика не представлена.

Особенностью афоризмов и предложений русского языка является наличие группы высказываний (14% всех высказываний на русском языке), основной целью которых выступает осуждение собственности как самоцели человеческой жизни, предпочтение материальных ценностей ценностям духовным, например: “Следует знать, что рано или поздно можно завоевать царство вещей, но проиграть душу” (Ю.В.Бондарев).

Наиболее существенные отличия в отношении к собственности применительно к русской и немецкой ценностным картинам мира сводятся к следующим положениям:

а) в немецкой ценностной картине мира отношение к собственности занимает более важное место, чем в русской;

б) в немецкой ценностной картине мира более поощряются активные индивидуальные усилия по увеличению и сохранению собственности, чем в русской;

в) в немецкой ценностной картине мира более поощряется учет собственности, чем в русской;

г) в немецкой ценностной картине мира обнаруживается более тесная зависимость между моральной оценкой человека и размером его собственности, чем в русской ценностной картине мира;

д) в немецкой ценностной картине мира более категорично осуждаются нарушения норм, связанных с отношением к собственности, чем в русской картине мира.

Специфика отношения к собственности в русской и немецкой картинах мира отражена в таблице:

<p>Элементы структуры признака отношения к собственности</p>	<p>Общие и специфические характеристики отношения к собственности</p> <p>Р – русская языковая личность Н – немецкая языковая личность</p>
<p>1. Отношение имущественного обладания</p> <p>а) наличие собственности</p>	<p><u>Общие характеристики:</u> 1. Хорошо иметь собственность.</p> <p><u>Специфические характеристики:</u> Р: 1. Материальное благополучие не является самым важным в жизни. Н: 1. Материальное благополучие – одна из важнейших жизненных целей.</p>
<p>б) изменение состояния имущественного обладания</p>	<p><u>Общие характеристики:</u> 1. Динамическая сторона концепта отношения к собственности более актуальна. 2. Получать собственность – хорошо. 3. Утрачивать собственность – плохо.</p> <p><u>Специфические характеристики:</u> Р: 1. Не следует стремиться к приобретению собственности. 2. Не рекомендуется обращать чрезмерно большое внимание на утрату собственности. 3. Основным материальным источником служит личный труд, торговля как источник собственности осуждается. Н: 1. Следует проявлять активность для получения собственности, стремиться к увеличению ее размера. 2. Следует хорошо знать, на что истрачены материальные средства. 3. Разумное вложение денег является одним из материальных источников, одобряются все законные источники собственности, в том числе и торговля.</p>
<p>2. Объект имущественного обладания</p>	<p><u>Общие характеристики:</u> 1. Размер – наиболее актуальная характеристика объекта обладания. 2. Чужая бедность вызывает сочувствие. 3. Нельзя демонстрировать размер собственности.</p> <p><u>Специфические характеристики:</u> Р: 1. Чужое богатство вызывает сомнение в способе его приобретения. 2. Наиболее предпочтителен размер собственности, достаточный для удовлетворения личных потребностей.</p>

	<p>3. Недостаточный размер личной собственности необходимо переносить терпеливо.</p> <p>4. Нищета вызывает сочувствие, в некоторых случаях – уважение.</p> <p>5. Необходимо помогать нуждающимся (нищим).</p> <p>6. Конкретизация формы собственности менее существенна.</p> <p>Н: 1. Чужое богатство вызывает уважение.</p> <p>2. Наиболее предпочтителен большой размер собственности.</p> <p>3. Недостаточный размер личной собственности переживается острее и вызывает желание его восполнить.</p> <p>4. Нищета вызывает осуждение и презрение.</p> <p>5. Необходимо помогать нуждающимся (бедным).</p> <p>6. Деньги – основная форма собственности.</p>
3. Субъект имущественного обладания	<p><u>Общие характеристики:</u></p> <p>1. Запрет на интерес и действия в отношении чужой собственности.</p> <p>2. Внутреннее отношение к собственности важнее внешних показателей.</p> <p>3. Чрезмерный интерес к собственности осуждается.</p> <p><u>Специфические характеристики:</u></p> <p>Р: 1. Не обнаружено резкого разграничения своей и чужой собственности.</p> <p>Н: 1. Противопоставление своей и чужой собственности встречается чаще.</p>
4. Социум, его отношение	<p><u>Общие характеристики:</u></p> <p>1. Типичные нарушения норм собственности: воровство, использование чужого труда, чрезмерный интерес к собственности, неразумное уменьшение собственности, недостаточный или избыточный размер собственности.</p> <p><u>Специфические характеристики:</u></p> <p>Р: 1. Более распространены жизнь за чужой счет и превышение размера собственности.</p> <p>2. Нарушение законности получения собственности в результате личного труда.</p> <p>3. Отношение к нарушениям норм собственности (воровству, нищенству и т.д.) более лояльно.</p> <p>Н: 1. Более распространен обман при получении собственности.</p> <p>2. Осуждение нарушений норм собственности более категорично.</p>
<p>Соотношение концепта «собственность» с другими концептами</p> <p><u>Общие концепты:</u> отношение к труду, к старшинству и власти, к дому, счастью, истине, времени и пространству, соотношение сущности и видимости.</p> <p><u>Специфические характеристики:</u></p>	

Р: 1. Наиболее близкими концептами выступают отношение к Богу и к судьбе, являющиеся доминантными.

Н: 1. Большая значимость концепта власти.

Литература

Бабаева Е.В., Бунеева Е.С. О культурно-типологическом описании языка (на материале признаков старшинства и отношения к собственности) // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 28–30 сент. 1994 г. Волгоград: Перемена, 1994. С. 25-26.

Бабаева Е.В. Признак отношения к собственности в функциональном аспекте (на материале пословиц и поговорок) // Функционирование языковых единиц в разных речевых сферах: факторы, тенденции, модели: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Волгоград, 2-5 окт. 1995 г. Волгоград: Перемена, 1995. С. 31-33.

Бабаева Е.В. Структура и комбинаторика признака отношения к собственности // Языковая личность: актуальные проблемы лингвистики: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6–8 февр. 1996 г. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1996. С. 4-5.

Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 25-33.

Бабаева Е.В. Признак отношения к собственности в переносных значениях слов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. С. 13-15

Ю.Н. Петелина (Астрахань)

ТОРГ

Цель данной работы – проведение сопоставительного анализа лингвокультурного концепта «торг» в английском и русском языках.

Национальная языковая картина мира как лингвокультурологическая модель определяется как частичная проекция концептосферы, представляющая в вербальной форме отдельные её фрагменты. Сама же концептосфера есть духовно, физически, исторически, национально-культурно обусловленная ментальная реализация восприятия объективного мира в форме целостного образа, который раскладывается на свои составляющие – концепты.

Составляющие концепта «торг» можно выделить путем создания его фреймового сценария. В этом сценарии выделяются следующие компоненты: 1) процесс взаимодействия – «торговать»

ся»; 2) форма этого процесса – «договариваться об условиях взаимодействия»; 3) мотивированность процесса – «выгода»; 4) цель взаимодействия – «купля-продажа»; 5) место взаимодействия – «место свободной торговли»; 6) участник 1 и его характеристики – «продавец», «продавать товар»; 7) участник 2 и его характеристики – «покупатель», «покупать товар»; 8) предмет взаимодействия – «товар»; 9) характеристика предмета взаимодействия – «наличие цены и качества», «дорого – дешево»; 10) средство взаимодействия – «деньги»; 11) функция денег – «оплата»; 12) результат взаимодействия – «соглашение»; 13) сфера взаимовыгодного взаимодействия – «торговля».

Концепт «торг» в русской и английской лингвокультурах получает множественное и вариативное языковое воплощение. Рассмотрев лексическое, фразеологическое и паремиологическое представление этого концепта в словарях и справочниках, с одной стороны, и его закрепление в языковом сознании носителей русской и английской (британской) лингвокультур, с другой стороны, мы смогли установить общие и специфические признаки исследуемого концепта применительно к его образному, понятийному и ценностному компонентам.

Важнейшие компоненты фрейма «торг», уточняющие образную и понятийную составляющие данного концепта, в сравниваемых лингвокультурах тождественны. К ним относятся «участники», «место», «товар», «условия торгова». Конкретизаторы этих признаков, однако, характеризуются определенной этнокультурной спецификой.

На лексическом уровне детально характеризуются участники торгова. Выделяются характеризующие признаки продавца:

1) постоянная или временная характеристика лица, профессионально занятого в торговле (рус. «*торговец*», англ. «*trader*») либо осуществляющего продажу чего-либо в зависимости от обстоятельств (рус. «*продавец*», англ. «*seller*»);

2) полное либо частичное обеспечение товарооборота – приобретение и последующая продажа товара (рус. «*купец*», англ. «*trader*») либо только его продажа (рус. «*продавец*», англ. «*seller*»);

3) иерархический статус продавца – владелец реализуемого товара (рус. «*торговец*», англ. «*trader*») либо наемное лицо для продажи товара (рус. «*реализатор*», англ. «*shop assistant*»);

4) локализация продавца – а) торгующий на одном месте (рус. «*продавец*», англ. «*shop assistant*») либо разъезжающий со своим товаром (рус. «*купец*», англ. «*salesperson*»), б) торгующий в по-

мещении (рус. «*продавец*», англ. «*shop-assistant*») либо торгующий на улице (рус. «*торговец*», англ. «*vendor*»);

5) легальный статус продавца – лицо, занимающееся легальной (рус. «*продавец*», англ. «*seller*») либо нелегальной торговлей (рус. «*барыга*», англ. «*peddler*»);

6) аффилиация продавца – лицо, представляющее интересы какой-либо одной фирмы или компании (рус. – отсутствует, англ. «*sales person*») либо не связанное с таким представительством (рус. «*продавец*», англ. «*seller*»);

7) оценочная характеристика продавца – отрицательно оцениваемое стремление к выгоде (рус. «*торгаш*», англ. - отсутствует).

Выделяются характеризующие признаки покупателя:

1) оценочная характеристика покупателя – оценка умения покупателя приобрести товар дешевле (рус. – отсутствует, англ. «*bargain hunter*»);

2) локализация покупателя – постоянно покупающий товар в одном и том же месте (рус. «*клиент*», англ. «*customer*») либо случайный покупатель (рус. «*покупатель*», англ. «*buyer*»).

Гендерный признак участника торговли в русском и английском дифференцируется по-разному: продавец гендерно маркирован в обоих языках (рус. «*продавец/ продавщица*», англ. «*sales man/ sales woman*»), покупатель – только в русском (рус. «*покупатель/ покупательница*»).

Специфика товарно-денежного обмена отражена в признаке «место торга». Выделяются следующие характеристики этого места:

1) место, где при продаже и покупке товара торг возможен (рус. «*рынок*», англ. «*market*») либо не возможен (рус. «*магазин*», англ. «*shop*»),

2) место, где продается товар, произведенный самим продавцом (рус. «*рынок*», англ. «*fair*») либо не произведенный им (рус. «*рынок*», англ. «*market*»);

3) место продажи использованного (рус. «*барахолка*», англ. «*car boot sale*») либо нового товара (рус. «*рынок*», англ. «*market*»);

4) место, где осуществляется сезонная либо приуроченная к какому-либо событию продажа товара (рус. «*базар*», англ. «*sale*»);

5) место, где продаются промышленные товары (рус. «*вещевой рынок*», англ. «*market*») либо продукты питания (рус. «*базар*», англ. «*fair*»);

6) место на открытом пространстве либо в помещении (рус. «*базар*», англ. «*market*»);

7) место, где продаются только товары одного вида (рус. «ба-
зар», англ. «*fair*») либо различные товары (рус. «рынок», англ.
«*market*»);

8) место, не ассоциируемое (рус. «рынок», англ.
«*market*») либо ассоциируемое с восточной культурой торго
«базар», англ. «*bazaar*»);

9) место, где высока возможность приобретения некачествен-
ного товара (рус. «базар», англ. – отсутствует);

10) место, где товар приобретается покупателем, предложив-
шим за него наивысшую цену (рус. «аукцион», англ. «*auction*»);

11) место, где продается товар по минимальной цене (рус.
«распродажа», англ. «*sale*»),

12) место, где товар продается с благотворительными целями
(рус. – отсутствует, англ. «*bazaar*»);

13) место, где дополнительно устанавливаются аттракционы
(рус. «ярмарка», англ. «*fair*»).

Важнейшим компонентом торго является товар. Помимо тех
признаков товара, которые неизбежно входят в содержание при-
знаков «участники торго» и «место торго», можно выделить сле-
дующие признаки товара:

1) товар, приобретаемый в больших либо малых количествах
(оптовая и розничная торговля) (рус. «торговля оптом/ в розни-
цу», англ. «*wholesale / retail trade*»);

2) цена как характеристика товара – высокая либо низкая (рус.
«высокая/ низкая цена», англ. «*high/ low price*»),

3) специализированный товар (автомобили, недвижимость,
предметы искусства и др.) (рус. – отсутствует, англ.
«*merchandise*»),

4) товар как предмет либо услуга (рус. «товар», англ. «*goods/*
service»);

5) товар, реализуемый в силу особых обстоятельств (напри-
мер, ликвидация торгового предприятия) (рус. – отсутствует, англ.
«*clearance sale*»).

К числу условий торго относятся следующие признаки:

1) честный либо нечестный торго (рус. «честный/ нечестный
торго», англ. «*fair/ raw deal*»),

2) торго, построенный либо не построенный на джентльменском
соглашении (рус. – отсутствует, англ. «*gentleman's agreement*»),

3) торго как ритуал, включающий необходимые коммуникатив-
ные ходы (рус. «сговориться, торговаться, «по рукам!», англ.
«*negotiate, parley, treat, haggle, huckster, compromise, confer, con-*
tract, discuss terms, «it's a deal»);

4) характеристика компромисса в процессе торга (желательность либо нежелательность) (рус. «*худой мир лучше всякой ссоры*», англ. «*a bad compromise is better than a good lawsuit*»),

5) равноправие либо неравноправие участников торга (свобода торга либо вынужденное принятие условий одной из сторон) (рус. «*одностороннее соглашение*», англ. «*unilateral contract*»).

Ценностная сторона рассматриваемого концепта «торг» отражена как в значении ряда лексических единиц, так и в семантике фразеологизмов и паремий. В качестве оценочных признаков данного концепта выделяются следующие показатели:

1) квалификация цены товара (дорого либо дешево) в связи с его действительным либо рекламируемым качеством (рус. «*стоять целое состояние*»/ «*дешевле пареной репы*», англ. «*cost a fortune*»/ «*for a song*»);

2) квалификация качества товара – качественный (рус. «*дешево и сердито*», англ. «*a real bargain*») либо некачественный продукт (рус. «*дешево да гнило*», англ. «*cheap and nasty*»),

3) квалификация поведения продавца – а) честное либо нечестное поведение (рус. «*не солгать, так и не продать*», англ. – отсутствует),

б) умение либо неумение продать товар (рус. «*без ума торговать – только деньги терять*», англ. – отсутствует);

4) квалификация поведения покупателя – а) умение либо неумение торговаться (рус. «*торгуешь – хаешь, купишь – похвалишь*», англ. – отсутствует),

б) транжирство (рус. «*бросать деньги на ветер*», англ. «*spend money like water*») и скарредность (рус. «*за копейку/ грош удавиться*», англ. «*cheapskate*»),

в) рациональность либо нерациональность покупки (рус. «*покупать коша в мешке*», англ. «*buy a pig in a poke*»),

г) знание ситуации цен на рынке (рус. «*на торг со своей ценой не ездят*», англ. – отсутствует);

д) учет опасности при получении бесплатного товара (рус. «*дорого – не купи, а даром не бери!*», англ. – отсутствует);

5) обязательность (рус. «*уговор дороже денег*», англ. «*bargain is a bargain*») либо необязательность соблюдения договора при торге (рус. «*обещанного три года ждут, а на четвертый отказываются*», англ. «*piecrust promise*»);

6) оценка реальной выгоды при покупке товара (рус. «*за морем телушка – полушка, да рубль перевоз*», англ. «*the oats are cheap, but the boats are expensive*»);

7) оценка товара во всей совокупности его качеств (рус. «с чем лошадь покупается, то с неё не снимается», англ. «*If you sell the cow, you sell her milk too*»);

8) рациональная оценка денег как эквивалента товара – а) понимание их ценности (рус. «мошна туга – всяк ей слуга», англ. «*money makes the mare go*»),

б) отрицательное отношение к переоценке значимости денег в жизни (рус. «не в деньгах счастье», англ. «*money can't buy everything*»);

9) рациональная оценка экономии (понимание того, на чем следует и не следует экономить) (рус. «шампанское мы пьем, а на спичках экономим», англ. «*penny wise and pound foolish*»);

10) необходимость ритуального завершения покупки застольем (рус. «обмыть покупку», англ. «*wet bargain*»);

11) оценка приемов продажи товара - а) должная реклама товара (рус. «сам бы ел, да деньги надо», англ. – отсутствует),

б) уступка первому покупателю (рус. «для почину всякого почту и уважу», англ. – отсутствует),

в) апелляция к эксклюзивности покупателя (рус. «в убыток отдаю, только ради вас», англ. – отсутствует);

12) необходимость дифференциации дружеских и деловых отношений в торге (рус. «торг дружбы не знает», англ. «*lend your money and lose your friend*»);

13) понимание взаимосвязи прибыли и убытка в торге (рус. «где прибыль, там и убыток», англ. «*profits and losses walk in the same shoes*»).

В русской паремиологии встречаются взаимоисключающие нормативные суждения, касающиеся связи торговли и воровства («лучше воровать, чем торговать» – «лучше торговать, чем воровать»), правды и лжи в рекламе продукта («не солгать, так и не продать» – «торгуй правдою, больше барыша будет»), деловых и родственных отношений в торге («брат братом, сват сватом, а денежки не родня» – «что за счета промеж своих»).

Ассоциативный эксперимент по определению характеристик концепта «торг» в языковом сознании русских и британцев в целом подтвердил данные, полученные в результате анализа лексических, фразеологических и паремиологических единиц, которые репрезентируют данный концепт. Эксперимент также позволил уточнить некоторые признаки образного, понятийного и ценностного представления этого концепта в современной русской и британской лингвокультурах. Так, покупка вещей на распродаже очень значима для британцев, виртуальная продажа и покупка по интернету весьма актуальна для многих представителей британ-

ской лингвокультуры (особенно для молодежи). Мотивация вступления в торг различна для русских и англичан: в первом случае мотивом является нехватка денег, во втором – нежелание платить лишние деньги за товар. Для англичан типичной ситуацией торга является получение услуг, у русских респондентов услуги не ассоциируются с возможностью торга. В сознании русских ситуация торга связана с моральными вопросами, это не прослеживается в ответах английских респондентов.

В результате проведенного исследования была построена лингвокультурная модель концепта «торг» в английском и русском языковом сознании.

Образный компонент концепта «торг» представляет собой прототипную ситуацию товарно-денежного обмена, основными участниками которой являются продавец и покупатель. Товарно-денежный обмен сводится к демонстрации товара, его оценке продавцом, потребности покупателя в товаре, желания покупателя приобрести товар на выгодных для себя условиях, вербальном контакте покупателя с продавцом, обсуждения цены и качества товара, взаимных уступок с обеих сторон, акта купли-продажи, последующей оценки этого акта со стороны продавца и покупателя. Ситуация торга имеет четко выраженный хронотоп: торг локализован в типичном месте, где выставлены товары, в языке обозначены различные типы таких мест, время торга обусловлено длительностью его типичных фаз (привлечение внимания покупателя, обсуждение цены товара, завершение торга). В языке определены существенные для «наивной картины мира» характеристики товара: 1) товар, приобретаемый в больших либо малых количествах (оптовая и розничная торговля); 2) цена как характеристика товара – высокая либо низкая, 3) специализированный товар (автомобили, недвижимость, предметы искусства и др.), 4) товар как предмет либо услуга; 5) товар, реализуемый в силу особых обстоятельств (например, ликвидация торгового предприятия).

Понятийная сторона концепта «торг» представляет собой дефинитивное описание его компонентов и уточняющих эти компоненты признаков. Словарное обозначение характеристик продавцов и покупателей сводится к обязательным и нейтральным признакам, первые затрагивают функциональные характеристики участников торга, вторые не связаны с этими характеристиками. Установлено значительное преобладание характеристик продавца по сравнению с характеристиками покупателя. Характеристики продавца сводятся к определению 1) его постоянной или эпизодической занятости в сфере торговли, 2) его полному либо ча-

стичному обеспечению товарооборота, 3) его иерархическому положению в группе лиц, реализующих товар, 4) его локализации в специальном помещении либо вне этого места, 5) его легальному статусу, 6) его аффилиации с какой-либо организацией, 7) его оценочной характеристике. Первые пять признаков являются общими для сравниваемых лингвокультур, шестой признак типичен для английской, а седьмой – для русской лингвокультуры. В русской лингвокультуре вариативно представлена лексика, обозначающая лиц, стремящихся к несправедливому получению выгоды. На лексическом уровне выделяются два признака, характеризующие покупателя: 1) оценка умения приобрести товар и 2) постоянство в выборе места приобретения товара или услуги. Оба признака выделяются в английском языке и не выделяются в русском.

Установленные в работе признаки локализации торгового процесса могут быть объединены в следующие группы: 1) характеристика товара: а) новые либо бывшие в употреблении, б) промышленного производства либо продукты питания, в) одного вида либо различные, г) качественные либо некачественные; 2) характеристика условий, целей и обстоятельств торгового процесса: а) возможность либо невозможность торгового процесса, б) распродажа по максимальной и минимальной цене, в) ассоциация с восточной культурой и наличие аттракционов, г) распродажа с благотворительными целями; 3) характеристика продавца: производитель и реализатор либо только реализатор товара; 4) характеристика места торгового процесса: открытое либо закрытое пространство. Лингвокультурной спецификой характеризуются признаки 1) «распродажа по минимальной цене», 2) «распродажа с благотворительной целью», 3) «возможность приобретения некачественного товара». Первые два признака типичны для английской лингвокультуры, хотя последнее время отмечаются и в русском коммуникативном поведении, третий признак характеризует русскую лингвокультуру.

Характеристики товара в ситуации торгового процесса совпадают в сравниваемых лингвокультурах (за исключением того, что для англичан услуги также являются предметом торгового процесса, а для русских это не типично). Правила и условия торгового процесса в значительной мере совпадают в русском и английском языковом сознании, различие отмечено в признаке «джентльменское соглашение», являющемся одной из культурных доминант английского поведения в целом.

Ценностные характеристики концепта «торг», отраженные в семантике лексических единиц, фразеологизмов и паремий, в значительной мере являются общими в сравниваемых лингво-

культурах. Установленные в работе оценочные признаки рассматриваемого концепта можно объединить в следующие группы: 1) оценка поведения продавца (честность и умение продать товар) и поведения покупателя (умение торговаться, владение рыночной информацией, умение рационально тратить деньги, покупательская интуиция); 2) оценка качества и цены товара; 3) оценка умения экономить; 4) оценка отношения к деньгам; 5) приоритетность деловых отношений и соблюдения договоренности в торге; 6) необходимость соблюдения обычаев торга. Специфической чертой русской ментальности по отношению к ситуации торга является наличие взаимоисключающих норм поведения при купле и продаже товара: обманывать нельзя и можно, родственные отношения учитываются и не учитываются, между торговлей и воровством не должно быть связи и эта связь есть. Эти противоречия можно объяснить известными культурными доминантами русской ментальности: необходимость жить по законам высшей справедливости, вытекающий отсюда максимализм в оценке реальной жизни, негативная оценка материального обогащения индивидуума.

Ассоциативный эксперимент по определению характеристик концепта «торг» в языковом сознании русских и британцев в целом подтвердил данные, полученные в результате анализа лексических, фразеологических и паремиологических единиц, которые репрезентируют данный концепт. Эксперимент также позволил уточнить некоторые признаки образного, понятийного и ценностного представления этого концепта в современной русской и британской лингвокультурах. Эти нюансы касаются некоторых современных видов торговли (виртуальная торговля и распродажа). Мотивация вступления в торг различна для русских и англичан: в первом случае мотивом является нехватка денег, во втором – нежелание платить лишние деньги за товар. Этот факт объясняется особенностями экономического положения многих жителей современной России и Англии. В сознании русских ситуация торга связана с моральными вопросами, это не прослеживается в ответах английских респондентов.

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

Концепт «торг» представляет собой сложное ментальное образование, содержательный минимум которого сводится к следующим признакам: участники, цель которых произвести товарно-денежный обмен на взаимовыгодных условиях, объекты, подлежащие купле-продаже, типичное место торга, принятые в лингвокультуре правила ведения торга.

Концепт «торг» находит воплощение в лексических, фразеологических и паремиологических единицах, основными обозначениями торго в русском и английском языках выступают лексемы «торг» и «bargain». Обозначение торго в сравниваемых лингвокультурах характеризуется значительным сходством. Важнейшими отличительными признаками фиксации торго в английском языковом сознании являются характеристика покупателя (умение договориться о снижении цены товара и постоянство в выборе места покупки), характеристика условий и целей торго (распродажа по минимальным ценам, распродажа с благотворительной целью), в русском языковом сознании – характеристика места торго (возможность приобретения некачественного товара).

Оценочные нормы торго в коллективном языковом сознании носителей английской и русской лингвокультур обнаруживают следующую специфику: необходимость соблюдения соглашений для английской лингвокультуры и отрицательная оценка стремления к несправедливой выгоде и наличие взаимоисключающих норм поведения при торго – для русской.

Литература

Петелина Ю.Н. К проблеме определения национально-культурного компонента значения во фразеологии // Итоговая науч. конф. АГПУ (22 апреля 1999 г.): Тез. докл. Иностраный язык. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 1999. С. 43.

Петелина Ю.Н. Цвет во фразеологизмах с национально-культурным компонентом // Итоговая науч. конф. АГПУ (26 апреля 2000г.): Тез. докл. Иностранные языки. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2000. С. 33.

Петелина Ю.Н. Образная составляющая фразеологизмов с национально-культурной спецификой // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф., посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Волгоград, 3-4 февраля. 2000 г./ ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2000. С. 55-56.

Петелина Ю.Н. Лингвокультурное моделирование языка/ проблема категории // Итоговая конф. АГПУ: Тез. докл. (26 апреля 2002 г.) Рус. яз., лит-ра, ин. яз. Астрахань, 2002. С.170.

Петелина Ю.Н. Основные параметры национально-культурного потенциала английской фразеологии // Итоговая науч. конф. АГПУ (27 апреля 2001 г.): Тез. докл. Иностранные языки. Астрахань, 2001. С. 20.

Петелина Ю.Н. Английская фразеология в национально-культурном аспекте // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований № 1. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2001. С. 83-87.

Петелина Ю.Н. Лингвокультурная компетентность как необходимый фактор межкультурной коммуникации // Использование информационных и коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам в контексте диалога культур. Материалы междунар. науч.-практ. конф. 7-8 мая 2002 г. Астрахань: Администрация Астраханской области. Департамент общего и профессионального образования. 2002. С. 99-102.

Петелина Ю.Н. Концепт как модель лингвокультурной реальности/ Орфография и изменение языковых норм. Материалы междунар. научн. конф. 9-19 октября 2002 г. Астрахань, 2002. С. 17-20.

Петелина Ю.Н. Концепты «торг» и «bargain» в русской и английской лексикографии/ Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр./ Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. Волгоград: Перемена, 2003. С. 43-47.

Петелина Ю.Н. Концепт «торг» в паремиологии // Итоговая науч. конф. АГУ (29 апреля 2003г.): Тез. докл. Литература. Русский язык. Иностранные языки. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-та, 2003. С.134.

Петелина Ю.Н. Фоновые знания и концепт // Ученые записки. Материалы докл. итоговой науч. конф. АГУ. Лингвистика. Лит-ра. Психология. История. Экономика. Физика. Информатика. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-та. 2003. С.26-32.

Петелина Ю.Н. Отражение национально-культурного фактора в языке // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (21-29 ноября 2000 г.). Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-та. 2000. С. 238-241.

Петелина Ю.Н. Comparative Analysis of Concept and Conceptual Metaphor in Lexical and Phraseological Units/ The Caspian Sea. Book 3. Humanities and Sports International Journal of Collected Academic Articles. Astrakhan 2002. P. 63-66.

Петелина Ю.Н. О ценностной составляющей концепта// Современные контексты культуры: молодежь в XXI веке: Материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов вузов. 14-15 апреля 2004 г. Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2004. 46-50 с.

Петелина Ю.Н. Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 16 с.

Т.В. Гоннова (Волгоград)

ТРУД

Цель данной работы – охарактеризовать концепт "труд" в русском языковом сознании в социокультурном аспекте.

Для моделирования структуры концепта "труд" в русском языковом сознании мы обратились прежде всего к толковым словарям. В русском языке мы обнаружили множество слов с корневыми морфемами "труд" и "работа", что свидетельствует, по нашему

мнению, о ценности соответствующих концептов для российского социума.

Интерпретация словарных статей, эксплицирующих отношение носителей русского языкового коллектива к концепту «труд», позволяет прийти к выводу, что труд в российском социуме ассоциируется со способом заработка на жизнь; с жизненными хлопотами, заботами и трудностями. Согласно лексикографическим примерам, жить своим трудом значит быть независимым. С работой в русском обществе соотносятся в первую очередь такие понятия, как оплата, место работы, наказание трудом, результат деятельности.

Сравнение определений концепта «труд» в толковых словарях с дефинициями этого концепта в энциклопедических источниках показывает, что в последних даны более объемные характеристики этому концепту. Здесь четко указаны составляющие понятия «труд»: человек как субъект труда, предметы и орудия труда, мотивация и цели выполняющего определенные функции человека. Труд в энциклопедических словарях выражен как концепт, включающий исключительно понятийную часть, в то время как в толковых словарях содержатся образный, понятийный и ценностный компоненты.

Анализируя слова, в которых выражен признак отношения к труду и работе, мы обнаружили отражение различных его сторон. В основу классификации практического материала мы кладем признак уточнения элементов семантики слов, вербализующих концепт «труд». Данные лексические единицы мы делим на три группы: характеристики деятеля, труда, безделья. Многочисленные лексемы, которые выражают в русском языке признак отношения к труду, могут положительно или отрицательно характеризовать: 1) лицо, совершающее определенные трудовые действия (характеристика деятеля), 2) сам труд, качество выполнения работы человеком, 3) праздность и безделье человека как способ его социального поведения. Как правило, праздность, лень и безделье, согласно нашему материалу, порицаются в русском обществе, в то время как трудолюбие, стремление работать, действовать русским этносом поощряются.

Многочисленные фразеологизмы, пословицы, поговорки и афоризмы, в состав которых входит лексема «труд», свидетельствуют об исключительной важности рассматриваемого концепта в ценностной системе русского общества.

Анализ фразеологизмов (90 единиц) показывает, что труд, работа, их качественное выполнение положительно оценивались и оцениваются в российском обществе (*Золотые руки. Работа в*

руках горит. Работать не покладая рук). Во фразеологическом корпусе одобряется активная созидательная деятельность человека, его желание хорошо и качественно работать, честное отношение работника к своим обязанностям. Безделье же и лень в противоположность труду и работе однозначно отрицательно оцениваются во фразеологическом фонде русского языка (*Работать спустя рукава. Тяп да ляп. Через пень колоду. Даром хлеб есть. Палец о палец не ударит*).

Во фразеологизмах, в отличие от пословиц и поговорок, не всегда выражены оценочные суждения, характеристики труда и работы. Фразеологизмы не содержат каких-либо аргументов в пользу необходимости трудиться (много, активно, с умом и т.п.) или же не трудиться (вред для здоровья, неадекватное денежное вознаграждение). В этом смысле фразеологизмы, вероятно, в силу своей структуры заметно проигрывают в дидактичности, назидательности пословицам и поговоркам как самостоятельным микротекстам. Фразеологизмы, выражающие признак отношения к труду, связаны с ограниченным кругом понятий – прилежание, честность, лень и безделье.

В пословицах и поговорках (проанализировано 445 единиц), содержащих признак отношения к труду, более четко отражена система ценностей российского социума. К ним относится положительное оценивание труда с соответствующей мотивировкой (труд приносит удовольствие, достаток семье и в целом обществу и т.д.). Например: *Рукам работа, душе праздник. Где труд, там и счастье. Где работа, там и густо, а в ленивом доме пусто. Работай смелее – будешь жить веселее*.

Преимущественно положительное отношение российского этноса к труду, к готовности человека много, продуктивно и качественно работать в пословицах и поговорках закономерно в силу созидательности труда. Вместе с тем, в некоторых пословично-поговорочных высказываниях работа квалифицируется отрицательно, особенно ее большой объем, трудность выполнения. Например: *Хоть корку глотать, да не пенья ломать. От работы не будешь богат, а будешь горбат*. Мотивировкой здесь выступает неадекватная оплата за выполненную работу, нанесение вреда здоровью человека, предпочтительность отдыха (тяжелому) труду. В проанализированных пословицах и поговорках выражено отношение к труду, главным образом, конкретной социальной группы – российских крестьян. Укажем также, что большинство пословиц и поговорок возникло не сегодня, а много десятилетий тому назад, о чем свидетельствуют устаревшие лексемы, в них употребляемые (напр., *орало*).

Анализ же современных устойчивых выражений пословичного характера, которые предлагаются в современном словаре В.С. Елистратова, показывает преимущественно отрицательное отношение к работе. Например: *Лучше плохо отдыхать, чем хорошо работать. Пашет до кровавого пота*. Этот факт легко объясним, если учесть источник появления данных высказываний. Многие из них воровского происхождения. Положительное отношение к честному труду, как правило, высмеивается в указанном микросоциуме. Заметим, что воровское арготизм занимало и продолжает занимать значительное место среди других условных языков. Проникновение же арготизмов в другие социальные группы обусловлено их высоким экспрессивным, прагматическим потенциалом, в особенности для молодежи.

Интерпретируя пословицы и поговорки, мы выявили множество понятий, с которыми связан концепт «труд» (напр., бедность, достаток, мораль, здоровье, отдых, общественная польза, почет, счастье, удача, воспитание, наказание, свобода и др.).

Установлено, что в афоризмах (проанализировано 257 единиц) однозначно эксплицировано положительное отношение к труду. Понятие труда в афористическом фонде русского языка связано, прежде всего, с понятиями морального характера – почетом, уважением, общественной пользой, прилежанием, честностью, счастьем, воспитанием. Например: *Труд облагораживает человека* (В.Г. Белинский). *Радуюсь я – это мой труд вливается в труд моей республики* (В.В. Маяковский). *Владыкой мира будет труд!* (В.А. Акимов). В иронических, парадоксальных афоризмах о труде критически переосмысливаются некоторые следствия неправильно организованного труда: *«Если ты работаешь за троих, значит трое пьют за тебя»* (Г.Е. Малкин).

В песенном (преимущественно дореволюционном) жанре русского фольклора отношение к труду несколько иное (проанализировано 98 примеров). Здесь доминирует отрицательная характеристика работы человека, точнее – условий труда, его оплаты. Данный языковой факт следует объяснить тем, что проанализированные народные песни относятся в большинстве своем к дореволюционному периоду развития страны. Многие из них бурлацкие. Целый ряд песен выражает протест низших слоев населения против плохих условий работы, несправедливого распределения благ и т.п. Например: *Невский завод засыпает || Крови напившись людской; Одряхла рука || Ноют грудь и бока || А пока в небе свет || Мне отдыха нет; Хоть не нас секут батошьем || У нас спинушки болят || На работу посылают || Нам и денег не дают.*

Анализ же песен советского периода (проанализировано 125 примеров) показывает, что в них всячески прославляются труд и работа советского человека. Труд делает человека счастливым, он создает блага для общества (*Там, где люди борются с пургой, Встанет над тайгой наш город юный. Мы с тобой в Сибирь уедем жить, Вместе чудеса творить.* («Юность верит в чудеса». Сл. Э. Иодского), поэтому следует работать много и старательно (*А мы работаем, пускай устали мы, Но от усталости никто не хмур. Под вечер солнышку мы скажем на небе – Не уходило б ты на перекур!* (Сл. В. Харитонова «Веселый марш»). Труд в СССР и свобода – родственные понятия. Здесь, согласно песням, нет эксплуатации человека человеком. В песнях этого периода легко увидеть четко выраженную советскую идеологию.

Анализ сказок показывает, как правило, положительное отношение русских к работе, труду в обществе (из 197 сказок концепт «труд» затрагивается непосредственно в 7, а опосредованно, через характеристику результатов труда, в 115). Лень, праздность порицаются нашим социумом.

В сказке «Зимовье зверей» персонажами выступают бык, баран, свинья, гусь и петух. Ее сюжет таков. На дворе зима, холод; звери в поиске тепла. Предложение быка о строительстве избы было отклонено, поскольку все звери думали, что можно как-то пережить зиму и без избы. У них нет желания работать. Бык самостоятельно строит избу, в которой чувствует себя уютно. Баран, свинья, гусь и петух не могут выдержать сильных морозов и просят к быку в избу. Он разрешает им перезимовать у себя. В этой сказке главный персонаж – бык – противопоставлен другим зверям. Он не боится работы в отличие от барана, свиньи, гуся и петуха. Труд, таким образом, спасает быка и всех остальных от холода.

Примечательно, что в ряде случаев понятия лени и праздности сопряжены с понятием чуда, удачи (сказки «По щучьему велению», «Семь Симеонов»).

Для выявления содержания и ценностных характеристик исследуемого концепта в языковом сознании подростков и взрослых, лиц с высшим и средним образованием, мужчин и женщин мы обратились к ассоциативному эксперименту. Описание признака отношения к труду с социолингвистических позиций, на наш взгляд, позволяет вскрыть ассоциации, присущие современному российскому языковому сознанию в его социально-групповом разнообразии. Таким образом, мы можем говорить об оценке исследуемого культурного явления представителями разных социальных групп и разных возрастов. В этом смысле изучение кон-

цепта есть способ моделирования типажей русской языковой личности.

Эксперимент проводился в три этапа. Респондентам предлагались следующие анкеты:

Ассоциативный эксперимент № 1

I. Краткая информация о референте (нужное подчеркнуть):

- возраст: до 25 лет, от 25 до 50 лет, от 50 лет.
- пол: муж. жен.
- образование: высшее среднее неоконченное среднее.
- профессия: _____
- Имущественный статус:
- К какой категории Вы могли бы себя отнести:
- к очень обеспеченной части общества,
- к обеспеченной части общества,
- к средне обеспеченной части общества,
- к малообеспеченной части общества,
- к необеспеченной части общества.

II. Запишите, пожалуйста, первые пришедшие Вам в голову 3-4 слова, которые у Вас ассоциируются со следующими понятиями:

- Труд –
- Работа –
- Зарплата –
- Трудоголик –
- Работяга –
- Профессионал –
- Дилетант –
- Безработица –
- Безделье –
- Халтура –
- Лень –
- Отдых –

III. Вы считаете, что работа – это:

- А) жизненная необходимость,
- Б) неизбежность,
- В) почетная обязанность человека,
- Г) престижность,
- Д) неприятная обязанность человека,
- Е) источник дохода и не более того,
- Ж) счастье, удовольствие,
- З) каторга,
- И) все сразу.

При формулировке данного ассоциативного задания мы исходили из общепринятого правила, согласно которому информанты должны быть ограничены во времени, давать ответы без размышления. В таком случае соблюдается чистота эксперимента.

Эксперимент № 2 не ограничивал респондентов во времени при ответе на поставленные вопросы. Информанты должны были

выбрать один из подготовленных нами ответов на оценочные суждения о труде. Здесь для нас было принципиально важным узнать реакцию испытуемых, относящихся к разным социальным группам, возрастам, полу, обладающим разным образовательным цензом, на оценочные характеристики труда. Заметим, что некоторые из предложенных информантам суждений прецедентны (напр., *Работа не волк, в лес не убежит*).

Ассоциативный эксперимент № 2

I. Краткая информация о референте (нужное подчеркнуть):

- См. эксперимент № 1.

II. Ваше отношение к следующим оценочным высказываниям (нужное подчеркнуть):

А) Счастье человека не в богатстве, а в труде.

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

Б) Труд всегда дает, а лень берет.

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

В) Любая работа украшает человека:

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

Г) Дураков работа любит:

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

Д) Работа не волк, в лес не убежит:

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

Е) лень спасает людей от многих пороков (вспомните Обломова):

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

Ж) Физический труд важнее умственного:

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

З) Умственный труд престижнее физического труда:

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

Е) Мужчины (а не женщины) всегда выполняют более квалифицированную работу:

- Полностью согласен/согласна.

- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

И) Заработать очень большие деньги в России честным способом практически невозможно:

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

К) 15-20 лет тому назад люди в России работали больше, к своему труду они относились более серьезно, чем сейчас:

- Полностью согласен/согласна.
- Отчасти согласен/согласна.
- Не согласен/ не согласна.

Эксперимент № 3 имел целью проверить степень искренности и самооценки информантов. Они не были ограничены временем и количеством слов для ответов.

Ассоциативный эксперимент № 3

I. Краткая информация о референте (нужное подчеркнуть):

- см. эксперимент № 1.

II. Дайте свои определения следующим понятиям:

- А) Работать – значит .....
- Б) Зарабатывать – значит .....
- В) Работяга – значит .....
- Г) Трудоголик – .....

III. Как бы Вы охарактеризовали свою работу (учебу) (возможны 2 варианта) (нужное подчеркнуть):

- А) я работаю,
- Б) я пашу,
- В) я провожу время.

IV. Работа должна (возможны 3 варианта) (нужное подчеркнуть):

- А) хорошо оплачиваться,
- Б) помогать занять престижное место в обществе,
- В) приносить удовольствие,
- Г) отвлекать от домашних забот,
- Д) иметь смысл,
- Е) .....

V. В России люди живут бедно, потому что (нужное подчеркнуть):

- А) не любят работать,
- Б) не умеют работать,
- В) не любят и не умеют работать,
- Г) плохое правительство,
- Д) другие причины (назвать их).

VI. Я бы мог / могла жить материально (еще) лучше, если бы (нужное подчеркнуть):

- А) я не был(а) ленивым/ленивой,
- Б) я больше работал(а), чем это делаю сейчас,
- В) я был(а) более квалифицированным работником,

- Г) мне не мешали,
 Д) другие причины (назвать их).

Наиболее важные результаты проведенного эксперимента таковы.

Таблица

Социокультурные характеристики концепта «труд» в современном русском языковом сознании (по данным эксперимента)

Характеристики труда	Социальные признаки информантов					
	Возраст		Пол		Образование	
	Молодые	Взрослые	Муж.	Жен.	Высшее	Среднее
1. Труд почетен.	2%	8%	6%	10%	9%	6%
2. Труд должен иметь материальное вознаграждение.	58%	26%	25%	32%	19%	44%
3. Труд приносит удовольствие.	12%	15%	12%	21%	25%	11%
4. Труд есть обязанность.	2%	6%	9%	10%	10%	11%
5. Умственный труд престижнее, чем физический.	8%	14%	8%	10%	14%	6%
6. Труд должен быть результативным.	7%	13%	16%	11%	10%	9%
7. Труд есть способ самореализации.	7%	10%	13%	5%	11%	4%
8. Мужчины выполняют более квалифицированную работу, чем женщины.	4%	8%	11%	1%	2%	9%

Фактор **возраста**, судя по результатам нашего эксперимента, существенно влияет на ответы информантов. Мы установили, что в ответах молодых респондентов ассоциатами редко выступают социально оценочные характеристики концепта «труд». Для старшего поколения (особенно для тех, кому за 50), как показывает сопоставление ответов наших информантов, работа, труд – это, прежде всего, почетная обязанность и долг, в то время как для младшего поколения (для школьников и студентов) работа – это источник дохода, средство для существования. Пенсионеры

ассоциируют концепт «труд» с базисными для их сознания словами – *мир, май*, что объясняется, по нашему мнению, известным в недалеком прошлом высказыванием «Мир. Труд. Май».

При социолингвистической характеристике труда в российском социуме особенно актуален фактор **гендера**. Примерно 21% информантов считает, что главная роль в выполнении квалифицированной работы принадлежит мужчинам. Такое мнение высказывают, в основном, школьники (преимущественно мальчики и некоторые предприниматели-мужчины). Принципиально не согласны с таким суждением 33% (из них 25% женщин). Представители всех опрошенных групп считают, мужской труд является основой жизни общества. Наблюдается корреляция между признаками интеллектуальности труда и его гендерной спецификой: тяжелый физический труд выполняется мужчинами, а в массовом интеллектуальном труде заняты как мужчины, так и женщины. Увеличение доли интеллектуального труда связано с возрастанием роли женщин в трудовой деятельности. Предприниматели и большая часть учащихся (мальчики) считают, что квалифицированную работу могут выполнять только мужчины.

Образовательный ценз в значительной мере влияет на оценку труда. Проведенный эксперимент позволяет утверждать, что ассоциативные ряды представителей интеллектуального творческого труда являются более протяженными, чем ассоциаты рабочих, служащих и предпринимателей. По данным эксперимента, определения ряда понятий (*зарабатывать, работага* и т.п.), связанных с концептом «труд», более глубоки и развернуты в анкетах преподавателей вузов, врачей и учителей. Наиболее скудными оказались дефиниции школьников и рабочих. Слов-реакций абстрактного характера (*долг, обязанность* и др.) представителей в ответах интеллигенции больше, чем в ответах рабочих и предпринимателей.

В ответах информантов с высшим образованием мы находим ассоциации социального свойства (*работа – долг и право человека; работать – приносить пользу обществу*). Рабочие и предприниматели подобных ассоциатов не указывают. В ответах же предпринимателей есть набор специфических слов-реакций, отсутствующих в других социальных группах – напр., *доллары, евро* (стимулом явилось слово *зарплата*).

Установлена зависимость ответов информантов от их социального положения в характеризующих ассоциатах. В ответах учителей, преподавателей вузов, врачей и служащих исследуемый концепт имеет различные описательные характеристики

(справедливая, достойная, низкая зарплата; работа интересная, любимая, престижная и т.п.).

Наиболее ярко выражена оценка труда как социального феномена в ответах представителей творческих интеллектуальных профессий. Для врачей, учителей, преподавателей вузов работа – это почетная обязанность, долг, в то время как для предпринимателей и подрабатывающих студентов работа является обычно источником дохода. Для учителей и, в особенности для преподавателей вузов, работа и труд связаны с радостью, удовольствием, осознанием быть полезными обществу, возможностью самореализации.

Эксперимент показывает положительное отношение к труду и работе и отрицательное отношение к безделью и лени представителей всех социальных групп. Так, большинство опрошенных отчасти согласно с утверждением, что «счастье человека не в богатстве, а в труде» (65 % информантов). Сюда относятся, в основном, ответы представителей интеллигенции и рабочих. Представители всех социальных групп согласны с утверждением «труд всегда дает, а лень берет». К тем, кто выразил сомнение в истинности этого суждения, относится часть школьников и несколько студентов. 50 % опрошенных полностью согласились с выражением «любая работа украшает человека» (в основном, рабочие, пенсионеры, часть учителей). Около 25% информантов согласно с этим мнением лишь отчасти (независимо от социального статуса). 25% не согласно с таким утверждением (часть предпринимателей, часть пенсионеров и студентов). Истинной признали пословицу «Дураков работа любит» 30% участников эксперимента; столько же респондентов с ней согласились отчасти; около 40% такое суждение не поддержали (представители интеллигенции). Аналогично обстоит дело с ответами на пословицу «Работа не волк, в лес не убежит» (к интеллигенции здесь примкнули предприниматели и большая часть рабочих).

Фактор социальной принадлежности может быть и нерелевантным. Так, 60% всех опрошенных согласились с высказыванием «Лень не спасает человека от пороков».

Трудовую деятельность принято подразделять на умственную и физическую. Рабочие считают физический труд более важным, но менее престижным в современном обществе (55%). Умственный же труд признают важным представители интеллигенции. Характерно, что их ответы не столь категоричны, как ответы рабочих. Часть учителей и врачей полагают, что в России умственный труд не престижнее физического (25%). Это можно объяс-

нить, по нашему мнению, тем, что умственный труд неадекватно оплачивается в нашей стране.

При характеристике собственной трудовой деятельности (работы и учебы) 81% информантов характеризуют свою работу как «Я работаю». Примерно 10% считает, что «они пашут» (предприниматели, небольшая часть студентов, несколько рабочих и врачей). Всего 9% (несколько служащих, часть студентов и школьников) полагает, что на работе, в учебном заведении они просто «проводят время».

По мнению анкетированных, в России люди живут бедно, так как у нас плохое правительство (более половины опрошенных). Примерно 15% респондентов полагает, что в России люди живут плохо, потому что здесь не любят работать (предприниматели, некоторые служащие и преподаватели вузов). 13% считает, что россияне не умеют и не любят работать (студенты, часть служащих). Принадлежность к той или иной социальной группе значима при ответе на вопрос, что мешает респондентам жить лучше. Около 30% считает, что они могли бы жить лучше, если бы им не мешали (предприниматели, студенты, часть врачей и преподавателей вуза). Примерно 20% видит причину бедности россиян в их недостаточной квалификации (рабочие и учителя).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Социолингвокультурный концепт "труд" представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого в русском языковом сознании выделяются следующие компоненты: образный – человек (или другое живое существо), напряженно выполняющий необходимые для жизни действия, обычно физические; понятийный – целенаправленная деятельность, требующая умственного или физического напряжения, направленная на производство чего-либо или на достижение результата и противопоставляемая безделью, отдыху и игре; ценностный – положительная оценка желания и отрицательная оценка нежелания трудиться, положительная оценка умения и отрицательная оценка неумения трудиться, отрицательная оценка принудительного и безрезультатного труда.

Социокультурная специфика концепта "труд" в русском языковом сознании проявляется преимущественно в ценностном компоненте данного концепта и выражается, как правило, в следующих доминирующих признаках: 1) возрастной признак: подростки (учащиеся 6-8 классов) – положительная оценка материальных результатов труда в виде вознаграждения, отрицательная оценка усилий в трудовой деятельности, положительная оценка возмож-

ности не трудиться; взрослые – положительная оценка как результата, так и процесса труда, положительная оценка эффективности труда, отрицательная оценка неадекватного вознаграждения за труд; 2) образовательный признак: лица с высшим и неоконченным высшим образованием – положительная оценка интеллектуального труда, положительная оценка труда как способа самореализации, отрицательная оценка существующего в современном обществе отношения к труду; лица со средним и неоконченным средним образованием – положительная оценка преимущественно материального вознаграждения за труд, отрицательная оценка значимости интеллектуального труда, отрицательная оценка трудовых усилий, ведущих к физическому износу организма; гендерный признак: мужчины – положительная оценка работы, выполняемой мужчинами; женщины – нейтрализация гендерных различий при оценке труда.

Основные изменения в характеристиках концепта "труд" в русском языковом сознании (с XIX в. по настоящее время) сводятся к следующим: 1) нейтрализация этической мотивации труда для общества и выдвигание на первый план утилитарных мотивов трудиться для себя и своей семьи; 2) возрастание значимости интеллектуального труда; 3) нейтрализация гендерных различий в видах трудовой деятельности.

Литература

Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1997. С. 42-43.

Гоннова Т.В. Отношение к труду в русских сказках // Языковая личность: система, нормы, стиль: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С. 26-28.

Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской паремиологии // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этно-сознания, Сб. науч. тр. Волгоград, Колледж, 2002. С. 188-192.

Гоннова Т.В. Труд во фразеологической системе русского языка // Сопоставительная филология и полилингвизм. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань: Школа, 2002. С. 227-228.

Гоннова Т.В. О концепте «труд» (на материале русских паремий) // Антропологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и гендера: Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2003. С. 37-43.

Гоннова Т.В. Отношение к труду в афоризмах (на материале русского языка) // Проблемы современной лингвистики: Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2003. С. 42-49.

Гоннова Т.В. Отношение к труду в современном российском языковом сознании (на материале ассоциативного эксперимента) // Проблемы

лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С.35-39.

Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

О.Е. Чернова (Екатеринбург) **ТРУД**

Настоящая работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода к языку и входит в ряд исследований культурных концептов.

Цель исследования – рассмотреть динамику развития идеологического содержания концепта «труд» в русском языке в период с 1933 по 2002 гг.

Материалом для исследования послужили высказывания с лексическими единицами *труд*, *работа* и их производными, активизирующими концепт «труд». Источником материала явилась газета «Магнитогорский рабочий» за 1933-2002 гг. Это первая официальная ежедневная городская общеполитическая газета, которая выходит с 1 января 1930 г. Обращение к этому материалу объясняется тем, что газета «Магнитогорский рабочий» служила идейным выразителем политики коммунистической партии и отражала общегосударственные идеологические процессы в региональном преломлении. В качестве культурного фона привлекались исторические документы 1933-1945 и 1960-2002 гг., архивные материалы (партийные документы, постановления правительства, мемуары известных исторических личностей, частная переписка и т. д.) репрезентируют сложившуюся в культуре систему ценностных представлений о труде в разные хронологические периоды.

Изучение концептов находится в центре внимания когнитивной лингвистики, однако единого понимания концепта в науке пока не существует. Во многих лингвистических работах авторы стремятся определить термин «концепт», сопоставляя его с другими (достаточно устойчивыми терминами). Прежде всего разграничиваются такие термины, как *понятие*, *лексическое значение* и *концепт* (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов и др.). При этом концепт рассматривается как многомерная культурно значимая мыслительная сущность, как итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность признаков познаваемого явления. Значение своими си-

стемными семами передает всего лишь часть содержания концепта, концепт же эксплицируется во множестве лексических единиц.

Лексическое значение соотносится с понятием, но им не исчерпывается, поскольку вбирает в себя большое количество коннотаций (оценочных, идеологических, культурных и т. д.) и ассоциаций, которые фиксирует языковое сознание. Такое понимание лексического значения соответствует интегральной модели значения, характеризующейся нелимитируемостью содержания. Однако даже при широком подходе лексическое значение оказывается уже концепта. Комплексные исследования (И. А. Стернин, А. А. Заленская, Н. Н. Болдырев) показали наличие в концепте интерпретационного поля (И. А. Стернин), представляющего собой совокупность признаков, обусловленных национально-культурной спецификой сознания носителей языка.

Признается, что концепт представляет собой совокупность рационального, логического (понятия, сигнификата) и внерационального, сублогического (представления, верования, мифологемы) содержания; последнее выступает как прагматическое понятие. При концептуализации, т. е. в ходе развертывания концепта в дискурсе, в «сферу» концепта «втягиваются» все типы информации, характерные для отображения определенной ситуации как ментальной структуры. Отличительной чертой концепта является ценностная составляющая (В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин), которая представлена в виде наиболее существенных для данной культуры смыслов, ценностных доминант, совокупность которых и образует определенный тип культуры, сохраняемый в языке.

Ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, потребностями общества. Тенденциозное отражение действительности с позиций идеологии задает определенную оценку отражаемого объекта. Идеологическая оценка, являясь одной из разновидностей интеллектуальной оценки, характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, она приложима к разным аспектам объекта, в том числе и глубинным, сущностным, обычно не фиксируемым обыденным сознанием. Во-вторых, идеологическая оценка производится с позиций интересов того или иного класса в соответствии с критерием «выгодно – невыгодно» данному классу. Это обуславливает жесткую структуру идеологической оценки, которая укладывается в двухполюсную оппозицию «хорошо – плохо», соотносясь с положительным либо отрицательным знаком. На уровне речевого употребления слова каждый полюс идеологической оценки представлен рядом коннотаций:

а) коннотации мелиоративной идеологической оценки (одобрение, удовлетворение, восторг, восхищение);

б) коннотации пейоративной идеологической оценки (неодобрение, осуждение, пренебрежение, презрение, отвращение, недовольство, возмущение).

Таким образом, идеологическая оценка как результат идеологического освоения действительности становится сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие. Можно предположить, что идеологическое оценивание является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителей культуры.

В рамках исследования мы придерживаемся лингвокультурологического понимания концепта, т.е. концепт – динамическое явление, так как содержание концепта, а также его взаимодействие с другими концептами зависят от изменений в культуре и, соответственно, массовом сознании. Описывая идеологическую составляющую концепта «труд», необходимо учитывать зависимость значения слов, вербализующих концепт, от языковой политики, влияние которой проявляется только в контексте. Компонентный и концептуальный анализ позволяет выявить идеологические добавки и наращения, а также характер деформаций, которые претерпевает семантика слова в определенный социально-политический период.

При таких условиях взаимопонимание в коммуникативном акте осуществляется, если каждый из коммуникантов учитывает те идейные и жизни отражает в некоторой степени негативное отношение к представленным видам труда. В этих классификационных оппозициях, по мнению печати, заключается причина, с одной стороны, неравенства (в условиях труда, оплаты и т. д.), а с другой стороны, непривлекательности труда вообще (так как он требует усилий и времени): *Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный* (МР, 1937, № 4); *Сельскохозяйственный труд становится трудом индустриальным* (МР, 1934, № 34).

Выделение основных аспектов идеологизации концепта «труд» осуществляется при помощи фреймовой структуры, поскольку важным категориальным признаком концепта-фрейма является его структурированность, объединяющая в единый когнитивный образ языковые и неязыковые знания (см. Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, А. П. Бабушкин, В. И. Карасик, З. Д. Попова и И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин и др.). Концепт «труд» пред-

ставляет собой фрейм (А. П. Бабушкин), в структуре которого выделяются составляющие:

- субъект (одушевленный инициатор действия),
- объект (объект, как правило, формально не выражен, поскольку глагол *трудиться* является безобъектным; однако позиция объекта становится очевидной по результатам труда),
- интенсификатор (количественные параметры),
- модификатор (изменяемость),
- локатив (пространственная ориентация),
- целеполагание (цель),
- результатов (результат),
- инструмент (неодушевленный предмет или сила, с помощью которой производят действие).

Концепт «труд» репрезентируется в русском языке базовыми лексическими единицами *труд*, *работа*, а также их производными. Семантика базовых слов составляет ядро содержания концепта. Анализ семантики слов *труд*, *работа* был осуществлен по данным основных толковых словарей (СД, ТСУ, МАС, СОШ), также использовался «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» Ю. Д. Апресяна, О. Ю. Богуславской и др. (далее – НОСС).

Слова *труд*, *работа* являются синонимами только в значении 'деятельность вообще'. Однако и в этом лексико-семантическом варианте (далее – ЛСВ) их семантика не лишена некоторых различий. НОСС приводит следующие дифференцирующие смысловые признаки этих лексических единиц:

- 1) характер деятельности (труд – в целом более творческая и этически значимая деятельность, чем работа);
- 2) масштаб задачи и количество затраченных усилий (в труде в целом больше);
- 3) представление деятельности как разворачивающегося во времени процесса (работа разворачивается во времени, труд – нет);
- 4) целеполагание (в работе на первом плане содержание, результат, в труде – усилия);
- 5) оценка (для работы характерна утилитарная оценка: положительная или отрицательная, для труда – положительная этическая);
- 6) возможность абстрактных и персонифицированных употреблений (у труда есть, у работы нет).

По другим ЛСВ *труд*, *работа* находятся в следующих отношениях: *труд* 2 'дело, работа, занятие' – *работа* 2 'занятие, труд, действие', между тем «труд нельзя мыслить как конкретный про-

цесс» (НОСС); синонимия свойственна семемам *труд* 5 и *работа* 5 'произведение'. Различие проявляется в том, что «*работами* могут называться объекты разного рода (книги, картины, спектакли), *трусами* обычно называют достаточно большие научные сочинения» (НОСС).

Остальные ЛСВ слов *труд* и *работа* семантически нетождественны, так как отражают разные аспекты труда. *Труд* тяготеет к вербализации смыслов, эксплицирующих самовыражение субъекта деятельности и моральный аспект ситуации, в рамках которой эта деятельность имеет место; *работа* – употребляется для характеристики объекта и содержания деятельности.

Иерархия ЛСВ слова *труд* в структуре словарных статей дана в соответствии с движением от абстрактного понимания труда к более конкретному. Обобщенную семантическую структуру слова *труд* по данным толковых словарей представим в следующем виде:

ЛСВ 1. Деятельность + целесообразная + требующая напряжения + созидаящая с помощью орудий производства.

ЛСВ 2. дело (работа, занятие) + повседневное + конкретного лица.

ЛСВ 3. услуга (мн. в знач. ед.).

ЛСВ 4. усилие (энергия) + умственное / физическое + затрачиваемое на производство/ к достижению чего-либо.

ЛСВ 5. результат труда: произведение (научные труды).

ЛСВ 6. Предмет / дисциплина школьная

ЛСВ 7. болезнь.

В иллюстративной части словарных статей *труд* осмысливается этнокультурно и идеологически:

а) Этнокультурное понимание труда представляет его как процесс, требующий усилий, при этом его желательность/нежелательность зависит от представленных результатов. Труд желателен как явление, дающее пищу и одежду, но нежелателен как явление, требующее усилий и не приносящее в итоге богатства.

б) Идеологические контексты актуализируют многочисленные идеологически окрашенные смыслы 'внутренний долг', 'потребность личности', 'в условиях социализма' и т. д. Контекст переводит труд в сферу идеологически значимых и мифологизируемых понятий.

Иерархия ЛСВ слова *работа* направлена от интерпретации работы как повседневной деятельности, включающей различные стороны производственной практики человека, к деятельности, осуществляемой ради финансового вознаграждения.

В словарях XX в. слово *работа* приобретает новое абстрактное значение 'действие вообще'. В ТСУ оно дано с пометой *только ед.*, что накладывает ограничения на возможность конкретизации. Иллюстрация словарной статьи отражает регламентированное употребление слова *работа* в тоталитарном обществе: *Граждане СССР имеют право на труд, то-есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.* Конституция СССР (ТСУ). Идеологические коннотации органично входят в абстрактный лексико-семантический вариант, поскольку он обладает «низкой семантической плотностью, т.е. является семантически «разреженным» (Л. О. Чернейко).

Конкретное значение 'деланье' слова *работа* в словарях современного времени детализируется путем образования новых семем, репрезентирующих разные стороны процесса трудовой деятельности: 'производственный процесс'; 'источник заработка'; 'материал для производственного процесса'. Расширение объема смысловой структуры слова эксплицирует возросшую роль данного понятия в жизни языкового коллектива. Значение 'деланье' концептуализирует *работу* именно как 'повседневную деятельность человека, связанную с изготовлением чего-л.'. Этот семантический компонент релевантен при разграничении слов *труд* и *работа*, которые склонны к функциональной эквивалентности в абстрактном значении 'деятельность вообще'. Характерным показателем переосмысления концептуальной ценности работы в конце XX в. является изменение иерархии значений в СОШе. Среди значений, производных от *работы* 2 ('деланье': 'производственный процесс', 'форма принудительного труда', 'источник заработка', 'материал для производственного процесса', 'результат производственного процесса') концептуально значимым становится значение 'источник заработка', поскольку оно начинает занимать иерархически более высокое положение, чем прежде (в ТСУ, МАСе это ЛСВ 4, в СОШ – ЛСВ 3).

Обобщенную смысловую структуру слова *работа* по данным толковых словарей представим следующим образом:

ЛСВ 1. действие вообще.

ЛСВ 2. занятие, труд, действие.

ЛСВ 3. Труд принудительный, воздействующий.

ЛСВ 4. Источник заработка от выполняемых действий.

ЛСВ 5. Деятельность производственная по созданию, обработке, изготовлению чего-нибудь.

ЛСВ 6. Материал, подвергающийся обработке, находящийся в процессе изготовления.

ЛСВ 7. Продукт труда

ЛСВ 8 качество, способ, манера изготовления.

ЛСВ 9 рабство.

ЛСВ 10. Усилие.

Различие семантики лексических единиц *труд* и *работа* поддерживается их словообразовательными потенциями.

С точки зрения деривационной семантики среди производных глаголов *трудиться* и *работать* наиболее частотны следующие словообразовательные значения:

'лицо, выполняющее действие, названное в производящей основе';

'относящийся к действию, названному в производящей основе';

'отдельные характеристики действия, названные в производящей основе';

'сфера приложимости действия, названного в производящей основе';

Слово *работать* характеризуется большим словообразовательным потенциалом, о чем свидетельствует количество его дериватов.

С точки зрения лексической семантики анализируемые производные образуют хорошо структурируемые, значительные по объему лексико-семантические группы (далее – ЛСГ):

1. Это ЛСГ имен со значением лица, осуществляющего действие. В нее входят лексемы, номинирующие лицо по выполняемому им действию и являющиеся в большинстве синонимами. Слова отражают оценку человека с точки зрения отношения к труду, включенности в трудовой процесс (*трудолюбец, сотрудник, трудяга, труженик* и т. д.). Однако для словообразовательной парадигмы *рабочий* характерна дифференциация по сферам приложимости действия (*работник, культработник, разнорабочий, чернорабочий, медработник* и т. д.).

2. Вторая, значительная по объему ЛСГ, образуемая дериватами глаголов *трудиться* и *работать*, – это глаголы, характеризующие различные варианты действия. Для словообразовательных моделей глагола *трудиться* характерны глагольные префиксы, актуализирующие значения: длительно-интенсивного способа действия («на-», «пере-», «у-»), финитивного («от-»), ограничительного («по-»). Семантика глаголов отражает преимущественно интенсифицирующий аспект осмысления труда языковым сознанием. Дериваты словообразовательной парадигмы *работать* образуются при помощи префиксов, обладающих значением: финитивного способа действия («до-», «от-»), длительно-

интенсивного («из-», «в-», «пере-», «на-»), ограничительного («по-», «при-»), сопроводительного («под-»), длительно-ограничительного («про-»), результата действия («вы-», «об-», «с-», «за-»). Семантика подавляющего большинства глаголов отражает не только интенсифицирующий аспект труда, но и эксплицирует такие концептуальные составляющие, как временная протяженность действия, его результат и поощрение за осуществленное действие.

Данные ЛСГ образованы по одинаковым семантическим моделям. Тем не менее внутри групп у дериватов слов *трудиться* и *работать* наблюдаются смысловые различия, что свидетельствует о нетождественности производящих слов. Таким образом, ядерными признаками концепта «труд» являются: 'деятельность', 'целесообразная', 'требующая напряжения', 'созидающая', 'с помощью орудий производства'.

Описание зафиксированных в текстах газеты «Магнитогорский рабочий» направлений идеологической эволюции концепта «труд» позволило выявить смысловые составляющие его содержания, обнаруживающие основные направления развития идеологизации семантики лексем-вербализаторов в период с 1933 по 1970 годы.

Система идеологических ценностей, которая существует в сознании носителей языка, во многом определяет возможность использования языковых единиц, вербализующих концепт «труд», для положительной либо отрицательной оценки явлений действительности. Воплощенное в идеологической оценке ценностное суждение рассматривает объект в его отношении к субъекту, к целям субъекта. Такая субъективность предполагает превалирование коннотативного компонента в слове над денотативным. Коннотации, порожденные идеологически ориентированными контекстами, так или иначе отражают идеологические ценности. Рассматривая совокупность актуализированных контекстами идеологических коннотаций, можно выявить не только ценностные ориентиры носителя языка, но и особенности его мироощущения, мировосприятия, поскольку идеологические коннотации, влияя на смысловые составляющие концепта, лишают его нейтральности.

В газетных публикациях обнаруживается влияние сильных контекстных партнеров на идеологическое осмысление анализируемого слова. Типовые контекстные сопроводители имени концепта «труд», их регулярность и активность обуславливают формирование в концепте константных идеологических коннотаций, служат строительным материалом для клишированных идеологи-

ческих конструкций. В период интенсивной идеологизации основными лингвоспецифичными словами являются: *безработица, бесплатный, большевистский, бороться, вдохновение, взаимодействие, воспитание любви к труду, героизм, герой, голод, доблесть, добросовестный, долголетие, драться, здоровье, индустриальный, капитализм, каторжный, квалифицированный, коллектив, коллективный договор, красное переходящее знамя, красота, любить труд, мерило ценностей (заслуг), место в жизни, механизированный, мирный, на благо общества, напряженный, насыщенная органическая потребность, неквалифицированный, нечеловеческий, нечто большее, нищета, нужда, обогащать, обязательства, освобожденный, передовой, план, побоевому, по-большевистски, по-новому, передовик, передовой, подвиг, подневольный, подъем, почетный, предохраняет от болезней, предохраняет от преждевременного старения, презренное занятие, пятилетка, раб, рабочая сила, рабочий, рабочий класс, рабство, радость, рекорд, рекордный, рост, ручной, свободный, сельскохозяйственный, слава, собственные интересы, создающий благо, сознательный, социализм, социалистическое отношение к труду, социалистическое соревнование, стахановец, стахановский, счастливый, счастье, творческие усилия, творческий, темпы, трудовая жизнь, трудовое человечество, трудовой народ, трудолюбивый, трудящийся, труженик, тяжелый, угнетенный, ударник, ударный, умственный, уплотнение, упорный, успехи, физический, частица сердца (души), человеческий, честный, честь, эксплуатация, энтузиазм, ярмо.*

Система ценностей советского общества покоится на жесткой дихотомии *свои – чужие*, отражающей классовый подход, а не на модели универсальных ценностей. Употребление какого-либо слова в контексте данной оппозиции приводит к закреплению за ней определенной идеологической направленности. В связи с этим лексическая единица превращается в своеобразный конденсат идеологических установок. В газетных контекстах в слове *труд* происходит актуализация семантических смыслов с положительным или отрицательным знаком оценки труда как 'деятельности', при этом знак оценки обусловлен ее принадлежностью к идеологической оппозиции «наш – не наш». Так, *труд социалистический* получает положительную оценку, а *труд при капитализме* – отрицательную. Оппозиция в соответствии со своей структурой определяет двухполюсную структуру коммуникативного значения леммы *труд*.

Наблюдение за формированием идеологических норм позволило выявить типовые смысловые наращения: квалификативные, количественные, этические, эстетические, физиологические, социально-общественные.

Кваликативный аспект идеологизации концепта «труд» эксплицирует виды труда. Выделение сфер труда осуществляется, как правило, в виде оппозиций: *сельскохозяйственный/индустриальный, физический/умственный, колхозный/труд рабочего, квалифицированный/неквалифицированный* и т. д. Классификация производится на разных основаниях: наличие опыта, промышленной техники, затраты физических сил и т. д. Характеризуя социалистическую действительность, газета выражает в некоторой степени негативное отношение к представленным видам труда. В этих классификационных оппозициях, по мнению печати, заключается причина, с одной стороны, неравенства (в условиях труда, Оплаты и т. д.), а с другой стороны, непривлекательности труда вообще (так как он требует усилий и времени): *Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный* (МР, 1937, № 4); *Сельскохозяйственный труд становится трудом индустриальным* (МР, 1934, № 34).

Виды труда в капиталистических странах представлены схематично: отсутствуют атрибуты видов труда и рефлексивные высказывания по их поводу.

Количественные составляющие труда фиксируют интенсивность трудового действия: *Неуклонный, гигантский рост во всех областях народного хозяйства; грандиозное строительство; полная и навсегда ликвидация безработицы и нищеты, рост благосостояния широчайших масс, их культуры, оптимизм, энергия* (МР, 1937, № 243). В газете критерием интенсивности труда служат идеологемы *трудоустройство, трудовой энтузиазм, трудовой героизм, социалистическое соревнование, стахановец, ударник, темпы труда*.

Этический аспект осмысления труда в газете реализует основные моральные принципы коммунистического общества. В границах тоталитарной идеологии мораль выражает классовые интересы; в каждую эпоху нравственным считается то, что отвечает интересам того или иного класса (Р. Г. Апресян). В газете содержание советской этики конкретизируется на 2-х уровнях:

1) оппозиции политических сил (*коммунисты - капиталисты*);

2) оппозиции социокультурных ценностей (*свобода – принуждение, гуманность – антигуманность, возможность морального выбора – отсутствие морального выбора*).

Идеологический и морально-нравственный уровни взаимосвязаны. На основе оппозиции политических сил распределяются оценочные функции: «положительная оценка явления» – «отрицательная оценка явления». Речевое поведение всецело подчинено одной из этих двух оценочных установок: положительная оценка всего, что принадлежит *своей* идеологии, отрицательная оценка *чужого*. Конечно, «экономика», «жизнь» не являются элементами этики. Однако перед лицом смертельной опасности сама по себе жизнь становится нравственной ценностью, поскольку субъект лишается возможности морального выбора (Р. Г. Апресян). В газетных контекстах в капиталистическом обществе субъект труда обречен на *голод, безработицу, нищету*, приводящих в конечном итоге к смерти, и потому он морально несвободен. В газете моральная максима *свободного труда* репрезентирована в контекстах, содержащих идеологему эксплуатация: *В нашей стране победившего социализма нет эксплуататоров и нет эксплуатируемых. Место каждого человека в нашем обществе определяется его участием, в социалистическом труде* (МР, 1940, № 12)

Эстетический аспект репрезентирует труд как акт творчества. Основной стратегический вектор направлен на изменение эмоционального состояния читателя. Особая социальная и идейная ценность результатов труда активизирует смысл жизненно важной необходимости этого процесса для каждого советского человека: *Нет ни одного уголка в нашем необъятном Союзе, где бы не чувствовалась кипучая созидательная, творческая работа на благо народа и укрепление нашего рабочего-крестьянского государства* (МР, 1937, № 11)

Физиологические составляющие концепта «труд» в контекстах слиты с этическими. В условиях техногенного общества закономерна забота языкового коллектива о сохранении здоровья и продлении жизни. Также вполне объяснимо стремление человечества найти средство к их достижению: *Труд, создающий все блага в жизни и преобразующий природу, является, вместе с тем, источником здоровья и долголетия. Творческий труд в сочетании с разумным отдыхом приносит человеку радость и счастье, предохраняет от болезней и преждевременного старения* (МР, 1963, № 160).

Социально-общественный аспект характеризует общественные отношения: *Человек и коллектив. Как важно их творче-*

ское взаимодействие, как необходима каждому человеку поддержка товарищей (МР, 1973, № 22); *Глядя на своих товарищей, Валентин Васильевич вспоминал, как постепенно в труде креп коллектив, как менялись, росли люди* (МР, 1961, № 51).

Ценностные ориентации языкового сознания напрямую связаны с социально-политическими условиями и, в частности, с господствующей идеологией. Ценностные ориентации подвижны даже в рамках одной идеологической системы. Каждый этап идеологической эволюции характеризуется собственным набором смысловых наращений. Однако следует отметить, что на протяжении анализируемого периода (1933-2002 гг.) постоянными являются только этические составляющие. Это свидетельствует о значимости этического аспекта в советском и постсоветском мировоззрении.

Интенсивное развитие смысловых составляющих наблюдается в 1933-1940 гг. Формируются квалификативные, количественные, этические, эстетические смысловые наращения. В 1941-1945 гг. Великая Отечественная война как внешний фактор обуславливает значительное обеднение концепта, которое происходит за счет исчезновения эстетического и квалификативного аспектов. В то же время фиксируется увеличение объема количественной составляющей и появление новых смыслов, представляющих труд в зеркале войны. Последний виток интенсивной идеологизации (1960-1970 гг.) характеризуется наибольшей широтой содержания концепта. Помимо этических, эстетических, количественных, квалификативных составляющих, в ходе анализа выявляются физиологические и социально-общественные типовые смысловые наращения.

Глубинные структурные изменения политической, социальной и экономической системы России за последние десятилетия обусловили изменения массовых представлений, ценностей, мировоззренческих ориентации народа. Это явилось стимулом для активных процессов в языке, которые связаны прежде всего с разрушением тоталитарной идеологии. Впервые в советской публицистике появляются контексты, представляющие «искажение социалистической морали» (МР, 1987, № 23). При концептуализации труда происходит перераспределение семантических компонентов, относящихся к оппозиции «свой» – «чужой». Семы, ранее маркирующие область «чужого», входят в сферу «своего». Это обстоятельство способствует формированию двухполюсной структуры ядра концепта «труд»: положительно оцениваемое «свое» и отрицательно оцениваемое «свое».

Такое разделение семантической области «своего» обусловлено появлением двойственности в языковом сознании советского народа, в котором слиты воедино новые политические идеи и тоталитарные идеологические установки. Парадоксальность «перестроечного» сознания вербально реализуется в контекстах, отражающих, с одной стороны, недостатки политической системы, а с другой стороны, успехи социалистического строя.

Тенденциозные контексты сохраняют традиционные для советской системы смысловые составляющие концепта "труд". Смыслы 'свобода', 'реализованность субъекта', 'социальная стабильность' и др. могут актуализироваться лексическими средствами, называющими реалии советского общества: *Социализм стал нашей действительностью. Он возвысил человека труда, поднял его благосостояние, обеспечил ему социальную защищенность, дал уверенность в завтрашнем дне* (МР, 1987, № 79).

В то же время газетные высказывания перестроечного периода эксплицируют процесс редукции содержания идеологием тоталитарной системы. Контридеологическая линия отмечена полной сменой шкалы оценок действительности. Отрицание советской морали провоцирует отказ от сложившейся системы ценностей, поэтому концепт «труд» утрачивает все аспекты идеологического осмысления: этический, количественный, квалификативный, физиологический и т. д. Смысловые составляющие последовательно переосмысляются. Критика социалистической системы труда приводит к снятию идеологии: *А теперь вот все это рушится. Люди часто сидят без дела. Простаивает дорогостоящее оборудование, автоматические линии. У нас нет заработка, естественно, падает дисциплина и настрой* (МР, 1987, № 102). Семантическая ломка актуального значения лексемы *труд* приводит к ее фактическому исчезновению из контекстов. Труд как таковой перестает существовать. Ситуация 'отсутствие деятельности' провоцирует поведенческую трансформацию субъекта труда, который лишается своей основной функции – деятельности – и ее результатов (*нет заработка*).

Экстралингвистическая ситуация обусловила появление новых номинаций, которые явились следствием переосмысления понятий, обозначенных «идеологемами-святынями» (И. А. Купина), отражающими ценностные смысловые составляющие тоталитарной системы: *трудовой героизм, социалистические обязательства, трудовой энтузиазм, темпы труда, стахановский труд, социалистическое соревнование*. Формирование частных оппозиций, обнаруживающих кризис основных идей тоталитарной системы,

обусловливает семантические преобразования идеологем. Идеологическая редукция проявляется прежде всего в изменении их семантики и коннотаций: *Но пришло время задумываться не только над тем, чтобы выполнить, но и как это сделать. То ли будут преобладать **штурмовщина**, сопутствующие ей **рваческие настроения**, то ли инициатива самих рабочих, живое **соревнование** (МР, 1987, № 18); Откуда же тогда **обязательства под копирку**? Так ли уж случайна в ином трудовом коллективе равнодушная, а то и негативная реакция на передовика? Отчего это происходит? Кто несет ответственность за **имитацию азарта работы**, интереса к труду, живого состязания? (МР, 1987, № 18); **Темп декады** должен сохраниться до конца года. И это не **стереотип минувших вахт**. Необходимо новое содержание (МР, 1987, №22).* Появление у ключевых идеологем эффекта сниженности создает отрицательные прагматические смыслы, содержащие оценку тоталитарной системы, 'консерватизм', 'экстенсивность развития', 'застойность', 'уравниловка'. Под их влиянием искажаются смысловые составляющие концепта «труд» доперестроечного периода:

- 'душевный подъем' (*трудовой энтузиазм*) – 'бесплановая работа' (*штурмовщина*),
- 'самопожертвование' (*трудовой героизм*) – 'личная выгода' (*рваческие настроения*),
- 'официальное обязательство трудиться в соответствии с идеологическими требованиями' (*социалистическое обязательство*) – 'формализм' (*обязательства под копирку*);
- ~ 'интенсивность' (*стахановский труд, социалистическое соревнование*) <-> 'псевдодеятельность' (*имитация азарта работы, высокие результаты «по случаю»*),
- 'непрерывные действия' (*темпы труда*) – 'стандарт' (*стереотип минувших вахт*).

Период идеологической редукции характеризуется деформацией идеологических констант, которая обусловлена частичным пересечением семантических зон членов оппозиции «свой – чужой», а также появлением вербальных сопроводителей, характеризующих кризис социалистической системы: *без дела, безделье, безработица, бесконтрольный, безответственный, имитация азарта, косность, незаработанный, незаслуженный, нетрудовые доходы, нищета, нужда, подневольный, раб, рвачество, реальный вклад, собственные интересы, спусть рукава, трудовое устройство, угнетенный, уравниловка, штурмовщина.*

В контекстах 1980-1990 гг. сохраняются содержательные составляющие, появление которых обусловлено отрицательной

идеологической оценкой сферы «чужого». Как и в предшествующие витки идеологизации концепта «труд» (1941-1945 гг.; 1960-1970 гг.) эти составляющие аналогичны периоду 1933-1940 гг.:

– квалификативная составляющая: 'регрессивная деятельность';

– этические составляющие: 'антигуманный', 'принудительный', 'субъект несвободен', 'эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу'.

Активная разработка концептуальных смыслов *труда при капитализме* наблюдается только в 1933-1940 гг. В последующие периоды (1941-1945, 1960-1970, 1980-1990) это понятие не обогащается какими-либо новыми признаками. Более того, в газетах периода 1990-2002 гг. *труд при капитализме* не получает репрезентации. Незавершенность сферы «чужого» обусловлена, вероятно, сменой приоритетов, произошедшей в обществе в период перестройки. В центре внимания российских граждан оказались политические процессы, которые вызвали снижение уровня жизни и рост массового недовольства. Желание осмыслить новую собственную действительность, по всей видимости, отодвинуло разработку идеологических составляющих области «чужого» на второй план.

Процесс деидеологизации сопровождается поиском новых концептуальных ориентиров. Контексты, в которых осуществляются попытки сформулировать новые ценностные элементы *труда*, отличаются большим объемом. Эта особенность свидетельствует о неструктурированности лексики, обслуживающей новые политические идеи (ср.: лаконичность тоталитарного языка, идеологемы которого характеризуются «терминологичностью, большим смысловым объемом, так как за каждой из них стоит миф (цепочка мифов)» (Н. А. Купина). Для выражения новой смысловой составляющей публицистическим контекстом анализируемого периода требуются многие лексические единицы. В контекстах идеологемы получают качественно новые номинации: *трудовые свершения, передовой опыт, социалистическое соревнование – показушные, часто надуманные атрибуты; братские народы – бездельники; социалистическое соревнование «~+ откровенная липа*. Демифологизируются демагогические утверждения о труде как источнике здоровья, морального и материального удовлетворения потребностей советского человека: *Где же выход? Деньги обесценились, на наши пенсии не проживешь, а здоровье ушло на то, чтобы в течение сорока лет честно трудиться, растить детей* (МР, 1992, №39); *Стремительно растет число обездоленных, разоренных, лишен-*

ных средств к существованию среди добросовестно работающих или отдавших всю свою жизнь на благо общества, а сегодня не имеющих возможности трудиться по возрастной немоги или болезням, И таких «бесправных» членов общества в нашем городе примерно половина (МР, 1992, № 116); Ни весны толком нет, и труд наш не в радость. Трудятся мои в последнюю силу, а в доме ой как не густо. Каждый день думаешь, чем бы накормить (МР. 1992, № 83).

В данных примерах разрушаются выделенные Н. Д. Арутюновой три формы гедонистической оценки, свойственные понятию труд в советскую эпоху. Это приводит к замене актуальных сем коммуникативного значения труда на прямо противоположные.

Во-первых, пассивное удовольствие (приятное для чувств, для восприятия), отраженное семей 'источник радости', становится нерелевантным для субъекта труда в контексте труд не в радость. Актуализируется смысл 'рутинный'.

Во-вторых, активное удовольствие (удовольствие активного образа жизни), представленное в контекстах советского периода семей 'источник здоровья', превращается в свою противоположность посредством актуальных сем 'источник болезней', 'источник страданий' – здоровье ушло, возрастная немоги, болезни. Эти семы формируют смысловую составляющую 'тяжелый, вредный для здоровья процесс'.

В-третьих, довольство (радость удовлетворения желания), репрезентированное семей 'источник материальных ценностей', опровергается контекстами деньги обесценились; стремительно растет число... разоренных, лишенных средств к существованию среди работающих; в доме ой как не густо. Актуальные семы 'потерять достаток', 'обнищать' демонстрируют тенденцию к утрате субъектом труда всех основных завоеваний социалистического труда.

В качестве контекстных партнеров слова труд используются новые идеологемы: реформы, граждане России, Возрождение. Наблюдается тенденция нового витка идеологизации концепта «труд». Речевые формулы необходимо сделать самим хорошую жизнь; работать на себя; право свободно трудиться, продавать свой труд и результаты своего труда; с верой в светлое будущее, которое надо создать своими руками; работать, не жалея сил в новом политическом языке являются калькой с прежних формул советской системы. Различие состоит в переносе интересов субъекта в личностную сферу, о чем свидетельствуют местоимения самим, себя, своего, своими. Примечательно, что новая идеология ратует за поднятие престижа тру-

да, поскольку для демократического общества, как и для тоталитарного, труд – высшая ценность, способная вести вперёд массы, творить и созидать'.

Демократическая система, характеризуя современный процесс распределения результатов труда, активно перенимает тоталитарную схему «несправедливого распределения продуктов труда в капиталистическом обществе». Это обусловлено тем, что распад тоталитарной идеологии «пока не затронул ее глубинной структуры. На данном этапе можно говорить в основном лишь о процессе переименования, создания новых текстов при сохранении прежнего культурного каркаса» (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова): *Как-то по ЦТ шла передача об Ирине Хакамаде, где показывали **немыслимое количество комнат, ажурное стекло и хрусталь**. Звучали слова: «Люблю все великолепное». А что, **труженицы** комбината не любят «все великолепное»? Безусловно, любят и тоже знают в этом толк, но зачем же **«сыпать соль на раны»**, понимая, что простым **труженица**.» **все это не по карману?** (МР, 2002, № 78); А регулярное **повышение зарплаты** на комбинате – от лукавого, ибо оно постоянно **«съедается» инфляцией**... И эта несправедливость касается всех **металлургов**, отмечающих в 2002 г. 70-летний юбилей. Исключая, конечно, **«привилегированных акционеров»** с их возведенными в ранг коммерческой тайны **доходами** (МР, 2002, № 118).*

Эксплицитные оппозиции *Ирина Хакамада / труженицы, металлурги / «привилегированные акционеры»* актуализируют статусные отношения, право на приоритеты. На базе внутрикультурной дихотомии «свои – чужие» выстраивается целая система устойчивых образов-противопоставлений: мы – нравственные, благородные; они – подлые, злобные, безнравственные; для нас характерна честность; для них – изворотливость, наглость, склонность к жульничеству. Хищническая деятельность последних всячески подчеркивается: *немыслимое количество комнат, ажурное стекло, доходы*. Сытая жизнь «нетрудящихся» по контрасту с собственной голодной, неустроенной выступает объектом зависти субъекта труда. Корни этой зависти в бедности, отсутствии среднего материального достатка, что является следствием ограничений на результаты деятельности у субъекта труда. Получает «вторую жизнь» устойчивая ментальная формула тоталитарной эпохи: *те, кто организывает труд... незаконно получает всю прибыль – > эксплуататоры*.

В период деидеологизации основными контекстными сопроводителями слов-имени концепта являются: *атрибутика «комтру-*

да», бедные, безденежье, безработица, бизнесмен, богатые, вера в светлое будущее, достойная работа, желающие трудиться, изнуряющий, на себя, напашешься, нищенская зарплата (пенсия), паразитирующий на труде, «передовой опыт», показушные надуманные атрибуты, привычка как можно меньше работать, пустое времяпрепровождение, работать по-настоящему, работодатель, рабство, рутинный, с верой в светлое будущее, символические материальные стимулы, слово «социалистическое соревнование», социалистическая гигантомания, «трудовой праздник», «трудовые свершения», трудоспособность, человек в робе, человек труда, эксплуатация.

Деидеологизация содержания вербализаторов концепта свидетельствует об изменении культурно-ценностных идеологических предпочтений, составляющих фундамент советского мировоззрения, и обуславливает разрушение идеологически заданной структурированности концепта «труд». Содержание анализируемого концепта предельно сужается, поскольку эстетический, количественный, квалификативный, физиологический, социально-общественный аспекты переосмысляются и отвергаются. Этические смысловые наращения претерпевают значительные модификации в соответствии с культурно-ценностными предпочтениями демократического общества. Актуальными становятся следующие смысловые составляющие концепта «труд»: (область «своего») 'рутинная деятельность для личной пользы, пропитания', 'ручной процесс, истощающий силы субъекта', 'эксплуатация субъекта-исполнителя', 'обогащение субъекта-организатора', 'печальная необходимость', 'деятельность, предоставляющая субъекту свободу выбора', 'ценность, способная вести вперед, творить и созидать', 'отсутствие деятельности', 'несправедливое распределение результатов труда', 'пассивность субъекта'; (область «чужого») 'несовершенство социалистической системы труда', 'бесплановость', 'формализм', 'материальная уравниловка', 'фальшивость'.

Литература

Чернова О. Е. Тоталитарное общество: толерантность и насилие // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докл. междунар. науч. конф. (24-26 октября 2001 г.). Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 313-315.

Чернова О. Е. Традиционный текст и современная письменная культура (на материале газет)// Вестник МаГУ: Периодический научный журнал. Вып. 2-3. Магнитогорск: МаГУ, 2001-2002. С. 118-121.

Чернова О. Е. Семантика слова *трудящиеся* в советской печати // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы междунар. студ. конф. (20-21 ноября 2001 г.). Иваново: ИГХТУ, 2002. С. 56.

Чернова О. Е. Роль слова в коммуникации // Современные научные концепции в филологии и преподавание словесности: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск: МаГУ, 2003. С. 91-94.

Чернова О. Е. Внутрикультурная коммуникация и толерантность в контексте тоталитарного общества // Коммуникация и толерантность: теоретические и прикладные аспекты. Программные материалы междунар. науч. конф. (15-18 мая 2003 г.). Екатеринбург: УрГУ, УрМИОН, 2003. С. 9.

Чернова О. Е. Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 6. История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2003. № 28. С. 192-198.

Чернова О. Е. Национально-культурное осмысление концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1933-1952 гг.) // Благословенны первые шаги...: Сб. работ мол. исслед. / Под ред. проф. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2004. С. 30-38.

Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации. Автореф. дис....канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.

Э.В. Грабарова (Волгоград) **УМЕНИЕ ЖИТЬ**

Целью данной работы является характеристика концепта *sa-voir vivre* во французской лингвокультуре и выявление его соответствий в русском языковом сознании.

Отношение к жизни представляет собой сложное ментальное образование оценочного характера, имеющее образную, понятийную и ценностную стороны и поэтому может рассматриваться как концепт. С позиций ценностной составляющей этого концепта можно выделить его разновидности, которые также являются концептами: 1) минорное отношение к жизни как бессмысленному и мучительному существованию, 2) мажорное отношение к жизни как источнику удовольствий, 3) мажорное отношение к жизни как способу осмысленной самореализации и служению высшим целям.

Наша классификация базируется на известной модели Пьера Тейяра де Шардена, выделяющего «три изначальные фундаментальные позиции, которые люди выбирают перед лицом Жизни» (Тейяр де Шарден, 1991:109). Для первого типа людей характерным является восприятие человеческого существования, бытия,

жизни вообще как некоего «заблуждения», «неудачи», «плохой игры», в которую они невольно оказываются втянуты, и где главным становится нахождение наилучшего способа выхода из нее. В обыденном сознании эта идея присутствует в различных, зачастую расхожих суждениях о бесполезности человеческих стремлений, постановки целей и приложения усилий для их осуществления, о ненужности прогресса и т.п., и, в конечном счете, о ненужности, бессмысленности самой жизни. Противоположное отношение к жизни свойственно для второй категории людей, бонвиванов или искателей наслаждений. «Быть», «жить» для людей данного типа означает «наполниться текущим мгновением», насладиться каждой минутой жизни, каждой вещью, не упуская ни малейшей детали. Главный же их принцип – не заботиться о переменах, поэтому и будущее для них не существенно: риск в будущем и ради будущего не оправдан. К оставшейся, третьей категории относятся люди, для которых стремление к чему-то большему, чем просто «быть», становится принципом жизни. Для них жизнь – это «восхождение» и «открытие».

Каждой из трех жизненных позиций соответствует свой тип счастья:

1) «счастье покоя» – тихое замкнутое существование, без усилий, без риска, с постоянным ограничением запросов и потребностей. Данному типу счастья чужды порывы (например, французский *élan*).

2) «счастье удовольствия» – непрекращающиеся, постоянно сменяющие одно другое наслаждения, радости, желания, чувства. Не в действии и созидании, а потреблении состоит цель жизни бонвиванов.

3) «счастье роста, развития» – постоянное движение «по восходящей» – предполагает собой направленное в будущее стремление к высшей цели, высшим идеалам. Ценностью становится не счастье, как объект в себе самом, а сам процесс его достижения.

Человек, который умеет жить, по мнению французских респондентов, должен поступать следующим образом и обладать следующими качествами: *optimiste, discret, sociable, attentif, souriant, poli, aimable envers les autres (sans but commercial évidemment), respecte autrui; sait obtenir chaque jours des satisfactions et en procure à son entourage; sait rester léger et agréable; profite de ce que la vie lui apporte; a l'image de savoir-vivre chez ses relations; jouie la vie; a les égards envers les autres; s'épanouit en apportant du positif a autrui; connaît la bienséance; tolérance, respect; l'intelligence du cœur; générosité; sensibilité; tact; amour des autres; savoir aller*

vers les autres; un homme qui ouvre la porte à une femme pour la laisser passer.

В свою очередь человек, который не умеет жить определяется как: *apathique, égoïste, égocentrique, grossier; qui ne dit pas «bonjour» quand il arrive quelque part; manqué de tact; qui ne pas satisfait ni de lui, ni des autres; ne sait pas faire plaisir aux autres et tenir compte des autres; manque de courtoisie; ne sait pas créer une image dans ses relations; se brouille facilement avec des autres; n'a pas d'égard pour l'autrui; qui s'éloigne du bonheur pour lui et autrui.*

В качестве основных характеристик человека, который умеет жить, представители русской лингвокультуры предлагали следующие варианты: целеполагание, целедостижение – *знает, чего хочет в жизни (умеет ставить перед собой конкретные цели и стремится к их достижению); знает пути достижения поставленных перед собой целей; соотносит свои способности с реальностью и возможностями; умеет действовать и принимать решения согласно обстоятельствам;*

характеристики и качества, присущие человеку, который умеет жить – *оптимист, добрый, счастливый, мудрый, гармоничный, жизнерадостный, дружелюбный, оптимист, целеустремленный, умный, находчивый, свободный, добросовестный, работоспособный, коммуникабельный, образованный, воспитанный, самостоятельный; не боится трудностей; уважительно относится к людям; с устроенной личной жизнью (дружная семья); стремящийся к самопознанию; не боится жить; живет не для себя; обладает интуицией.*

В понимании «не умения жить», существующем в русском обыденном сознании, акцентируется личностная неспособность человека достичь жизненного счастья, зависящая от его внутренних качеств: *делает что-то против себя самого; не радуется жизни, не занимается любимым делом; боится показать себя; неуверен в себе; закомплексованный; безвольный, слабый, бесхарактерный; погружен в несущественные проблемы; прожигающий, растрачивающий жизнь попусту; у него ничего не клеится в жизни; не может найти дело по душе; непостоянен; не использует существующие возможности; не хочет прилагать усилий, инертен; несамостоятельный, боится принимать решения; рохля, мамин сынок; непостоянен; ленивый; злобный; пессимист.*

Итак, основываясь на вышеперечисленных трех «позициях перед вызовом жизни», соотнося их с типами представителей исследуемых нами лингвокультур, можно причислить французов ко второй категории – бонвиванам и отметить, что данный тип вос-

приятия жизни вербально обозначается во французской лингвокультуре как *savoir vivre* и является лакунарным для русского языкового сознания. Что касается представителей русской лингвокультуры то, на наш взгляд, можно говорить об относительном их соответствии первому типу жизненных установок.

Совокупность ценностных ориентаций в лингвокультуре представляет собой систему, в которой могут быть установлены основные (доминантные) и второстепенные характеристики. Сумма этих характеристик применима к человечеству в целом, но их приоритетность и специфическая комбинаторика позволяют выделить тот или иной тип культуры. Закрепляясь в языке, эти характеристики приобретают статус своеобразного оценочного кода языка и определяют поведение носителей соответствующей лингвокультуры, их самооценку и их оценку со стороны других этносов. Доминанты французской лингвокультуры обусловлены как национальной психологией французов (их темпераментом, прежде всего), так и особенностями истории Франции. С позиций других народов выделяются типичные французы и француженки, для самих же жителей Франции важными являются не только интегративные этнокультурные признаки, но и существенные типовые региональные и социальные различия. К числу узнаваемых признаков типичного француза относятся, по мнению публицистов, социологов, психологов, такие черты характера, как веселость, бравада, галантность, тонкий вкус, остроумие, обходительность и вежливость, легкость, граничащая с легкомысленностью, умение получать удовольствие от жизни. Эти признаки, при всей их субъективности, обнаруживают взаимосвязь. Интегративным компонентом этих признаков можно считать, по-видимому, общее мажорное отношение к жизни, которое считается нормой коммуникативного поведения.

Отношение к жизни в этико-философском сознании уточняет и развивает основные типы отношения к жизни, свойственные обыденному сознанию. Важной характеристикой этико-философского осмысления жизни является противопоставление жизни и смерти в терминах «смысл», «цель», «ценность». В философской мысли прослеживается пессимистическая традиция (например, Шопенгауэр), оптимистическая эпикурейская традиция и оптимистическая религиозная традиция. Французский экзистенциализм фокусирует внимание на абсурдности бытия, религиозная философия в России и Франции сосредоточена на поиске смысла жизни, лежащем принципиально за рамками обыденной земной жизни и на праведности как способе спасения души, некоторые различия в понимании позитивного смысла жизни коренятся в особенностях

католического и православного христианства. Осмысление жизни как ценности в трудах философов включает, наряду с индивидуально-авторским пониманием ценности бытия, и заданные языком (и шире – лингвокультурой) ценностные ориентиры.

Концепт *savoir vivre* вербально выражается как группа слов, объединенная признаковым комплексом «получать удовольствие от жизни». Специфика этого концепта заключается в том, что данный признаковый комплекс не образует тематической группы слов, а представляет собой кластерное образование, в котором выделяются значения «удовольствие», «хороший тон и вежливость», «такт», «галантность».

Анализ словарных статей толковых словарей русского языка позволил выявить следующие значения концепта «жизнь»:

1. Особая форма существования материи, возникающая на определенном этапе ее развития, основным отличием которой от неживой природы является обмен веществ (биологический аспект) – *возникновение жизни на земле, жизнь растительного мира*;

2. Физиологическое состояние живого организма (человека, животного, растения) от зарождения до смерти (в данном случае смерть противопоставляется жизни в значении «прекращение существования живого организма (человека, животного, растения)» – *дать жизнь, беречь жизнь, отдать жизнь за кого-либо*;

3. полнота проявления физических и духовных сил как внутренних (*полон жизни, в нем много энергии, много жизни*), так и внешних (*в его глазах столько жизни!; В чертах у Ольги жизни нет* (Пушкин));

4. Период существования кого-либо от рождения до смерти (*долгая, короткая жизнь; в начале, в конце жизни*):

1) ограниченный определенными временными рамками период существования кого-либо – *жизнь у друзей запомнилась надолго; три месяца деревенской жизни подходят к концу*;

2) совокупность всего пережитого и сделанного человеком – *его жизнь богата событиями*;

5. Образ существования, установившийся порядок в повседневном существовании – *жить яркой, увлекательной жизнью; городская, бродячая, семейная, частная жизнь*;

6. Деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях, в различных областях, сферах – *общественная, хозяйственная, духовная жизнь; жизнь государства*;

7. Реальная действительность, бытие – *в жизни я с ней не встречался*;

8. Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ – *жизнь на базаре кипит во всю*.

Во французском языке в качестве значений концепта «la vie» представлены следующие:

1. особая форма существования материи, физиологическое состояние живого организма (животного, растения) (*ensemble des phénomènes assurant l'évolution de tous les organismes animaux et végétaux depuis la naissance jusqu'à la mort*) – *la vie est apparue sur la Terre il y a environ quatre milliards d'années*;

2. человеческое существование (*existence humaine*) – *être en vie, donner la vie*;

3. жизненная энергия, жизнеспособность, оживление, живость (*vitalité, entrain*) – *un enfant plein de vie*;

4. промежуток времени (длительность) от рождения до смерти (*durée de l'existence, temps qui s'écoule de la naissance à la mort*) – *sa vie a été courte*: этапы жизни (*les périodes de la vie*) – *les âges de la vie; au matin, au soir de la vie*;

5. течение жизни, события, которые ее наполняют (*cours de l'existence, événement qui le remplissent; conduite, mœurs (biographie)*) – *mener une vie tranquille, vivre sa vie, il a écrit une vie de Beethoven*;

6. стоимость жизни (*coût de la subsistance, de l'entretien*) – *la vie est de plus en plus chère*;

7. человеческая деятельность (*activité humaine*) – *la vie littéraire, sportive, spirituelle*;

8. оживление, активность (*amination, activité*) – *quartier où règne une intense vie nocturne*;

9. другая жизнь, жизнь на том свете (*l'autre vie, la vie éternelle (ce qui suit la mort; le paradis, l'enfer, le purgatoire)*) (религиозный аспект).

Мы видим, что в дефинициях словарей значения слов «жизнь» и «vie» практически полностью совпадают, различия касаются отдельных подзначений («стоимость жизни» и «жизнь на том свете»), которые в толковых словарях русского языка не отражены, но наличествуют в русском языковом сознании. Отметим, что значение «умение жить» не зафиксировано в содержании рассматриваемых слов, но ассоциативно связано со значениями «полнота проявления жизни» и «образ существования».

Отношение к жизни является по своей природе антиномией: в ценностном отношении жизнь неразрывно связана со смертью. Важнейшим признаком жизни, ее физико-биологической основой является протяженность жизни во времени, ее конечность. Возможность получать удовольствие от жизни ассоциативно связана,

по данным ступенчатой идентификации словарных определений, со следующими признаками:

1) оптимальный возраст для получения удовольствия – молодость. Бинарная оппозиция «молодость» – «старость», представляет собой одной из условий, которое позволяет или не позволяет человеку наслаждаться жизнью, получая от нее удовольствия. Старость, как предвестник смерти, пугает людей, что соответственно вызывает негативное к ней отношение: *По любви к жизни нам старость желанна; от страха же смерти нам старость страшна* (Лабрюйер). Как завершающий этап жизни, старость лишает человека устремленности в будущее: *Под старость глаза перемещаются со лба на затылок: начинаешь смотреть назад и ничего не видеть впереди, т.е. живешь воспоминаниями, а не надеждами* (Ключевский). Во французской афористике четко прослеживается идея неприятия старости как того, что препятствует получению удовольствий и наслаждения жизнью в полной мере: *Старость создана для того, чтобы получать огорчения* (Вольтер).

2) важнейшая смысложизненная эмоция, определяющая жизнь как ценность, – любовь. Являясь смежным с лингвокультурным концептом *savoir vivre* понятием, а так же основной составляющей концепта «счастье» (см. Воркачев, 2003), любовь представляется важным условием для оценки жизненности человека (здесь принимается во внимание как наличие любви вообще в жизни человека, так и умение человека любить): *Наша жизнь состоит из любви, и не любить – значит не жить* (Санд); *Любовь! ты – жизнь, как жизнь – всегда любовь* (Северянин). Именно любовь, как показали результаты опроса франкоговорящих информантов, наравне с родственными отношениями, дружбой, занимает приоритетное место в системе жизненных ценностей у представителей французской лингвокультуры. Ни достижение социального успеха, ни материальное положение не являются столь важными для достижения полного счастья в жизни, как любовь: *Счастье в одиночестве – неполное счастье* (Дюма-отец);

3) физическое состояние, здоровье как условие получения удовольствия от жизни: *У каждого человека бывает три молодости: молодость тела, молодость сердца и молодость ума. К несчастью, они никогда не совпадают* (Фенелон);

4) врожденная способность радоваться жизни, ощущать ее вкус: *Чувство жизни относится к вещам, которые сами по себе доставляют удовольствие, потому что жизнь – благо по природе* (Аристотель); *Без песен и вина жизнь даром пропадает!* (Бомарше),

5) получение социального одобрения в виде дружеских отношений, уважения. Важность наличия уважения как основы человеческих отношений подчеркивается в афористике: *Не надо забывать старого правила: кто хочет, чтобы с ним уважительно обходились другие, тот прежде всего должен уважать сам себя* (Лесков).

6) способность нейтрализовать отрицательные стороны жизни с помощью юмора. Французской культуре присуща некая детскость, и в качестве образа можно представить себе смеющегося ребенка: *Ребенок не может жить без смеха. Если вы не научили его смеяться, радостно удивляясь, сочувствуя, желая добра, если вы не сумели вызвать у него мудрую и добрую улыбку, он будет смеяться злобно, смех его будет насмешкой* (Сухомлинский). Именно такие два типа смеха присущи французам – искренний, беззлобный детский смех и острый, колкий, насмешливый. Французское остроумие, веселость, юмор, играющий важную роль в жизни французов, представляется в качестве достаточно надежного средства не только борьбы с унынием, пессимизмом, но и средством противостояния смерти: *Когда придется мне сводить земные счета, // С остротой на устах я встретить смерть хотел* (Ростан);

7) способность доставлять удовольствие другим людям. Получение радостей от жизни для себя во французской лингвокультуре некоторым образом противопоставляется умению доставлять радость другим и важна не столько идея «уважения к другому», как своего рода невмешательство, не заинтересованность в жизни другого человека, сколько искренне стремление человека принести радость ближнему: *Радость, доставляемая нами другому, пленяет тем, что она не только не бледнеет, как всякий отблеск, но возвращается к нам еще более яркой* (Гюго).

Антипод жизни – смерть – в обыденном сознании (в отличие от этико-философского) соотносится не с небытием и не с рождением, а с процессом жизни. Соответственно, важнейшие характеристики смерти, выделяемые в значениях слов, связаны со страхом (невозможность жить и получать удовольствие от жизни), неизбежностью смерти (стремление получить удовольствие сейчас, пока это еще возможно), болезнью, которая может привести к смерти (физическое мучение как антипод удовольствия), внезапностью и неподконтрольностью смерти (ограничение возможности беспечно радоваться жизни), причинением смерти другим и себе (лишение жизни как тягчайшее преступление).

Анализ французских и русских фразеологических единиц, обозначающих отношение к жизни, показывает, что концепт *savoir*

vivre сочетает в себе признаки «отношение к жизни» и «манера жизни». Русские фразеологические единицы раскрывают этот концепт более образно, чем французские. Основные оценочные характеристики рассматриваемого концепта во фразеологическом воплощении сводятся к позитивным признакам «честно» (*жить по совести; vivre en bonne conscience*), «благополучно» (*как сыр в масле кататься; vivre comme un coq en pâte*), «в полную силу» (*жить на всю катушку; déborder de vie*), «занимая высокое положение в обществе» (*высоко летать; faire autorité*) и негативным признакам «бесцельно» (*даром есть хлеб, копнуть небо; gâcher sa vie, brûler la chandaille par les deux bouts*), «за чужой счет» (*есть чужой хлеб; vivre sur la bourse d'autrui*), «безрадостно» (*маячить жизнь; mener une vie morne, monotone*), «бедно» (*перебиваться с хлеба на квас, перебиваться из кулька в рогожку, влачить жалкое существование; une vie de chien, vivre comme une larve, ne vivre que de carottes*), «легкомысленно» (*срывать цветы удовольствия, жить в свое удовольствие; cueillir les roses de la vie, mener joyeuse (la grande) vie*), «в отрыве от реальности» (*витать в облаках; vivre dans les nuages*), «деградируя» (*обрастать мхом; être tombé bien bas*). Оценочные признаки «честно» – «за чужой счет», «благополучно» – «бедно», «в полную силу» – «безрадостно», «занимая высокое положение» – «деградируя» являются антонимичными. Признаки «бесцельно», «легкомысленно» и «в отрыве от реальности» не имеют идиоматических позитивных соответствий, и это не случайно, поскольку осмысленная, серьезная и реальная жизнь в коллективном сознании выступает в качестве нормы, чего нельзя сказать, например, о благополучной жизни.

В коллективном языковом сознании противопоставляются способность и умение радоваться жизни, способность не контролируется, а умение контролируется и вырабатывается. Соответственно, оценка способности и умения радоваться жизни отчасти различаются. Общество с сожалением относится к тому, кто не способен радоваться жизни (этот признак в большей мере акцентируется во французской и в меньшей мере в русской лингвокультуре) и осуждает тех, кто 1) радуется жизни неподобающим образом, не обращая внимания на других (этот момент четко прослеживается в нормах русской лингвокультуры), 2) мешает другим получать удовольствие от жизни (этот признак характерен как для французской, так и для русской лингвокультуры). Умение жить – *le savoir-vivre* – представляет собой сплав норм светского поведения и получения удовольствия от соблюдения этих норм. Этот концепт является социально маркированным и характеризу-

ет лишь часть общества – изначально аристократию, а затем тех, кто имеет хорошее образование и воспитание. В афористике и художественной литературе именно этот аспект умения жить получает детальное освещение.

Анализ синонимических словарей французского языка позволил выявить следующие лексические единицы, соотносящиеся с ядерными и периферийными значениями *savoir-vivre* (всего 25 единиц): *acquis; amabilité; bienséance; civilité; convenance; correction; courtoisie; décence; délicatesse; discrétion; doigté; éducation; égards; élégance; entregent; étiquette; finesse; formes; habilité; manières; politesse; sociabilité; tact; urbanité; usage*. Из них наиболее близкими к ядру значения рассматриваемого лингвокультурного концепта представляются следующие: *politesse, tact, bienséance, civilité, convenance, courtoisie, délicatesse, usage, éducation, décence*.

Что касается объективации французского лингвокультурного концепта *savoir-vivre* в русском языке, то в качестве коррелятов можно выделить следующие: *вежливость, учтивость, умение вести себя, благопристойность, корректность, умение, сноровка, ловкость*. Данные результаты были получены на основе анализа русских эквивалентов французских концептов, составляющих синонимический ряд лингвокультурного концепта *savoir-vivre*, на предмет частотности их употребления при описании исследуемой ментальной единицы.

Концепты «вежливость» и «такт» наиболее полно соответствуют значению лингвокультурного концепта *savoir-vivre*, и анализ их репрезентаций в художественной литературе позволяет выявить некоторые особенности лексической сочетаемости «*le savoir-vivre*», что в свою очередь позволяет уточнить смысловую структуру этого концепта.

Основным параметром при определении концептов «вежливость» и «невежливость» выступает «уважение» (его проявление или отсутствие). Принимая во внимание данный критерий, проявление невежливости заключается в намеренном или ненамеренном отведении собеседнику более низкой роли, чем есть на самом деле, неуважительность к нему. В свою очередь под вежливостью понимается всякое проявление уважительности к собеседнику, отведение ему той роли, которая соответствует его признакам, или даже некоторое повышение его статуса, когда с ним учтивы или галантны.

В структуре лингвокультурного концепта «вежливость» выделяется такой параметр, как «степень», определяющийся в соответствии с принятой в том или ином обществе так называемой

нормой вежливости, например, образцовая: «*Vous qui êtes d'une politesse parfaite avec tout le monde, pourquoi n'avoir pas paru avant-hier au bal de Mme de Claix?*» (Гюисманс) – «Почему Вы, кому свойственна образцовая вежливость по отношению ко всем, позавчера не появились на балу у мадам де Клэ?». Отклонение от нормы вежливости (уменьшительная или превосходная степень) воспринимается в большинстве случаев с настороженностью, как обида (если субъект считает, что к нему проявлена не та степень вежливости, которую он заслуживает): как недостаточная, так и преувеличенная. Иногда, впрочем, проявление особой, подчеркнутой вежливости располагает к себе человека.

Умение жить во французском и русском языковом сознании сориентировано на разные модели поведения: для французской культуры приоритетным является соблюдение правил приятного общения, превращение такого общения в тонкое искусство и источник удовольствия, демонстративность и публичность умения жить, в то время как для русской лингвокультуры приоритетным является искреннее поведение, при этом этикетность рассматривается как препятствие для искреннего общения и сближения, в общении русским свойственно искать не удовольствие, а взаимопонимание, и поэтому светская приятная беседа считается пустым времяпрепровождением. Из этого принципиального различия вытекает вывод о разном социальном стереотипе общения в сравниваемых лингвокультурах: если французская модель поведения сориентирована на нормы поведения аристократии и среднего класса, то современная русская модель поведения – на нормы общенародного поведения, свойственного демосу. Разумеется, представители французского демоса ведут себя в значительной мере так же, как и представители демоса в России. Но важно то, что в современной Франции престижным является стиль поведения, сориентированный на соблюдение норм хорошего тона, чего нельзя сказать о стиле поведения в современной России.

Понимание «умения жить» в значительной степени отличается в двух исследуемых лингвокультурах. Для русского сознания характерно восприятие качества «умение жить» и субъекта-носителя этого качества в негативном аспекте в силу того, что «умение жить» трансформируется в «умение выживать», причем не всегда честно. Во французской лингвокультуре умение жить оценивается положительно. Основание для подобного восприятия жизни обнаруживается при исследовании характерных черт национального характера французов, выражающихся, прежде всего, во «врожденной» склонности представителей французской лингвокультуры ко всякого рода удовольствиям во всех их прояв-

лениях. Концепт *savoir vivre* конкретизирует одну из доминант французской лингвокультуры – мажорное восприятие жизни. Улыбка как выражение удовольствия от жизни является самым ярким проявлением образной стороны рассматриваемого концепта.

Французский национальный характер достаточно противоречив. Противоречия проявляются и на уровне исследуемого в данной работе концепта: с одной стороны, стремление к получению удовольствия, легкость, даже скорее легкомысленность, порыв, веселость, свобода, с другой, правила, предписания поведения в обществе (*le savoir-vivre*), выступающие своего рода ограничителем в достижении «радости жизни». Ставшее внутренней потребностью желание «играть на публику», «потребность в аудитории» в определенной мере отражается на отношении к таким, по определению положительным, человеческим качествам как вежливость, учтивость, тактичность и т.п., придавая им негативную окраску как проявлению неискренности.

Апелляция к правилам хорошего тона, умению вести себя в обществе и качествам, к ним относящимся (например, вежливость, учтивость, образованность), не ассоциируется в русском языковом сознании с умением жить (44% французских респондентов подчеркивают связь между умением жить и умением вести себя в обществе, в то время как только 8% русских информантов отмечают эту связь).

В свою очередь в понимании «*savoir vivre*» представителями французской лингвокультуры отсутствует элемент целеполагания и целедостижения. На наш взгляд, данные расхождения можно объяснить принадлежностью французов и русских к «разнонаправленным» («разноориентированным») типам культур во временном отношении: для французской лингвокультуры характерным является ориентир на настоящее (здесь и сейчас, жить одним днем), русской лингвокультуре свойственна большая связь с прошлым и будущим.

Во французском сознании при определении «неумения жить» акцентируется неспособность человека ладить с окружающими, его направленность на себя (эгоизм, эгоцентризм), пассивность, неумение получать самому удовольствия от жизни и приносить радость другим, незнание или несоблюдение установленных в обществе правил поведения (отсутствие таких качеств как такт, вежливость, любезность, учтивость).

В русской лингвокультуре, в отличие от французской, с «умением жить» связывается целый ряд лингвокультурных концептов, представляющих собой так называемые антиценности – под-

лость, ложь, предательство, подхалимаж, нечестность и т.п. «Неумение жить» по-русски ассоциируется с отсутствием цели в жизни и отрывом от реальности. Человека, не умеющего жить, в русской культуре часто жалеют, ему сочувствуют (полагая, что он сам не виноват в сложившихся обстоятельствах, что такова судьба – важнейший концепт в русском языковом сознании). Человека, не умеющего жить, во французской культуре презирают, обвиняя его в эгоизме, невоспитанности и бестактности, т.е. в тех проявлениях характера, которые мешают другим получать удовольствие от жизни и которые следует корректировать.

В этико-философском сознании отношение к жизни тесно связано с отношением к смерти (в символическом смысле – как к небытию, потере смысла либо грехопадению) и к категории времени. Темпоральная ориентация жизни в культурологическом плане позволяет отнести некоторые культуры к ориентированным в прошлое, некоторые – в настоящее, некоторые – в будущее. Французская культура (и лингвокультура в частности) сориентирована на настоящее, русская культура – на прошлое и будущее (маркированным для русского сознания является отсутствие ориентации на настоящее, данное и наличие ориентации на должное).

Отношение к жизни как в обыденном, так и в этико-философском сознании является телеономным концептом (по С.Г.Воркачеву) и осмысливается в виде антиномии «жизнь – смерть». Если в биологическом смысле смерть противопоставляется рождению, то в обыденном сознании смерть является антиподом жизни. Концепт-антиномия представляет собой особый тип концептов, приближающихся к философским категориям как по своей сущности, так и по структуре. Будучи концептом, т.е. ментальным образованием, включающим не только образно-понятийный, но и ценностный компоненты, отношение к жизни является амбивалентным в оценочном плане.

Положительную оценку в умении жить получает общая оптимистическая установка человека, отрицательную оценку – сопутствующие этой установке отрицательные качества личности. Неумение жить оценивается либо отрицательно (во французском языковом сознании), либо сопровождается дополнительной положительной оценкой сочувствия (в русской лингвокультуре).

Концепт *savoir vivre* представляет собой кластерное образование, в котором можно выделить следующие оппозитивные отношения: умение жить – способность получать удовольствие от жизни, умение жить – организация своей жизни по правилам хорошего тона, умение жить – умение выживать, умение жить –

умение создавать впечатление благополучной и счастливой жизни, умение жить – направленность на высшие идеалы и ценности. Рассматриваемый концепт тесно связан с концептами «молодость», «любовь», «здоровье», «вкус», «дружба и уважение», «юмор».

В качестве модельной личности, воплощающей в себе совокупность представлений о типичном человеке, умеющем получать удовольствие от жизни здесь и сейчас, выступает концепт *bon vivant* – бонвиван. Сам факт обращения к французскому заимствованию в русском языке свидетельствует о яркой французской специфике этого концепта.

В составе концепта *savoir vivre* выделяется четко осознаваемый франкофонами субконцепт *le savoir-vivre*, понятийное содержание которого сводится к этикетному умению вести себя в соответствии с требованиями света. Вежливость и тактичность, деликатность и тонкость в общении воспринимаются во французской лингвокультуре как необходимые условия социального успеха, как статусные знаки и выходят на уровень искусства, высокой степени совершенства. Этот компонент умения жить является лакунарным для русской лингвокультуры.

Оценочные характеристики рассматриваемого концепта во фразеологическом выражении сочетают в себе признаки «отношение к жизни» и «манера жизни» и могут быть сгруппированы в два класса: антонимические признаки и негативные признаки, не имеющие позитивных соответствий.

Концепт *savoir vivre* является своеобразным маркером специфики французской лингвокультуры в ее сравнении с русской и позволяет выделить доминанты культуры, определяющие склад мышления и поведение французов и русских. К числу таких культурных доминант относятся 1) эмоциональная установка мажорного либо минорного отношения к действительности, 2) тактичность либо искренность как ведущая стратегия общения, 3) агентивность либо неагентивность как ведущая характеристика субъекта.

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Концепт *savoir vivre* – «умение жить» – представляет собой сложное ментальное образование, образный компонент которого – это улыбка удовольствия, связанного с удовлетворением обычных земных потребностей в общении, любви, движении, еде, узнавании нового, понимании красоты, моды и т.д. Понятийный компонент – это разновидность отношения к жизни, противопоставляемого 1) отношению к смерти, 2) пессимизму и необходи-

мости выживать, 3) необходимости имитировать веселье, 4) радости от выполнения долга и от осознания перспективы; он включает в качестве важнейших признаки 1) «телесная радость», 2) вкус, 3) жизненная мудрость, 4) вежливость, 5) галантность. Ценностный компонент – это мажорное отношение к жизни как доминанта французской лингвокультуры и регулятив французского коммуникативного поведения.

Отношение к жизни в этико-философском сознании представляет собой развитие этого отношения в обыденном сознании и уточняется в следующих направлениях: 1) жизнь как реализация высших целей, противопоставляемая абсурду (небытию), 2) жизнь как удовольствие, противопоставляемая мучению и скуке, 3) жизнь как переход к бессмертию, противопоставляемая грехопадению (духовной смерти). Французская философия экзистенциализма сосредоточена на осмыслении жизни в контрасте с абсурдом и мучением, русская философия – на понимании жизни по законам справедливости и осмысленности. Этико-философское развитие концепта «отношение к жизни» во французской и русской лингвокультурах обусловлено ценностными доминантами этих культур, заданными в языке.

Концепт *savoir vivre*, являясь специфическим для французской лингвокультуры и лакунарным для русской, вербально обозначается словосочетаниями *savoir vivre* и *bon vivant*, которые характеризуют способность человека получать удовольствие от жизни и тип соответствующей личности (бонвиван). Этот концепт во французском языковом сознании является оценочно амбивалентным: положительно оценивается оптимизм и легкость в общении, отрицательно – поверхностность и несерьезность; в русской лингвокультуре отрицательное отношение к этому концепту превалирует. В составе этого концепта выделяется статусно-значимый компонент – этикетное умение вести себя в соответствии с требованиями света (*comme il faut*), именно этот смысл получает развитие во французской афористике. Для французов вежливость – это искусство, для русских – выражение искреннего уважения.

Литература

Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.

Грабарова Э.В. Жизнь и смерть как культурные концепты // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф., посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Волгоград, 3-4 февраля 2000 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2000. С. 16-17.

Грабарова Э.В. Об этнокультурном осмыслении агрессии как влечения к смерти // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21-22 ноября 2000 года. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2000. С. 139-140.

Грабарова Э.В. Концепт «смерть» в русской и французской паремиологии // V регион. конф. молодых исследователей Волгоградской области. Волгоград, 21-24 ноября 2000 г.: Тез. докл. Напр. 12 «Филология». Волгоград: Перемена, 2001. С. 43-46.

Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. / ВГПУ – Волгоград: Перемена, 2001. С. 71-78.

Грабарова Э.В. Отношение к жизни в русской паремиологии // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2002. С. 192-196.

Грабарова Э.В. Лексикографические характеристики лингвокультурного концепта *savoir-vivre* // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2003. С.64-68.

Грабарова Э.В. Культурный концепт как окно к изучению этнокультурных особенностей менталитета // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: В 2 ч. Ч.2. Тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С.9-10.

Грабарова Э.В. Концепт "*savoir-vivre*" во французской лингвокультуре и его русские соответствия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Тейяр де Шарден П. О счастье // Человек. 1991. № 2. С. 108-115.